

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

XIV

SZEGED
1981

Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata

XIV

Redigit

Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat

Sándor Kónyi

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.

HU ISSN 0586-3737 Diss. Slav.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА РУБЕЖЕ СРЕДНИХ
ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Адам Фейер

Несмотря на то, что классический период русской литературы приходится на вторую половину XIX-ого века, разработкой концепций, охватывающих русскую культуру в целом, занимаются в настоящее время скорее исследователи средневековья. Применяемые при анализе литературы нового времени методы исследования ограничены: они в сущности не дают, или почти не дают, возможности "перекинуть мост" между веками, и, хотя сопоставление произведений русской культуры с современными явлениями европейской культуры каждый раз подтверждает неповторимую оригинальность русского романа - этого представительного жанра русской классики - мы ощущаем, что у нас нет таких методов исследования, которые убедительно показали бы существующую преемственность между средневековой русской культурой и европеизированной русской литературой нового времени. Не требует доказательств тот факт, что анализ русского романа в отрыве от всей национальной культуры не может считаться полноценным, и в той же мере ясно, что без привлечения к анализу явлений классического периода вопросы русской культуры в целом не могут получить удовлетворительного разрешения.

В настоящее время в русистике противостоят друг другу две культурно-исторические концепции: концепция крупнейшего исследователя истории древнерусской литературы Д.С. Лихачева и концепция недавно скончавшегося, признанного специалиста по истории средневекового и византийского искусства В.И. Лазарева. Согласно мнению Д.С. Лихачева, в русском обществе на рубеже XIV-XV-ого веков, по существу одновременно с начавшимся в других частях Европы брожением, статичная средневековая картина мира становится подвижной, и начинается такой процесс развития, в котором, несмотря на своеобразие восточно-европейских отношений, можно все-таки выявить характерные для истории европейской культуры нового времени периоды и явления. В.И. Лазарев полагает, что период нового времени тогда еще не наступил на Руси, он

заставил себя ждать многие века, доказательством чего является тот факт, что начиная с XV-ого века, в противовес новым явлениям, отчетливо вырисовывается тенденция все усиливающегося подавления личности. Выступая по поводу искусства эпохи Рублева, которую Д.С. Лихачев определяет как Проторенессанс, В.Н. Лазарев следующим образом оспаривает мысль об историческом рубеже веков: приметы Ренессанса - "... смелый разрыв с традицией, победа светского духа над церковным, живой интерес к реальному миру и к реальному человеку, подчеркивание в образе человека всего земного, настойчивые поиски новых средств художественного выражения - перспективы, светотеневой моделировки, антропоцентрических пропорций, появление трактатов, формулировавших новые положения ренессансной эстетики, прошедшей через "чистилище наук". Вот почему совершенно неправомерно применять термин "Предвозрождение" к древнерусской культуре рублевской и предрублевской поры". "Сильные стороны искусства рублевской поры в ином - в высокой поэтичности, в чистоте и непосредственности чувства, в глубоком уважении к категориям этического порядка, в подкупающем и современного человека оттенке наивного простодушия и добросердечия. Но ни одна из этих черт не является специфически ренессансной чертой,..."¹. Проследим еще на одном примере столкновение концепций Д.С. Лихачева и В.Н. Лазарева. Лихачев вновь отмечает черты Проторенессанса: "Абстрактный психологизм", свойственный южнославянскому стилю в литературе, сказывается и в живописи этого времени. Новгородские и псковские фрески XIV века отличаются преувеличенной эмоциональностью, экспрессивностью, попытками передать стремительное движение, абстрагировать образы людей и самый архитектурный стаффаж, сделать и то и другое как бы невесомым, движущимся в абстрактном пространстве, и изобразить фигуры людей как бы летящими по воздуху в экстатическом порыве с сильно развевающимися одеждами, внести общий ритм во всю композицию росписи и т.д."²

¹ В.Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. Изд. "Наука", М., 1970, стр. 311.

² Д.С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.-Л., 1962. стр. 116.

"Можно согласиться, правда с некоторыми оговорками, - пишет В.Н. Лазарев, - с правильностью этой характеристики, но какое все это имеет отношение к подлинному Проторенессансу, чьи мастера стремились как раз к обратному - не к абстрагированию образов людей, а к сближению их с реальностью, не к абстрактному, а к конкретному трехмерному пространству, не к преувеличенной эмоциональности, а к душевному равновесию, не к экстазическим порывам - а к ясному спокойствию." ³ Доводы В.Н. Лазарева неопровержимы: едва ли имеет смысл говорить о Ренессансе, искать аналогию между русским искусством и европейским, - начавшим развиваться под знаком нового времени. Однако, приняв доводы исследователя, мы должны признать, что остается нерешенной важная проблема: как расценивать тот, несомненно новый, феномен /побудивший Лихачева, как мы могли убедиться, - без достаточных оснований - прибегнуть к термину "Проторенессанс"/, которым является искусство эпохи Рублева по сравнению с традиционным искусством предшествующих веков? То определение, которое в противовес Лихачеву предлагает Лазарев, - "эпоха расцвета русской культуры средневековья" - не достаточно точно: не ясно, что следует под ним понимать.

В отличие от Лихачева, Лазарев признает за русской культурой большую степень оригинальности, считая ее не одним из вариантов "классического" западно-европейского развития, а открывая в ней скорее противоположные этому развитию тенденции. Стремление к познанию явлений этой культуры представляется вполне обоснованным. Проблематичным, однако, является то, что оригинальность русской культуры нового времени в концепции Лазарева в конечном итоге имеет негативный характер: в русской культуре отсутствует формирующаяся в процессе западно-европейского развития ценностная категория - индивидуальная свобода. Это странное положение объясняется тем, что В.Н. Лазарев, установив факт противоположной европейской направленности разви-

³ В.Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. стр. 312.

тия русской культуры нового времени, предъявляет к ней западно-европейские требования, считая свободное развитие личности абсолютной нормой. Может быть, именно в "не специфически ренессансных" чертах, объясняющих силу искусства Рублева, - в высокой поэтичности, в чистоте чувства, в простоте душевных движений, или в тех художественных устремлениях - противоположных ренессансным, но все же безусловно новых, - которые проявились в псковских, новгородских фресках XIV века, - следует искать позитивное определение самобытности русской культуры нового времени, ценностный критерий для явлений ее искусства и литературы. Достоверно ли, что такие определения, как "конец средних веков" и "начало развития в западно-европейском смысле" имеют одно и то же содержание, и, если мы не говорим о последнем, то и первое не может иметь места? Факты и ждущие своего освещения проблемы заставляют нас отказаться от известной стереотипизации культурно-исторической традиции и, исходя из искусства эпохи Рублева, сделать заключение о конце средневековья, за которым не последовало развития в западно-европейском смысле этого слова, усмотрев в этом явлении начало эпохи русского нового времени, к которому не применимы культурно-исторические определения, принятые в Западной Европе.

Поскольку в Западной Европе новое время характеризовалось развертыванием способностей индивидуума, продуцирующее искусственные противоречия мышление было склонно рассматривать средневековье в качестве всего лишь "душителя" индивидуальности. Однако, принцип индивидуализации вовсе не чужд средневековью; в конечном итоге даже в так называемые "мрачные века средневековья" не было и речи о бесчеловечном подавлении личности. Жесткие догматические предписания были направлены не против индивидуальных начинаний, а имели целью поддержание равновесия между индивидуумом и коллективом, между личностным и общественным принципами. Было бы ошибкой усматривать характерные признаки средневековья в тех мероприятиях, которые проводились в целях поддержания этого равновесия. Однако, типично средневековым надо признать убеждение, согласно которому противоре-

чие между индивидуумом и коллективом реально, на практике, в этом земном мире неразрешимо. Сознанием неразрешимости этого противоречия объясняется средневековое застывшее дуалистическое видение мира, представление о трансцендентном мире, существующем над этим земным, погруженным в противоречия миром. О начале нового времени свидетельствуют колебания в дуалистических взглядах, интенсивность усилий, направленных на реальное преодоление противоречий. Таким образом, можно говорить о начале нового времени, не выдвигая принцип индивидуализации на передний план, рисуя положение таким образом, что в этом случае усилия, направленные на преодоление противоречий, указывают на коллективный принцип. Нам представляется, что в восточной части Европы новое время наступило под знаком коллективного принципа.

Изменения, повлекшие за собой формирование русской мысли нового времени, восходят к византийским начинаниям⁴. Целый ряд политических неудач, постигших Византийскую империю, убыль некогда могущественной власти императора положили начало брожению в обществе, столь ревниво оберегавшем свои традиции. Эти неудачи так чувствительно отразились на византийском мышлении потому, что в отличие от населения других государств Европы, византийцы считали христианами не только себя, но склонны были считать христианским, т.е. святым, неприкосновенным, и само общество, собственное государственное устройство. При создавшихся обстоятельствах сознание своего превосходства в византийском обществе перешло в сферу культуры; тщательное культивирование духовных ценностей античного мира уравновешивало гибель материальных ценностей. Неозллизм, т. наз. Палеологовский Ренессанс, не отразил, в отличие от настоящего Ренессанса - итальянского, противоречия между средневековьем и античностью: заново открытые античные авторы служили у представителей этого движения не воскрешению критического духа, а удовлетворению насущной потребности усомнившегося в своей самооценке

⁴ При изложении вопросов истории идей в Византии мы опирались на работу В.Н. Лазарева: Феофан Грек и его школа. М., 1961.

византийского мышления, в том смысле, что византийские "гуманисты" считали империю - эту типично средневековую формацию - духовным наследием античного мира.

Хотя Палеологовский Ренессанс не стремился к нововведениям, он все же поколебал строгую систему византийского мышления. В течение веков церковь, сохраняя дуалистическое представление о мире, подчеркивая недосыгаемость трансцендентного мира, тем самым как бы уравнивала ходячие представления об освященности мирской власти. Если ранее надежды и ожидания светской власти ограничивались духовным сопротивлением тех, кого она вела за собой, то на аристократическое движение гуманистов, перенесших традиционную идею империи в духовную сферу, власть церкви над душами не могла оказывать какого-либо влияния. При создавшемся положении для поддержания христианского дуализма нужно было найти новые средства, и эта потребность вызвала к жизни движение исихастов. Хотя исихазм, так же как и другие мистические течения, пытался установить непосредственную связь с божеством, минуя церковный обряд, он не привел, в отличие от западных движений, к обновлению религиозной жизни, направив свои усилия на защиту догм, на поддержание чистоты ортодоксальной веры. Его роль заключалась не в том, чтобы вызвать перевес интимных, индивидуальных факторов в религиозной жизни, а в том, чтобы в духе столь характерного для византийского мышления "мистического материализма" - выдвинув на первый план мысль о сверхчувственном опыте - распространить жесткий дуализм и на пробудившуюся духовную жизнь. Эту цель преследует и положение Григория Паламы, ведущего представителя движения, согласно которому, с одной стороны, воспринимаемый в видениях свет является "несотворенным", т.е. через этот свет мистик входит в соприкосновение с божеством, с другой же стороны - бог - по своей сути не тождественен свету, в котором проявляет себя лишь энергия божественной сущности, эманация божества.

С победой исихастов над гуманистами разрешилась имеющая долгую историю полемика между представителями двух направлений в истории византийской церкви - зилотами и т. наз. политиками.

Первые - выделяясь своей нетерпимостью, своим фанатизмом - защищали идею независимости церкви от государственной власти даже ценой опасности, угрожающей государственному порядку; вторые - проявляли умеренность в вопросах религии, лояльность по отношению к власти. Разрешение дискуссии ускорило то обстоятельство, что власть империи была поколеблена. С одной стороны, в виду внешних опасностей и политических затруднений интересы государства требовали соглашения с Западом, с другой стороны, было очевидно, что воссоединение с Европой, стоящей на пороге нового времени, должно было привести к отказу от ортодоксальной веры. Прекрасные мечты византийских гуманистов о том, что Европу удастся вовлечь в магический круг эллинизма одной лишь притягательной силой идей, вызвали вполне законное недоверие в византийских церковных кругах и остались непонятными для остальной массы верующих.

Победа сторонников исихазма для государственной власти оказалась роковой: она окончательно подтвердила неспособность заставшей средневековой структуры к обновлению. Однако, было бы бессмысленно видеть в совершившемся повороте трагедию, в духе романтического истолкования истории, так как отказ от защиты государственных интересов одновременно означал утверждение нашего свое выражение в ортодоксальности византийского духа и духовное сплочение христианских масс перед надвигающейся опасностью турецкого насилия. Они должны были хранить духовное наследие некогда цветущей империи, так как, хотя Европа с радостью приняла покинувших родину византийских гуманистов, их участие в чужой среде было переосмыслено, и, в качестве критики собственных заблуждений, они выполняли свою духовную миссию, став сподвижниками западной индивидуализации, итальянского Ренессанса.

Движение исихазма, так же как движение его духовных противников, не было ограничено пределами Византии, и если гуманисты были приняты на Западе, то исихасты нашли сторонников на Востоке, но как те, так и другие - отошли от своих первоначальных задач в изменившихся условиях. Русский отклик на исихазм документально запечатлен в возникшем в середине XIV-ого века

"Послании Василия Калики Феодору Доброму". На автора Послания, Василия, очевидно, оказали влияние идеи Паламы: его страстно занимает проблема познания бога, проблема "мысленного рая". Василий не считал себя последователем византийских мистиков, и в том, что он не хотел принять учения о духовном приобщении к трансцендентному, было, на первый взгляд, нечто старозаветное, но в пылу полемики, возможно как раз под влиянием оспариваемой им точки зрения, он и сам отступает от традиционных средневековых взглядов. Какой бы догматической ни казалась его точка зрения, он выступает, в конечном итоге, не в роли защитника догм, а как искатель приемлемого для него объяснения "мысленного рая". Русский первосвященник противопоставляет учению о "мысленном рае" представление о "земном рае" и, согласно своей оригинальной точке зрения под "мысленным" вместо "духовного" подразумевает "воображаемый", "грядущий рай", полагая, что к раю ведет не аскетическое созерцание, а воображаемое грядущее. Разумеется, учение о потерянном рае и о его обретении после второго пришествия Христа входит в христианскую традицию, но для нас особенно интересно, что в интерпретации Василия проблема "земного рая" получает новое освещение. Подвергая критике положительные утверждения исихастов, Василий незаметно для себя перенимает от них нечто чрезвычайно важное: подобно им он непосредственно подчиняет все проявления Человеческого изначальной божественной цели человеческого существования. Известно, что, согласно традиционным христианским представлениям, второе пришествие Христа должно наступить лишь с концом века, поэтому вера во второе пришествие и надежда на него ни в коей мере не должны влиять на положение "земной юдоли". Паламиты строго следили за тем, чтобы их нововведения не шли вразрез с догмами, потому-то их учение и было канонизировано византийской церковью. Тот факт, что Василий все же страстно отстаивает свое представление о "земном рае", означает, что оно отличается от средневекового, превращается в такую программу, которая становится прямым указанием пути к решению земных вопросов. Таким образом, русский критик Григория Паламы отвергает не столько новое в его уче-

нии, сколько традиционное: средневековый дуализм, противопоставленный византийским мистиком искушению европейского индивидуализма. Поскольку же Василий очевидно не видел в русской среде и следа индивидуализма, он поставил целью создание гармонического человеческого общежития, создание предпосылок для "земного рая".

В.А. Плугин, в своем анализе "Послания"⁵ выделивший, в качестве центральной, проблему "мысленный рай" - "земной рай", объясняет позицию Василия практическим складом ума, характерным для узкой новгородской среды, а также недостаточной осведомленностью автора, отсутствием у последнего философской подготовки, то есть в конечном итоге отказывается видеть в его начинаниях первое осязаемое проявление русской духовной мысли нового времени. Подтверждение выдвинутой нами точки зрения мы усматриваем в том, что взгляды Нила Сорского, представлявшего отшельническое движение, охватившее все русское общество XV-ого века, изучавшего исихазм в месте его зарождения, в монастыре на Афоне, родственны взглядам Василия Калики. В писаниях Нила Сорского акцент переносится с вопроса о духовном восприятии трансцендентного, о мистическом слиянии с божеством на вопрос о духовном совершенствовании человека. В соответствии с этим роль молитвы и поста в его представлении изменяется. Поскольку цель не в том, чтобы вызвать экстатическое видение, он не одобряет бессмысленное повторение молитв и неумеренное самоистязание. "Умная молитва", молитва "духовная", "внутренняя", являющаяся у него средством перестройки личности, так же, как и самообуздание, - не самоцель: она отвечает своему назначению только до тех пор, пока ведет к освежению души и тела, к высвобождению духа. Усталость и вызванное ею уныние нарушают душевное равновесие и порождают опасность соблазна, грехопадения. Хотя учение Нила Сорского было обращено в первую очередь к аскетам, он не отсылает борющегося за свое

⁵ В.А. Плугин. Мировоззрение Андрея Рублева. Изд. Московского Университета, 1974.

духовное совершенствование человека в монастырь, не обрекает его на одиночество в пустыне, а предлагает основывать общины из нескольких человек, в которых аскеты могли бы жить сравнительно свободно, самостоятельно выбирая нужный путь, получая советы от более опытных и давая советы нуждающимся, в гармоническом согласии с членами общины отшельников и с мирскими людьми. Потребность в сближении церкви с мирянами получает свое выражение в том, что идеолог отшельнического движения часто ставит опыт живущего интенсивной духовной жизнью человека выше предписаний, а также в том, что он не признает за монастырями никакого права на материальное могущество, видя их назначение исключительно в той духовной поддержке, которую они должны оказывать пастве. Хотя в выступлении Нила Сорского не было намерения противостоять традиции, не было сознания своего радикального новаторства, в самой попытке сближения плотского с духовным, мирян с духовенством, земного мира с небесным он в сущности порывает со средневековыми дуалистическими представлениями и, выдвигая идеи отшельнического движения, создает новый, отличающийся от средневекового, образ человека, очерчивает контуры новой общественной модели. Решительная устремленность к разрешению противоречий между личностью и обществом во взглядах пользующегося большим авторитетом Нила Сорского позволяет сделать вывод о том, что внесение духовности в человеческое бытие, устройство этого мира под знаком земного рая было программой, распространяющейся на все современное ему русское общество в целом.

Живопись Андрея Рублева с наибольшей полнотой воплощает заявивший о себе в общественных движениях и мышлении идеал. Несмотря на то, что в его искусстве преодолеваются ограничения средневековой иконописи, отрицающие наследие античного иллюзионизма - пространство, телесность, натуру, - этот коренной перелом не повлек за собой большей степени индивидуализации изображения, так как выход за пределы застывших средневековых противоречий совершается у Рублева в противоположном направле-

нии. Стремительные, смелые линии потому излучают такую спокойную гармонию, полные достоинства, тяжелые фигуры потому так легко парят в воздухе, сосредоточенные "основательные" святые потому так бесконечно кротки, что их создатель одухотворил их во всей реальности проявлений, поместив, согласно своему художественному замыслу, все изображаемое в эфирную среду чистого субъективизма. Наступивший переворот был не менее значительным, чем тот, который был совершен итальянским Ренессансом, даже если он и не был сознательным в силу своего антииндивидуалистического характера и не требовал таких упорных и длительных усилий аналитического познания, какие потребовались в Италии с открытием законов анатомии и перспективы. "Часы" истории идут везде синхронно; средние века пришли к концу одновременно в Византии, в Италии и на Руси: на заре нового времени в Европе господствует одна идея - мечта об обожании человека, но если на Западе надежды на осуществление этой мечты возлагаются на совершенство способностей человеческой природы, то на Востоке они связываются с неограниченностью человеческих возможностей.

Вопрос о взаимоотношениях Рублева и исихастов не выяснен в литературе в достаточной степени. Хотя Лазарев и предостерегает от того, чтобы придавать исихазму слишком большое значение⁶ в формировании творчества Рублева, общепринятым стало мнение, согласно которому Рублев, даже и при сравнении его искусства с византийским, является самым законченным выразителем идей исихазма⁷. Полемизируя с этим преувеличенным утверждением, Н.К. Голейзовский указывает, что писания Паламы в то время на Руси еще не были известны, а исихазм на славянской языковой территории распространялся при посредничестве обвиненного паламитами в еретизме Григория Синаита⁸. Синаит, так

⁶ В.Н. Лазарев. Русская средневековая живопись, стр. 313.

⁷ См.: В.А. Плугин. Указ. соч. и Г.М. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. т. XXIII. ТОДРЛ, 1968.

⁸ Н.К. Голейзовский. Исихазм и русская живопись XIV-XV вв. Византийский временник. т. XXIX, стр. 196-210.

же, как и Палама представляет принципы средневекового дуализма, но борьба с пантеизмом занимает его мало, и его внимание обращено не на вопрос о нераздельности божественной сущности, не на метафизическую проблему ненарушимости предела между человеком и богом, а на изменения реальных свойств плоти, в процессе которых, согласно его мнению, значительную роль играет не только просветляющий дух, но и свободная человеческая воля. Если для Паламы высшей степенью совершенства, обожанием является некое абстрактное существование, которое предлагает полную пассивность к злу, то для Синаита, с связи со смещением акцентов в самой идее исихазма, это - такая новая жизнь, в которой переродившийся человек получает неограниченные возможности для творчества и внесения духовности в мир. Последователем Синаита был и бежавший на Русь великий византийский художник, учитель Рублева, Феофан Грек. Его полные экспрессии композиции, его персонажи, как бы сотканые из световых отблесков, исходящих из внутреннего источника, Голейзовский убедительно ставит в связь с идеями Синаита, в центре внимания которого стоит драматическое столкновение духа и плоти, заканчивающееся, по его замыслу, окончательной победой духа над плотью. Рублев - верный ученик Феофана Грека, но его искусство является полной противоположностью искусству Феофана: "В отличие от Феофана, Рублев не противопоставляет духовную красоту материальной... Так же, как Феофан, Рублев стремится достигнуть воплощения красоты первоначального, нетленного человека. Так же, как Феофан, Рублев видит в этой красоте результат творческой деятельности преображенного человеческого духа. Но если для Феофана достижение совершенства означает полное изменение чувственного человека, то для Рублева этот процесс заключается в освобождении первозданной красоты, скрытой в материальных формах"⁹.

Духовное родство Рублева с его учителем, Феофаном, и через последнего - с исихазмом, освещено Голейзовским ясно и

⁹ Там же, стр. 205.

убедительно, но чем объясняются различия? Каким образом удается русскому художнику построить новый, ни в чем не похожий на прежний, художественный мир? Объяснение, предложенное Голейзовским, - борьба против стригольнической ереси, отрицающей воскресение мертвых, - представляется нам недостаточным. Едва ли возможно объяснить творчество такого масштаба практически потребностями преходящей идеологической борьбы. Если стригольническое движение и играло роль в формировании искусства Рублева, то его надо оценивать более широко: как один из факторов русской духовной жизни, повлиявший на входившее в соприкосновение с ней в процессе полемики сознание художника. Феофан Грек и Андрей Рублев отличаются друг от друга тем, что если первый, изгнанный из своей отчизны художник, творчество которого разворачивается на русской земле, все же принадлежал Византии, поскольку считал противоречие между духом и телом практически неразрешимым, дуализм - в конечном итоге, непреодолимым, то второй - его ученик - был художником русским, перенесшим унаследованную от учителя проблематику в сферу вопросов о богочеловечестве, в сферу пантеизма. В представлении о том, что Рублев художественно воплотил идеи исихазма, что его картины запечатлевают "исихию" - состояние внутренней тишины, не учитывается то обстоятельство, что в художественном мире Феофана, изображающего борьбу за идеальную цель, сама цель выступает как практически недостижимая, а с точки зрения канонизированного в Византии Григория Паламы не только изображение идеального состояния, но даже и изображение борьбы за достижение этого состояния является делом опасным и вредным. Современные исследователи, ставящие знак равенства между взглядами Рублева и идеями исихазма, по всей вероятности правильно реконструируют сознание стихийно-новаторского художника, но упускают из виду ту важную линию культурно-исторического водораздела, которая проходит между переживающей период упадка средневековой Византией и стоящим на пороге нового времени русским обществом.

Идеи нового времени претендовали на всеобщность, но как

на Западе, так и на Востоке лишь меньшинство считало эту программу осуществимой. Лишь состоятельная и могущественная аристократия могла быть убеждена в том, что она в силах развить свои способности до степени совершенства, и лишь небольшой слой духовной аристократии мог чувствовать себя призванным попытаться реализовать заложенные в человеке беспредельные возможности. Действенность свидетельствующего о конце средних веков нового идеала человека не была поколеблена в последующие века, но, в отличие от его создателей-идеалистов, те, кто пытался воплотить этот идеал, учитывали практические препятствия, стоящие на этом пути. В Европе, наряду с идеями Рафаэля и Микеланджело, существовало учение Макиавелли, дающее практический рецепт, у русских же - Иосиф Волоцкий сталкивается с действительностью высокие идеалы Рублева и Нила Сорского. Иосиф Волоцкий не оспаривал идей Нила Сорского, прежде всего потому, что он сам не принес новых идей, сделав лишь то, в чем Нил Сорский не видел надобности: проанализировав (в точки зрения всего общества аскетическую программу духовного самосовершенствования. Все же, что он предлагал, полемизируя с Нилом Сорским и его учениками, - приумножение монастырского богатства, раздача милостыни, как проявление заботы о материальном благосостоянии верующих, меры насилия против еретиков, неограниченность светской власти христианского государя, - он предлагал не потому, что преследовал какие-то иные цели, а во имя необходимости, продиктованной вечными интересами церкви. Правда, стремясь к унификации, он сделал религиозную жизнь в невиданной мере формальной, и представляемое им направление в конце концов вытеснило из церковного организма все то, что напоминало о нововведениях Нила Сорского, но так же, как и его противник, он представлял точку зрения, типичную для нового времени, Достигнув того, что ни разу не удалось в Византии: признания церковью святости мирской власти. С выступлением Иосифа Волоцкого в московском государстве начался процесс все усиливающегося подавления всякой индивидуальности, но одновременно, бюрократическое служи-

ное государств, неограниченно проявляя свои устремления, создало те ограничения, при которых поведение человека, направленное на осуществление его субъективных возможностей, духовность Нила Сорского, сохранили свою актуальность на протяжении многих веков.

Слой пыли и копоти покрыл иконы Рублева в последующие столетия; они по многу раз записывались новыми мастерами, но под рукой реставраторов возродились в своей прежней красоте. Во второй половине XIX века русская классика выступила в роли, в определенной мере сходной с ролью реставратора, показав современному русскому обществу, вновь приобщившемуся к европейской культуре, потускневшие, казалось бы, идеи русского нового времени. Но не будет ли несправедливой недооценкой самобытности Толстого и Достоевского считать их представителями тех идей, которые были выдвинуты за четыреста лет до них Нилом Сорским и Иосифом Волоцким? Сможем ли мы дать почувствовать исключительность той роли, которую они сыграли в истории европейской мысли, если будем считать их всего лишь открывателями давно забытых идей? Все эти сомнения покоятся на одном заблуждении: взгляды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого не были "давно забыты", хотя в тогдашней России никто не ссылался на них. Забыть можно лишь то, что прежде было осознано; духовные же реформаторы нового времени не были сознательными новаторами, и никто их таковыми не считал. Именно поэтому представители русской классики не воссоздали определенные воззрения, имевшие силу в далеком прошлом, а возвестили о таких духовных факторах, которые, начиная с момента их возрождения, не теряли своей силы. Обратимся к нашему сравнению: то же ли самое говорит историк искусства, верно интерпретирующий творчество некогда жившего художника, что сказал своим произведением сам иконописец? Только в том заведомо невозможном случае, если предположить, что сам Рублев был в состоянии измерить и выразить в своих произведениях все культурно-историческое значение своего творчества. Так же как историк искусств может воссоз -

дать, понять явления искусства прошлого лишь будучи вооруженным историческим подходом, сложившимся в ходе западного развития, так и русские классики могли передать своеобразие своей национальной культуры, лишь соприкоснувшись с духом западной индивидуализации, ощутив столкновение завоеваний западной культуры со своими традициями. Таким образом, контрастность таких явлений, как западное развитие нового времени и восточные идеи нового времени привела к тому, что возведение идеала русского нового времени сопровождалось обнаружением тех препятствий, которые преграждали путь к его достижению. Верные духу своих идейно-исторических концепций, Толстой и Достоевский остаются до конца приверженцами своих идеалов, но их творчество демонстрирует не только непривычно-новые для европейской мысли цели, но и те трагически-бесплодные усилия, которые делаются для их достижения. Если Нил Сорский и Иосиф Волоцкий положили начало русскому новому времени, то авторы романов, показавшие абсурдность поставленных целей, в конечном итоге завершают четырехсотлетний период. Доказательством целостности единого европейского исторического процесса является тот факт, что унаследованные от Ренессанса идеи гуманизма в это же время теряют силу своего духовного воздействия.

МОТИВ "СВЕТА" В ПОЭЗИИ ЛОМОНОСОВА И ДЕРЖАВИНА

Марта Хармат

В европейских литературах эпохи раннего Просвещения, прошедших уже свои "ренессансные, барочные и классицистические стадии" эманципации буржуазной индивидуальности, - в глубокой связи с рационалистическими основами просветительской философии - преобладают тенденции рационализма: постоянное стремление к идеалам, ожидание и упорное требование осуществления идей. Какую бы важную роль ни играли эти традиции в формировании русской литературы XVIII века, жадно впитывающей в себя идеи западноевропейского Просвещения, русский вариант просветительского мышления, - коренившийся, в самом деле, в своеобразных национальных традициях средневековья: в первую очередь, в идеях "всеобъемлющей любви" православия, провозглашающих человека с его естественными, телесными потребностями добрым от природы¹ - тесно связан, несмотря на его рационалистическую устремленность, со своими "эмпирическими корнями", с гармоническим духом древнего коллективизма². Как ни парадоксально это звучит, именно "просвещенный абсолютизм", стремившийся быстро "нагнать упущенное" после долговременного господства средневековья в стране и "открыть окно" на Запад, создал - своими "общенациональными", "общегосударственными" успехами во всех областях жизни - плодородную почву для сохранения и дальнейшего развития тех стран, средневеково-гуманистических традиций, на основе которых смог вырасти оптимистический, "альтруистический" русский вариант просветительского мышления³, представляющий человека с его рационалистическими стремлениями не как индивидуальную частицу вселенной, в оторванности от огромного целого, а как органическую часть и

¹ См. Az orthodox kereszténység. Szerk.: Dr. Berki Feriz, Bp., 1975, 332-335.

² См. Д.С. Лихачев. Заметки о русском, "Новый мир", 1980/3, стр. 10-34.

³ Fejér Ádám. Racionális és empirikus beállítottság konfliktusa Anna Karenina tragédiájában. "Helikon", Bp., 1978/4, 498.

природы и государства.

В настоящей работе мы ставим перед собой целью показать при помощи изучения мотива "света" - одного из важнейших художественных элементов образной системы поэзии Ломоносова и Державина, главных представителей русской просветительской лирики XVIII века - как видоизменяется рационалистическое мышление эпохи на русской почве, как оно дополняется и пронизывается элементами эмпирического восприятия окружающего мира. В данной статье мы отказываемся от исторического обзора развития мотива "света" в литературе вообще, ограничиваясь лишь установлением факта, что, начиная уже с самых древних времен, в образной системе художественных произведений "свет" всегда получал важную роль. В литературе эпохи Просвещения мотив "света" - как антипод всякого рода "туманов" и "мраков" человеческого бытия, как символ "идеального" - приобретает особенно важную функцию. Говоря о русской просветительской литературе XVIII века, нам кажется целесообразным и плодотворным обратить особое внимание на различные формы и функции этого мотива, ведь "свет" - как часть "эмпирической полноты" мироздания, с одной стороны, а с другой, как символ всякого рода положительных ценностей бытия - намного теснее и естественнее связывается с русской литературой, наполненной чувствами гармонии и убежденного оптимизма, чем с любой из других европейских литератур.

Придерживаясь сравнительной точки зрения при анализе литературных произведений, сначала мы попытаемся установить, какое символическое значение имеет "свет" в европейских просветительских литературах вообще, чтобы потом указать на своеобразные тенденции в русской литературе XVIII века. Многочисленные примеры могли бы доказать, что в европейских литературах XVII-XVIII вв. преобладает чисто рационалистическое восприятие "света", т.е. в образной системе литературных произведений "свет" выступает как цель, на достижение которой должны быть направлены все стремления человека. Для демонстрации конкретных форм такого рода рационалистического восприятия "света" в европейских литературах XVII-XVIII вв. мы приводим несколько при-

меров из французской, немецкой и венгерской литератур.

В трагедии Расина "Федра"⁴, напр., борьба двух противоположных принципов "добра" и "зла" передается мощной символикой произведения, построенной на постоянном присутствии мотивов "света". Все, что представляет собой "чистое" и "правильное", жадно стремится к "ясному свету", к "солнцу", но этому стремлению препятствует роковая сила, "темная", необъяснимая и неукротимая разумом страсть.

В одах и элегиях Клопштока⁵ страстно желанный "ясный свет" выступает в трех формах: в ранних стихотворениях Клопштока "свет" дружбы и любви прогоняет темные, страшные призраки индивидуальной смерти; позже источником "света" становится для поэта пантеистская вера в бога, которая просвечивает сквозь мрачные туманы сознания человека, бессильно склоняющегося перед неразрешимыми вопросами бытия; в ранний же период французской буржуазной революции "наступающее утро", "восходящее солнце" в поэзии Клопштока - это символ политических изменений во Франции, сигнал для немецкого народа, еще ищущего пути во мраке. Какое бы содержание ни передавалось мотивами "света" в стихотворениях Клопштока, для их лирического героя "свет" всегда является целью, достигаемым идеалом, который сам автор называет - подводя итоги в одной из своих последних од - "светом зрелого знания"⁶.

Что касается мотивов "света" в произведениях венгерских лириков конца XVIII века, эти мотивы являются здесь тоже носителями рационалистического содержания. "Свет" выступает в поэзии венгерских просветителей как символ всеобщих идеалов Просвещения: как символ расцвета образования и наук, расширения

⁴ Jean Racine összes drámai. Magyar Helikon, 1963, "Phaedra", ford. Somlyó György, 607-672.

⁵ Friedrich Gottlieb Klopstock. Dichtung, Abhandlungen. Herausgegeben von Uwe K. Ketelsen, "Rowohlts Klassiker", Deutsche Literatur, Band 26, 1968.

⁶ Там же, стр. 138.: "Durch das reinere Licht, diese reife Kenntnis.." /An die Dichter meiner Zeit/.

гражданских прав и свобод⁷ и в сопровождении мотивов "света", с таким общим содержанием, иногда упоминаются и просвещенные Габсбургские императоры⁸. В большинстве случаев, однако, "свет" связывается со стремлением венгров к национальной независимости, с ностальгией о прошлом героизме и "свободном полете" при царствовании национальных королей⁹.

В отличие от западноевропейских литератур, а также и от

⁷ Напр.: "...oszlik az elmék éjjeli homálya" - Bacsóányi J.: A magyar író. /Magyar irodalmi szöveggyűjtemény a felvilágosodás és nyelvújítás korának irodalmából, 2. kiadás, Bp., 1953, 370; в дальнейшем: Szgy. и страница/;

"Im, reménytek nem várt vig napja felderült;
Im, az igazságnak terjednek sugári,
Dőlnek a babona fertelmes oltári,
Melyek a setétség fene bálványának
Annyi századoktól vérrel áradának" - Bacsóányi J., A látó /Szgy. 359/

"Vesd el a fátyolt! Kiderült egünkön/felvirradt a nap. Sze-
meit törülvén/látni kezd minden; s te magad maradhatsz/ősi
homályban?" - Vörseghy F.: Az igazsághoz. /Szgy. 325/;

"De már a szép hajnal piros szekérével
Fellépett egünkre óhajtott fényével.."
Ányos Pál: A szép tudományoknak áldozott versek,
Szgy., 204/.

"..minket a világosság vezérl". - Kazinczy F.: "A vallástalan" /Szgy. 600/, stb."

⁸ Напр.: Ányos Pál: A szép tudományoknak áldozott versek /Szgy. 205/,
Berzsenyi D.: A tizennyolcadik század /Szgy. 737/ stb.

⁹ Напр.: "Második Andrásnak állítsd fel törvényét,
Ezzel visszanyered szabadságod fényét"
- Névtelen költő: Egy igaz magyar hazafinak versei,
1790 ápr./Szgy. 307./

"..hajdani fényünk Oly mély gyászba merüle.."

"Vedd szivedre te is népednek mostoha sorsát,
Hajdani nagy neve szép fényét s bus éjre hanyatló,
és örök álommal rémitő máj homályát" -

Bacsóányi J.: Levél Szentjőbi Szabó Lászlóhoz /Szgy., 355,
357/;

"fényes csillag", "égő arculatod közibénk sugárzik", "ki ugy
ragyogsz, mint Pharus égő Lángja az éj sivatag homályán" stb.

Berzsenyi D., Nagy Lajos és Hunyadi Mátyás /Berzsenyi Dániel
versei. - Merényi Oszkár tanulmányaival, Bp., 1976, 89./

венгерской литературы, в которых все элементы образной системы произведений - в том числе и мотивы "света" - способствуют художественной передаче рационалистической точки зрения авторов, в русской литературе XVIII века наблюдается своеобразное сочетание рационалистического мышления с изображением конкретных элементов эмпирической действительности. По отношению к мотивам "света" это значит, что для русского поэта XVIII века "свет" является не только символическим обозначением рационалистической цели, но одновременно для него "свет" существует, как органическая часть, как животворящая сила материального мира, существование которого радостно констатирует мыслящий человек и яркими красками изображает художник. Все это убедительно можно подтвердить анализом мотивов "света" в одах Ломоносова и Державина.

Несмотря на то, что в центре поэтического творчества Л о м о н о с о в а - как и в других областях его деятельности - стоит постоянное и последовательное рационалистическое требование осуществления идеалов: как научных /в форме гипотез и мечтаний/, так и политических /в форме похвал и наставлений царям/, в его стихах мы редко встречаем "абстрактное сияние" света - в отрыве от эмпирической сущности. Так, напр., на "сиянии разума" /в чистой форме/ только один единственный раз построена поэтическая фигура /"По ясных знания восходах.. Невежества исчезнет тьма". - Ода 1764, 197¹⁰/. В некоторых местах отвлеченный "сердечный жар" "горит" в ломоносовских стихах /"Еще кипит сердечный жар" - Ода, 1748, 132; "жар в искренних сердцах" - Ода, 1754, 149; "мне жар велит сердечный" - Ода, 1759, 162; "сердце всех пылает" - Ода 1762, 188/, чем автор создает не символ индивидуального чувства любви, а выражает в эмоционально преувеличенной форме свою просветительскую веру, веру рационального мыслителя в идеального монарха.

Однако не выше цитированные и подобные, немногочисленные примеры "абстрактного сияния" характерны для поэзии Ломоносова.

¹⁰ М.В. Ломоносов. Избранные произведения. М.-Л., 1965 /Далее цитаты даются по этому изданию/.

В образной системе его стихотворений, передающих в художественной форме либо представления ученого-мыслителя, либо идеи политика-просветителя, "свет" появляется, в первую очередь", не как символ абстрактной цели: свет солнца озаряет всю русскую землю со всем ее материальным богатством. "Солнце" Ломоносовских од, как всемогущее божество, блистает "с вечной высоты.. на все земные красоты" /Ода, 1747, 121/ и как источник и творитель света "туманы, мраки разгоняя.. поля, леса, берега живет" и "в росе, в струях себя являет" /Ода, 1762, 188/, то есть активно "действует" в целях воспроизведения самого себя в земном творении, которое, однако, сохраняет свое автономное существование: "светило дневное блистает Лишь только на поверхность тел" /"Утреннее размышление", 221/, Несмотря на то, что согласно своеобразному /окрашенному пантеизмом/ деизму Ломоносова свет имеет божественное происхождение /"от всецедрого творца Приемлю луч вседневный" - Псалм 26, 203; "зарей божественного света" - Псалм 103, 211 и др./, солнце - как природное явление - неотделимо от эмпирии. В следующих строках "Утреннего размышления", дающих "научное описание" солнца: "Там огненны валы стремятся. Там вихри пламенны крутятся, Там камни, как вода, кипят, Горячи там дожди шумят" /221/, четыре раза повторяющиеся "там" - в противопоставлении "здешнему", земному существованию - обозначают некую сверхъестественную обособленность. Сама сущность явления, однако, объясняется фактами эмпирии /"огненны валы стремятся", "вихри пламенны крутятся", "камни, как вода, кипят", "горячи дожди шумят"/. Нам кажется, именно на этой материальной общности солнца и земли основывается в поэзии Ломоносова способность всего предметного мира сиять подобно солнцу - хотя лишь отражая его свет.

Образ солнца в его связи с материальным миром, как эмпирическая основа рационалистической поэзии Ломоносова, составляет целую систему символов, к раскрытию которой ключ дает нередко сам Ломоносов. В поэзии Ломоносова царь /царица/, подобно солнцу, источнику света, получает свое всемогущество от бога

/"Небесными блеснув очами, Богини наша устами законы вечные гласит" - Ода, 1764, 196/, но своими лучами он озаряет русскую землю, своим светом он "живит" подданных /"От вас Россия ожидает Счастливых и способных лет, На вас по всякой час взирает Как восходящий дневной свет" - Ода, 1745, 108/. Однако, как солнце и земля подчинены общим физическим законам, как земной мир - сохраняя свою автономность - под влиянием солнечных лучей сам сияет, царь и его подданные по натуре одинаковы, они подчинены общим законам природы, вследствие чего "обыкновенные" люди - сохраняя свою человеческую суверенность - от света просвещенного монарха сами способны сиять, распространять свет /"когда.. в зеркале жидком представляет Небесной ясности лазурь и солнце с высоты дивится, Что само толь глубоко зрится, - Так ты, о наших дней венец, Во внутренних грудях сияешь И светлый лик изображаешь в спокойной радости сердец", - Ода, 1762, 181-182,/ А царь - вопреки всем трудностям, при всяких условиях - должен служить делу просвещения, подобно тому, как солнце светит и тогда, когда туманы затмевают небо /"как вожделенный солнца луч Хотя не престая сияет; Скрывается от мрачных туч И не повсюду согревает, - Подобна милосерда власть, Любя себе врученную часть, Сияние дает всечасно, Чтоб греть и освещать народ; Но терпит действие прекрасно Урон от бранных непогод". - Ода, 1761, 172/.

В художественном оформлении своих идей Ломоносов вполне сознательно использует символическое значение слов для построения различных поэтических фигур, чтобы повысить силу и выразительность, эмоциональное воздействие поэтического слова. В обеих редакциях его "Риторики" подробно излагается сущность и значение тропов, особенно метафор, которые - по словам Ломоносова - "большую силу подают в знаменовании, нежели сами собственные слова", и которыми "идеи представляются много живее и великолепнее, нежели просто" ¹¹.

¹¹ М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, М. -Л., 1959, стр. 50.

Ломоносов вполне сознательно пользуется и различными вариационными возможностями многозначности слова "свет". В качестве примеров приведем несколько характерных для Ломоносова художественных приемов:

1. Олицетворение солнца в образе божества. Солнце наделяется то свойствами и функциями "дейстического" бога, объективного свидетеля жизни "земной твари": "Великое светило миру, Блестая с вечной высоты.. На все земные красоты, Во все страны свой взор возводит.." /Ода 1747, 121/, "Пространный видишь шар земной.. Ты радости свидетель" /Ода, 1745, 109/ и др., то оно изображается как божество языческих мифологий: "Восток и льдистый Океан Свои колена преклоняют И жертву ныне возжигают.. Пред солнцем, на земли светящим.." /Ода, 1746, 112/, "С горячей, солнце, колесницы, Низвед пресветлые зеницы.." /Ода, 1745, 108/, "Се солнце.. На север взор свой обращает.. Ермий наукам предводитель, И Марс, на брани победитель, Блестают совокупно с ним" /Ода, 1746, 117/ и др.

Однако, в каком бы образе божества ни олицетворялось солнце, оно "обращает свой взор" на Россию, на деятельность русских правителей, в чем наглядно выражается своеобразная национальная гордость русского Просвещения. "Солнце,.. В Российской ты державе всходишь, над нею дневный путь преводишь.. Ты нашей радости свидетель, Ты зришь усердий наших знак.." /Ода, 1745, 109/, "о прекрасная планета.. к нам веселый вид склоняешь, Взирая на Елисавет И купно на ее доброты.." /Ода, 1746, 113/, "Великое светило миру, Блестая с вечной высоты.. Во все страны свой взор возводит, Но краше в свете не находит Елисаветы и тебя /"возлюбленной тишины"/ /Ода, 1747, 121/ и так далее. /Патриотический пафос ломоносовских стихов подчеркивается повторяющимися формами 1 лица мн. числа личных и притяжательных местоимений, "гласом россиян верных"/ /Ода, 1743, 103/.

2. Непрерывный процесс метафоризации, то есть постоянное переключение с предметного значения слова на отвлеченное, и наоборот. В следующих строках, напр., в которых Елисавета "не-

бесного очами света На сродное им небо зрит. Надежда к богу в них сияет, И гнев со кротостью блистает, как видится зарница нам" /Ода, 1757, 158/, конкретные картины сияющего голубого неба и далекой зарницы представляют собой эмпирический фон для "небесного света" очей царицы и еще более абстрактных "сияния надежды" и "блеска гнева с кротостью".

В другой оде Ломоносова, в которой "Заря багряною рукою От утренних спокойных вод Выводит с солнцем за собою Твоей державы новый год. Благословенное начало Тебе, богиня, воссияло. И наших искренность сердец Пред тронем вышнего пылает" /Ода, 1748, 128/, конкретная, "чувственная" заря проходит через процесс постепенного абстрагирования: заря новой эпохи, пришедшей с новой монархиней, ассоциируется еще с конкретным блеском царской власти, но в последнем двустишии полной отвлеченностью "пылает.. искренность сердец Пред тронем вышнего".

В стихах, воспевающих величие и славу Петербурга: "Венцем, порфирию блистает, Покрыта лаврами глава. Там равной ревностью пылают Сердца, как стогны все сияют В исполненной утех ночи.. Петрополь, небу подражая, Подобны испустил лучи" /Ода, 1748, 133/, метафорический ряд в последнем двустишии /"Петрополь, небу подражая, Подобны испустил лучи"/ подготавливается тремя ступенями абстрагирования "света" /"стогны все сияют", "порфирию блистает", "сердца ревностью пылают"/.

В ломоносовских стихах часто наблюдается прием "включения" абстрактного понятия в конкретный, эмпирический образ света, следствием чего сразу же появляется символическое значение слов помимо их конкретного содержания, напр.: "светлый день.. блеск и радость изливает" /Ода, 1746, 110/, "натура ставит общий пир, Земля и сердце в нас нагрето" /Ода, 1743, 100/. "Российско солнце... Прогнало.. И ночи и печали тень" /Ода, 1752, 142/ и др.

Таким образом рационалистическое содержание метафорических рядов выражается - благодаря эмпирическому элементу - более наглядно и эффективно, и наоборот: эмпирические детали на-

полняются рационалистическим содержанием.

3. "Обратные сравнения и метафоры", в которых не эмпирией объясняется абстрактное понятие, а наоборот, эмпирическое явление сравнивается с абстракцией. Напр.: "о небес пресветло око,.. как наша радость, встань высоко, Пролей чистейший луч на тварь.., Сияй, как наш веселый дух Горит от радостного звука" /Ода, 1743, 100/.

"Обратные" сравнения и метафоры Ломоносова являются вообще средствами гиперболизации, как, напр., следующие слова, вложенные Ломоносовым в уста Екатерины II: "Господь.. Со мною солнце возжег" /Ода, 1764, 197/. Здесь абстрактное сияние "переключается" в конкретное с целью возвеличения заслуг императрицы - в полном соответствии с идеальными представлениями автора-просветителя о роли и задачах просвещенной монархии в России.

4. Эмпирическая детализация в абстрактных аллегориях и метафорах является важным средством усиления выразительности ломоносовского стиля: при передаче конкретных деталей отвлеченный образ становится более энергичным и пластичным. Это касается как отрицательных, так и положительных компонентов просветительского идеала, о чем свидетельствуют гротескно-ужасные, темные и кровавые картины "войны" и "смерти", с одной стороны, /напр.: аллегорическая картина "моря в ярости" - Ода 1746, 112; аллегорическая фигура "смерти" - Ода 1742, 92 и Ода, 1757, 161 и др./, а с другой, светлый образ "тишины" /Ода, 1747, 121, Ода, 1762, 187-188 и др./ и "здравая", яркая фигура монархии, как залог мира и счастья народа /Ода, 1764, 200; Разговор с Анакреоном, 290 и др./. Эмпирическая детализация, таким образом, ставится в поэзии Ломоносова на службу рационалистической идеализации действительности.

5. Для подчеркивания идеала Ломоносов часто пользуется антитетическим построением метафорических рядов. В его поэзии чаще всего противопоставляются друг другу мир и война /как самые важные факторы в реализации просветительских идеалов/ и

сопутствующие им мотивы "света" и "тьмы" /как носители символического содержания/: "Туманы, в ясны дни растайте", "Целуйся, молния росой" /Ода, 1743, 103/, "Сквозь дым небесный луч блистает! Сквозь волны, пламень вижу рай" /Ода, 1761, 174/ и др. В метафорических рядах Ломоносова, построенных на антитезе "мира" и "войны", очень важную роль играет уже выше упомянутый метод поэта: постоянное переключение понятий "света" и "тьмы" с предметного значения на отвлеченное /и наоборот/. Напр.: "Среди разгнанных мрачных бурь Всего пресветлее сияет Вокруг и элато и лазурь; Всесильный мир себя являет.." /Ода, 1761, 175/.

Стихотворение "Вечернее размышление о божием Величестве при случае Великого северного сияния" - выдающийся образец "научной лирики" Ломоносова - также построено на многократном антитетическом повторении мотивов "света" и "тьмы": с наступлением ночи "Лице свое скрывает день", но перед испытующим взглядом человека раскрывает свои чудеса "бездна звезд полна". Хотя и за "светом" знания скрывается "бездна" еще неоткрытых тайн, эмпирия, однако, представляет для разума все новые и новые факты: возможности для постепенного решения проблем. И в этой же мысли заключается самый существенный компонент оптимизма Ломоносова-просветителя.

В поэзии Державина своеобразный эмпиризм лирического восприятия материального мира наряду с рационалистическими стремлениями просвещенного мыслителя передается еще более наглядно мотивами "света", чем в поэзии Ломоносова. В многочисленных работах¹² указывается на роль и значение "света" и "кра-

¹² Б.М. Эйхенбаум. Державин /1916/. "Сквозь литературу" /Reprint/, Mouton, 1962; Г.А. Гуковский, Русская литература XVIII века. М., 1939, "Державин", стр. 389-424; Сб. статей "XVIII век" /8/: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века, Л., 1969; H. Kölle, Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Derzavins, München, 1966 /Herausg. von Dm. Tschizewskij/ и др.

сок" в лирике Державина, как на главный элемент образной системы, композиции, и даже идейной структуры всего державинского творчества. Именно поэтому в настоящей работе мы не будем перечислять и более подробно анализировать мотивы "света" в стихотворениях Державина - особенно в их конкретных, сенсуальных формах проявления. Интерпретируя символическое значение мотивов "света", мы стараемся лишь показать, как продолжают и как углубляются в просветительской поэзии Державина, считающегося самым оригинальным русским поэтом эпохи, древние традиции гармонического миропонимания и гуманизма, настолько сильно определившие специфический характер и ломоносовской поэзии и всего хода русской литературы XVIII века.

В поэзии Державина - в еще большей степени, чем у Ломоносова - все частицы материального мира, все элементы микро- и макрокосмоса сияют, освещаются солнцем, блещут всеми красками радуги: "Пурпур, лазурь, золото, багрянец, С зеленью тень, слиясь с серебром.." /Радуга, 227/¹³, "Когда в дуги твои сребристы Глядится красная заря: Какие пурпуры огнисты И розы пламенные, горя, С паденьем вод твоих катятся!" /Ключ, 3/, "Лучом кристалл твой загорится" /Ключ, 4/ и др. Звуковые и другие сенсуальные эффекты передаются вообще тоже вместе с мотивами "света": "А ты один, шумя, сверкаешь!" /Ключ, 4/, "То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов, Сребро трепещуще лещами" /Евгению. Жизнь званская, 238/. В борьбе стихий "свет" является всегда победителем над "тьмой", над "хаосом": "Ты исполинскими шагами Отовсюду прогоняешь мрак" /Гимн Солнцу/¹⁴. В поэзии Державина вся вселенная сияет, и вместе с нею сияет и человек, как ее малая органическая частица. Материальный мир со своим блеском, со своими яркими красками, существует, однако - по представлению Державина - не для человека, не через его субъективные стремления и мечтания. Мир существует самоценно, живет своей

¹³ Г. Державин, Стихотворения. Изд. Советский писатель, 1947.
/В дальнейшем заглавия стихотворений и обозначения страниц относятся к этому изданию/.

¹⁴ Цитируется по выше названной работе Б. Эйхенбаума, стр. 20.

автономной жизнью. Человек лишь констатирует его эмпирическое богатство, но констатирует его радостно. Это наглядно выражается и в многообразии точных перечислений звуков, красок и форм предметного мира, следующих после единственного глагола "сенсуальной рефлексии" субъекта: "Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще", "Пастушьего вблизи внимаю рога зов. Вдали тетеревей глухое токованье, Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев, Рев крав, гром жолн и коней ржанье" /Евгению. Жизнь званская, 237/ и др.

Для субъекта, воспринимающего "блеск" всего мироздания, оказывается вполне естественным, что и малейшая частица космоса: "я" - кем бы это "я" ни было - тоже "сияет". Как солнце, "точный облик божества" /Гимн Солнцу/¹⁵, "отовсюду прогоняет мрак", так и "я", отблеск божественного света /"Во мне себя изображаешь, Как солнце в малой капле вод" - Бог, 40/, умею творить свет. Именно поэтому может раздаться гордая и самоуверенная исповедь поэта-просветителя: "Я царь, - я раб, - я червь, - я бог!" /Бог, 41/. Для поэтического самосознания, коренившегося в просветительской идее "естественного равенства" людей, центральное значение имеет именно эта вера в возможность стать богом, стать творцом: "Лей свет в тьму" /Радуга, 228/ - обращается Державин к собственному "я", к "я" поэта и человека. В первую очередь, эта четкая просветительская программа, это сильное и последовательное стремление к "свету" обозначает рационалистические тенденции в целом эмпирической поэзии Державина.

В конце нашей работы мы еще раз подчеркиваем, что использование образов "света" и "солнца" в художественной литературе не нововведение Ломоносова и Державина. Они могли опираться и опирались на богатые традиции русского фольклора и древнерусской литературы, с одной стороны /напр., "солнце красное", "ясно солнышко", "заря - солнцева сестрица" и другие мотивы русских народных песен и сказок, былин и "Слова о Полку Игоре" и

¹⁵ Там же, стр. 19.

т.д./, а с другой стороны, на общеевропейское богатство литературного наследия: на Библию, на традиции греко-латинской античности и на "реквизиты" западноевропейского Ренессанса, барокко и классицизма. В поэзии русского Просвещения, однако, мотивы "света" встречаются в таком чрезвычайном богатстве, и они наполняются таким специфически русским содержанием, что, по нашему убеждению, изучение мотивов "света" в образной системе русской просветительской поэзии в значительной мере способствует /и может способствовать и в дальнейшем/ определению национального своеобразия русской литературы вообще.

МОТИВЫ "СМЕРТИ" И СОЧЕТАНИЯ "ДВУХ МИРОВ" В
РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ И В МАЛЕНЬКОЙ
ТРАГЕДИИ ПУШКИНА "ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ"

Тибор Бароти

Основной задачей настоящей статьи является анализ и толкование четвертой пьесы из цикла "Маленькие трагедии" "Пир во время чумы" на основании указанных мотивов, в сопоставлении с анализом этих мотивов в лирике некоторых русских поэтов-романтиков. О "Маленьких трагедиях" исследователь творчества Пушкина Ермаков пишет: "Уничтожение и смерть физическая, связанная с духовной смертью, но, конечно, прежде всего духовная смерть, - вот то общее, что роднит и объединяет все эти, как будто бы совершенно различные по своему содержанию маленькие драмы".¹

В маленькой трагедии "Пир во время чумы" смерть является не просто необходимым компонентом жанра трагедии, ведь только в этой трагедии, более остальных трех пронизанной мотивом смерти, сценическая история не заканчивается смертью главного действующего лица, Вальсингама. В то же время смерть выполняет не просто функцию фона к происходившим событиям, а являясь действенным психологическим фактором и элементом среды, выступает как средство художественного анализа возможностей осуществления гуманных ценностей в поведении действующих лиц.

В более ранней статье мы пытались дать толкование третьей маленькой трагедии Пушкина "Каменный гость Дон Гуана" путем анализа оценочной системы пьесы на основании более обширного контекста первых трех маленьких трагедий.²

В настоящей статье для анализа и интерпретации художественной мысли четвертой маленькой трагедии Пушкина мы счи-

¹ Ермаков. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина. М-П., 1923, стр. 39.

² Т. Бароти. Дон Гуан и Командор в оценочной системе Пушкина. *Dissertationes Slavicae*. т. XIII, Szeged, 1978, стр. 15-45.

таем наиболее целесообразным исследование в произведении указанных выше мотива "смерти" и связанного с ней мотива "сочетания двух миров", ведь текст маленькой трагедии "Пир во время чумы" представляет собой совокупность различных "голосов", с психологической и философской точки зрения разных человеческих "ответов" на общую тему, обозначаемую этими мотивами.

Мотив "сочетания двух миров", однако, встречается нередко и в русской романтической лирике. Этот мотив неотделим от мотива "смерти", ведь он обозначает положительное или отрицательное осуществление контакта людей /бывших друзей или влюбленных/, находящихся в двух разных мирах /в этом "земном" и в ином "небесном"/, разлученных смертью одного из них. В некоторых случаях /примеры тому мы находим в стихотворениях Пушкина, Лермонтова и Баратынского/, изображение "иного мира", служащего для создания лирической точки зрения в плоскости не "эмпирически-земного", а "иного" мира, а также для художественной оценки эмпирически-земной сферы жизни согласно художественным задачам отдельных поэтов, лирический герой в форме фантастически-поэтического видения или сна переживает и изображает свою собственную смерть.

Мы считаем, что выделенные нами мотивы "смерти" и "сочетания двух миров", с точки зрения которых мы анализируем маленькую трагедию Пушкина "Пир во время чумы" и стихотворения русских поэтов-романтиков, являются органическими элементами анализируемых произведений, поэтому путем анализа этих мотивов и их художественной функции в произведениях отдельных писателей мы считаем возможным раскрыть важные элементы поэтики разных авторов и указать при этом на существенные различия в поэтике отдельных писателей на фоне объединяющего эти поэтики общего романтического стиля.

Согласно нашему пониманию, все значительные произведения Пушкина /начиная с конца 10-х и начала 20-х годов/ независимо от жанровых особенностей строятся на более или менее

одинаковой системе ценностей³. На такое свойство пушкинской поэтики мы будем опираться при сопоставлении анализируемых с точки зрения предложенных мотивов маленькой трагедии, "Пир во время чумы" и нескольких пушкинских стихотворений, а также стихотворений других поэтов-романтиков /Жуковского, Батюшкова, Баратынского и Лермонтова/. При выборе стихотворений для анализа мы руководствовались наличием в них предложенного мотива "смерти" и "сочетания двух миров".

Исследователь творчества Баратынского и эволюции элегического жанра в русской литературе И.Л. Альми в своей статье определяет главные этапы развития этого жанра, служащего первоначально для выражения интимных чувств, вплоть до его внутреннего разрушения и рождения индивидуального лирического "я" в лирике отдельных поэтов-романтиков⁴.

Процесс эволюции элегического жанра верно отражает процесс идеологического высвобождения личности, под знаком которого шло развитие русской поэзии первой трети XIX века⁵.

И.Л. Альми указывает на то, что жанр элегии, служащий для выражения интимных переживаний, в иерархии классицизма является второстепенным явлением. Расцвет такой элегии автор указанной статьи связывает с творчеством Сумарокова. Возрождение элегического жанра происходит одновременно с появлением новых идеологических и литературных веяний начала XIX века, обусловивших возросший интерес предромантизма к внутреннему миру человека и выдвинувших в поэзии на первый план "интимные жанры" - элегию и послание. Благодаря этим новым "веяниям" меняется и тематическая основа традиционной "интимной" элегии, и сам характер элегической "скорби".

³ См. об этом нашу статью: Nézőpont és értékelés Puskin "Belkin elbeszéléseiben" és "Don Juan kövendége" c. kisdrámájában. В сб.: Studia Poetica 1. Szeged, 1980. pp. 292-299.

⁴ И.Л. Альми. Элегии Е.А. Баратынского 1819-24 годов. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена. т. 219. Л., 1961.

⁵ Там же.

И.Л. Альми пишет: "В начале XIX века в литературу хлынула волна меланхолии, настроений разочарования, мыслей о непрочности человеческого бытия, которые были обусловлены в конечном итоге крахом Просветительства, потрясениями французской буржуазной революции. Эта волна не только подняла элегию, но и дала ей особое содержание".⁶ Меланхолические настроения непосредственное выражение нашли в элегии "медитативной", т.е. в элегии "общего разочарования". Альми указывает на то, что первые и канонические образцы новой элегии были созданы Карамзиным, чьи стихотворения "Весенняя песнь меланхолика" и "Осень" могут дать представление о "схеме" нового жанра. Альми так определяет обобщенный, прямолинейный сюжет этих стихотворений: "Природа расцветает или отцветает, а поэт /"странник"/ грустит о том, что его весна ушла безвозвратно." "Общее разочарование" /по определению Г.А. Гуковского "мировая скорбь"/⁷ и служившие выражению меланхолических настроений мотивы непрочности жизни и смерти были новыми явлениями в русской литературе, отражающими сопоставление мира и человека, которое "так характерно для мироощущения романтизма и предромантизма". /Альми/

Однако по мере того, как "схема" элегии "общего разочарования" наполняется конкретно-психологическим содержанием в творчестве отдельных поэтов-романтиков, замкнутый жанр медитативной элегии постепенно разрушается. Стихотворения Пушкина начала 20-х годов, произведения молодого Баратынского и других поэтов, сохраняя генетическую связь с элегическим жанром - как справедливо указывает Альми - фактически уже находятся за его пределами, будучи свободным выражением индивидуального чувства, характерного для индивидуальной авторской поэтики отдельных поэтов, а также психологически точного изображения "лирического героя" каждого из них. В зрелой

⁶ Там же.

⁷ Г.А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 10.

лирике русских поэтов-романтиков /Жуковского, Батюшкова и Пушкина, а также в ранней лирике Баратынского и Лермонтова/, поскольку она отвечает потребности времени в создании индивидуальной, психологической поэзии, все переживания лирического героя приобретают своеобразную "лирическую равноправность" /Альми/, и стирается разница между лирикой интимной и общественной.

Стихотворения молодого Жуковского, столь еще близкие по тону и размерам к риторическим одам классицизма, проникнуты тревожными размышлениями о смерти и добродетелях человека. /См. оба стихотворения "Добродетель" 1789 г., стихотворения 1800-го года "К Тибуллу на прошедший век", "Герой", а также "Человек" /1801/, представляющие собой поэтическую и мировоззренческую дискуссию с английским поэтом-сентименталистом Юнгом, понимающим человека как ничтожество с его мгновенной жизнью. /Примером того, до какой степени индивидуальным и характерным для поэтики и художественного мировоззрения отдельных писателей является изображение и самостоятельное решение этого вопроса, служит четырнадцатая строфа стихотворения "Человек", состоящего из 19-и строф./ Первые восемь строф - цитата, т.е. поэтический перевод стихотворения Юнга. В последней строфе цитаты, т.е. в восьмой поэт пишет о ничтожности человека:

"Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,
Один перун его лишь над тобой гремит;
Его проклятием навеки отягченный,
Твое убежище лишь смерть!"

В следующей, девятой строфе, вступая в полемику с пониманием человеческой жизни, с разочарованием английского поэта, Жуковский пишет:

"Так в гордости своей, слепой, неправосудной,
Безумец восстает на небо и на рок..."

А тринадцатая строфа начинается так:

"Безумец, пробудись! воззри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;.."

В четырнадцатой строфе читаем:

"Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя на край миров вознестъ,
Сравнишься со Творцом - ты неприметна персть:
Но ты велик собой; сей мир твое владенье,
Ты духом тварей властелин!"

Приведенная строфа является поэтическим ответом молодого Жуковского - и поэтому не окончательным его художественным кредо - на приведенные им слова Юнга. Вырисовывающаяся в поэтической дискуссии проблема смерти, и в связи с ней осмысление человеческой жизни остаются центральными темами русской романтической поэзии.

Однако в связи с разбираемым стихотворением Жуковского приходится указать на одну интересную деталь. Первые восемь строф входят в стихотворение, т.е. становятся частью его композиции как подчеркнуто чужой текст, как приведенное чужое сознание, от которого собственный голос поэта отмежевывается, отталкивается в диалектической оппозиции двух противоположных мироощущений, создавая лирический ход мысли целостного стихотворения. Установка на чужое слово подчеркивается и эпиграфом на английском языке, и графически - цитатой, и двумя примечаниями самого Жуковского, и, не в последнюю очередь, внутренней полемикой двух голосов, двух различных пониманий смертности человека, и разными художественными взглядами на мир - приведшими к противоположному разрешению проблемы разочарования. В первой "цитатной" части от мысли о мгновенности человеческой жизни, от "ничтожности" человека, которого поэт показывает "игралищем судьбы", "волнуемым страстями" - /то есть размышления о мгновенности жизни если и не совпадают полностью с разочарованием, то являются побудителями такого разочарования/ - поэт приходит к

отказу от унижающей человеческое достоинство /конечно, в "мире" первой части стихотворения/ и ничего не давшей и не сулившей человеку жизни:

"Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,...
.....
Твое убежище лишь смерть!"

Из четвертой строфы первой, цитатной части явствует, что человек "дерзкой мыслию за небеса стремится", .."но он разбит, в пыли, добыча он червям". Кажется, что в этой части стихотворения конечное разочарование, бегство в уничтожение мотивируется трагическим сознанием пропасти между мечтаниями человека, пафосом его индивидуалистического самоутверждения как личности, вмещающей в себя и открывающей в себе вселенную, и трагической его подчиненностью всевластию Судьбы, Рока. Интересно, что в вышеприведенной четырнадцатой строфе, начинающейся словами "Познай себя, познай!" - второй "настоящий" голос не восстанавливает трагически потерянную уверенность в себе, признававшей себя высшей ценностью личности; человек не может "сравниться со Творцом", ведь он - "неприметна персть" - мы видели, что самоутверждающаяся личность в первой части не могла примириться именно с этим - но старается восстановить иерархию ценностей, "космос", миропорядок, основанный на религиозном убеждении. Под знаком религиозного убеждения, веры в загробную вечную жизнь разрешается внутренний конфликт человека, и стихотворение кончается примирением в религиозном духе:

"Мужайся!...
Твой рай и ад в тебе!... Брань, брань твоим страстям!
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, -
Могила - к вечной жизни путь!"

Стихотворение Баратынского 1821-го года "Дельвигу" кажется, во многом напоминает пространное стихотворение Жуков-

ского, но уже без религиозного "разрешения" легшего в основу стихотворения "разочарования":

... "Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет".

В творчестве Баратынского, как и у других поэтов-романтиков, проблема смерти занимает очень важное место. Мы хотели бы только указать на стихотворения "Отрывок" /1829/, "Смерть" /1834/, "Череп" /1834/. В стихотворениях же Лермонтова "Смерть" /1831/, "Ночь" II и "Ночь" III и во многих других стихотворениях мотив смерти сочетается с характерным лермонтовским мотивом "демонизма", с художественным взглядом на мир глазами взбунтовавшегося, отверженного, но гордого существа, демона, недовольного мелким и ничтожным человеком, и трагической, унижающей человеческое достоинство участью человека.

Что касается Лермонтова, то смерть является причиной характерного лермонтовского разочарования и бунта только в немногих ранних стихотворениях, как например, в случае стихотворения "Ночь I" /1830 г./, изображающего грандиозно-апокалиптическое, фантастическое видение собственной смерти лирического героя. Индивидуалистический бунт против уничтожения личности можно воспринимать, как отрицание идеи стихотворения Жуковского, то есть выраженного в нем примирения личности со своей судьбой в религиозном духе. По своему идеологическому характеру стихотворение Лермонтова ближе к юнговскому индивидуалистическому поведению, представленному в первой, цитатной части стихотворения Жуковского.

Однако в развивающемся основном мотиве и художественную мысль стихотворения "Ночь I" стихотворении того же 1830 года

"Ночь II", а также в варьирующем этот мотив и эту мысль стихотворении "Смерть" /1830-31 гг./ - место индивидуалистического протеста против уничтожения личности смертью занимает мотив характерного лермонтовского "демонизма".

Уже в более ранних стихотворениях Лермонтова /в стихотворениях 1829 года "Русская мелодия", "Мой демон", "Монолог"/ обнаруживаются характерные мотивы лермонтовского "демонизма", т.е. презрительного отношения со стороны лирического субъекта к ничтожности и пошлости непосредственно-эмпирической человеческой жизни, безмерно далекой от идеальной, полной жизни и поэтому в оценке Лермонтова недостойной человека, идеал которого лежит в основе лермонтовской высокой, непримиримой требовательности к жизни, к людям. Такая формула поэтического прведения лежит в основе художественной мысли и оценки стихотворений "Отрывок" /1830/ и "1831-го января".

Последнее стихотворение представляет собой описание поэтического видения перехода лирического субъекта в иной, "лучший" мир после смерти. Сопоставление этого стихотворения с пушкинским стихотворением "Надеждой сладостной младенчески дыша"/1823/ проливает свет на различия в оценочной системе и в художественном взгляде на мир двух авторов-романтиков, и в первую очередь на неодинаковое понимание и изображение Пушкиным и Лермонтовым взаимоотношений между идеалом и действительностью.

Лирический субъект лермонтовского стихотворения живет полной жизнью только уходя от земной жизни "... над бездной смерти роковой", и с презрением отворачивается от ничтожной и несовершенной земной /эмпирической/ жизни: ... "

"И полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, -
Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет."

Такое поэтическое поведение мы находим еще в стихотворениях "Отрывок" /1830/ и "1831-го июня 11 дня". В этих стихотворениях представляющая собой поэтическую основу лермонтовского "демонизма" авторская позиция "жизни в идеале" /что одновременно является и точкой зрения лирического субъекта в отношении к непосредственно-эмпирической жизни и основной его оценки этой жизни как ничтожной и недостойной высоких требований лирического субъекта с позиции его идеальных представлений о человеке/ уже сопровождается лермонтовскими мотивами одиночества, скитальчества и страдания, которое нередко является страданием морального порядка:

"На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей"...

или:

..."Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
... ..
Беднейший среди существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!"

/"Отрывок"/

В одиннадцатой строфе стихотворения "1831-го июня 11 дня" лирический герой Лермонтова так говорит о своей "неземной" /демонической/ любви:

..."И с тоской
Я вижу, что любить, как я, - порок,
Я вижу, я слабей любить не мог."

А в двенадцатой строфе мы читаем следующее:

..."Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! - любить
Необходимость мне; и я любил
Всею напряжением душевных сил".

Вышеприведенные лермонтовские цитаты, а также смысл первых четырех строк той же двенадцатой строфы анализируемого стихотворения:

- "Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желание, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна". - свиде-

тельствуют о том, что художественная мысль этих стихотворений и лермонтовское поэтическое поведение является как бы прямым отрицанием мысли и поэтического поведения, выраженных в стихотворениях Баратынского. Как выше уже было сказано, фокус художественного взгляда на мир лермонтовского лирического героя и его оценочной позиции помещается в сфере "идеала". Поэтому согласно формуле метафизической разобщенности "идеала" и "действительности" романтической поэтики и сознания - с высоты идеала становится недостижимым для лирического субъекта другой полюс, т.е. "эмпирически-непосредственная жизнь" действительности.

У Баратынского мы видим, что его лирический герой /в соответствии с той же метафизической формулой романтизма об идеале" и "действительности"/ в сфере непосредственно-эмпирической жизни не сумевший осуществить идеал, во избежание дальнейших потрясений разочарования /ведь у Баратынского жизнь в сфере эмпирически-непосредственной из-за ее несовершенства сулит дальнейшие потрясения/, отказываясь полагаться на такую жизнь, отказывается не только от участия в непосредственно-эмпирической жизни, а что главное - от идеала.

Внутренний процесс открытия "поэтической правды" о жизни лирическим субъектом стихотворений Баратынского происходит под знаком "разума". В начале стихотворения "Дельвигу" /1821/ мы читаем:

"Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.
Похищенной искрой создание свое
Дерзнул оживить безрассудный;"

С "разумным" отказом от идеала /хотя и не без определенной доли горькой иронии/ мы встречаемся и в стихотворении 1833 года "К чему невольнику мечтания свободы":

... "Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем,
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желанья со жребием своим -
И будет счастлива, спокойна наша доля."

Для лирического субъекта стихотворения Пушкина, начинающегося словами "Надеждой сладостной младенчески дыша" /1823/, положительные человеческие ценности - которые в их полном и чистом осуществлении явились бы достижением идеала - неотделимы от повседневных радостей и горестей эмпирически-непосредственной жизни человека. Указанное стихотворение Пушкина по теме и выраженной в нем мысли тесно связано с другими стихотворениями поэта 1823 года, развивающими тему разочарования /психологического или политического/, как например, "Кто волны вас остановил", "Бывало в сладком ослепленье", "Свободы сеятель пустынный", а также "Демон".

В отличие от стихотворения Баратынского "Дельвигу" /1821/ лирический ход мысли пушкинского стихотворения развивается от отказа от смерти до приятия непосредственно-эмпирической жизни и вместе с тем до приятия возможности полной жизни души. Как в стихотворении Баратынского - в пушкинском стихотворении тоже встречается мотив раздвоенности идеала и действительности, характерный для мироощущения романтиков. Но судьба, т.е. художественное изображение взаимоотношений романтической антиномии идеала и действительности определяется у Пушкина и Баратынского различным их художественным взглядом на мир, и вытекающими из этого различными система-

ми ценностей, обнаруживающимися в несовпадении "точек зрения" их авторской позиции и художественного подхода. Основным различием художественного подхода двух поэтов-романтиков, вытекающим из вышеуказанных факторов, является тот факт, что в поэтическом мире Пушкина речь не может идти об идеале /о возможности внутреннего постижения идеала/ без участия лирического субъекта в непосредственно-эмпирической жизни. Согласно выражению пушкинской художественной мысли, в основе своей отличающейся от мысли стихотворения Баратынского, слова "надежда сладостная" и "обманчивая мечта" играют иную по сравнению с Баратынским роль. Это можно утверждать и в случае слова "ум", в словоупотреблении поэтов-романтиков имеющего противоположное словам "надежда" и "мечта" значение. Лирический субъект пушкинского стихотворения "Тщетно" предается "обманчивой мечте" и его "ум упорствует, надежду презирает" не потому, что он якобы разочаровался в близких сердцу идеалах как "мысли вечны", "память" и "любовь", а потому, что "младенческая" "сладостная надежда" - которую лирический герой во второй части стихотворения уже называет "обманчивой мечтой", и о которой говорит: "Мой ум упорствует, надежду презирает..." - сулит ему постижение идеала в чистом виде в ином мире, куда можно проникнуть только пройдя через смерть. Как ни манило лирического героя чистое и полное присутствие идеала в ином мире,

... "где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте..."

- классически-уравновешенный "ум" лирического героя пушкинского стихотворения /в отличие от героя стихотворения Баратынского, для которого ум является главным фактором отказа от непосредственно-эмпирической жизни/, препятствует тому, чтобы "оставить этот мир" и сокрушить "жизнь, уродливый кумир", ведь он знает, что без полного, эмпирически-непосредственного и душевно-открытого участия в сей жизни не может идти речи о внутреннем осуществлении идеала.

Вышепереработанное стихотворение Жуковского переводное, как и его

стихотворение "Голос с того света" /1815/, представляющее собой поэтическое переложение стихотворения Шиллера "Текла. Посмертный голос". Однако более типичного стихотворения Жуковского нельзя себе представить. Уже само название стихотворения указывает на установление контакта, на то, что вопреки горестному событию - ее смерти и разобщенности влюбленных - создается контакт двух "прекрасных душ"; она в состоянии дать утешение ему, оставшемуся живым в этом мире; ее кончина и переход в мир иной не только не приносят разочарований, но даже их, т.е. двух любящих душ, ныне разобщенных - основные духовные ценности, мечты и верования не изменились, а скорее оправдались:

... "Сбылося все; я в стороне свиданья;
И знаю здесь, сколь ваш прекрасен свет.
Друг, на земле великое не тщетно;
Будь тверд, а здесь тебе не изменят;
О милый, здесь не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одном;
Будь верен мне, прекрасною душою;
Сверши один, начатое вдвоем.

Голос с того света здесь является голосом утешения и примирения, ведь ушедшая возлюбленная утешает оставшегося на земле друга. Первая строка последней строфы: "Не унывай, минувшее с тобою" является основной поэтической формулой Жуковского: поэтическая способность воспоминания о более теплом, прекрасном, не о таком пустом, не о таком губящем и опустошающем душу как настоящее прошлом дает возможность душе поэта романтически-мечтательного жить полной радостной жизнью, "согреться" в теплом, кажущемся более гуманным "милом прошлом". Поэт пишет об этом в своем стихотворении 1824 года "Мотылек и цветы":

"О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца - упование
На лучший, неизменный свет!

Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл."

Лирический герой стихотворения "Воспоминание" 1821-го года, однако, в отличие от поэтической ситуации стихотворения "Голос с того света" сам потерял своих прежних "милых спутников" и остался один:

"О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были."

Сближает эти стихотворения общий, унылый, элегический тон и характерное для Жуковского смирение. Но самое важное, что и без внешнего утешения "голоса с того света" лирический герой в результате акта воспоминания обретает внутреннюю гармонию. В маленьком стихотворении, состоящем всего из одного сложного предложения, на наших глазах совершается характерный для Жуковского глубокий, изображающий восстановление внутреннего равновесия и душевное обновление человека ход мысли. Первые две строки стихотворения осуществляют не явную, а скрытую, но динамически-действенную оценочную функцию. Согласно этой оценке, являющейся основой поэтического высказывания, "наш свет" прежде всего такой, что без "животворящего", т.е. в гуманном смысле "обогревающего" влияния со стороны "милых спутников", без внутреннего субъективного переживания их близости и их общества - его трудно перенести человеку с "прекрасною душою". "Милые спутники" в прошлом для лирического субъекта выполняли именно такую "согревающую", душевно-просветляющую функцию, когда "наш свет своим сопутствием для нас животворили". "Милых спутников уже нет; но спасающую душу от "враждебной" пустоты "нашего света" функцию сейчас осуществляет сам поэтический акт воспоминания, благодаря которому лирический субъект, - который, как известно, у Жуковского кроме чувств и душевных переживаний

ничем не интересуется - в плоскости настоящего находит то же душевное утешение, наполняется такой же тихой, но несколько унылой радостью, как прежде, как в прошлом, когда "милые спутники", еще живые, являлись источником такого же душевного возрождения. В стихотворении одинаково важна и сама установка, внутренняя волевая, эмоциональная направленность лирического субъекта, как чрезвычайно важны и размещение, последовательность слов, особенно слов, обозначающих душевное состояние и оценку. Ведь умиротворяющее действие воспоминания, т.е. установление контакта между временными плоскостями, возможно только тогда, когда, как в данном стихотворении, берет верх не отрицательная сторона контакта-сравнения двух плоскостей: прошлой и настоящей: "их нет", а положительная, т.е. факт: "были", становящийся душевным содержанием, и способный дать внутреннюю силу и энергию для настоящего обновления души, при сохранении своего отношения к "милым спутникам" в прошлом, т.е. "благодарности".

Стихотворение "9 марта 1823" было написано Жуковским по поводу получения известия о смерти Маши Протасовой. Первые четыре строки первой строфы представляют собой лирическое воспоминание о последней встрече лирического героя с возлюбленной:

"Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства".

По сравнению с "настоящим временем" второй строфы, передающей грустно-смирненные переживания лирического субъекта, приведенное начало первой строфы - это прошлое, точнее первый временной план прошлого. В пятой строке описание углубляется в более далекое прошлое, которые мы условно будем называть вторым планом прошлого:

"Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете".

Согласно своему творческому методу, Жуковский даже при передаче этого решающего для него /и для них/момента последней их встречи остается верен своему субъективному мировоззрению: в ее портрете ничего конкретного, объективного нет, слова выражают одну душу, переживания лирического субъекта. Но поскольку для всего стихотворения характерна приглушенность тона и переживания, сочетающаяся со смирением охватывающего всю вселенную - и "звезды небес", и "тихую ночь" - чувства лирического героя, слово "тихо" /"стояла тихо"/ означает не способ действия, и даже не просто состояние субъекта, а как главное, ключевое слово стихотворения /повторяющееся трижды в тексте/ выражает доминанту вопреки всем условиям - разобщенности в жизни и в конечном счете смерти - объединяющего их чистого, смиренного, но полного глубокого человеческого содержания чувства любви, способного торжествовать не только над обстоятельствами, над временем, но даже над смертью, и даже над пропастью, отделяющей мир земной от "иного" мира.

В передающих последнюю встречу строках контакт между участниками лирического события чисто духовный, и он осуществляется во взоре, вернее во встрече взоров и взаимном понимании. В описании ничего предметного нет, и даже слово "взор", носитель чистой духовности, субъективизируется дальше и становится выражением главного содержания поэзии Жуковского: чувства и сердечного переживания:

"Твой взор унылый
Был полон чувства".

Полный чувства взор является спонтанным побудителем выше уже отмеченного в двух других стихотворениях акта воспоминания:

"Он мне напомнил
О милом прошлом ...
Он был последний
На здешнем свете".

После воспоминания о "милом прошлом" поэт в заключительных двух строках первой строфы опять возвращается в настоящее и упоминает "здешний свет", который она, умирая, покидает:

"Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.
Звезды небес,
Тихая ночь!..."

Стихотворение имеет как бы два центра: два момента воспоминания, в первой и второй строфах, из которых главным является первый, напоминающий выше уже приведенные из стихотворения "Мотылек и цветы" слова о воспоминании - понимаемом нами как основная формула художественного изображения мира Жуковского -

"О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О думы сердца - упование
На лучший, неизменный свет!"

Принимая во внимание значение этих слов, и по аналогии со значением стихотворения "Воспоминание" 1821-го года, мы считаем, что душа лирического героя стихотворения "9 марта 1823" "обогревается", углубляясь в так называемый второй план прошлого, там, в более дальнем прошлом, чувствуя себя ближе к внутреннему постижению идеала /5-ая и 6-ая строки первой строфы/. И внутренняя теплота, гармония этого мелькнувшего, тайно-неопределенно переживаемого мира излучает столько энергии, что лирический герой - по аналогии со стихотворением "Воспоминание" - в возвышающем душу акте воспо-

минания переносит эту гармонию и в план настоящего. Жуковский об этом пишет во второй части заключительной строфы стихотворения "Мотылек и цветы":

"Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл".

/Забегая немного вперед, отметим, что запечатленный в вышецитированных строках "механизм" внутреннего "умиротворения" с другим признаком, и конечно же в другой художественной функции мы находим и в одной из строф "Гимна чуме" Вальсингама, "председателя" "Пира во время чумы" Пушкина/. А теперь мы хотим только указать на то, что в момент воспоминания о "милом прошлом", - словами другого стихотворения "думой сердца" - "упованием на лучший неизменный свет" - лирический герой "забывает" о "низости" не только "настоящего" в стихотворении, но такое благодетельное влияние воспоминания и "упования" распространяется и на так называемый первый план прошлого, т.е. на то время, когда она еще была в живых. И здесь ничего нет удивительного: у Жуковского ведь важна субъективная сторона описания, не предмет описания, а только его внутреннее отношение к нему, т.е. чистая субъективность, одно чувство, внутреннее переживание. И это, т.е. самое главное не изменилось с ее смертью, с ее удалением и преображением:

"Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!"

Одно еще изменение запечатлено в структуре стихотворения: условным побудителем воспоминания, т.е. душевного возвышения и акта "пренебрежения" и "забвения" "низости настоящего" - в "настоящем" стихотворения является уже не "полный чувства взор унылый", а могила, ведь:

"Там все земные
Воспомяненья,
Там все святые
О небе мысли".

С этого момента скорбное, но смиренное /"тихое"/ чувство расширяется, наполняя собой всю вселенную: до "звезд небес".

Современник Жуковского К.Н. Батюшков, как известно, тоже много переводил, в том числе элегии Тибулла, сонеты и канцоны Петрарки, стихотворения Парни и др. Некоторые его стихотворения носят на себе отпечаток античного "эпикурейского" мировоззрения, напоминающего элегический мир поэзии Тибулла. /Стихотворение "Мой гений", "Элизий" и др./. С нашей точки зрения изучения романтической элегии и маленькой трагедии Пушкина нам кажется чрезвычайно важным и интересным то, как Батюшков в своем очерке о Петрарке, написанном в 1815 году, размежевывает христианский дух и поэтическое мировоззрение, с одной стороны, и языческое миропонимание древних поэтов, с другой.⁸ Поэтому мы позволим себе привести обширную цитату. Батюшков пишет о Петрарке: ... "Для него Лаура была нечто невещественное, чистейший дух, излившийся из недр божества и облекшийся в прелести земные. Древние стихотворцы были идолопоклонниками; они не имели и не могли иметь сих возвышенных и отвлеченных понятий о чистоте душевной, о непорочности, о надежде увидеться в лучшем мире, где нет ничего земного, преходящего, низкого /курсив наш/. Они наслаждались и воспевали свои наслаждения; они страдали и описывали ревность, тоску в разлуке или надежду близкого свидания... и вечные сожаления о юности, улетающей как призрак, как сон... Тибулл, задумчивый и нежный Тибулл, любил напоминать о смерти своей Делии и Немезиде. "Ты будешь плакать над умирающим Тибуллом; я сожму руку твою хладящую

⁸ К.Н. Батюшков. Петрарка. Опыт в стихах и прозе. "Наука", М., 1977, стр. 149-164.

рукою, о Делия!" ... Но после смерти всему конец для поэта, самый Элизий не есть верное жилище. Каждый поэт переделывал его по-своему и переносил туда грубые, земные наслаждения. Петрарка напротив того: он надеется увидеть Лауру в лоне божества, посреди ангелов и святых; ибо Лаура его есть ангел непорочности; самая смерть ее - торжество жизни над смертью"⁹.

В связи с приведенной цитатой мы хотели бы сделать несколько замечаний. Во-первых, что касается представления античных поэтов об Элизии - в этом Батюшков прав. Но сам Батюшков в своей элегии "Элизий" от всегда и везде преследующей его угрозы смерти находит убежище, создавая образ избытка жизни и земных наслаждений:

"В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови..."

Мотивы смерти, скоротечности жизни и радости то и дело встречаются в стихотворениях Батюшкова даже в его первый, так называемый "эпикурейский" период творчества. В "вакхическом" стихотворении "Веселый час" веселый звон бокалов, шум "веселья и забавы" не может заглушить мотива смерти:

"Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастье жить!"

Или перед окончанием стихотворения:

... Заране должно ли крушиться?
Умру, и все умрет со мной!..."

⁹ Батюшков, Указ. соч., стр. 150-151.

Мотивы "эпикурейства", беззаботного наслаждения жизнью в конечном счете являются одним из способов "самообмана", "забвения", представляющим собой важный элемент поэтики Батюшкова в первый период творчества, о котором он пишет в окончательном стихотворении "Мечта" /1802 г./:

"Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой:
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:

Блаженство находить в убожестве - мечтой"

Во-вторых, как верно упоминается об этом в примечаниях к очерку Батюшкова о Петрарке... "Меру идеальной отрешенности Петрарки от "земного" Батюшков преувеличивает: Петрарке в "Канцоньере" свойственна трагическая рефлексия именно от сознания сладостности земной красоты и греховности стремления к ней, ее привлекательности и неизбежности ее смертного распада".¹⁰ Как известно, "Канцоньере" Петрарки можно разделить на две части: сонеты, написанные "На жизнь мадонны Лауры", представляют собой первые 263 сонета, а сонеты с 264-ого стихотворения принято называть сонетами "На смерть мадонны Лауры". Первый сонет представляет собой исключение - он является введением в "Книгу песен" итальянского поэта, написанным и вставленным в "Канцоньере" позднее, в ходе дальнейшего редактирования. Проблема смерти и свя-
... с ней вопросы человеческого существования - контраст
... той земной жизни и высшей "рациональной" правды веры
... являются вечными и тревожными объектами философских и поэ-
... тических исканий Петрарки. Один из героев, участников бесе-
... ды его раннего произведения "Моя тайна, или книга бесед о
... "презрении к миру", Августин дает определение человека:
... "... человек - одаренное разумом и смертное животное".¹¹

¹⁰ К.Н. Батюшков. Опыты..., стр. 526.

¹¹ Фр. Петрарка. Избранное. М., "Худ.лит.", 1974, стр. 63.

Далее он объясняет свое понимание "разума" так: "... разум отличает его от дикого зверя, что самое имя человека он заслуживает лишь настолько, насколько руководится разумом; главное же, если он так проникнут сознанием своей смертности, что помнит о ней непрестанно, мыслью о ней обуздывает себя и, презирая преходящие земные вещи, жаждет той жизни, где, обрев полноту разума, он перестанет быть смертным, - тогда ты можешь сказать, что в лице этого человека ты получил верное и полезное представление об определении человека".¹²

Уже открывающее "Канцоньере" стихотворение верно передает характерное петрарковское недовольство собой и лежащую в основе петрарковской поэзии контрагерзу между влечениями сердца и нравственными абсолютами, ее страстным стремлением к полной деятельности и любви к земной жизни, и возвышенными помыслами о жизни в том, вечном мире:

... "У тщетных грез и тщетных мук во власти,
Неровно песть моя звучит подчас,
За что прошу не о прощенье вас,
Влюбленные, а только об участие.

.

И за былую жажду тщетных благ
Казню теперь себя, поняв в итоге,
Что радости мирские - краткий сон".¹³

Читателю трудно согласиться с изображенной в сонете авторской позицией, вытекающей из вышеизложенного "рационализма" высшей правды веры, с его "итоговым пониманием" и оценкой своего поэтического творчества, любви и жажды поэтической славы - "Я вижу нынче сам, что был смешон", ... "Что радости мирские - краткий сон". Лучшие петрарковские стихотворения являются гимном человеческой любви, где рациональная истина сулящей настоящее душевное спокойствие и

¹² Указ. соч., стр. 64.

¹³ Указ. соч., стр. 245.

высшее знание веры преодолевается, уничтожается поэтической, иррациональной правдой изображения ничем не укротимых любовных чувств, грустно-меланхолических мечтаний и воспоминаний, преобразующих человека.

Во второй части "Канцоньере", в сонетах, написанных "На смерть мадонны Лауры", углубляются религиозные мотивы, связанные с размышлениями о смерти и суетности жизни. Лаура все чаще появляется в образе ангела-хранителя, направляющего поэта к высшим целям. Батюшков пишет в своем очерке о Петрарке этого периода: ... "Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесть его была вечная, горесть христианина и любовника. Он жил в небесах: там был его ум, его сердце, все воспоминания; там была его Лаура!"¹⁴

Современник Батюшкова, поэт 20-30-ых годов И. Козлов тоже перевел несколько стихотворений Петрарки, среди них и 302-й сонет, который прекрасно демонстрирует приведенные слова Батюшкова, и где, хотя в не очень удачном переводе, мы находим описание интересующего нас положения в романтической элегии: связь двух миров, контакт смертью разделенных людей:

"Я к той был увлечен таинственной мечтою,
Которую ищу напрасно на земле,
И там, где горний мир, она предстала мне
И столь жестокою, еще светлей краскою.
И молвила она, держа меня рукою:
Хочу, чтоб был со мной в надзвездной ты стране;
Я дух крушила твой любви в тревожном сне,
И прежде вечера мой день был кончен мною.
Блаженству дивному как быть изъяснену!
Тебя жду одного и чем тебя пленяла -
Мою прекрасную земную пелену".
Увы! Зачем она речей не продолжала
И руку отняла! - мне, ими прельщену,
Уж мнилось, что душа на небе обитала".¹⁵

¹⁴ К.Н. Батюшков. Опыты..., ук. соч., стр. 152.

¹⁵ Фр. Петрарка. Избранное, ук. соч., стр. 395.

Выше уже было сказано, что меру идеальной отрешенности Петрарки от "земного" Батюшков преувеличивает в своем цитированном нами очерке. Батюшков, однако, отходит от оригинального текста, в значительной мере романтизируя его и в своих художественных переводах. В приведенном выше переводе И. Козлов кроме некоторых неточностей передачи значения оригинального текста тоже изменяет дух оригинала, придавая ему сентиментально-романтическое звучание.¹⁶

В своем очерке о Петрарке Батюшков переводит в прозе 268-ое стихотворение "Канцоньере" "Гимн" /Батюшков "канцонь" называет "гимнами"/, начинающийся словами: "Che debbo io far? che mi consigli, Amore?", оставляя, однако, две первые строфы непереверденными.

Из перевода - вернее из выбора переводимой части "гимна" - и следующего за ним рассуждения следует, что Батюшкова интересовала и занимала главным образом та проблематика поэтического осуществления контакта двух миров, которая стоит в центре нашего исследования, и на основе которой мы в дальнейшем попытаемся изложить наше понимание художественной мысли маленькой трагедии Пушкина "Пир во время чумы".

Здесь мы приводим только некоторые части прозаического перевода Батюшкова и его комментариев к "гимну" итальянского поэта: "Исчезла твоя слава, мир неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты недостойна была знать ее, земля неблагодарная! ... Прекрасная душа ее переселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить без нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами!... Увы! в землю превратились ее прелести; они были здесь залогом красоты небесной и наслаждений райских. Там ее невидимый образ: здесь покрывало, затемнявшее его сияние... Божественный образ ее, милое имя, которое отзывается столь сладостно в моем сердце, - вы единственные опоры слабой жиз-

¹⁶ См. об этом ук. соч., стр. 392-396.

ни моей ... Но когда минутное заблуждение исчезает, когда я вспомню, что лишился надежды моей в самом цвете и сиянии: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бывает, знает и она, та, которая приблизилась к божественной истине ... Я страдаю; а она из жилища вечной жизни с гордой улыбкою презрения взирает на земное одеяние свое, здесь оставленное. Она о тебе одном вздыхает, и умоляет тебя не затмить сияния славы ее, тобою на земле распространенного: да будет глас твоих песен еще звучнее, еще сладостнее, если сладостны и драгоценны были очи ее твоему сердцу". Здесь кончается перевод. Батюшков заключительной части "прощания" в пять строк уже не переводит. Однако он комментирует художественную мысль стихотворения Петрарки: ... "Древность ничего не может представить нам подобного. Горесть Петрарки улаживается мыслию о бессмертии души, строгою мыслию, которая одна в силах искоренить страсти земные; но поэзия не теряет своих красок. Стихотворец умеет сочетать землю и небо; он заставил Лаурѳу заботиться о славе земной, единственном сокровище, которое осталось в руках ее друга, осиротелого на земле." 17

Как мы видим, Батюшков подчеркивает отличное от древних поэтов христианское поэтическое содержание образа сочетания земли и неба, усматривая в этом индивидуальное свойство поэтики Петрарки. Несколькими строками ниже он пишет: "Иначе плачет над урною любовницы древний поэт; иначе Овидий сетует о кончине Тибулла: ибо все понятия древних о душе, о бессмертии были неопределенны". 18

В русской романтической поэзии мы тоже находим мотив сочетания двух миров, но с резко отличающимся от Петрарки содержанием. В то время как основным достижением петрарковой лирики можно считать то, что она изображением тревожных ис-

17 К.Н. Батюшков. Опыты ..., ук. соч., стр. 152-153.

18 Там же.

каний и внутренних столкновений истин и ценностей двух миров, двух миропониманий, осуществляет акт поэтического, эстетического признания ценностей земной жизни человека, русские поэты-романтики, как мы это постараемся доказать на примере нескольких стихотворений Лермонтова, изображению сочетания двух миров /или же отказу от такого сочетания/ придадут совершенно иное звучание. В элегиях этого типа выражаются тревожные искания индивидуума, высвободившегося из-под опеки трансцендентального мира, гордого, не принимавшего и не признававшего кроме сферы земной, человеческой жизни никакого другого, "небесного" разрешения своей судьбы, но в то же время именно во имя человеческого достоинства, т.е. своего скорее платонически понимаемого представления о человеке /своей "идеи" о человеке/ отвергающего и презирающего неудовлетворяющее его, и оскорбляющее чувство человеческого достоинства, реальное бытие и ничтожное состояние человека. Такая напоминающая платоническое представление о мире требовательность к человеку во имя человека лежит в основе т. наз. лермонтовского демонизма: гордый дух, воплощаясь в герое повествовательно-лирического произведения, или став идеологическим центром, фокусом лирического субъекта стихотворений, отвергает бытового, натурального "ничтожного" человека во имя "человека" настоящего, достойного своего имени, в конечном счете не менее совершенного, чем "сверхчеловеческое", божественное или демоническое совершенство. Главное, однако, что в отличие от петрарковского поэтического содержания, лермонтовская метафизика и трансцендентальность имеют исключительно одну земную телеологию: носящийся над земным миром и окинувший его презрительным оком лермонтовский герой занят мыслью об одном земном существовании человека. Не случайно поэтому, что когда Лермонтов, согласно своему поэтическому интересу и вкусу, обращается к стихотворению Гейне, чтобы перевести его, то он выбирает такое изображение, интересующего нас сочетания двух миров, где свидание в ином мире полюбивших друг друга на земле людей, "расставшихся в безмолвном и гордом страданье", заканчивает-

ся трагически-отрицательно:

... "И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали".

Лермонтов как бы не признает "потустороннего излечения" последствий земных ран, последствий человеческого несовершенства в земной жизни. В нескольких стихотворениях, в том числе и во втором варианте стихотворения "Мой демон" /1830-1831 гг./, Лермонтов дает поэтическую формулировку своего "демонизма", основы своего художественного взгляда на мир:

"И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда". /Курсив наш - Т.Б./

Эта же формула воплощается в разных поэтических образах и ситуациях во многих лермонтовских стихотворениях, в том числе и в стихотворении 1830-31 гг. "Ангел":

"По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел; и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался - без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли."

Разумеется, лирическим центром стихотворения, представляющим собой эквивалент человеческой сферы, является "душа", ведь она, а не "ангел" переживает трагизм вышеприведенной

формулы лермонтовского переживания /см. стихотворение "Мой демон"/. По аналогии с переживаниями лирического субъекта этого стихотворения "душе" из песни "ангела" - который в структуре стихотворения выполняет ту же функцию, какую в стихотворении "Мой демон" выполнял именно демон, озарявший "ум" лирического героя "лучом чудесного огня" - иррациональным путем /т.е. из песни ангела/ сообщается "образ совершенства", чтобы как будто "дав предчувствия блаженства", не дать "ей счастья никогда": "Он пел о блаженстве безгрешных духов"... и "звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли". У Лермонтова опять отказ от кажущегося Петрарке возможным спасения, умиротворения, высшего разрешения земных человеческих проблем в ином мире. В 15-ой строфе первой части поэмы "Демон" главный герой, "утешая" потерявшую своего жениха Тамару, с одной стороны обнаруживает близкое к "общему демонизму" Лермонтова отношение к земному миру, однако, его позиция в отношении к пониманию человека в свете интересующего нас сочетания миров в структуре целого произведения согласно художественному стремлению Лермонтова обогащается и другим, более широким, и в некоторой степени противоречащим трактовке этого вопроса в приведенных выше случаях содержанием. Тамара ..."слышит

Волшебный голос над собой:
"Не плачь, дитя! Не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы!
Что жизни мелочные сны,
И стон, и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!"

В свете "утешения" Демона плач Тамары напрасен: ее слеза, действительно, не оживит "труп безгласный". Но внутренняя, субъективная "правда" утешения Демона - в его убеждении /или вернее только в мнимом, или просто показном убеждении/, согласно которому - что вытекает из выше уже изложенного платонического основания демонизма у Лермонтова - невозможен контакт между жителями двух миров, "гостем райской стороны", слышащем "райские напевы", и земной "бедной девой", способной только на "мелочные сны" жизни, на "стон и слезы". Самое абсурдное, однако, в утешении Демона то, что он побуждает именно "смертное творение", земного человека к презрению к таким же "смертным творениям", к роду человеческому. Мы не можем здесь дать подробный анализ лермонтовской поэмы, но хотели бы только указать на одно обстоятельство: на то, что утешительная "истина" Демона никогда не может быть человеческой правдой, потому что эта правда не для человека, не его собственная правда, а если это так, то она может быть направлена только против человека, т.е. может быть только "античеловеческой правдой". Такая внутренняя противоречивость Демона сопровождает его образ от начала поэмы до конца. И то, что "правда" демона не вообще "поэтическая правда" произведения, выражается не только строками, передающими поражение Демона и спасение Тамары, где человеческая сущность Тамары, т.е. ее способность к участию, страданию и жертве из любви берет верх над ее демоническим началом, - т.е. "сомнениями", внушенными ей Демоном, но об этом свидетельствует даже беглый анализ доводов, аргументов Демона и их сопоставление с другими описаниями поэмы, кстати, осуществленными частично с точки зрения того же Демона.

"Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои ...
Она страдала и любила -
И рай открылся для любви!"

За приведенным выше "утешением" Демона следует якобы утверждающее несомненность и правоту его высказывания описа-

ние природы, где нарочитая картина бесконтактности, разобщенности отдельных явлений природы и вселенной дана Демоном с целью "демонизации", т.е. привлечения на свои позиции невинного человека, Тамары:

"На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья -
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь помяни;
Будь к земному без участия
И беспечна как они!"

Прямым отрицанием содержания слов Демона, т.е. его утверждения о разобщенности как основном законе вселенной и, следовательно, и настоящего человеческого поведения могут служить строфы 3-я и 4-ая первой части поэмы, где дается описание природы Грузии и Кавказа глазами того же Демона, пролетавшего над ними. Эти описания ярко свидетельствуют о том, что в природе, во вселенной, во "всем божьем мире" господствует недостижимая для него, "изгнанника рая", гармония. Даже его "воспоминания лучших дней" свидетельствуют об им уже потерянной, но вообще существующей гармонии.

В первой строфе Демон вспоминает о тех днях, когда он сам участвовал в нераздельной гармонии вселенной и поддерживал контакт с участниками мирового целого:

... "Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;"...

В третьей строфе поэмы путь Терека сопровождают облака, и в "дикой и чудной" жизни "божьего мира" участвуют не только животные, но даже и скалы, и "башни замков на скалах": ...

"И Терек, прыгая, как львица
.
Ревел, - и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы -
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир..."

Стихотворение Баратынского "Недоносок" только частично отражает предложенный нами аспект сочетания двух миров, потому что в нем пишется не о возможностях такого сочетания миров, объединяющих или разделяющих людей, а Недоносок здесь, в некоторой степени напоминающий лермонтовского Демона, поэтический образ философского осмысления Баратынским человеческого бытия, возможностей человеческого поведения в свете его представления о постоянном столкновении в сознании человека двух начал возможного поведения:

или "надежды" и "волнения"
или "безнадежности" и "покоя".

Из двух возможностей, представленных "Провидением" на "выбор мудрости людской" лирический герой раннего Баратынского выбирает вторую, "гоняя прочь" "рай прельстительный" "пламенных снов" сердца. Он, переживший опыт, т.е. разочарование -

... "судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знание бытия приявшие
Себе на тягостную часть"... - для спасения от

дальнейших потрясений разочарования, для самозащиты выключает себя из живого потока жизни, отвергает возможность полного эмпирически-сенсуального и главным образом полного душевного участия в жизни, и для избежания дальнейших страданий продолжает существовать в качестве "живого трупа":

... "Так доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.
Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, -
Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран".

Такое "мудрое", "рациональное" выключение из полной /в духовном и эмпирическом отношении/ жизни мы находим во многих стихотворениях, как напр., в стихотворении "Безнадежность" 1823-ого года:

... "Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу -
И скромно кланяюсь прохожим".

Но такого рода "рационализм" и вытекающий из него "хлад спасительный" "бездейственной души" не остается навсегда поэтической правдой лирики Баратынского; во второй период творчества его лирический герой осознает, "что жизнь для волнения дана: жизнь и волнение одно" /"Мудрецу", 1840/, что перед мыслью, "как перед нагим мечом, мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная". /"Все мысль, да мысль"/, 1840/.

Безвыходность, ошибочность и ложность "рационалистического" отношения к жизни лирического героя Баратынского, бес-

человечность такого подхода к жизни и непригодность такого метода самозащиты от возможных разочарований выражается во многих стихах этого периода, как например, и в стихотворении "На что вы дни..." 1840-ого года:

"Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!"

Односторонняя "рационалистическая" активность души привела к усыплению, к бездействию души:

"Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь",...

Здесь мы хотели бы только отметить без подробного приведения доказательств, что Пушкин, напротив, уже в самом начале своего творчества всячески стремится к душевному возрождению, к освобождению от парализующего полную духовную деятельность, способность души к полной жизни, душевного хлада - результата разочарования. Примеры такого освобождения, душевного возрождения мы находим уже в стихотворении 1820-ого года "Погасло дневное светило", но без преувеличения можно утверждать, что все творчество Пушкина представляет собой примеры утверждения исключительной важности для человека приобретения способности душевного возрождения, участия в жизни с верой и надеждой на будущее. В связи с трактовкой "рационального" подхода к жизни и разочарования лирического героя Баратынского мы хотели бы указать только на одну аналогичную ситуацию в стихотворении Пушкина 1825-ого года "Сцена из Фауста". Мефистофель - рационалист "утешает" скучающего / у Пушкина разочарованного, отчужденного от жизни, не участвующего в ней с душевной полнотой/ Фауста:

"Доволен будь
Ты доказательством рассудка,
В своем альбоме запиши.
Fastidium est quies - скука
Отдохновение души."

Правда Мефистофеля - понимаемая им положительно, т.е. так, что скука как "отдохновение души" хороша, соотносима с поэтической правдой "мудрого исключения" из полной жизни лирического героя раннего Баратынского, выбравшего "спасительное бездействие души". Но как эта "правда", разоблачаясь, переходит в свою противоположность в оценке лирики позднего Баратынского, так и слова Мефистофеля входят в пушкинское значение "человеческой правды" произведения со своим обратным значением. Для Мефистофеля рациональная правда - /ведь он сам раньше говорит: "Вся тварь разумная скучает"/ в том, что скука - отдохновение души. Это, однако, не окончательная, не высшая /пушкинская/ правда. Для Пушкина, как известно, ничего нет опаснее для человека, чем "бездействие", т.е. "отдохновение души". Для него поэтому "отдохновение души - скука", это скучно, т.е. невозможно, неприемлемо. И Фауст находит выход из кажущегося неразрешимым положением, путем непосредственного, полезного для человечества поступка, действия, и как лирический герой пушкинских стихотворений, возродившись душевно, готов с открытой и свободной душой к переживанию всех горестей и радостей жизни. Слова из "Элегии" 1830-ого года характеризуют пушкинское понимание вопроса в более широком масштабе:

... "Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья..."

"Недоносок" с одной стороны близок к лермонтовскому Демону с точки зрения изображения: он тоже "из племени духов, но не житель эмпирия", и он тоже носится "меж землей и небесами". Но в отличие от могучего Демона, Недоносок "мал и плох", и главное, что их различает - это разность воплощения неодинаковых художественных мыслей Баратынского и Лермонтова. "Недоносок" может быть понят, как самое глубокое и полное художественное выражение мысленного и мировоззренческого преодоления оказавшейся непригодной позиции

"спасительного рационализма" ранней лирики поэта. Недоносок - это поэтический образ чистой, бестелесной, свободной от всего эмпирического и сенсуального духовности, своего рода абсолютное сознание. Но как таковое по природе и в основе своей человеческое! сознание, считающее главным своим определением эту свою человечность. Недоносок - человеческое явление, и как таковое, воплощая основную художественную мысль Баратынского, он приходит к страстному требованию составного, органического элемента человеческой жизни: к отказу от понимания жизни как сплошной философии и "абсолютной рациональности", и к утверждению полной духовной и эмпирически-непосредственной земной жизни. Благодаря своему человеческому самосознанию и самоопределению Недоносок, в отличие от Демона, презрительно ко всему человеческому относящегося, с сочувствием, с состраданием относится к доносившимся до него смутно бедствиям и страданиям "земного поселенца":

"Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

В тучу кроюсь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая."

Лермонтовский Демон, обольщая Тамару, побуждает ее к презрению к человеку, к земле:

... "Где нет истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить."

Главной же проблемой, основной трагедией лирического героя стихотворения "Недоносок" является именно его одностороннее, вечное пребывание в состоянии все осмысляющего духа, навеки отрешенного от возможности полного, эмпирического бытия. Трагическое осознание такого положения дается в последних строках стихотворения, уже после описания бедствий человека на земле и сострадания "земному поселенцу" со стороны

Недоноска. Это значит, что вопреки своему знанию о трудностях жизни человека, Недоносок главную свою беду видит в невозможности из-за скорой своей смерти участвовать в земной жизни:

"... на земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

Не претендуя на исчерпывающую трактовку вопроса, мы хотели бы выразить одно наше предположение, согласно которому предложенное выше толкование стихотворения Баратынского позволяет его интерпретацию как поэтического спора с заключительными строками стихотворения Батюшкова 1820 года "Надпись для гробницы дочери Мальшевой":

"О! милый гость из отеческой земли!
Молю тебя, заметь сей памятник безвестный:
Здесь мать и отец надежду погребли;
Здесь я покоюся, младенец их прелестный.
Им молви от меня: "Не сетуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
И знаю вечность."

С мотивом сочетания двух миров мы нередко встречаемся в сценической и несценической истории первых трех маленьких трагедий Пушкина, и при этом они играют весьма важную роль в формировании характера и идеологии действующих лиц и в развитии драматического конфликта. Таким примером можно считать слова скупого рыцаря, заканчивающие его монолог перед денежными сундуками во второй сцене:

..."О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..."

Сальери, размышляющий об отравлении Моцарта, в первой сцене говорит о гениальном композиторе Моцарте как о явлении из иного мира:

... "Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?

.

Что пользы в нем? Как некий херувим,
Чтоб возмутить бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше."

В "Каменном госте" тоже немало примеров обнаружения мотива "сочетания двух миров". Так уже в самом начале трагедии Дон Гуан /для "традиционного" Дон Жуана совершенно неожиданным образом/ внутренне переживает "сочетание миров", когда задумчиво-уныло вспоминает о своей умершей возлюбленной, Инесе.

Другим примером появления этого мотива являются слова Доны Анны, свидетельствующие о сложном переживании противоречивых чувств к умершему мужу и любящему ее страстно Диго:

"Дона Анна.
Диго, перестаньте: я грешу,
Вас слушая, - мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна."

Своеобразным воплощением данного мотива является отношение Гуана к убитому им Командору, переносящееся с "настоящего" сценического действия на прошлое - когда Дон Альвар еще был жив. В настоящем же изображается его "вражда" /в первую очередь психологическая/ со статуей Командора, появляющейся как "карательная статуя" в конце четвертой сцены.

В четвертой пьесе "Маленьких трагедий", "Пир во время чумы" чума, т.е. смерть фигурирует не только в заглавии произведения, и представляет собой не только пассивный фон к событиям, а является главным динамическим элементом развития драматического конфликта. Неотразимая вражеская сила - смерть

становится центральной проблемой каждого живого человека, парализуя свободную умственную и психическую деятельность людей. Однако образ смерти имеет не одну функцию и форму, а согласно художественной мысли Пушкина отдельные действующие лица пьесы, участники пира и священник понимают ее по-разному. Описывая реакции отдельных героев на общее бедствие и оценивая их с точки зрения требований высокой гуманности, действительно достойной человека, Пушкин и в этой трагедии, как во многих своих великих творениях, дает образ высокого гуманизма, способного победить угрожающую человеку физическую и духовную смерть. В художественной структуре произведения в нашем понимании играет весьма важную роль выбранная нами уже для рассмотрения вышеприведенных произведений элегического жанра проблема сочетания двух миров.

Уже в самом начале пьесы в словах Молодого человека и в ответе на них Председателя обнаруживаются два разные понимания смерти, вернее разное человеческое и психологическое отношение к ней. Молодой человек пирующим предлагает выпить в память весельчака Джексона, выбывшего первым из их круга. Его слова показывают, с одной стороны, отношение Молодого человека к умершему Джексону, но с другой - проливают свет и на его отношение к миру, на внутреннюю причину, побудившую его участвовать в пире. Он напоминает пирующим о Джексоне:

... "чи шутки, повести смешные...

.....
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша посылает
На самые блестящие умы."

А несколько позднее, когда Луизе стало дурно при появлении наполненной мертвыми телами телеги, тот же Молодой человек подбадривает ее:

... "Развеселись, хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем не возмутимых..."

Слова молодого человека свидетельствуют о понимании жизни как бегства от страха преследующей человека смерти.

Когда, однако, Молодой человек предлагает выпить в память Джаксона "С веселым звоном рюмок, с восклицанием, Как будто б был он жив" - Председатель, возражая ему, подчеркивает потерю человека и друга, предвещая таким образом постановку центральной своей человеческой проблемы, ставшей впоследствии стержнем основного конфликта произведения. Он говорит:

"Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчанье
Мы выпьем в честь его".

Этим намечается второй план осмысления смерти и выработки определения внутреннего отношения к ней личности. Условно этот второй план мы тоже будем называть бегством, а именно бегством как преодолением страдания, горечи из-за потери дорогого и близкого человека.

Третье действующее лицо маленькой трагедии - Мери, которая по просьбе Председателя исполняет "родимую", т.е. шотландскую народную песню. Первые две строфы в некоторых деталях описания опустошающего, губительного действия чумы напоминают песню Мери из Вильсоновой трагедии "Чумный город"¹⁹, состоящей там из 16-и строф, но остальные три строфы пушкинские. Начало средней, третьей строфы - образец смиренного приятия смерти, и как таковое в некоторой степени предвещает позицию священника, появившегося несколько позднее, после "гимна чуме" Вальсингама:

... "Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их."

¹⁹ John Wilson: The City of the Plague, and other poems. Edinburgh-London, 1816. pp. 45-47.

Песня Мери дает образ жертвенного альтруизма в любви в последних двух строках. Дженни, жертвенной любовью любящая своего Эдмонда, во время свирепствующей чумы, заразившись и умирая, думает об одном спасении Эдмонда и просит его удалиться и спасти свою жизнь.

... "Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней."

Такое самоотверженное чувство Дженни вызвано ее убеждением в возможности сочетания двух миров и их контакта посредством ничем не победимой взаимной любви:

"А когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах."

Хотя Председатель, поблагодарив "задумчивую" Мери за "жалобную песню", называет ее /т.е. песню/ "унылой и приятной", он не может принять позицию ее главной героини. Председатель недоволен человеческой реакцией, отразившейся в народной песне, возникшей в результате имевшей место в прошлом такой же губительной для человечества чумы:

... "И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной..."

"Недовольство" Председателя можно понять не только как "психологизм", т.е. как отражение чувств и сознания героя, ставшего уже поэтом, и несколько позднее поющего свой гимн чуме. Ведь Дженни во имя спасения своего возлюбленного отказывается не столько от жизни, сколько именно от любви, и заключительные слова гимна Вальсингама, быть может, отвечают и

на это, предлагая другое человеческое поведение перед общей проблемой смерти:

"Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, -
Быть может ... полное чумы."

В словах Председателя, следующих за песней Мери и связанных с ней, следует выделить одну интересную деталь:

... "Нет, ничто

Так не печалит нас среди веселий,

Как томный, сердцем повторенный звук" - гово-

рит Председатель. Из этого следует, что Председатель относится к песне как следует относиться к литературному явлению, но его отношение к народной песне двойственное: во-первых, будучи поэтом, он, как мы видели, с собственной идеологической и эстетической позиции отвергает ее, не принимая ее мысли, а во-вторых, как человек, участник пира, он способен чувствовать отраженную светлую "печаль" "томной" песни, исполняемой Мери. Песня Мери - своего рода "произведение в произведении", и как таковое, играет немалую роль в характеристике и психологии отдельных героев. Способность Председателя к "повторению сердцем томного звука", т.е. к восприятию и внутреннему "повторению" литературной "печали" "среди веселий" свидетельствует о его человеческом величии и о высокой степени его внутренней свободы, не зависящей от внешних обстоятельств, от угрозы смерти.

"Жестокая" по словам Председателя ревнивая Луиза, на первый взгляд, не обращающая внимания на царящую вокруг смерть, не способна к пониманию чужой боли и переживанию отраженных в литературном произведении чувств. По ее ревнивым и недоброжелательным по отношению к Мери словам Вальсингам склонен предполагать в ней "мужское сердце", но, когда она падает в обморок, выявляется, что:

... "нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстями томимой".

Затем следует гимн Председателя. Теперь становится ясным психологизм комментирующих песню Мери слов Вальсингама. А в споре со священником выявляется, что Вальсингам, нашедший убежище в веселом пире, бежит не от угрозы смерти, а скорее от своих внутренних страданий, вызванных потерей своих близких: нежно любимой им жены, Матильды, и матери. Но в веселом пированье он не хочет и не может полностью забыть свою печаль, и в то же время наряду с чувствами ничем не преодолимой печали в его душе возникают чувства протеста и искреннего негодования против судьбы. Значит, Вальсингамом, ставшим поэтом накануне ночью

/"Прошедшей ночью, как расстались мы
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни". /

руководит в первую очередь то же чувство негодования из-за недостойной человека судьбы, какое мы отмечали в его замечаниях после песни Мери. В репликах Вальсингама после песни Мери мы различали несколько присутствующих совместно оттенков чувства и мысли /негодование, боязнь страдания и печали как непосредственное чувство, но в то же время нежелание забыть в веселье пира о своей потере и поэтому стремление к "переживанию сердцем" выраженной в народной песне "искусственной", т.е. отраженной в произведении искусства печали/. Так и здесь, т.е. в гимне чуме Председателя, звучащем в первую очередь гимном человеку, страстным утверждением его достоинства мы также находим разные сопутствующие его главной мысли оттенки чувства и морали. Но прежде чем начать более подробный анализ гимна и следующего за ним спора Вальсингама со Священником, мы хотели бы отметить, что в отличие от понимания многих исследователей пушкинского произведения мы не считаем грандиозный гимн центром, т.е. вершинной точкой маленькой трагедии, а только

одним, хотя и главнейшим элементом внешнего и внутреннего развития драматического конфликта ²⁰. Здесь мы хотели бы отметить следующее: хотя гимн Вальсингама, и особенно 3-я его строфа и обнаруживает некоторую схожесть с гимном председателя в вильсоновой трагедии, хотя некоторые мотивы изображения разных видов смерти и совпадают в двух гимнах, их идеи так различны, и художественная мысль Пушкина так оригинальна, что ссылка Пушкина на вильсоновскую трагедию представляется чуть ли не мистификацией. В вильсоновой трагедии гимн председателя состоит из пяти строф, которые вместе с картиной смерти в морском сражении двух флотов во время бури, сражения между двумя армиями в горах и картинами "настоящей смерти", представляемой "Королем смерти" - чумой, напоминают аналогичные мотивы в пушкинском произведении. Но художественное значение этих мотивов, т.е. поэтическая функция двух образов в структуре двух произведений, разные. В гимне Председателя в вильсоновой трагедии тоже имеется некоторый положительный оттенок по отношению к чуме - смерти, напоминающий скорее картины из серии рисунков Гольбейна: "Пляски смерти", или же вызывающий в памяти понимание смерти в некоторых местах у Державина в положительном смысле, как последней инстанции, как залога возможности более совершенной справедливости и оценки человека, чем основывающаяся на понятии земного величия и общественной иерархии "справедливость". Как у Державина, угрожающий образ смерти часто выполняет функцию предупреждения власть имеющим: - перед смертью все смертные, все люди равны, - так и гимн Председателя у Вильсона заканчивается упоминанием благодетельной, приводящей к большей справедливости в жизни смерти. Такой мотив у Державина звучит, однако, более отвлеченно,

²⁰ Д. Устюжанин. Маленькие трагедии А.С. Пушкина. М., 1974, стр. 92-93.

М. Цветаева. Мой Пушкин, стр. 223.

Н.Б. Иванова. "Гимн чуме" и поэзия Тютчева. Известия Академии наук СССР, 1975/3, стр. 273-275, и др.

принципиально, а у Вильсона имеет более практическое значение: со смертью богатого и старого купца деньги попадают к нуждающимся в них молодым людям, со смертью старого, ненавистного мужа молодая вдова свободна связать свою жизнь с жизнью молодого любовника, и т.д. 21

У Пушкина нет ничего подобного. Гимн председателя действительно представляет собой гимн Человеку.

В предпоследней 5-ой строфе гимна Вальсингама пушкинской трагедии, следующей за строфой, начинающейся словами "Есть упоение в бою ..." мы читаем:

... "Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

И далее:

Итак - хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье,
Быть может ... полное Чумы".

Содержание вышеприведенной пятой строфы гимна М. Цветаева называет "кошунственным", понимая "неизъяснимы наслажденья" вроде декадентского "наслаждения уничтожением". М. Цветаева пишет: "... Какого бессмертия? В боге? В таком соседстве один звук этого слова дик. Залог бессмертия самой природы, самих стихий и нас, поскольку мы - они, она - строка, если не кошунственная, то явно языческая..." "... В чем кошунство песни Вальсингама? Хулы на бога в ней нет, только хвала Чуме. А есть ли сильнее кошунство, чем эта песня?

21 John Wilson. The City of the Plague ... pp.50-53.

Кощунство не в том, что мы, со страха и отчаяния, во время Чумы - пируем /так дети, со страха, смеются!/, а в том, что мы в песне - апогее Пира - уже утратили страх, что мы из кары делаем - пир, из кары делаем - дар, что не в страхе божаем растворяемся, а в блаженстве уничтожения.

Если /как тогда верили все, как верим и мы, читая Пушкина/ Чума - воля божия к нас покаранию и покорению, то есть именно бич божий.

Под бич бросаемся, как листва под луч, как листв дождь. Не радость уроку, а радость удару. Чистая радость удару как таковому.

Радость? Мало! Блаженство, равного которому во всей мировой поэзии нет. Блаженство полной отдачи стихии, будь то Любовь, Чума - или как их еще зовут." ²²

Конечно, возможно и такое понимание слов гимна Вальсингама, но оно не исключает возможности дальнейшего их толкования. Как мы видели, здесь все психологично, слова Председателя окрашиваются доминантой его психологического состояния: негодованием и бунтом против подавляющей и уничтожающей человека вражеской силы слепого рока. Пытаясь угадать значение, логику образа "бессмертности" "смертного", нашего "неизъяснимы наслажденья" в своем сердце при угрозе гибели, формально можно прийти к вполне, однако, неудовлетворяющему нас выводу: переживание смерти, ее мужественное и твердое принятие может быть долей только смертного человека, и таким образом в наибольшей и глубочайшей проблеме жизни каждого живого существа бессмертные боги не в состоянии участвовать. Здесь огромная возможность для проявления человеческого, достойного бессмертных существ величия. Не отказываясь от подобного разрешения вопроса, мы хотели бы предложить и другое его понимание, в свете которого мы представляем себе и толкование

²² М. Цветаева. Мой Пушкин. М., 1967, стр. 220-226.

остальной части произведения.

По словам Вальсингама "счастлив тот, кто среди волнения" "неизъяснимы наслаждения" "обретать и ведать мог". Здесь "поэтическая правда" поэта - Вальсингама, настраивавшегося на чужую грусть, на чужой, но проявляющийся вокруг общий страх, и под знаком своего негодования сопротивляющегося парализующему психику, свободную, живую душевную жизнь пока еще живого человека влиянию "дуновения чумы". Поэтому Председатель считает достойной бессмертия победой человека то, что он не поддается общему страху, а "среди волнения" находит в себе свободные чувства для бодрости, любви и дружбы, т.е. мужественную, свободную, готовую для свободного проявления чувства душу. Последнее качество, однако, т.е. душевное возрождение, освобождение души от комплексов и возрождение к чувствам, не входит в "телеологию" гимна Председателя. Став "поэтом" благодаря принуждающей силе внутреннего негодования, и воплощая это негодование в художественном произведении, он еще далек от возродившегося к новому, свободному и невинному чувству любви к умершей Матильде Вальсингама в конце трагедии.

Внутреннее негодование, побудившее Вальсингама к написанию гимна, понимаемого нами не как выражение "блаженства уничтожения", а как сопротивление, - по словам той же Цветаевой "Чуме - воле божией", "бичу божию" - это литературный ответ на в другом освещении отраженный в песне Мери факт гибельного свирепства чумы в прошлом и в настоящем, изображенный в произведении.

"Жестокая" Луиза недаром называет Мери "слезливой": Мери в отличие от Председателя не способна понять ею же исполняемую песню, отождествляя свою судьбу с отраженной в песне судьбой людей: она становится сентиментальной /Председатель имеет полное право назвать ее песню "жалобной"/, потому что ей немного жаль и себя, т.е. сюжет песни она переживает с собственной, впрочем, действительно, горестной точки зрения:

"Мери ...

... Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поюшей у родимого порога.
Мой голос слаще был в то время; он
Был голосом невинности."

Перед нами свирепство смерти, жизнь кучки людей на краю пропасти - кризисное положение с точки зрения человеческих ценностей, способных руководить поведением людей. Старые ценности потеряли свою действительную моральную силу, а новых еще нет, и этот вакуум представляет собой не только фон к конфликту, но и действительную психологическую мотивацию поступков и мыслей действующих лиц.

Выше уже было сказано о негодовании после песни Мери Вальсингама, о его недовольстве отраженной в песне человеческой реакцией на бессмысленные жертвы. Дальше было указано, что это негодование переросло в гимн сопротивления в "гимне чуме" Вальсингама. Драматический конфликт своего апогея достигает, однако, после появления священника. Священник знает одну систему ценностей и предлагает ее пирующим; в качестве спасения. Слова священника после песни Мери опять напоминают о возможности - согласно предложенной им системе ценностей - сочетания двух миров:

"Священник.

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души."

Приведенные слова священника недалеки по смыслу от "mento mori" Жуковского из стихотворения "Человек":

"Твой рай и ад в тебе!... брань, брань твоим страстям! -
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, -
Могила - к вечной жизни путь!"

Быть может, предложенная альтернатива была бы легче для Вальсингама, но настоящий душевный конфликт его только сейчас углубляется в спорах с появившимся священником. "Правда" священника, т.е. правда религиозного-смирненного приготовления к смерти неприемлема для Вальсингама; его требованиями к жизни руководят не обстоятельства, а влечения молодости:

"Дома
У нас печальны - юность любит радость."

Священник, стараясь всячески повлиять на Вальсингама, напоминает ему сцену и переживание им недавней смерти его матери, и наряду с этим вводит и новую перспективу, заставляя председателя смотреть с ее небесной точки зрения на свои поступки:

"Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самих небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких вздыханий?"

В своем ответе, следующем за словами священника, Вальсингам еще отвергает предложенную священником возможность спасения:

... "Тень матери не вызовет меня
Отселе, - поздно, слышу голос твой,
Меня зовущий, - признаю усилья
Меня спасти ... старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет".

После этого следует главный довод Священника:

"Священник
Матильды чистый дух тебя зовет".

Из заключающих спор ответных слов председателя явствует, что упомянутая, предложенная священником точка зрения любимых и потерянных близких, обитающих в ином мире, по существу, не

чужда и Вальсингаму, а является как бы вторым, до сего момента "героически-насильственно" подавленным им же внутренним голосом его совести и души. Но человеческое величие Вальсингама заключается именно в том, что он не мог в себе окончательно побороть этот второй голос души, приведший его к внутреннему смягчению, столь значительно отличающему сознание "человека - Вальсингама", покинутого в конце трагедии на самого себя со своей в человеческом масштабе неразрешаемой проблемой, со своими размышлениями и страданием от "сверхчеловеческого", в своем сопротивлении и бунте обретающего свое бессмертие демониического лирического сознания "поэта-Вальсингама".

Ответные слова Вальсингама свидетельствуют о том, что ему самому не чужда предложенная священником перспектива сочетания земли и неба:

"О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным, -
И знала рай в объятиях моих ...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не досягнет уже..."

Слова Вальсингама /... "скрыть это зрелище".../ свидетельствуют о переоценке своей прежней позиции. Перед его требовательной совестью - как и перед "ее бессмертными очами" - выясняется, что поэтическая "правда" его гимна не есть абсолютная правда, ценность человеческого поведения.

Когда после появления священника Вальсингам отвергает предложение священника следовать за ним, он это делает не только следуя требованиям жизни: ... "юность любит радость", но быть может стараясь остаться тем же "чистым, гордым, вольным", независимым от притеснений рока человеком, каким "она считала" его. Поэтому именно он не способен измениться, и во имя небесной их встречи измениться в предложенном священником смысле. Но Вальсингаму, бывшему когда-то "чистым", "гордым" и "вольным", т.е. жившему полной жизнью, нельзя оставаться таким же, ведь условия, формировавшие его таким, по существу,

изменились: для него в отличие от пирующих товарищей важно в этом отношении не свирепство чумы и угроза смерти, а в первую очередь отсутствие Матильды. На это он реагирует своим бунтом, своим гимном, формой которого является пир. Пир, однако, для Вальсингама имеет и другое значение: возможность "самообмана", иллюзии встречи с умершей возлюбленной. В первом своем ответном монологе он говорит:

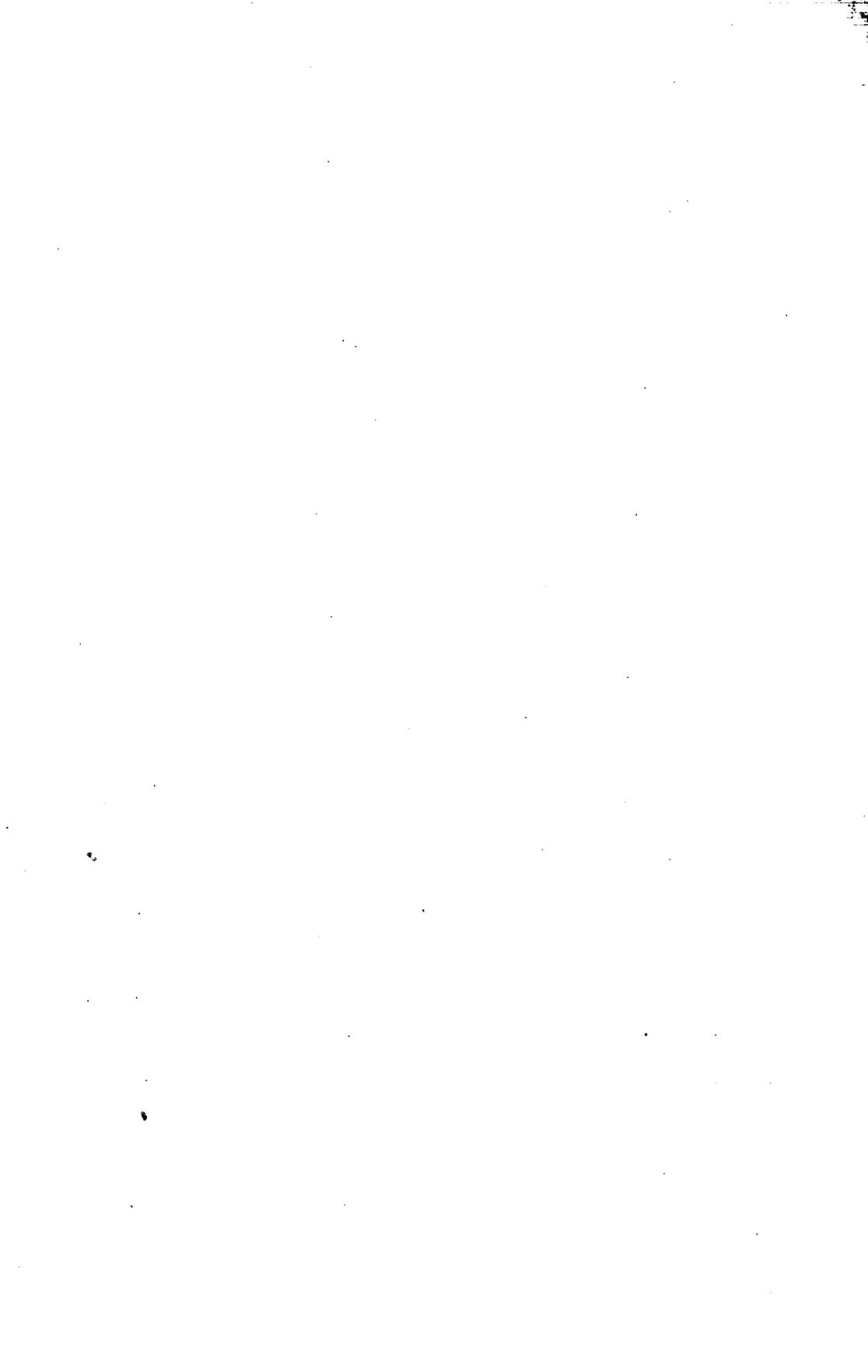
... "Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю -
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками /прости меня господь/
Погибшего, но милого созданья..." /Курсив наш - Т.Б./

В таком смысле следует понимать и тайно-загадочные слова Председателя перед песней Мери:

... "Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Бездумнее, как тот, кто от земли
Был отличен каким-нибудь виденьем".

Приведенные выше слова Вальсингама о его желании "скрыть это зрелище" "от очей ее небесных" указывают на то, что в нем самом, в его душе тоже есть противоположная его поведению и основному пафосу "гимна" оценка, полностью разделяющая моральную правду оценки "очей ее небесных". Это значит, что если в глазах умершей Матильды, т.е. перед собственной совестью и самооценкой он хочет остаться "чистым, гордым, вольным", то он не может принять ни предложенного священником религиозного спасения, ни иллюзорно-мечтательное лечение - утешение своих страданий, осуществляющееся "и новостью бешеных веселий", "и благодатным ядом этой чаши", а должен остаться в одиночестве, непонятным уже для пирующих, со своими ничем не заполняемыми утратой и горем. Перед зрелищем охватившего человека чистого страдания священник склоняет голову:

"/ Уходит. Пир продолжается. Председатель остается погружен в глубокую задумчивость./ "

ЭЛЕМЕНТЫ "ДЕМОНИЗМА" В РОМАНЕ А. БЕЛОГО
"СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ"

Каталин Секе

При исследовании прозы рубежа XX века /1900-1910 гг./ и ее проблематики следует указать на некоторые явления в истории мысли данной эпохи, которые определяют своеобразие духовного облика русской литературы этого периода, и в частности - своеобразие духовного облика так называемой символистской прозы. Характерное для всей Европы переживание кризиса, осознание происходящего процесса потери ценностей были ощутимы и в России, однако отклик на эти явления приобретал здесь своеобразный характер, поскольку он был тесно связан с традициями русской духовной жизни. Русский поэт-символист не может быть только "европейцем" или гражданином мира как это было у французских символистов; хотя он и обладает "европейским знанием", но это "знание" должно контаминироваться с исключительно русскими явлениями, с ценностными категориями классической русской литературы, с антиномиями "вера", "чувство" - "разум", с дуализмом таких категорий как "личность" - "коллективное бытие". Именно поэтому оказавшие наибольшее влияние на русскую духовную жизнь учения Ницше и Шопенгауэра своеобразно переосмысляются в свете идей Вл. Соловьева, Достоевского, Толстого и Гоголя. Наше предположение мы хотим проиллюстрировать одним примером: Известные принципы философии Ницше, нашедшие отклик в самых разных духовных исканиях эпохи /Горький и его круг, русские символисты/, на русской почве получают своеобразное значение. Так, например, проблему, нашедшую выражение в ставшей уже почти штампом формуле: "Бог умер" - "Сверхчеловек", в русском искусстве невозможно толковать не учитывая проблемы, нашедшей выражение в формуле, предложенной Достоевским в "Братьях Карамазовых": "Если нет бога, то все позволено," а также учения Соловьева о богочеловечестве, согласно которому человек путем постепен-

ного преобразования, внутреннего усвоения божественной ипостаси, творит историю.

Хотя в русской литературе на рубеже веков в произведениях Горького, Андреева, Брюсова и Гумилева появляется герой - "сильный человек", но скорее с указанием на невозможность разрешения поставленной проблемы "сверхчеловека", чем на возможность ее истолкования в полном соответствии с программой Ницше. На своеобразное русское ницшеанство, которое проникает в литературу преимущественно после революции 1905 года указывает Аничков в книге "Новая русская поэзия" /1923/. Согласно его мнению это было "... особое, чисто русское, своеобразное ницшеанство, во имя не сверхчеловека, а какой-то сверхжизни." ¹ А. Белый в своей работе о Ницше ² также полагает, что "Übermensch" - скорее принцип, слово, логос /в платоновско-соловьевской интерпретации/, т.е. норма морали или развития. Основная заслуга Ницше /в понимании Белого/ заключается в том, что он был философом предрекающим Апокалипсис, однако и основное значение философии Соловьева Белый усматривает в этом же. Ницшеанская концепция "сверхчеловека", питающаяся волюнтаристской "жажды власти", на русской духовной почве оказывается неприемлемой, прежде всего в силу неприемлемости западноевропейского индивидуализма в целом. Поэтому учение Ницше в России появляется в такой форме, которая исключает проблематику западноевропейского индивидуализма.

Русская литература на рубеже двух веков исследует человека прежде всего в пределах антиномии "человек - жизнь", а не с точки зрения интерперсональных отношений - в категориях, характерных для личности. В результате этого, поскольку части антиномии не равноценны и не однородны, категория

¹ Е. Аничков. Новая русская поэзия. Изд. И.П. Ладзжникова. Берлин, 1923, стр. 41.

² А. Белый. Фридрих Ницше. II. "Весы", 1908, № 8, стр. 55-65. стр. 56.

"жизнь" обретает самостоятельное существование, человек же превращается в "механическую" куклу, в марионетку, которая приводится в движение "жизнью", и потому подчинена ей.

"Лучше быть одиноким, чем покинутым",³ - утверждает Ницше, как бы делая вывод из принципа: "бог умер". Как это ни парадоксально, в "Жизни Василия Фивейского" Л. Андреева - одном из наиболее ницшеанских по духу произведений эпохи - попытки героя "превратиться в сверхчеловека" именно потому и демоничны, что герой не может вынести одиночества, покинутость богом он переживает как трагедию, и сам Андреев полагает, что именно эта покинутость приводит к трагедии, ведь "маленький человек", поставивший перед собой подобную задачу, теряет человечность.

Поскольку задача превращения человека в сверхчеловека неосуществима и противоречива, "метамораль" Ницше в конфронтации с моралью Достоевского и Соловьева оказывается бессмысленной и акцент переносится на истолкование, введенной Ницше категории "жизнь", с чем мы встречаемся прежде всего у русских символистов. Для "младших" русских символистов искусство - "жизнетворчество". А. Белый в ранее упомянутой работе о Ницше подробно пишет о созданных немецким философом "новых жизненных ценностях"⁴, предназначение которых в том, чтобы проникнуть в "бытие", преобразить мир. В свою теорию творчества Белый также внес некоторые заимствованные у Ницше элементы, в том числе и важную мысль о том, что творчество - синтез познания и бытия.⁵ У Вячеслава Иванова, другого крупного представителя русского символизма, принцип "искусство - жизнетворчество" развивается в дальнейшем в ином направлении: Иванов акцентирует призвание художника - демиурга. В статье 1904 года "Поэт и чернь" он пишет: "Символы - пе-

³ Im-igyen szóla Zarathustra. Bp. 1908. Wildner Ö. ford. III. rész. A hazatérés. 248. o.

⁴ А. Белый. Фридрих Ницше. II. стр. 63.

⁵ А. Белый. Ук. соч., стр. 62.

реживания забытого и утерянного состояния народной души..."
"... поэт - орган народного воспоминания /Платон/... Чрез него народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает спящие в ней веками возможности." ⁶ Русское искусство на рубеже веков открыто определяет себя как "религиозное искусство" /разумеется, каждый художник вкладывает в это определение разное содержание/, оно живет ожиданием больших перемен, наполнено апокалиптическими предчувствиями. Но в то же время, искусство, опирающееся на антиномию "человек - жизнь", в самом себе несет вытекающие из парадоксальности такой постановки проблемы следствия. Поскольку, как мы уже указывали, человек не характеризуется присущными личности категориями отношений, постольку он не обладает своей волей /воля индивидуума в истории русской мысли трактуется как негативное начало/, преувеличенное значение приобретает не поддающаяся точному определению категория "жизнь", часто выступающая в художественной практике символизма как стихийная, и даже демоническая сила.

Возвращаясь к одному из наших исходных положений, к мысли Аничкова, мы можем отметить, что понятие "сверхжизнь" в прозе рубежа веков, в противовес касающимся этого вопроса теоретическим обоснованиям, в конечном итоге является стихийной, амбивалентной с точки зрения ценностной системы категории. В этом значении мы и будем пользоваться этим термином в дальнейшем. Суммируя сказанное, мы хотим отметить, что в прозе русских символистов на рубеже двух веков принцип "жизнетворчество" нередко превращается в свою противоположность, влечет за собой не творчество, а гибель. Этот процесс можно проследить на судьбе героя романа А. Белого "Серебряный голубь" Дарьяльского.

Одним из проявлений указанного нами выше феномена является пронизывающий прозу символистов рубежа веков мотив

⁶ Вяч. Иванов. Поэт и чернь. "Весы", 1904, № 3, стр. 1-9. стр. 7.

сатанизма, демонология, восходящая к древнерусской литературе и искусству, преломленная сквозь призму творчества Гоголя, Достоевского и Лескова. В то время как в западно-европейской литературе, начиная с гетевского Фауста, наличествует традиционный мотив заключения союза с Люцифером, означающий, несмотря на вытекающую из такого соглашения гибель человека, расширение познавательно-творческих возможностей личности в русской литературе любые контакты с сатаной влекут за собой лишь страдание, гибель /например, для Саввы Грудцына, продавшего душу черту/, т.е. означают конец жизненного пути.

В памятниках древнерусской литературы, отражающих своеобразное дуалистическое восприятие мира, в апокрифах богомилов, начала божественного или дьявольского не однозначны, одновременно с добром родилось и зло - например, Сатана участвовал в сотворении Адама, "запятнал" его душу; мы встречаемся даже с представлением о том, что Сатана, так же как и Христос, - сын божий.⁷ Заслуживает внимания и тот факт, что один из самых "демонических" русских писателей Ремизов часто использовал дуалистические представления апокрифов богомилов в своих произведениях, издал сборник стилизованных апокрифических сказаний под названием "Отреченные повести" и был прекрасно знаком с литературой по этому вопросу. А. Белый, создавая свой первый роман, хотя и интуитивно /это был писатель совсем иного склада по сравнению с Ремизовым/, расширяет это дуалистическое представление о мире. Сам Ремизов, подчеркивая разницу между своим художественным методом и методом А. Белого, пишет в своем дневнике: "У Андрея Белого было живое предметное воображение, чего у меня нет. Мне всегда нужна книга, литературный источник. Когда Белый затеял писать "Серебряный голубь" на хлыстовскую тему, он попросил Гершензона указать ему книги о хлыстах. Гершензон

⁷ Ф.А. Рязановский. Демонология в древне-русской литературе. М., 1915, стр. 19-25.

достал ему целую литературу, а когда Андрей Белый кончил "Серебряного голубя", Гершензон нашел книги: как положил на полку, так неприкосновенно лежат." ⁸

Демонизм и упомянутая выше "сверхжизнь" остаются категориями одного и того же порядка. Эти понятия можно считать синонимичными. Символистский роман на рубеже двух веков /мы имеем в виду в первую очередь произведения Белого, Ремизова и Сологуба/ рисует гротескный трагизм господства этой сферы, амбивалентную природу ценностей, создавая на почве потери ценностей новую форму романа.

В дальнейшем мы постараемся подробнее осветить вышеупомянутую проблематику, нашедшую отражение в романе А. Белого "Серебряный голубь". В романе в реляции "жизнь - человек" мы встречаемся со следующими тематическими узлами: неосуществимость программы "творчества жизни", представляемой Дарьяльским, соотношение народа и интеллигенции, проблема Востока и Запада, как кардинальная проблема в судьбе России. Категория "жизнь" в романе представляет собой сферу "сверхжизни", т.е. стихию, которая не включает в себя человека, и поэтому ее губительные, демонические процессы неуправляемы и мистически непереживаемы. Мы не можем быть полностью уверены, не скрывается ли черт за "лицом - господнем", поскольку все двулико, амбивалентно, неотделимо друг от друга. Не случайно, что в системе лейтмотивов в романе Белого именно "лейтмотив" "лица" выполняет столь важную функцию. Этот своеобразный дуализм является у Белого одновременно и трагическим, и гротескным. Чтобы передать это дуалистическое мироощущение, А. Белый часто вводит мотивы древнерусской демонологии. В дальнейшем ходе нашей работы, характеризуя главных персонажей романа, мы сделаем попытку проследить развитие этой проблематики.

Главный персонаж в романе А. Белого "Серебряный голубь"

⁸ Н. Кодрянская. Алексей Ремизов. Париж, 1959, стр. 110.

- поэт Дарьяльский, за которого борются силы, представляющие Запад и Восток, интеллигенцию и народ. Он изображен как "медиум", как отражающее зеркало, поскольку он принимает все влияния "жизни" без разбора, но из этих влияний ничего не может осознать, так как не является личностью, в узком значении этого слова. Из своей жизни он создал истину, он хотел бы взять на себя роль демиурга и стать "органом народного воспоминания", но даже воспоминания о своей собственной жизни он не в состоянии осмыслить. Дарьяльский постоянно стремится к самосовершенствованию, ставя перед собой задачу осуществить программу "творчества жизни". А. Белый поясняет это следующим образом: "... в колебаниях чувств, опередивших современников, быть может, на одно поколение, он бывал то беспомощней их, то бывал он бесконечно сильней: все дряхлое их наследство уже в нем разложилось: но мерзость разложения не перегорела в уже добрую землю." ⁹ Дарьяльский мечтает о будущем своего народа, но внутренней связи с народом осуществить не может, потому что лишен какого-либо общения с людьми. Поскольку Дарьяльский является "... помесью запахов сивухи, мускуса и крови" ¹⁰, он как бы предназначен для того, чтобы стать игрушкой в борьбе восточных и западных сил. Этому способствует и его образованность: он знаком со всей европейской культурой эпохи /от мистических философских течений до неокантианства/, теория же, которую он представляет - безусловно русская, тесно связанная с духовными исканиями России. "... снилось ему, будто в глубине родного его народа бьется народу родная и еще жизненно не пережитая старинная старина - древняя Греция. Новый он видел свет, свет еще и в свершении в жизни обрядов греко-российской церкви. В православии, и в отсталых именно понятиях православного /т.е., по его мнению, язычествующего/ мужичка

⁹ А. Белый. Серебряный голубь. Nachdruck der Berliner Ausgabe von 1922. Wilhelm Fink Verlag München 1967, стр. 176.

¹⁰ А. Белый. Серебряный голубь, стр. 175.

видел он новый светоч в мире грядущего Грека."¹¹ В то же время предчувствие грядущей жизни у Дарьяльского переплетается с личной интеллектуальной слабостью. Он уже давно находится по ту сторону добра и зла, проблемы, с которыми сталкивались герои Достоевского, для него уже не являются проблемами, так как он не способен к выбору, но он не способен также и к мистическому сопереживанию, столь необходимому для его теории. Таким образом, и теория, которую он строит, не является его собственной теорией, это лишь интеллектуальное отражение борющихся за обладание им двух противонаправленных сил - Востока и Запада. Дарьяльский до самых последних минут жизни не замечает и того, что как восточные, так и западные силы, борющиеся за него, - силы губительные. В романе "иконография" этих сил представлена изображением трех "дьяволов" /Кудеяров, Матрена, барон Павел Павлович Тод-Рабе-Граабен/, которые освещены так, что может показаться, будто они являются носителями позитивных ценностей, противоположных их собственной натуре. Сфера их экзистенции - это сфера "сверхжизни", разделенная амбивалентная жизнь. Стать творцом жизни для Дарьяльского невозможно, поскольку он является игрушкой восточных и западных веяний, но он этого не замечает. Поэтому любовь Матрены представляется ему полетом, тогда как в действительности это падение. Этим объясняется и введение следующего мотива: как избранник секты Дарьяльский одновременно увенчан и зеленым еловым венком /терновый венец/ и рогами, атрибутом дьявола. К символической "троице" романа /Дарьяльский, Матрена, Кудеяров/ присоединяется и таинственный "четвертый" - сам дьявол /в полном соответствии с дуалистическим представлением богомилов/. Цель жизни поэта, по мнению символистов - просветление. "Особое просветление" Дарьяльского происходит перед самой его смертью, но вместо мистического переживания оно

¹¹ Там же, стр. 174-175.

приносит с собой первое ощущение собственной разделенности. Он приходит к мысли о том, что Сатана в лице лиховского обывателя провожает его в последний путь, что он окончательно низвергнут, но нет уже для него пути к возвращению.

Две противонаправленные динамические силы, медиумом которых является Дарьяльский, составляя сферу "сверхжизни", представлены в романе сектой голубей и бароном Тод-Рабе-Граабеном. Сфера "сверхжизни" - это губительная демонтическая сфера борющихся друг с другом и уничтожающих друг друга сил: народа /Восток/ и интеллигенции /Запад/. Как представитель народа Кудеяров является "восточным Антихристом. Он глава секты голубей, основатель новой религии. Но его лицо двоится: "... свинопись в этом лице перемешана с иконописью..."¹² В древнерусской литературе в изображении и метаморфозах Сатаны, мы часто встречаемся с мотивом превращения его в свинью.¹³ Эта символика лежит в основе портрета Кудеярова. Двойственность лица главы секты голубей часто даже излишне акцентируется в романе. "Не лицо - баранья обглоданная кость; и при том не лицо, а пол-лица; лицо положим, как лицо, а только все кажется, что половина лица; одна сторона тебе хитро подмигивает, другая же все что-то высматривает, чего-то боится все; друг с дружкой разговоры ведут..."¹⁴ Кудеяров "таинственной нитью" "оплетает" Дарьяльского, чтобы заставить его стать отцом "светлого ребенка", "спасителя" секты голубей. Когда оказалось, что Дарьяльский неспособен выполнить предназначенную ему миссию, по указу Кудеярова его убивают.

Другая демоническая сила Востока - Матрена. Дарьяльский воспринимает ее как душу России - хотя она всего лишь "духия" секты. Он думает, что Матрена является субъектом

¹² Там же, стр. 195.

¹³ Рязановский, стр. 49.

¹⁴ Серебряный голубь, стр. 42-43.

его давно забытых переживаний, о которых он должен вспомнить, а Матрена - всего лишь простая, и даже вульгарная крестьянка, которую в романе часто называют ведьмой.

Запад, борющийся за Дарьяльского, представлен бароном Павлом Павловичем Тод-Рабе-Граабеном. Они похожи друг на друга, в первую очередь их роднит бесполезность обоих. "Бесполезное его остроумие на рубеже двух эпох одиноко светило Павлу Павловичу на остатке того пути, который надлежало ему совершить в этом мире."¹⁵ Павел Павлович является представителем уже вырождающейся западной цивилизации, он презирает русские национальные духовные ценности. В борьбе за Дарьяльского с темным, восточным, народным началом он бессилен. Павел Павлович в романе также изображен как искушающий Сатана - Антихрист в духе древнерусской демонологии, на что в частности указывает и его не русская внешность. В житиях дьявол часто искушает человека, превращаясь в иностранца.¹⁶

Мы хотели бы указать на один мотив древнерусской демонологии. Сатана часто избирает предметом своих перевоплощений античных и языческих богов.¹⁷ Исходя из системы символов романа "Серебряный голубь" - любовную линию Дарьяльского - Матрены и Кати можно понимать в символике Артемиды - богиня Солнца /Катя/ - Селены - богиня Луны /Матрена/ - Диониса - бог вина и загробных веселий /Дарьяльский/.¹⁸ При таком подходе оказывается еще более ощутимой многослойность романа.

Последняя сцена романа также чрезвычайно характерна с точки зрения демонологии. Дарьяльского убивают палкой, которой он перед этим защищался от своего убийцы Сухорукова.

¹⁵ Там же, стр. 78.

¹⁶ Рязановский, стр. 49.

Мы хотели бы указать еще на одну интересную работу Б.А. Успенского: *Historia sub specie semioticae* /В сб.: Культурное наследие древней Руси. М., "Наука", 1976, стр. 286-292/, в которой автор объясняет, почему Петра I-ого называли Антихристом. Например, иностранная одежда Петра сыграла в этом немаловажную роль.

¹⁷ Рязановский, стр. 34.

¹⁸ S.D. Cioran. *The Apocalyptic symbolism of Andrej Belyj*. The Hague-Paris. 1973. p. 124-125.

Часто встречающимся элементом в агиографии является убийство Сатаны ударом палки, в результате которого Сатана исчезает.¹⁹ Это - последнее доказательство раздвоенности главного героя Дарьяльского. А. Белый в заключительных строках романа до предела гротескно усиливает звучание мотива раздвоенности. В момент гибели лишь "половина души" героя умирает. В окружающем нет ценностных критериев, популяризирующих свет и тьму.

Первый роман А. Белого таким образом изображает трагедию вторжения и господства демонической "сверхжизни". Трактую альтернативу человека и мира, рисуя уничтожение личности, господство демонической даздвоенности, А. Белый затрагивает проблему, характерную исключительно для XX века. Бытие становится все более прозрачным "миром теней", в котором можно представить себе лишь механистические движения марионеток. Глубинные корни этой проблемы скрываются, разумеется, не только в западноевропейской философии жизни, но и в традициях русской литературы.

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО И
ИХ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В РАССКАЗЕ В. ШУКШИНА "РАСКАС"

Каталин Куглер

Наиболее плодотворным приемом выявления своеобразия комического в прозе Шукшина нам представляется не перечисление различных средств создания комических эффектов, а анализ одного рассказа, с учетом эстетической, социально-философской значимости названных средств.

Анализу будет подвергаться рассказ В. Шукшина со своеобразным названием "Раскас"¹. Наш выбор может быть оправдан следующими факторами: 1. Рассказ обладает богатым речевым материалом: в нем представлена главным образом современная русская разговорная речь; в речи главного персонажа /Ивана Петина/ встречаются и просторечные, диалектные элементы. 2. Автор воспроизводит основные типы речи: прямую /в диалогической и монологической форме/ и несобственно-прямую /в повествовательной части/. 3. В рассказе воспроизводится не только устная, но и письменная речь персонажа. 4. С помощью этих средств осуществляется своеобразный принцип изображения: характеристика героя "словом героя"².

В результате адекватного воспроизведения разговорной речи в рассказе на всех уровнях /имеются в виду лексический, морфологический, синтаксический - частично и фонетический - пласты/ достигается иллюзия "живой" устной речи. Мы как будто слышим слова, и даже интонацию персонажей. Поэтому нам кажется целесообразным говорить именно о речевых средствах создания комического.

Определение сущности комического Б. Дземидоком, на наш

¹ Анализируемый рассказ помещен в сб. В. Шукшин: Беседы при ясной луне. М., 1975, стр. 245-250.

² Выражение заимствовано у Г. Белой. См.: Г. Белая. Искусство есть смысл. "Вопросы литературы", 1973, № 7.

взгляд, наиболее широкое и при этом точное: "Все комические явления /все непосредственные объекты переживания комического/ отвечают двум условиям: во-первых, любое можно считать в каком-то смысле отклонением от нормы, во-вторых ни одно не угрожает личной безопасности познающего субъекта, не вызывает страха." ³ Точнее, "познание комического может быть вызвано всем тем, что противоречит нашему вкусу, привязанностям и привычкам, всяким отклонением от того, что мы считаем нормой, с чем уже свыклись." ⁴ Комизм может возникать и при отклонении от общепринятых языковых норм. Наше внимание привлекли такие случаи, когда отклонение от норм наблюдается в плане употребления отдельных слов, фразеологизмов, в строении фраз, в произношении, в орфографии. Выявление комической сущности этих отклонений от норм неотделимо от изучения более глубоких "несоответствий" в рассказе. ⁵

Иван Петин, сорокалетний шофер неожиданно оказался обманутым мужем, стал героем "традиционной" комической ситуации. История, описанная в рассказе, банальна: в село приехал офицер с солдатами монтировать электроподстанцию, - и увез с собой жену Ивана, Людмилу. Иван по-своему очень любил жену, и сейчас он по-настоящему страдает: "Даже с его способностью все в жизни переносить терпеливо показалось ему, что этого не перенести: так нехорошо, больно сделалось под сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог - не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем."

Исходная ситуация таким образом становится трагикомичной.

От отчаяния ему на ум пришла странная мысль написать в

³ Б. Дземидок. О комическом. М., "Прогресс", 1974, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 59.

⁵ Всякое отклонение от нормы мы воспринимаем, как несоответствие ожидаемому, общепринятому.

районную газету рассказ о своей истории, пусть узнают читатели, что нельзя так ни за что обижать людей, нельзя так несправедливо поступать с человеком. В разговоре с редактором Иван признается, что он надеялся и на то, что жена прочтет его рассказ, опомнится и вернется к нему. Так возникает рассказ в рассказе, в "редакции" Ивана: "Раскас". Эта реакция Ивана неожиданна, его поступок не соответствует здравому смыслу. /Маловероятно, что газета с его рассказом дойдет до жены. Еще менее вероятно, что в том случае, если она и дойдет до нее, рассказ Ивана может изменить ее решение./ Это первый источник комизма. Кроме этого возникает несоответствие и между намерением персонажа и его возможностями и способностями. Дело в том, что Иван хочет написать рассказ, хотя понятия не имеет о том, как должны писаться рассказы; мало того, он и орфографию не знает, и даже заглавие рассказа не может написать правильно.

Анализируя лексический пласт "рассказа" Ивана - который воспринимается как адекватное воспроизведение устной монологической речи персонажа - мы встречаемся со следующей фразой: "И вот пожалуста она же мне надстраиваит такие прямые рога!" Фразеологизм наставлять рога кому-л. перефразируется героем. Иван, во-первых, произвольно заменяет глагол в устойчивом сочетании. Мало того, он еще реализует несвободное значение второго члена фразеологизма с помощью прилагательного /прямые/ и добавляет местоимение /такие/, которое интонационно не выделяется, и - на наш взгляд - не обладая указательной функцией, приближается к частицам. Оно ведь нужно только для заполнения безударного звена в ритмической схеме высказывания. Источником комизма в данном случае является искажение фразеологизма, реализация метафорического значения.

С другой стороны, Петин сам создает новое образное словосочетание: "Главное я же знаю, почему она сделала такой финт ушами." Слово финт Ожегов считает просторечием - если оно употребляется не в спортивной лексике -, и определяет

таким образом: "хитрая уловка".⁶

Новое значение этого удивительного словосочетания: она поступила так неожиданно, потому что прислушивалась к чужому мнению. Эффект вызывает здесь субъективная трактовка и использование слов, т.е. отклонение от нормативного словоупотребления.

Иван расширяет сферу сочетаемых слов. /Семантически "несочетаемы" и слова финт - уши./ Источником комического эффекта является также столкновение разных смысловых рядов в следующем вопросе Ивана: "Откуда же у ей это пустозвонство в голове?" Значение слова пустозвонство в словаре Ушакова⁷ определяется так: "занятие разговорами впустую, громкие фразы без дела"; в 17-томном словаре: "поведение, слова пустозвона", т.е. "человека, говорящего пустое, неосновательное, болтуна".⁸ Данное слово сочетается в фразе со словом голова, которое относится явно к другому смысловому ряду. Возникает новое, индивидуальное словосочетание, члены которого переосмысляются. Смысл вопроса: откуда у жены это легкомыслие, как же она могла так неразумно поступить?

Иван по-своему понимает и слово политрук: "Не в этом же дело, - думал, - что я тебе политрук?" Значение этого слова для Ивана: человек, умеющий складно говорить.

В первой части рассказа обыгрывается значение глагола монтировать: приехали в село солдаты... "помочь смонтировать в совхозе электроподстанцию... Смонтировали и уехали. А офицер еще и семью тут себе "смонтировал!" Глагол употребляется одновременно в разных значениях. Второе - переносное - значение создается контекстом. Слова семья и смонтировать тоже

⁶ Словарь русского языка. /Под ред. С.И. Ожегова/ М., 1973.

⁷ Толковый словарь. /Под ред. Д.Н. Ушакова/ М., 1935.

⁸ Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах. М.-Л., 1948-1965.

относятся к различным смысловым рядам. Столкновение семантических рядов в одной синтагме и является источником комизма. Третий раз глагол стоит в кавычках, это и "подсказывает", что слово употребляется с особым значением. Оно имеет и ироническую окраску.

Своеобразное и неверное - слишком субъективное, не соответствующее действительности - толкование получают слова репетиция и декорация. Переосмысление этих слов тоже способствует комизму, но здесь мало говорить о лексических средствах комического эффекта. В данном случае мы сталкиваемся с более сложными явлениями комизма.

После "монолога" Ивана автор снова обращается к реферативному приему⁹, и рассказывает о том, почему Иван любил весну, и почему сейчас от одной мысли о наступлении весны у него стало больно на душе. В этой части - в авторской речи - упоминается впервые слово репетиция: "Он люто ненавидел это слово "репетиция", но ни разу не высказал своей ненависти: жена боготворила репетиции, он боготворил жену."

Иван сам не бывал на репетициях, он только провожал жену, он не знает, что происходит на репетициях, поэтому в его понимании это слово переосмысливается, и - особенно после случившегося - отождествляется с развратом. В его личной жизни клуб /следовательно, репетиции/ является "первоисточником" трагедии. Именно такое понимание отражается и в его поведении по отношению к секретарше. /Здесь комический эффект создается алогичностью поступков./ Она ходила вместе с женой в клуб, этого достаточно, чтобы ненавидеть ее. Веселое настроение секретарши явно раздражает Ивана. В его положении трудно смотреть на уравновешенных, довольных людей. Это психологически понятно. Но Иван делает фальшивые выводы. Его поведе-

⁹ К. Кожевникова различает три приема в литературе, "три способа подачи информации": реферативный /автор сообщает о событии/, репродуктивный /воспроизведение чужого высказывания/, и комментирующий приемы. См.: К вопросу художественного воспроизведения высказываний повседневной устной речи в литературном произведении. Прага, Československá rusistika, X.2, 1965.

ние и мысли не соответствуют данной ситуации. Во-первых, он решил не здороваться с ненавистной женщиной. Дальше он делает такой вывод: "Тоже небось кому-нибудь рога надстроила - веселая."

Такой вывод необоснован, нелогичен. Он свидетельствует о какой-то детской обиженности героя. Писатель не только для создания психологического контраста подчеркивает, что в редакции у людей такое веселое настроение. Это нужно и для раскрытия алогичности мышления Ивана. Следующий его вывод по отношению к редактору странен, нелогичен:

"Иван остался стоять и все смотрел на веселого редактора и думал: "Наверно, у него тоже жена на репетиции ходит. А ему хоть бы что - пусть ходит! Он сам сумеет про эти всякие "декорации" поговорить. Он про все сумеет"."

Эти слова подсказаны завистью к человеку, который умеет "складно говорить". Мы чувствуем, что контакта между этими людьми быть не может. Совершенно субъективное понимание слов "репетиция" и "декорация", наложение алогичных значений - независимо от "смягчающих обстоятельств" - вызывают комический эффект.

Смех редактора над нелепым рассказом превращается в жалость к несчастному Ивану. Он хочет помочь, предлагает написать письмо жене от третьего лица. Но Иван уходит. Взаимопонимания между говорящими не возникло. После диалогической части магические слова "декорация" и "репетиция" еще раз встречаются, но уже в другой тональности: "Иван прошел приемную редакции, даже не глянув на женщину, которая много знала о "декорациях", "репетициях"... "

Иван лишился всякой надежды на возвращение жены. Вместо гнева и ненависти к "развратным" людям он испытывает зависть, ведь эти люди посвящены в такие тайны, которые отделяли его от жены. Упоминание в связи с секретаршей о декорациях - уже не вызывает смеха. Он в крайнем отчаянии. Он действительно жалок. Он уже не делает ложных выводов. Дополнительное смысловое наложение слов "декорация" и "репетиция" таким образом

модифицируется. Они становятся выразителями авторской оценки, показателями переосмысления Иваном происшедших событий.

В связи с предыдущими репликами персонажа необходимо обратить внимание на роль частицы тоже в усилении комического эффекта. Частица находится в инициальном, дистантном положении, обладает сильным ударением. Она выражает отрицательную эмоциональную оценку, передает осуждение, презрение: "Тоже небось кому-нибудь рога надстроила..." Просторечное вводное слово небось со своей сниженной стилистической окраской как будто подтверждает отрицательное отношение к объекту речи.

В другом замечании Ивана - о редакторе - препозитивное положение частицы тоже, своеобразное словорасположение, придают фразе отрицательную окраску, следовательно усиливают несправедливость высказывания.

Широко распространенный прием создания комического эффекта в литературе сочетание разностильной лексики.¹⁰ В следующем высказывании Ивана сталкиваются разные лексические пласты: слова книжные по смыслу - государство, общество; просторечное радешеньки; фразеологизм сесть на шею кому-л. В этой фразе наблюдается и другое несоответствие. Иван якобы мыслит в "государственных масштабах", но внутреннему пафосу высказывания не соответствует его речевое оформление:

"Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обществу и радешеньки! А гусударство в убытке." Уже в самом начале фразы звучит грубовато-разговорное междометие. Оно здесь выражает недовольство.

Иван ратует о долге человека перед обществом, но при этом в его речи встречается диалектный вариант произношения слова "общество"; усиливает просторечный характер его речи

¹⁰ И.Ф. Виноградова это средство ставит на первое место среди лексических средств сатиры. См.: Языковые средства сатиры. Харьков, 1956.

и ненорматичное произношение ударного гласного звука в слове сяли. Противоречие между содержанием и формой высказывания усиливает и орфографические ошибки Ивана.

Другой пример сочетания разностильной лексики:

"Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет."

"И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех."

В этих предложениях сочетаются не только слова различных стилистических сфер /книжные, разговорные, просторечные/, но и слова с различной эмоциональной окраской: см. приподнятость начала первой фразы, затем грубость второй части. Торжественность смешивается с нейтральностью и вульгарностью во втором примере.

В записке, которую оставила жена, было написано: "Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу."

Здесь проявляется своеобразная форма несоответствий. Это больше, чем столкновение разностильных слов. Первая часть фразы - обращение - выдержана в литературно-разговорном стиле. Вежливому тону обращения не соответствует фамильярная грубоватость второй части - из-за употребления разговорного слова пенек /в значении тупица/, которое имеет пренебрежительную окраску.

"Эх, вы!... Вы думаете еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу!" - пишет Иван о своем "расказе". Сразу видно, что он почти ничего не знает о правилах письменной речи. Он не имеет о правилах поведения никакого представления /см. в начале грубоватая междометная фраза, как обращение/. В его речь попали и дилектные варианты слов "если", "насквозь". Слово дак воспринимаем, как фонетическую и орфографическую ошибку.

Тут основным источником комизма является и несоответствие

высказывания действительности, которое углубляется с помощью речевых средств. Иван только воображает, что понимает жену и разбирается в сложившейся ситуации. Доказывает это его "аргументация". По его мнению жена сейчас в долгу перед государством, она должна от этого избавиться, следовательно, должна вернуться к мужу. Алогично сцепляются фразы, возникает комический эффект.

Следующее предложение строится тоже нелогично: "Уви-рю вас хоть я лысый, но кое кого тоже мог бы поприжать, по-тому што в рейсах всякие встречаются."

Союзы и союзные слова очень редко выражают действительную логическую связь между предложениями, или между частями предложения. Часто встречаются в инициальном положении союзы - главным образом а, и - усиливая ощущение спонтанности речи. Напр.: "И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернул,..." ; "А уж ей самой - тридцать лет." "А за рулём меня никто ни разу выпимши не видал и не увидит." и т.д.

Рассматривая орфографические ошибки Ивана, мы видим, что в них отражаются особенности разговорного произношения: усиление редукции Гласных, и даже выпадение некоторых звуков, ассимиляция согласных и т.д.

Иван "слышит" редукцию безударных гласных, и вместо о пишет а, вместо буквы е ставит и: "в культ прасветшколу"; "гусударство денги на ее тратила - учила"; "не буду при-сказывать"; "увиряю вас"; "голову потиряла"; "мне надстраиваит"; "всяко бываит"; "ни укладываются в голове".

В слове гусударство редукция безударной гласной с помощью у отражает просторечное произношение. В конце этого слова редукция безударной о уже не отражается.

В речи главного персонажа сохранились некоторые фонетические элементы сибирского народного говора. В бассейне реки Обь записаны слова вобче, давче, обчество.¹¹ Слова, сви-

¹¹ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Изд-во Томск. ун-та, 1965.

детельствующие об этом фонетическом явлении в речи Петина: обчеству, вобчем. Диалектный характер произношения отражается и в следующих словах: еслив, всяко.

Иван в своем "рассказе" последовательно "отражает" ассимиляцию и оглушение в словах: щастливая, нащет, лехко; каждый рас, иной рас, раскас.

Он придерживается принципа "пиши как слышишь!" в следующих словах што/в начале его "рассказа" три раза пишется правильно/, конечно, пожалуйста. Упрощается сочетание согласных в словах "при стрече"; "всякие стречаются"; раскас. Выпадает согласный в слове тада/тогда/ и происходит редукция гласного звука о. Потеря слога в следующих словах характерна для разговорного произношения: счас и хошь /хочешь/.

Автор не случайно пользуется приемом воспроизведения письменной речи персонажа. В устной речи многое исчезает, затушевывается. Здесь нет. Иван употребляет не те союзы, которые нужны, и не там, где надо было бы; он недостаточно точно подбирает слова и т.д. Все это можно мотивировать его возбужденным состоянием, но его грубые орфографические ошибки объясняются лишь его безграмотностью.

Отклонения от норм русской орфографии /которые порой на наш взгляд, преувеличены автором, напр., в словах гусдарство, обчество, што/ являются источниками комического эффекта. Комизм усиливается тем, что эти ошибки встречаются не в каком-либо частном письме, а в "рассказе". Несоответствие тут возникает между степенью неграмотности и "писательскими" притязаниями Ивана.

Шукшин с помощью различных средств комического хочет подчеркнуть, насколько безграмотен Иван, насколько он не умеет выражать свои мысли в письменной форме, общаться с людьми. Но Иван, несмотря на наличие многочисленных приемов комического в его обрисовке /нелепость намерения, необразованность и пр./ - не смешон. Этот парадокс можно объяснить лишь анализом более глубоких пластов рассказа.

В "Раскасе" на разных уровнях происходит переоценка истории Ивана. Выражается это и в изменении тональности повествовательной части. Рассказ начинается следующими словами: "От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!... Прямо как в старых добрых романах - сбежала с офицером."

Речь рассказчика непосредственная, иронически-шутливая. Экспрессию речи усиливают собственно усилительное слово как, частица да. Частица прямо, прилагательное добрый, многоточие, восклицательный знак способствуют созданию насмешливо-иронического тона повествования.

Сравним эти фразы с заключительной частью рассказа:

"Все как-то не наступало желанное равновесие в душе его. Он шел и молча плакал. Встречные люди удивленно смотрели на него... А он шел и плакал. И ему было не стыдно. Он устал." - Фразы чрезвычайно лаконичны, они исключают комедийное восприятие ситуации, они скорее внушают мысль о безвыходности положения героя.

Изменилось и отношение редактора к Ивану. Смех заменило сострадание, желание помочь.

Переосмысление событий выражается - как мы на это указывали - и с помощью различных смысловых наслоений слов "декорация", "репетиция".

Что вызвало изменение авторской позиции, мнения редактора, читателя?

Идея Ивана написать рассказ, чтобы добиться возвращения жены, безусловно, абсурдна. Но дело в том, что Ивану некому рассказать о своем горе. С помощью своего "рассказа" он хотел облегчить свою душу, поделиться с людьми своей обидой, своим несчастьем. Его одиночество можно сравнить с состоянием извозчика Ионы /в рассказе Чехова "Тоска"/, который рассказывает своей жене о смерти сына; или униженного, несчастного мужа, который в лекции о вреде курения рассказывает о своей жизни /Чехов: "О вреде курения"/ и т.д.

Проникая в основную мысль рассказа, мы понимаем, что

Иван лишен элементарных средств самовыражения. Он не обладает даром речи даже настолько, чтобы добиться у людей понимания. Он не владеет и нормами письменной речи. Речевые средства ко- мизма понадобились автору для того, чтобы раскрыть его "не- коммуникабельность".

То, что на уровне речевого пласта вызывает смех, в кон- тексте целого рассказа переосмысливается, и в результате "сло- жения" комических эффектов /не только речевых/ получается про- тивоположный результат. Парадокс заключается именно в том, что приемы комического нужны были автору для выявления трагическо- го в судьбе Ивана. Неумение Ивана выразить себя делает его беззащитным, беспомощным. Это лишает его и возможности всту- пать в контакты с людьми, это лишает его и личного счастья, это делает его одиночество безмерным.

Трагедия Ивана углубляется тем, что люди судят его именно по внешним качествам, что все обращают внимание на его молча- ливость, что для жены самое важное, умеет ли мужчина пошутить, поговорить ласково. И тут перед нами открывается следующий пласт рассказа.

Мы видим не только личную трагедию обманутого мужа. Это и не только трагедия человека, обреченного на одиночество из- за неумения выразить себя. Это трагичный рассказ о недооце- ненных моральных качествах "маленького человека". История Ивана напоминает судьбу "маленьких людей" - хорошо знакомых русской литературе, - которых окружающие часто обижают, не понимают, недооценивают. Одним из первых предшественников Ивана можно считать станционного зрителя Пушкина. Эти ге- рои в борьбе за свои права обычно терпят поражение, и после неудачной попытки доказать свою правоту, кончают жизнь тра- гично. Как правило, в таких рассказах несчастному, маленько- му человеку противопоставляются "счастливые" люди. В "Раска- се" угрюмый, мрачный, примитивный Иван противопоставлен весе- лым, уравновешенным людям. /Автор не случайно употребляет почти подряд пять раз слово веселый, рассказывая о редакторе, секретарше./ К галерее "счастливых" людей можно отнести и же-

ну, офицера /соблазнителя/. Иван чувствует пропасть между собой и этими людьми, но настоящая причина этого остается скрытой.

Безверное употребление слов "декорация", "репетиция" и пр. доказывают и то, насколько непонятен, чужд Ивану мир жены, а также секретарши, редактора. Сейчас мы должны оговориться. Иван эти слова понимает и употребляет по-своему. Своеобразное понимание слов политрук, говорить складно подсказывают нам, что, по мнению Петина, человека надо судить не по таким внешним показателям, как непосредственность, легкость в обращении, а по более глубоким нравственным качествам.

Моральные ценности Ивана из-за его неумения найти подходящие средства /в первую очередь речевые/ для самовыражения, остаются нераскрытыми. Личность персонажа для других "счастливых" людей непонятна, иногда просто смешна /см. также образ Чудика¹² в одноименном рассказе, ветфельдшера Козулина в рассказе "Даешь сердце!"¹³ и пр./.

Поступки таких людей, как Иван Петин с точки зрения здравого смысла не объяснимы /Напр. "Раскас" безграмотного человека, побег из тюрьмы незадолго до срока в рассказе "Степка"¹⁴ и т.д./. Но у Степки, Ивана, Козулина есть своя "логика", которая непонятна окружающим людям. Они кажутся разумным людям просто придурковатыми, смешными, потому что они поступают не согласно рассудку, а по велению души.

Шукшину эти герои очень дороги. Он боится за них, потому что они часто беззащитны, легко ранимы. Он борется за их права на собственный взгляд, на собственное слово, даже если это слово /т.е. речь/ не отвечает нормам грамматики.

По отношению к этим героям исключено применение сатирического способа изображения, т.е. бескомпромиссное разоблаче-

¹² В. Шукшин. Беседы при ясной луне. М., 1975, стр. 285-239.

¹³ В. Шукшин. Брат мой. М., 1975, стр. 100-105.

¹⁴ В. Шукшин. Избранные произведения. Ставрополь, 1978, стр. 30-41.

ние отрицательных качеств, осмеяние недостатков. Такой прием автор использует при характеристике бездушных людей, мещан, которые опасны для "шушкинских" героев, которые могут загубить добро, человечность. /Напр. вахтерши, грубые жены, бюрократы в рассказах, персонажи в пьесе "Энергичные люди"/.

В нашем рассказе по отношению к "счастливым" людям со стороны автора наблюдается тонкая ирония. /Напр. при употреблении глагола "смонтировать" в переносном смысле./ Эти герои не страшны, не опасны, но в данной ситуации они причиняют горе Ивану, они являются и антиподами главного персонажа. За их подчеркнутой непосредственностью, осведомленностью, "современностью" угадывается их духовная "невесомость". На наш взгляд, в результате многократного употребления слова "веселый", нагнетания уменьшительно-ласкательных суффиксов - при характеристике редактора - возникает иронический оттенок повествования, выражается именно "невесомость", несерьезность образа. См.: "Редактор - тоже веселый, низенький ... Несколько больше, чем нужно при его росте, полненький, кругленький, тоже лысый."; "... заколыхался его упругий животик."; "Редактор опять уткнулся в тетрадку"; "... он жмурил брови и понимающе делал губы трубочкой".

В отличие от речи Ивана, и в репликах редактора встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы. Они подчеркивают непосредственность редактора в общении, именно его умение "складно говорить": "На нас, на нас времечко-то работает!" "газетка-то наша".

Комизм по отношению к Ивану - как мы на это указали - переоценивается в рассказе, и под конец совершенно исчезает. На последней странице все сильнее звучат трагические ноты. Главный персонаж потерпел настоящее поражение. Ощущение трагичности усиливает то, что проиграл тот герой, мораль которого - хотя и оказывается анахронистичной - в соотношении с нравственной позицией "счастливых" людей, оценивается, как более весомая, прочная.

РАЦИОНАЛИЗМ И ЭМПИРИЗМ В ДУХОВНЫХ ИСКАНИЯХ
ГЕРОЕВ ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО /ЛЕВИН И
РАСКОЛЬНИКОВ/

Валерий Лепяхин

Имена Толстого и Достоевского стоят в заголовке рядом по той лежащей на поверхности причине, что герои писателей ищут ответа на проклятые вопросы, вечные проблемы или, говоря словами Достоевского, "непосильные вопросы", их волнуют "самые беспокойные мысли". В итогах размышлений над этими вопросами и особенно в самом процессе поисков ответа у героев Достоевского и Толстого выявляется много общего, но между ними есть и существенные различия. Они и составляют собственно тему статьи. При этом основное внимание обращается не на содержание духовных исканий героев, а на своеобразную методологию их поисков, рассмотренную через призму рационализма и эмпиризма, разума и чувства. Такой подход обусловлен тем, что "непосильные вопросы" у обоих писателей тесно увязаны с проблемой веры и неверия, а она в свою очередь решается героями в споре рационализма и эмпиризма, разума и чувства. Сказанное справедливо и в отношении самого Толстого /"Исповедь"/, и его героев Безухова, Левина; то же можно сказать о героях Достоевского Иване Карамазове и Раскольникове. Это, конечно, не единственные примеры.

Каков путь нравственных исканий Левина? - Первым переломным моментом в его жизни явилось приближение смерти брата Николая. Оно ускорило крах его детских и юношеских верований и представлений о человеке и жизни. Он понял ясно, "что для всякого человека и для него впереди ничего не было, кроме страдания, смерти и вечного забвения" и впервые задумался над смыслом своего существования. Левин почувствовал необходимость "объяснить свою жизнь так, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого-то дьявола, или застрелиться"¹.

¹ Л.Н. Толстой. Анна Каренина. М., 1953, стр. 865.

Но Левин не застрелился. Что же спасло его? - Левин продолжает жить, женится и испытывает радость жизни, не ища ответа на свой вопрос. Таким образом, первый стихийный, неосознанный ответ Левина на вставшую перед ним дилемму довольно парадоксален, его можно сформулировать так: "Смысл жизни в том, чтобы о нем не думать". Отдавшись течению жизни, человек может быть счастлив, как был счастлив и доволен герой в первое время после своей женитьбы, "когда не думал о значении своей жизни".

Эта позиция Левина перекликается с описанным позднее в "исповеди" временным этапом в духовном развитии самого Толстого: "Я вгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я увидел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не двух, трех, десять, а сотни, тысячи, миллионы. И все они бесконечно различные по своему нраву, уму, образованию, положению, все одинаково и совершенно противоположно моему неведению знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро"². Это высказывание - апелляция к опыту человечества, а не к его духовной жизни, к своеобразному общему инстинкту жизни, а не теоретическому пониманию ее смысла.

Однако, между первым этапом размышлений Левина и приведенным высказыванием Толстого существует качественное различие. Для того, чтобы подвести Левина к этой мысли, Толстой проводит своего героя через второй этап духовной эволюции - попытку найти смысл жизни путем отвлеченных размышлений в сфере чистого разума. Левин надолго погружается в книги по философии. В итоге он приходит к выводу, что уяснение смысла жизни логическим путем возможно, хотя разные авторы дают разные ответы; воля ищущего найти среди них близкий себе по духу ответ. Не разочаровавшись в познавательных способностях разума, Левин все же заключает, что принятое разумом решение

² Л.Н. Толстой. Собр.соч. в 20 томах, т. 16, М., 1964, стр. 138.

так и остается в сфере рационального, ибо абстрагируется от реальных жизненных отношений, как предмета чувственного познания и фактически отрицает чувственное познание как таковое. Это решение хорошо для умственных целей, а для жизни ничего не дает. И Левин подытоживает этот второй этап своего развития: "Я искал ответа на мой вопрос. А ответа на мой вопрос не могла мне дать мысль, - она несоизмерима с вопросом"³.

С этого момента начинается третий этап поисков и обретения истины. Левин обращается к эмпирической жизни народа. И в уста простого мужика вкладывает Толстой слово, позволившее Левину прозреть. Именно тут Левин высказывает развитую в "Исповеди" мысль: "И я, и миллионы людей, живших века тому назад и живущих теперь, мужики, нищие духом и мудрецы, думавшие и писавшие об этом, своим неясным языком говорящие то же, - все мы согласны в этом одном: для чего надо жить и что хорошо"⁴. Это значит по Левину - жить для бога, для души, для добра.

"Ответ мне дала сама жизнь" - заключает Левин. Это обращение к окружающей жизни, чувство неразрывной связи с ней характерно для многих героев Толстого. Беря своего героя в развитии, в нравственном движении, писатель обуславливает это развитие не только сугубо внутренними потребностями, но и столкновением с жизненными обстоятельствами и их анализом. И, быть может, благодаря тесной связи героев с эмпирической действительностью, с чувственным опытом, в них сильно развиты возможности чувств. Иногда даже чувство, как субъект познания возвышается и отрицает его рациональный уровень как недостаточный или неудовлетворяющий /можно вспомнить взаимопонимание без слов, существовавшее между Пьером и Наташей, Кити и Левиным/.

В этом отношении интересен образ Сергея Ивановича Козышева, который противостоит образу Левина как выражение ра-

³ Л.Н. Толстой. Анна Каренина, стр. 865.

⁴ Там же, стр. 863.

ционалистического отношения к жизни. Речь идет, конечно, не о том, что Козньшев лишен вообще эмоциональной жизни, его главная черта в том, что он разграничивает область разума и чувства как автономные сферы, что невозможно для Левина. Область теоретических занятий Козньшева оторвана от жизни, и чувство там не имеет права на существование. В этом Левин видит главный порок всей деятельности брата: "... Сергей Иванович и многие другие деятели для общего блага не сердцем были привлечены к этой любви к общему благу, но умом рассудили, что заниматься этим хорошо, и только поэтому занимались этим".⁵

В этом же направлении пролегает и трещина, разделяющая Левина и Козньшева в их отношении к народу. Сергей Иванович умел беседовать с мужиками "не притворяясь и не ломаясь", но каждая такая беседа нужна была ему лишь как свидетельство своего знания народа, для обоснования и подтверждения своего права выдвигать разумные проекты, направленные на общее благо. Именно это было неприемлемо для Левина, для которого народ, деревня были самой жизнью, местом жизни. Левин чувствовал "какую-то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы-кормилицы"⁶. Характерно, что о своей вере, владевшей им до переломного момента, Левин также говорит как о всосанной с молоком, т.е. не как приобретенной рассудочным путем, а как о внутреннем состоянии, основанном на чувстве. И в этом отношении Козньшев является полной противоположностью Левина. И именно поэтому Сергей Иванович несет наказание, причины которого неясны ему самому, но очевидны для Левина. Книга, плод шестилетнего труда, не вызвала никаких серьезных откликов в обществе. Сергей Иванович тяжело переживает свою неудачу, но не находит коренных причин провала книги, для Левина же они ясны, их раскрывает его собственный опыт рационального осмысления жизни, который оказался пророчен. Дело ума должно стать и делом сердца, они вместе должны вести к "общему благу", в противном случае лю-

⁵ Там же, стр. 261.

⁶ Там же, стр. 260.

бая деятельность будет бесплодной, как не принесла никаких плодов претендовавшая на вклад в общее благо книга Сергея Ивановича.

Доверие к эмпирической действительности, привлечение ее к поискам ответа на вечные проблемы, постоянная ориентация на нее в повседневной жизни, а также вера в безошибочность и высший смысл чувственного познания или общения на уровне чувства - составляют одну из наиболее ярких и важных особенностей большинства героев Толстого.

Пример Левина в этом отношении особенно нагляден. Расставшись со своими детскими и юношескими верованиями, он посмотрел на жизнь с высот "чистого разума" и, наконец, пришел к истине, открытой ему самой эмпирической жизнью. И эта истина не носит характера логического умозаключения, она воспринимается им на уровне чувства. Приобретенное им - это новое "душевное состояние, прежде никогда им не испытанное". Левин находит успокоение именно в этом состоянии, а не в доводах убежденного рассудка: "Теперь с ним не было того, что бывало при прежних придумываемых успокоениях, когда надо было восстановить весь ход мысли для того, чтобы найти чувство. Теперь напротив, чувство радости и успокоения было живее, чем прежде, а мысль не попевала за чувством"⁷.

В духовной эволюции Левина четко просматриваются не сколько этапов: от детских верований в добро, основанных целиком на чувстве, к проверке добра, его необходимости и его последствий на оселке самодовлеющего, отрицающего и веру, и чувство разума, и, наконец, утверждение добра, но не на основе стихийной, "всосанной с молоком" веры, а на фундаменте эмпирической жизни. В то же время вера Левина не носит целиком чувственного характера, она даже противостоит вере детской и юношеской. Толстой провел своего героя через отвлеченные философские поиски и этот этап чисто рационалистических поисков присутствует в снятом виде в ответе Левина на главный вопрос.

⁷ Там же, стр. 882.

Толстой оставил своего героя на пороге новой жизни, в новом "не испытанном ранее душевном состоянии", которое должно позволить Левину жить со смыслом. Откликнувшись на линию Левина в романе, Достоевский в "Дневнике писателя" выразил сомнение в окончательности левинского ответа: "... Веру свою он разрушит опять, разрушит сам, долго не продержится: выйдет какой-нибудь новый сучок и разом все рухнет" ⁸.

Поисками смысла жизни и драматизированным до предела ощущением неразрешимости "непосильных вопросов" живут многие герои Достоевского. Они пытаются выстроить логическое здание миропорядка, но оно тут же рассыпается, или они сами разрушают его под напором противоречащих мыслей и чувств.

В этом отношении особенно характерен Раскольников. Между ним и Левиным есть точки соприкосновения. И тот, и другой воспитаны в религиозной вере. И того, и другого эта детская вера со временем перестает удовлетворять. У обоих она теряет религиозный оттенок и перерастает в конечном счете в вопрос о смысле жизни и своем месте в ней.

Но утрата детских верований у Левина и Раскольникова принципиально отличаются друг от друга. Хотя Левин говорит о своем неверии, это не совсем так. Точнее было бы сказать, что Левин, почувствовав непрочность своих детских верований, начал искать им разумных обоснований, не переставая при этом быть верующим человеком. Не случайно для Кити он остается именно верующим. Она это чувствует инстинктивно, основываясь лишь на своей любви к мужу и его поступках: "Какой же он неверующий? С его сердцем, с этим страхом огорчить кого-нибудь даже ребенка! Все для других, ничего для себя" ⁹. И Кити "было все равно", что такое состояние души для Левина "называлось быть неверующим". Таким образом, утрата веры Левиным - это субъективное восприятие им очередного этапа своего развития.

⁸ Ф.М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, т. XI, М.-Л., 1929, стр. 210.

⁹ Л.Н. Толстой. Анна Каренина, стр. 853.

Утрата веры Раскольниковым идет гораздо дальше. Она перерастает у него в недовольство жизнью, в неверие в возможность ее изменения путем мелких добрых деяний и поступков. Как и Левин, Раскольников обращается к чисто рациональному ее осмыслению. Тут и намечается коренное расхождение между ними. Левин приходит к мысли о невозможности чисто рационального решения жизненных проблем; Раскольников, недовольный жизнью, превращает ее в полигон для проверки своей идеи, для испытания своего "Я". Если Левин почти безболезненно возвращается к эмпирической жизни, то Раскольников все более удаляется от нее. Это удаление, кризис и постепенный возврат к эмпирии составляет суть его дальнейшей эволюции.

Раскольников хочет утвердить свое место в жизни путем презрения к ней, по сути дела он хочет найти место не в жизни, а над ней. Но освободиться целиком от "низкой" эмпирии Раскольников не в силах. Именно поэтому он восклицает: "О, если бы я был один!" "Живая жизнь" без всяких теорий вторгается в его сознание и, несмотря на отточенность казуистики, с которой он разрешил себе "кровь по совести", заставляет его и мучиться, и сомневаться, указывая на порочность чисто рационального отношения к жизни. Но Раскольников отмахивается от этих указаний. Непосредственно после своего преступления и даже на каотрге он обвиняет в происшедшем не теорию, не свой подход к жизни, а либо слабость своего характера, либо практическую сторону дела. Лишь через полтора года после преступления отношение Раскольникова к жизни начинает меняться. Достоевский выделяет то главное, что способствует "обновлению" Раскольникова - это "знакомство с новой, доселе совершенно неведомою действительностью"¹⁰. Перелом в сознании Раскольникова по мысли Достоевского должен наступить в силу отказа от рационалистического отношения к жизни. В финале романа начинается рационализация совета, данного Раскольникову Порфирием Петровичем: "... Отдайтесь жизни прямо, не рассуждая, не беспокоя -

¹⁰ Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах, т.5, М., 1957, стр. 574.

тесь, - прямо на берег вынесет и на ноги поставит. А на какой берег? А я почему знаю? Я только верую, что вам еще много жить"¹¹. Так подчеркнут крах рационализма в его оторванном от эмпирической действительности виде.

В этом переходе от рационализма к эмпиризму у Раскольникова решающую роль играет чувство. Уже с первых страниц романа видно, как сквозь все разумные доводы в пользу его теории пробивается у Раскольникова живое чувство. Он сам до конца не верит в то, что сможет убить старуху, восклицая не раз: "Не вытерплю!" Но эти всплески чувства редки и подавляются господствующей в сознании героя идеей. Тут проявилось своеобразие постановки Достоевским вопроса о соотношении разума и чувства. Многие его герои не только понимают, но и чувствуют идею, они охвачены не просто идеей, а "идеей-чувством", "идеей-страстью". Теория Раскольникова замучила его "ум и сердце он, по словам автора, "чувствовал и знал". Но в противоположность Левину у Раскольникова чувство или сердце не выступает субъектом познания. Чувства его направлены внутрь личности, они служат лишь залогом искренности, бескомпромиссности поисков разума. Подчиненное рациональной идее чувство лишь одухотворяет ее, превращает ее в страсть, а в межличностном мире романа, где так велико влияние эмпиризма, от которого бежит Раскольников, чувство срывается с цепи рационализма, на которую посадил его Раскольников и обеспечивает определенную степень взаимопонимания и переключку "равноправных сознаний" /Бахтин/ героев. Именно таким соотношением рационального и эмоционального объясняется захватывающая Раскольникова время от времени тяга к людям и вместе с тем "отвращение ко всякому чужому лицу"¹². Этим же объясняются и два противоположных характера, поочередно сменяющиеся в Раскольникове, на что обращает внимание Разумихин.

Но чувство все же оказалось не окончательно подавленным и подчиненным идее. Хотя сознательных возражений своей теории

¹¹ Там же, стр. 479.

¹² Там же, стр. 14, 15, 117, 163, 545, 549-550.

он не находил, совершить преступление сознательно и рассудочно ему не дало чувство. Достоевский многократно подчеркивает, что преступление свое Раскольников совершает "механически", "точно он попал клочком одежды в колесо машины, и оно начало в нее втягивать". Да и сам Раскольников констатирует: "Не рассудок, так бес!".¹³ Но именно в тот момент, когда Раскольников делал шаг от теории к практике, так долго заглушаемое чувство взяло на себя главную роль, и, хотя по признанию Раскольникова ум его померкал временами, чувство, инстинкт жизни вел его, как потом оказалось, безошибочно. Разум оказался способен на создание теории, но от ее реализации он отказался, отключился, передоверив это чувству, которое он подавлял во имя этой же теории. Поэтому Раскольников "предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь"¹⁴. Уже здесь односторонность рационалистического подхода к жизни четко обозначается. Односторонность эта для Раскольникова становится почти очевидной на последних страницах романа, где вместе с новым отношением к жизни у Раскольникова появляется и высвобождающееся из-под власти рассудка чувство. "Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы не разрешил теперь сознательно, он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь..."¹⁵.

Итак, Толстой вместе со своим героем приходит к выводу о невозможности разрешения "проклятых вопросов" чисто рационалистическим путем, он приводит Левина к эмпирии и чувству, а затем и к рационально-эмпирическому синтезу, как методологии познания жизни, ее смысла и своего места в ней. Достоевский изобразил такого рода поиски на совмещении рационального и эмоционального элементов, подчинив последнее первому. Левин безболезненно проходит через этап рационалистического осмысления жизни, для Раскольникова

¹³ Там же, стр. 77, 79.

¹⁴ Там же, стр. 568.

¹⁵ Там же, стр. 573.

он становится трагедией. Для Толстого порочность голого рационализма не вызывает сомнений и не требует исследования и доказательств. Достоевский весь роман строит на исследовании и опровержении рационализма, как единственного регулятора жизни общества, личной и общественной позиции индивида.

Но было бы неверно заключить, что Толстой и Достоевский сознательно включились в многовековой спор рационализма и эмпиризма. Эти элементы присутствуют в их творчестве как имманентно присущие познанию вообще и художественному познанию в частности, и проделанный краткий анализ не самоцель, он лишь способствует выявлению особенностей сочетания художественных целей и средств их достижения.

Толстой не только ищет ответы на вопросы, но и пытается дать на них позитивные ответы. Поиски его героев на страницах романов всегда обретают некую завершенность. Ответ, пусть и временный, всегда находится.

Достоевский не пытается дать ответ на "непосильные вопросы" /на то они и непосильные/. Он ставит перед собой другую задачу - художественно исследовать идею-страсть, обнажить различные ее проявления в глубинах человеческого духа. Здесь он видит главную проблему для себя как художника, а не в готовых ответах. Поэтому будущее Раскольникова, совпадающее с тем путем, по которому прошел Левин, т.е. возвращение к эмпирии и чувству, как полноправным составляющим бытия, очерчено Достоевским лишь пунктирно, ибо проблема на этом для него кончается. Преобладание рационалистического момента в сознании героев Достоевского выступает таким образом не как мировоззренческая черта самого писателя, а как прием, позволяющий провести такое художественное исследование.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ НАРОДНОЙ

ПОЭЗИИ

Г.Ф. Одинцов

Не все жанры русского фольклора одинаково хорошо изучены лингвистами, и едва ли не менее всего исследованы тексты народных частушек – сравнительно молодого жанра русского фольклора, возникшего в 60-70-ые годы XIX века. Между тем народная русская частушка, по замечанию писателя Глеба Успенского, выполняла роль "острого словца", а если это так, то определенные выразительные средства языка не могли не быть в этом жанре достаточно активно использованными. Прежде всего вызывает интерес экспрессивная лексика, выполняющая важную художественную функцию и закрепленная синтаксически. Речь идет о так называемых несвободных лексических значениях – синтаксически обусловленных, выделенных академиком В.В. Виноградовым, который впервые поставил перед русистами задачу изучения такой лексики¹. Среди работ, отразивших развитие идей В.В. Виноградова, наше особое внимание привлекает исследование Т.Н. Семеновой². Вслед за Т.Н. Семеновой мы делим синтаксически несвободные значения, выявляемые в существительных, на абсолютно и относительно несвободные. Понимание первых у Т.Н. Семеновой и автора настоящей статьи не одно и то же³, тогда как понимание относительно несвободных значений одинаково: такие значения имеют место в том случае, когда существительное сохра-

¹ В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. – "Вопросы языкознания", 1953, № 5.

² Т.Н. Семенова. Имена существительные с синтаксически несвободными значениями в современном русском языке /автореферат канд. дисс./, Саратов, 1967.

³ См. указанную работу Т.Н. Семеновой, стр. 3 и сл., а также наши заметки "Имена существительные с абсолютно несвободными функционально-синтаксически обусловленными лексическими значениями в народной русской частушке". – "Вопросы семантики. ч.2". Уч. записки МГПИ имени В.И. Ленина/, М., 1976.

няет одну и ту же семантику, если оно может выступать или выступает не в одной /в отличие от слов с абсолютно несвободными значениями/, а в нескольких, хотя и немногих функциях: в роли сказуемого, обращения и приложения /а также в роли подлежащего или дополнения с особыми синтаксическими ограничителями - такие случаи, впрочем, весьма редки/.

В настоящей статье ставится задача проанализировать употребление в народных русских частушках⁴ слов с относительно несвободными синтаксически закрепленными лексическими значениями и выявить основные моменты функционирования таких слов на фоне литературного русского языка, закономерности функционирования в котором подобных существительных установлены Т.Н. Семеновой в названной ее работе. Т.Н. Семенова отметила следующие особенности функционирования в литературном языке существительных с относительно несвободными значениями: 1/ преимущественное употребление их в функции сказуемого; 2/ их менее частое употребление в роли обращения и приложения; 3/ сравнительно редкое и реализуемое при определенных условиях функционирование в роли непредикативных членов предложения - подлежащего, дополнения, обстоятельства⁵.

Только очень приблизительно сходная картина наблюдается в языке частушек; несоответствий норме здесь значительно больше, чем у слов с абсолютно несвободным значением, что вполне естественно, поскольку здесь в 4 с лишним раза больше само количество таких словоупотреблений. Расхождения же с отмеченными литературными нормами следующие.

Во-первых, для языка частушек характерно преимущественное употребление существительных в их относительно несвободном значении не в функции сказуемого /таких случаев около 50/, а в ро-

⁴ При этом принимаются во внимание подлинно народно-поэтические тексты, опубликованные в крупнейших дореволюционных и советских сборниках /см. их перечень в списке принятых сокращений/, - все то, что исполнялось или исполняется народом во время гуляний, молодежных вечеринок и т.д.

⁵ Т.Н. Семенова. Указ. соч., стр. 7.

ли обращения /свыше 70 словоупотреблений/, что объясняется:

а/ исключительно устными языковыми образами частушек /в устной речи обращения встречаются чаще, чем в письменной; в литературном же языке при наличии этих двух его разновидностей количество обращений становится меньшим/;

б/ по некоторым нашим наблюдениям, существительные в их относительно несвободных значениях выступают в функции сказуемого чаще и больше всего в речевых полях сатирического и юмористического плана, например, в фельетонах, а среди частушек количество сатирических песенок невелико, основная же масса частушек - миниатюры любовно-лирические /из 21 тысячи анализируемых частушек - около 19 тысяч любовно-лирических и только 2 тысячи сатирических, юмористических, "нескладух" и частушек социальных/, в связи с этим неудивительно, что слова с порицающим значением: медведь, лиса, заяц, боров, свинья, шляпа и некоторые им подобные - совершенно не встречаются в частушках в своем несвободном значении, используются лишь те слова, которые как-то гармонируют с лирико-поэтическим характером высказывания: змея /лютая, подколотная/, собака /о Гитлере/, пес /о попе-развратнике/ и т.д.

И напротив: в силу лирико-поэтического характера народной частушки возрастает роль поэтического обращения: ягодка /моя/ /довольно часто/, /красно/ солнышко /мое/ /например, обращение сына к отцу, Б, 960/ /мое/ золото /Л. 6400/, /моя/ крошечка /Л, 6164/, /моя/ картиночка /Б, 1259/, куколка /Л, 3298/, голубушка /С, 1241/, ангел /мой/ /С, 2357/, цветик /мой/ /С, 2847/, цветочек /С, 2749/, конфетка /моя/ /Е, 3745/, земляничка /моя/ /Е, 1791/, /дорогая моя/ радость /С, 2031/ и т.д. Диаметральной противоположностью по своему эмоциональному колориту являются слова с несвободным значением в функции обращения: гад /Б, 310/, сатана /Л, 7904/, вертушка /Л. 5204/, дрянь /Е, 3622/ и др., имеющие отрицательную эмоциональную окраску, причем слов этой группы значительно меньше.

Вторым несоответствием литературной норме в функционировании слов с относительно несвободным значением является некоторое преобладание номинативного употребления существительных над ис-

пользованием их в функции приложения, что объясняется введением индивидуально-стилистических неологизмов:

"К нам ребяташки пришли // При галошах, при часах // Мое шлепало пришлепало // В больших сапогах". /Л, 2571. Ср. еще: Л, 5844/.

Здесь можно говорить даже об абсолютно несвободном лексическом значении на том основании, что шлепало - окказиональное слово, "созданное только для данного случая".

Особенности функционирования существительных в относительно несвободных лексических значениях заключаются и в совершенно специфических чертах в отличие от литературного языка. Обычно то или иное слово в предложении монофункционально, т.е. выполняет одну определенную синтаксическую функцию. Однако время от времени тот или иной член предложения в языке фольклора бифункционален, т.е. одновременно является носителем двух синтаксических функций, из которых ни та, ни другая не преобладает.

Возьмем пример:

"Ты, милашка, куколка, // Посидим у уголка. // У вас, у нас огонь погас, // Не ругают дома нас" /Л, 3289/; - где / в первом предложении/ ты обозначим буквой А, куколка - буквой В, посидим /у уголка/ - буквой С.

По смысловому содержанию первый член А выражает предмет, о котором идет речь, третий член С - признак этого предмета, второй член В - обоснование связи между А и С и является одновременно и признаком /по отношению к А/ и частью обращения /по отношению к С/. Бифункциональность второго члена /В/, таким образом, бесспорна. Рассматривать данное предложение как двусоставное, где ты - подлежащее, посидим - сказуемое, нельзя из-за отсутствия согласования главных членов в лице и числе: ты - второго лица, ед. числа, посидим - первого лица, мн. числа. Делить же это предложение на два простых /в каждом стихе по предложению/ невозможно, так как искажается смысл высказывания. Наличие бифункционального сказуемого-обращения отмечено еще в нескольких частушках /Е, 5081/;

С, 2847 и др./; впрочем, такие случаи встречаются нечасто⁶.

В функционировании слов с относительно несвободными значениями в частушках есть еще одно несоответствие литературным нормам. Т.Н. Семенова утверждает, что обращение с относительно несвободным значением локализовано: "его обычное место в отличие от собственно звательного обращения, - абсолютный конец предложения. Реже такое обращение находится в середине предложения" /Указ. соч., стр. 7/. Действительно; "Где тебе монашкой быть, // Ребятница, вертушка!" /Л, 5204/. Другой пример: "Как те, ягодка, не стыдно // Про девчонку песни петь?" /Б, 494/.

Но в частушках возможно употребление такого обращения-характеристики и в абсолютном начале предложения: а/ "Цветок, женишься - спокаешься, // Жалеть будешь меня". /Л, 1345/; б/ "Конфетка моя, // Леденистая, // Полюбила бы тебя, // Да ты кислая". /Е, 3829/. Аналогично: цветок /Б, 535/, цветочек /аленький/ /Л, 7814/, капуста /моя/ /Е, 3909/. Такие явления объясняются символическим значением слов: капуста - 'символ девушки, девичества, женственности', цветок - 'милый' и т.д. Народному исполнителю сказать: цветок, женишься... - все равно, что милый, женишься..., настолько глубоко этот цветок как символ пустил свои корни в лирической песне.

Существительные с относительно несвободным значением в своем номинативном употреблении имеют в частушках, как и в литературном языке⁷, следующие синтаксические ограничения:

1/ наличие при них /существительных/ указательных местоимений этот, тот, такой и пр. - а/ "Говорят: забава помер, - // Не поверю никому: // Неужели такой вербонка // Лежать будет в гробу?" /С, 2228/; б/ "Неужели, дроля, любишь // Эдако чудовищо?" /Л, 41; аналогично: Б, 2182, 2910, 3046, 3047/;

⁶ Синтаксис трехчленных народно-поэтических конструкций несколько иного вида /"Авось - вор: украдет"/ рассмотрен В.А. Федосовым. См. его автореферат канд. дисс. "Синтаксис причинно-следственных конструкций /на материале русских пословиц/". М., 1965.

⁷ Т.Н. Семенова. Указ. соч., стр. 7-8.

2/ наличие притяжательных местоимений, определяющих существительное - а/ "Били девушку веревкой, // Добирались бить ремнем, - // Моя горячая слезинка // Долго слушал под окном". /С, 1353/;
б/ "На твою, Павлыч, симпатию // Не хочется глядеть". /С, 2793/;

3/ употребление существительных в конструкциях с глаголами назвать, обозвать и т.д. - "Назвала меня мать // Разбойницею". /Е, 4075; еще: Б, 3397; Л, 862 и т.д./.

Однако в частушках нередко можно наблюдать случаи употребления подобных существительных без указанных ограничений, что не соответствует литературным нормам языка:

а/ "Чужи ягодки гуляют,
Дорогого мого нет". /С, 370/;

б/ "Неужели из пяти
Цветка по сердцу не найти?" /С, 915/.

в/ "Шел забавочка во город,
Наговаривал, как жить:
Живи, забавочка, скромнее,
И приду-буду любить". /С, 2028/.

Все указанные отклонения от литературных норм в функционировании существительных с относительно несвободными значениями, придавая определенное своеобразие языку и стилю, не настолько существенны, чтобы говорить о разных системах синтаксической организации слов с несвободными значениями.

Отметим тематические группы существительных с относительно несвободными значениями, наблюдающимися чаще всего у слов - наименований конкретных предметов:

1/ в названиях неодушевленных предметов /наиболее продуктивная в этом отношении группа/ -

камень /С, 450; Л, 843/ - 'о том, что полно бесчувственности';

крошечка /Л, 6164/ - 'очень ласковое обращение /чаще всего к ребенку или женщине/';

солнышко /В, 960/ - 'о ком-либо очень дорогом, приносящем счастье';

язва - /Б, 2068/ - 'о человеке /женщине или мужчине/, любящем язвить';

здесь же: куколка /Л, 3289/, яблочко /С, 442, 1183, 1044/, конфетка /Е, 3295, 3745, 3829/, вертушка /Л, 5204, 4636, 6916, 6556; Б, 522, 523/, пень /Б, 2977, 3063/, лопух /Б, 3090/, лапоть /Е, 4110/, ягодка /Б, 494; С, 1729, 2507, 1814, 2044/, ум.-ласк. ягодиночка /Р, 325, стр. 136/, земляничка /Е, 1791, С, 251/, золото /Л, 6400/, изюминка /С, 3008 и др./, цветок /С, 915/, колубничка /Е, 3695/, цветочек /Л, 7467; С, 2749/, роза /единственный пример - С, 3036, - с текстом, отражающим книжное влияние/, кровиночка /Р, 145, стр. 43/, бочки 'очень полные девушки' /С, 1201/, пешка /Б, 2932/; поэтические семантические образования, неизвестные в общелитературном употреблении: перцовочка 'юная девушка, страстно любимая молодым человеком' /С, 3005/, вербонка 'молодой человек, любимый и морально высоко оцениваемый девушкой' /С, 2228/; прянички 'о привлекательных молодых людях' /С, 1143/; простыня 'непотребная молодая женщина' /С, 2603/; карамельна 'милый, милая' /С, 427, 494, 725 и т.д./;

б/ в наименованиях животных /менее продуктивная группа, хотя в литературном языке именно она является доминирующей/;

пиявка /Л, 4348/, - 'о человеке, жадно и злобно эксплуатирующем кого-нибудь, заедающем чью-нибудь жизнь'; змея /Б, 616; С, 1996, 1997/ - 'о коварном, ехидном, злом человеке'; скотина - 'о подлом, грубом человеке'; еще: ворона /Л, 2024/, пес /Б, 2075, С, 1092, 2130/; стрекоза /Л, 4647/, голубочек /Б, 1569/, голубеночек /Е, 4033, 4303/, собака /Б, 2428; Л, 1811/, змей /Л, 7341/, гад /Б, 310/, кляча /Е, 3951/;

в/ в наименованиях лиц:

тиран /Е, 3224; Б, 1540/ - 'о том, кто мучит, лишает спокойствия'; цыганеночек /Л, 5854/ - 'о мальчике, юноше с черными вьющимися волосами'; атаман /Б, 3189; Л, 7931/ - 'предводитель' /шутливо/; азиаты /Л, 5352/ - 'некультурные, грубые люди, варвары' /"немцы-азиаты" - о фашистах/; сюда же: разбойница /Е, 4558, 4076/, рахитики /Б, 3253/, карапузики /Б, 3047, 3046/, монашенка /Е, 3864; Л, 6451/;

г/ в наименованиях мифологических существ:

чертенок /Б, 1719/ - 'о живом, бойком шалуне /с оттенком ласковой укоризны/'; ангел /С, 2357; Е, 2941, 3300/ - 1/ 'об идеале, олицетворении чего-нибудь', 2/ 'ласковое обращение к любимому человеку'; еще: чудовище /Л, 41/, сатана /Б, 2395; Б, 2461 и т.д./, ангелочек /Е, 5867/, бес /Л, 3975/, дьяволенок /С, 1226/, черт /С, 1694, 2778/;

д/ в наименованиях, обозначающих чувства: радость 'обращение к любимому человеку' /С, 595/; утеха /С, 2578/, симпатия /моя и даже мой/ /С, 48, 665, 1422/;

е/ в наименованиях болезней: холера 'бранно о человеке, о мужчине по преимуществу' /Л, 26; С, 1909/; лихорадка 'бранно о женщине' /С, 2258/.

Создатели частушек стремятся ослабить грубость некоторых из приведенных слов, используя нередко их с уменьшительно-ласкательными суффиксами даже тогда, когда, казалось бы, эти суффиксы совершенно бессмысленны:

"А он назвал тебя
Да паразиточкой /Б, 3397/, -

где суффикс -к- имеет только эфемистическое значение /ср. также употребление слова коровушка вместо корова в качестве характеристики нерасторопной женщины /Б, 2547/, где эфемистическое значение суффикса -ушк- сочетается с иронией; см. выше еще дьяволенок/. Аналогично:

"Мы на лодочке катались
В воскресенье весь денек.
Если девушку отбили -
Так не парень, а ценек".

С точки зрения семантической, при употреблении существительных в относительно /как и в абсолютно/ несвободном значении отклонений от литературных норм нет, за единичными исключениями. Например, слово чудовище в своем несвободном значении употребляется в литературном языке применительно к жестокому, низкому в нравственном отношении человеку. В таком значении это слово имеет книжный характер, чем объясняется его неточное понимание в народной среде:

"Супостаточка повыше // На одно верховьицо /т.е. "на голову": - Г.О./ . // Неужели, дроля, любишь // Эдако чудовищо?" /Л, 41/, - где это существительное означает 'страшилище'. По этой же причине в записи начала XX в. имеем модели 'модницы': "Наши девушки - модели: // Туфли на ноги надели, // Полосатые чулки, - // Пошли гулять на ручейки". /С, 1187/.

В одной дореволюционной частушке мы обнаружили семантический архаизм - демократы 'буяны', - возникший в условиях самодержавно-полицейской пропаганды, направленной против социал-демократов: "Деревенские ребята // Настоящи демократы! // Из-за сотки роздерутся, // Росцарапаются в кровь" /С, 2976/.

Вместе с тем слово употреблено здесь, по-видимому, иронически.

С точки зрения морфологической, обнаруженные в частушках рассматриваемые существительные представляют собой пеструю картину.

Нередко у них категории рода, числа, падежа остаются без существенных изменений. Но некоторые существительные мужского или женского рода переходят в слова общего рода.

Например, слово сатана в свободном значении обладает мужским родом и не имеет множественного числа. То же самое обнаруживается и в синтаксически несвободном значении этого слова, когда оно характеризует лицо мужского пола:

"Не люби, подружка, Федьку,
Он-от чистой сатана". /С, 2605/.

Ср. также употребление в косвенном падеже "косого сатану" /о Гитлере. - Л, 4978/. Употребляясь применительно к женскому полу, это слово приобретает форму женского рода:

а/ "Как моя-то золовушка
Такая сатана" /С, 2000/;

б/ "Ты, старуха старая,
Сатана лукавая..." /Р, 265, стр. 126/.

Еще: С, 1542. Менее последователен такой переход у существительного симпатия.

У немногих существительных наблюдаются любопытные особен-

ности в категории рода: "Мой холера охает" /Е, 3790/; "За како-го иду клячу!" /Е, 3951/.

У подчеркнутых слов форма не изменилась, стала иной лишь форма согласованных с ними местоимений. Это явление можно истолковывать двояко. Во-первых, можно считать, что в данных значениях слова холера и кляча стали существительными общего рода и, поскольку они являются здесь наименованиями лиц мужского пола, то местоимения мой и какой согласуются с ними в мужском роде. Допустима, однако, и другая точка зрения: местоимения, употребленные в форме мужского рода вместо женского, выражают тем самым переносный смысл существительных холера и кляча более обобщенно, по существу делая эти слова экспрессивно-усилительными придатками субстантивированных местоимений: "Мой холера охает", т.е. "мой-то, холера, охает".

При таком несоответствии определения с определяемым существительным в роде создается, пожалуй, не один, как при полном согласовании /"за какую иду клячу!"/, а два семантических центра: "за какого" и "за клячу", "мой" и "холера"/.

Эта вторая точка зрения не бесспорна, но соответствует импровизационному характеру частушке, а именно: после уже спетых слов "за какого иду" исполнитель, возможно, неожиданно для себя добавляет осенившее его слово "клячу".

Морфологические изменения существительных в их абсолютивно-несвободном лексическом значении гораздо более велики и разнообразны.

*

1. Главная лексико-семантическая особенность языка народных частушек - активнейшее использование в них слов с несвободными значениями и в частности - с функционально-синтаксически закрепленной семантикой. Такие слова служат едва ли не важнейшим семантическим средством образной характеристики в частушке.

2. Особенность функционирования таких слов в частушке - довольно часто являющиеся случаи их относительно свободного /синтаксически не вполне закрепленного/ употребления, что отличает в этом отношении язык народно-поэтический от литератур-

ного.

Однако главенствующей остается тенденция к преобладанию типа несвободных лексических значений.

3. Отличительной чертой синтаксического употребления слов в относительно несвободных значениях в языке фольклора является встречающийся иногда факт бифункциональности членов предложения /в частности, сказуемых-обращений/ и возникновение на этой основе в противовес дву- и односоставным предложениям так называемых трехчленных конструкций.

Принятые сокращения

- Б - Частушка. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.С. Бахтина. М.-Л., 1966.
- Е - Сборник великорусских частушек. Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.
- Л - Частушки в записях советского времени. Изд. подготовили З.И. Власова и А.А. Горелов. Изд. АН СССР. М.-Л., 1965.
- Р - Русские частушки. Предисловие и отбор текстов Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной. М., 1966.
- С - В.И. Симаков. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ
КОТОРЫЙ В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ ПРИДАТОЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
/БЕСПРЕДЛОЖНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ/

М.А. Корчиц

/Гродно/

Вопрос о том, каким членом предложения в придаточной части может быть союзное слово который, в научной и методической литературе до настоящего времени специально не ставился. В связи с разработкой теории сложноподчиненного предложения исследователей интересуют прежде всего общие проблемы, связанные с функциональным назначением союзных слов¹, своеобразием семантико-синтаксических связей между предикативными частями, объединенными относительными местоимениями и местоименными наречиями². В статьях методического характера чаще всего решаются задачи практического плана, вызванные потребностями преподавания русского языка. В частности, в связи с омонимией некоторых средств синтаксического подчинения ученые пытаются установить критерии и выработать практические приемы разграничения подчинительных союзов и союзных слов³. Можно назвать лишь несколько

¹ В.А. Белошапкова. Современный русский язык, Синтаксис, М., "Высшая школа", 1977, стр. 218; В.А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке /Некоторые вопросы теории/, М., "Просвещение", 1967, стр. 82; С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Современный русский язык, Синтаксис сложного предложения, М., "Просвещение", 1969.

² В.А. Белошапкова. Анафорические элементы в составе сложных предложений. - В кн.: Памяти В.В. Виноградова. Сб. статей. М., Изд-во Моск. ун-та, 1971, стр. 34-43; М.И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка, Новосибирск, "Наука", 1967, стр. 149-164.

³ С.Г. Ильенко. Средства связи сложноподчиненного предложения в современном русском языке /К вопросу о противопоставлений союзов и союзных слов/. - Труды по русскому языку /ЛГПИ им. А.И. Герцена/. Ученые записки, т. 324, Л., 1969; В.А. Шитов. О союзах и союзных словах в составе придаточных, "Филологические науки", 1974, № 2; Г.М. Макаров. К вопросу о разграничении союзных слов со значением места и времени. - Ученые записки Сызранского пед. ин-та, Кафедра русского языка, в. 1, 1956; Т.А. Колосова. Разграничение омонимичных союзов и союзных слов, "Филологические науки", 1967, № 4; Н.А. Меликян. Об одной попытке формального разграничения союзов и союзных слов. "Русский язык в национальной школе", 1964, № 2.

работ, в которых в общем плане перечисляются синтаксические позиции союзных слов всех типов⁴.

Между тем, учащиеся школ и студенты вузов, изучающие русский язык как специальность, при определении синтаксической роли и выборе формы союзного слова который встречаются с большими трудностями. Синтаксическая позиция данного связующего средства в вузовских /а тем более в школьных/ учебных пособиях по русскому языку подробно не освещается. Грамматика-60 в разделе "Сложноподчиненное предложение" дает лишь общие положения о согласовании местоимения который с определяемым существительным главной части и зависимости его падежной формы от синтаксической функции в придаточной, а также о способности этого слова быть подлежащим или второстепенным членом⁵.

Более того, конкретные указания, касающиеся позиции некоторых членов предложения, выраженных этим словом, иногда в корне противоречивы. Например, В.А. Белошапкина считает, что относительные местоимения который, какой, выполняющие роль подчинительного союза, "никогда не бывает согласованными определениями, для них возможны только функции подлежащего, дополнения, обстоятельства или, наконец, несогласованного определения"⁶. Г.А. Тоболова придерживается иной точки зрения: "Союзные слова какой, который являются согласованными опреде-

⁴ В.П. Никифоров. Как различать союзы и союзные слова. - Труды Воронежского ун-та, т. 47, Воронеж, 1957; В.И. Чернова. Приемы разграничения союзных слов и союзов. - Ученые записки Орловского ГПИ, т. 22, Историко-филологический факультет, Орел, 1964; А.Ф. Кулагин. Синтаксические функции союзных слов, "Русский язык в школе", 1963, № 6.

⁵ Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 270.

⁶ Современный русский язык, ч. 2 /Морфология. Синтаксис/. Под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук, Изд-во Моск. ун-та, 1964, стр. 526.

лениями"⁷.

Трудности употребления, отсутствие четких сведений о синтаксической функции относительного местоимения который, разноречивой в толковании его атрибутивной роли свидетельствуют о том, что вопросы, касающиеся функционального использования его, актуальны в теоретическом и практическом отношении и требуют специального анализа.

Будучи ограничены рамками статьи, мы постараемся определить возможные позиции слова который только в беспредложном употреблении. При этом мы будем опираться на следующие теоретические положения:

1/ союзное слово который, как анафорическое местоимение, не имеет своего постоянного лексического значения, а наполняется семантически за счет существительного главной части, на которое оно указывает⁸;

2/ если поясняемое существительное имеет при себе определения, то союзное слово семантически равнозначно всему словосочетанию⁹;

3/ союзное слово который переносит семантику поясняемого существительного /сочетания существительного с определением/ главной части в придаточную, является его заместителем и грамматически связано с ним способом неполного согласования¹⁰.

На этой теоретической основе базируется применяемый нами прием замены местоимения который его семантическим наполнителем - существительным /с поясняющими словами/ главной части. Определительная придаточная часть, таким образом, трансформируется в самостоятельное простое предложение, законченное по смыслу и форме. Например: "Стояла глубокая ночь, тишину которой прерывали только звуки дальних и ближних боев".

⁷ Г.А. Тоболова. О союзных словах. - Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. в.4, 1958, стр. 341.

⁸ А.Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка, изд.2, М., "Высшая школа", 1968, стр. 215; В.А. Белошапкова. Сложное предложение..., стр. 81.

⁹ С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Современный русский язык..., стр. 52.

¹⁰ В.А. Белошапкова. Анафорические элементы..., стр. 35.

/А. Фадеев/. - "Тишину глубокой ночи прерывали только звуки дальних и ближних боев".

Иногда поясняемое существительное-наполнитель синсемантически и без поясняющих слов не создает коммуникативной законченности трансформы. В этом случае, чтобы придаточная часть могла быть преобразована в формально полную единицу общения, мы присоединяем к нему местоимение-определитель. Например, в предложении "По тому, куда прутик был загнут, он знал о направлении, в котором шел человек" /В. Арсеньев/ существительное направление, имея слишком общее значение, требует определения-конкретизатора. Без него предложение-трансформа "В направлении шел человек" не является коммуникативно законченным. Чтобы предложение могло функционировать в качестве отдельного высказывания, оно должно быть полным, как минимум, в структурном отношении: "В этом направлении шел человек".

Слова и словосочетания, заменителем которых выступает союзное слово, для экономии места в приводимых примерах даются в скобках: "Санаторий летчиков волновался, как муравейник, на который /= на муравейник/ наступили ногой" /Б. Полевой/.

Выступая в форме именительного падежа, местоимение который занимает позицию грамматически независимого члена - подлежащего, связано со сказуемым предикативными отношениями и образует с ним грамматическую основу придаточной части. Семантически конкретизируясь за счет субстантива или субстантивной группы главной части, в действительных оборотах оно означает производителя или носителя признака, выраженного сказуемым: "Вася видел лисиц, которые / = лисицы/ весело играют на солнышке, зайцев, которые / = зайцы/ умываются лапками, дрохв, которые / = дрохвы/ расправляют свои крылья" /А. Чехов/; "Если вам нужны средства для издания книг или газеты, которая / = газета/ будет полезна, рассчитывайте на меня и на моего мужа" /Г. Серебрякова/. В пассивных конструкциях местоимение который занимает позицию субъекта, воспринимающего признак со стороны: "Он /земледелец/ строит ходы для воздуха, хранилища для воды, под-

земные кладовые, которые / = подземные кладовые/ весной наполняются снеговой водой, а летом - дождевой" /М. Ильин/.

В данных примерах союзное слово в роде и числе согласуется с поясняемыми существительными лисицы, зайцы, газета, кладовая и т.д., а его падежная форма определяется позицией независимого главного члена - подлежащего.

Форма родительного падежа местоимения который в придаточной части может употребляться в сочетании с глаголом, существительным, предикативным наречием и прилагательным в сравнительной степени, образуя с ним синтаксически свободные словосочетания: которого не знал, вершина которого, жаль которого, краше которого и др. Местоимение который в них выступает как зависимый член, связывается с грамматически главенствующим словом при помощи управления. Синтаксические отношения между ними и синтаксическая роль союзного слова в предложении обуславливаются лексико-грамматическим значением управляющего слова и конкретным лексическим наполнением самого местоимения, т.е. семантикой существительного, поясняемого придаточной частью.

В приглагольном употреблении местоимение который в форме родительного падежа выполняет функцию прямого дополнения:

а/ если управляющий прямопереходный глагол имеет при себе отрицание: "Как-то вскоре после конференции, в октябре 1865 года, в Модена-вилла пришло письмо, которого / = письма/ здесь не ждали" /Г. Серебрякова/; "Казалось, не было книги, которой / = книги/ бы он не прочел" /Н. Гарин-Михайловский/;

б/ если действие глагола распространяется на часть предмета, обозначенного существительным-наполнителем: "Она приказала мне лезть в погреб и достать пяток яиц, потому что ей надо ставить тесто для блинчиков, которых / = блинчиков/ дядя захочет поесть вместе с простоквашей" /А. Гайдар/.

В остальных случаях для родительного приглагольного характерна позиция косвенного дополнения: "Это был старый, дремучий бор, которого / = старого, дремучего бора/ не касались еще пила и топор лесного барышника" /В. Короленко/. Эту же синтак-

сическую позицию занимает форма родительного падежа и в отрицательных безличных предложениях: "Совсем в другой стороне заво-дили машины, которых / = машин/ там раньше не было" /В. Немцов/.

Значительно большей частотностью употребления отличается родительный приименный. Местоимение который относится к имени существительному, управляющему родительным падежом, и выполняет функцию несогласованного определения. В зависимости от лексического наполнения местоимения, поясняемое существительное характеризуется с разных сторон.

1. В составе словосочетания местоимение замещает существительное со значением лица, которому принадлежит предмет, обозначенный грамматически главенствующим существительным /отношения принадлежности/: "И ему стало жаль приятеля, лица которого / = приятеля/ он не видел ни разу" /Б. Горбатов/; "И этот старик, на румяных щеках которого / = старика/ уютными завитками шевелились седые усы, был просто прелестен" /С. Макаренко/.

2. Атрибутивные отношения наблюдаются и в тех случаях, когда главенствующее существительное обозначает неодушевленный предмет или абстрактное понятие, а местоимение занимает место существительного с отвлеченным или конкретно-предметным значением: "Перед тем как подойти к дереву, в тени которого / = дерева/ спряталась Натка, они, по-видимому, о чем-то поспорили" /А. Гайдар/; "Связист довез ее до глухого леса, в глубь которого / = леса/ уходило несколько свеженаезженных дорог" /К.Симонов/; "Все зависит от бесчисленных условий, значение которых / = бесчисленных условий/ определяется в одну минуту" /Л. Толстой/.

3. Местоимение соотносится с названием целого предмета, а поясняемое существительное - часть его /характеристика части по целому/: "Деревня рассыпана среди пальм, стволы которых / = пальм/ совсем не бросаются в глаза" /Д. Крамской/; "В овраге, по дну которого / = оврага/ бежал ручей, я напился" /А. Гайдар/.

4. Родительный падеж зависимого местоимения замещает существительное со значением действующего лица или предмета, то есть производителя действия, а управляющее существительное,

образованное от глагола, обозначает само действие: "Непрестанный гром, рокот которого / = грома/то удалялся, то накатывался все ближе, наконец разбудил меня" /Ю. Либединский/.

Родительный падеж местоимения может входить в состав словосочетания, в котором управляющее имя существительное означает субстантивированное действие, а управляемая форма союзного слова соотносится с существительным со значением объекта действия. В этом случае союзное слово занимает позицию косвенного дополнения: "Все это образы, в создании которых / = образов/ гармонично сочетались радио и интуиция, мысль и чувство" /М. Горький/.

Иногда родительный падеж местоимения который при предикативном наречии выполняет роль прямого дополнения: "Не всегда шли люди по столбовой дороге, но бывало, что пробивались сквозь мрак к далекому свету, которого / = далекого света/еще не было видно..." /В. Солоухин/.

Очень редко форма родительного беспредложного встречается в сочетании с прилагательным сравнительной степени, причем, как правило, в отрицательных безличных предложениях со словом нет. Союзное слово в этих примерах занимает позицию косвенного дополнения: "Тогда душа его метнулась незабываемым порывом любви... к человеку, роднее которого / = этого человека/ нет никого" /Ф. Гладков/.

Таким образом, функции родительного падежа союзного слова который довольно разнообразны. Оно может находиться в позиции несогласованного определения или дополнения /прямого или косвенного/, выражая атрибутивные или объектные отношения различных оттенков.

Форма же дательного падежа отличается большим разнообразием синтаксических отношений, хотя и используется и как дополнение, и как определение.

В действительных оборотах речи, т.е. в придаточной части, построенной по модели двусоставного или односоставного неопределенно-личного предложения, форма дательного падежа местоимения который замещает существительное со значением косвенного

объекта: "Но вот Чуку, которому / = Чуку/ из-за спины ящика плохо видна была дорога, стало скучно" /А. Гайдар/; "Рядом с видом собаки, которой / = собаке/ дали пинка, шагал староста" /А. Гайдар/.

В безличных и инфинитивных конструкциях местоимение который функционирует как дательный субъекта, заменяя существительное со значением лица, испытывающего состояние, выраженное сказуемым: "Организациям, которым / = этим организациям/ положено быть в курсе дела, о беспорядках не сигнализируют" /Газ./; "Серые лягушки, которым / = серым лягушкам/ все равно посуху не ускакать далеко, скрипуче квакали у серого болота" /А. Гайдар/.

В сочетании с существительным имя форма дательного падежа используется в качестве несогласованного определения: "Твои руки кладут кирпичи для создаваемого нами прекрасного здания, имя которому / = создаемому нами прекрасному зданию/ - социализм" /Н. Островский/; "Княгиня уверяла, что смущает ее некто, имя которому / = некто/ - Эдип" /А. Толстой/.

Косвенным дополнением является данная форма и в сочетании с именем прилагательным: "И вдруг мы увидели совершенно необыкновенное дерево, подобного которому / = совершенно необыкновенному дереву/ не было во всем саду". /В. Солоухин/.

Форма винительного падежа местоимения который в беспредложном употреблении используется как прямое дополнение. Винительного падежа требует от него прямопереходный глагол-сказуемое или деепричастие: "Иди по тому пути, который / = тот путь/ я выбрал и лучше которого нет на свете" /Ф. Вигдорова/; "Перед старыми заводами возникли десятки новых проблем, не решив которые / = десятки новых проблем/ невозможно было перейти к новым методам постройки кораблей" /В. Кочетов/.

Среди беспредложных употреблений форма творительного падежа местоимения который является наименее распространенной. Тем не менее, синтаксическая функция ее отличается своеобразием оттенков выражаемых синтаксических отношений. Наиболее частотна роль косвенного дополнения, если местоимение, получая лексическое наполнение за счет семантики существительного главной части,

означает:

а/ орудие, или средство, при помощи которого производится или достигается определенное действие: "За печкой Чук нашел какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым / = капканом/ ловят зверя" /А. Гайдар/"; "Они /немцы/ все равно не выдержат и оставят город, боясь окружения того самого окружения, которым / = тем самым окружением/ они когда-то так систематически и упорно пугали нас" /К.Симонов/;

б/ объект действия, восприятия при глаголах любоваться, лакомиться, гордиться, править, дирижировать и др.: "Давно уже поспела полевая клубника, лакомиться которой / = полевской клубникой/ позволяли нам вдоволь" /С. Аксаков/; "Все чувства охотника сходятся на необыкновенном и чудесном зрелище, любоваться которым / = необыкновенным и чудесным зрелищем/ доступно не каждому счастливцу" /И. Соколов-Микитов/;

в/ лицо или предмет, который производит действие /в страдательных оборотах речи/: "Я славлю просторы и великую силу зерна, и флаг над Кремлем, которым / = флагом над Кремлем/ планета озарена" /С. Щипачев/; "Сквозь полог сосновых игл, которыми / = сосновыми иглами/ сыпана почва, пробилась яркие папоротники" /В. Короленко/.

В роли обстоятельства образа действия форма творительного падежа выступает в тех случаях, когда она соотносится с существительным обобщенного значения взгляд, тон, язык и др.: "Она /Анна/ говорила и удивлялась тому натурально-спокойному, верному тону, которым / = тем натурально-спокойным, верным тоном/ она говорила..." /Л. Толстой/; "Теперь надо приучиться к мужественной речи свободного человека и бросить язык, которым / = таким языком/ перестают говорить в передних" /А. Герцен/.

Таким образом, в рассмотренных случаях беспредложного употребления союзное слово который в структуре придаточной части занимает синтаксическую позицию отдельного члена предложения. Однако оно, конкретизируясь на основе семантики своего наполнителя, может входить и в состав словосочетаний, имеющих целостное лексическое значение и единую, синтаксически нерасчленимую

структуру. В структурной модели таких словосочетаний местоимению который отводится роль зависимого компонента. Но оно не только формально восполняет отсутствующий зависимый компонент, но и, благодаря своей анафоричности, удерживает в семантике словосочетания определенное предметное значение. В результате этого словосочетание приобретает законченный вид и в семантическом плане, и структурно, что дает ему возможность занимать позицию члена предложения.

Наши материалы позволяют выделить следующие типы синтаксически неразложимых словосочетаний, в состав которых входит относительное местоимение который.

1. Словосочетания с количественными отношениями; главное слово - имя существительное или числительное, указывающее на количество исчисляемых предметов определенно /пара, дюжина, пятток, тройка, тысяча, сотня и др./ или же только называющее количество предметов обобщенно /число, количество, часть/; грамматически зависимое слово - местоимение который в родительном падеже множественного числа, замещающее существительное с предметным или вещественным значением; генетически они восходят к словосочетаниям типа пара сапог, тройка лошадей, множество студентов, число сотрудников и т.п. К этой же группе относятся и словосочетания с отношениями совокупности: толпа людей, стая голубей, стадо коров, груда камней /главное слово называет совокупность предметов, а зависимое - состав совокупности/. В соответствии со значением главного слова и семантическим наполнением слова который такое словосочетание обозначает меру вещества, совокупность предметов или их точное количество. Являясь синтаксически несвободным, оно в придаточной части занимает позицию одного члена предложения: 1/ "Но деньги, которых / = денег/ и так оставалось мало, таяли с быстротой, совсем непонятной" /А. Гайдар/; 2/ "Впрочем, он объяснит это тем, что ужасно боится кошек, которых / = кошек/ множество ползает между дров" /А. Толстой/; 3/ "Крепко пахло на вокзале нефтью, карболкой и антоновскими яблоками, которых / = антоновских яблок/ уродилось в тот год неисчислимая сила /А. Гайдар/ ; "В нем /архипелаге/ насчитывается до 100 островов, большая часть которых / = ста

островов/ покрыта сплошным панцирем ледников" /газ./; 5/ "Все было как бы необыкновенным в то утро: и ловля окуней, на стаю которых / = окуней/ я напал, и предрассветная зыбкость, поднимающаяся от реки" /В. Солоухин/.

Словосочетания подобного рода встречаются редко. В наших примерах они выполняют роль подлежащего /1-4/ и косвенного дополнения /5/. Но для них возможна и функция обстоятельства места, например: "В архипелаге насчитывается около сотни островов, на части которых / = сотни островов/ лежат ледники".

2. Словосочетания глагольного типа, в которых место существительного с абстрактным значением занимает местоимение который в винительном падеже: оказать которую / = услугу/, вести которую / = борьбу/, испытывать которую / = обиду/ и др. Будучи семантически равноценными или близкими глаголу, такие словосочетания выполняют роль простого глагольного сказуемого /1,2/ или основной части составного /3/ или сложного /4/. Местоимение который входит в состав этих членов в качестве зависимого структурного компонента словосочетания. Например: 1/ "И для молодежи, как и для нас, вопрос чести - оправдать те большие упования, которые / = те большие упования/ возлагает на науку наша Родина" /И. Павлов/; 2/ "Трудно перечислить все те услуги, которые / = все те услуги/ этот человек оказал мне и моим спутникам" /В. Арсеньев/; "Важнейшая задача прессы в настоящий момент - подготовить общество к мысли об очень серьезной опасности, грозящей нашему государству, а также о чрезвычайных жертвах, которые / = чрезвычайные жертвы/ все мы должны принести" /А. Толстой/; 4/ "Отход 1-й германской армии был, конечно, хорошим симптомом - как новый шаг назад, который / = новый шаг назад/ немцы вынуждены были сделать с самого начала войны" /А. Игнатьев/.

3. Сочетания типа "глагол-связка + местоимение который в тв. падеже"; союзное слово выполняет роль именной части составного сказуемого: "Поэтому уточняющий или пояснительный член обычно приобретает название того члена предложения, которым / = тем членом предложения/ является уточняемый или поясняемый компонент сочетания" /М. Ханин/; "Он грустно и рассеянно смотрел темно-серыми глазами на Александра и ничем не напоминал ле-

нивца, мудреца, любовника, которым / = ленивцем, мудрецом, любовником/ был в стихах, больше всего понравившихся" /Ю. Тынянов/.

Проведенные наблюдения над синтаксической позицией союзного слова который в структуре определительной придаточной части позволяют сделать следующие выводы.

Как и все другие анафорические местоимения, относительное местоимение который не имеет определенного лексического содержания. Его семантика характеризуется отсутствием постоянного соотношения с реальным предметом. Являясь лексически пустым словом вне контекста, в структуре предложения оно получает реально-конкретное содержание за счет семантики того слова /сочетания слов/, на которое указывает своими грамматическими формами рода и числа, т.е. с которыми связано способом неполного согласования.

Так как слово который соотносится с субстантивом, то и в предложении ведет себя как субстантив, как существительное, выполняя аналогичные ему функции.

В зависимости от своего конкретного контекстуального семантического наполнения, категориального значения наполнителя и слова, которое им управляет в рамках придаточной части, относительное местоимение который в беспредложном употреблении может функционировать как автосемантический, самостоятельный элемент, занимающий позицию отдельного члена предложения, или как синсемантический, несамостоятельный элемент, входя в состав синтаксически неразложимого словосочетания.

Возможные синтаксические позиции союзного слова который как отдельного члена предложения отражает следующая таблица /знаком "+" отмечены занимаемые позиции, знаком "-" - позиции, в которых союзное слово не встретилось/:

№ п/п	Падежная форма союзного слова	Синтаксическая позиция				
		Подл.	Пр. доп.	Косв. доп.	Несогл. опр.	Обст. сп.д.
1.	Именит. падеж	+	-	-	-	-
2.	Родит. падеж	-	+	+	+	-
3.	Дат. падеж	-	-	+	+	-
4.	Винит. падеж	-	+	-	-	-
5.	Творит. падеж	-	-	+	-	+

Для форм именительного и винительного падежей характерны постоянные позиции подлежащего и прямого дополнения, синтаксические позиции других падежных форм более разнообразны: прямое и косвенное дополнения, несогласованное определение, обстоятельство способа действия. Конкретизируясь на основе имени существительного, союзное слово который в беспредложном употреблении может занимать позицию несогласованного определения, а не согласованного.

В состав неделимых словосочетаний местоимение который используется как несамостоятельный, зависимый компонент, поддерживающий его структурно-семантическую целостность. Такие словосочетания занимают позицию простого глагольного сказуемого, основной части составного или сложного сказуемого, а также подлежащего, дополнения и обстоятельства.

В сочетании с отвлеченной и полуотвлеченной связкой форма творительного падежа относительного местоимения который может выполнять роль именной части составного сказуемого.

НЕСОВПАДЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА
В РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

Иштван Пете

Д.А. Кашина /1973:5/ отмечает, что "языковая категория количества не совпадает с реально-логической категорией количества в том случае, если количественные сочетания выражают значение, не соответствующее денотату". Это наблюдается тогда, когда значению количества присущи субъективные наслоения разного рода: экспрессивность или интенсификация каких-то значений, метафоричность, эмоциональный эффект и др.

В свободных словосочетаниях употребление числительных в несоответствующем их денотату значении связано с многочислительностью. Круглые цифры, обозначающие большие количества, кроме основного конкретного значения имеют также значение 'огромное количество, множество кого-чего-л.'. К таким числительным относятся сто, тысяча, миллион, миллиард. Напр. "Я его, кажется, сто лет не видала" /Куприн, Гранатовый браслет/, "Это в тысячу раз полезнее" /У./, "Мы с тобой миллион раз поругаемся и помиримся" /Ажаев/, "На небе мелькали миллиарды звезд." Употребление числительных, обозначающих большее количество, повышает эмоциональный эффект. Ср.: "Я тебя сто лет /тысячу лет/ не видел. В отношении употребления этих числительных в несоответствующем их денотату значении между русским и венгерским языком наблюдается полное совпадение. Ср., напр.: "Ezer éve nem láttalak". Это совпадение, однако, не означает, что в переводах с одного языка на другой они всегда соответствуют друг другу. Ср.: - "Szunyog nem volt? - érdeklődött Matula. Millió!" /Fekete István, Tüskevár/ - Комаров не было? - заинтересовался Матула. - Туча!" /Перевод Н. Подземской/.

В фразеологических сочетаниях употребляются, как правило, числительные, обозначающие небольшое количество. С.В. Ольховская /1976:123/ указывает, что "не все числительные одинаково активны в образовании фразеологических единиц. Более 75 % фразеологических единиц содержат в своем составе перво-

образные корневые числительные, при этом числительные один, два образуют около двух третей единиц. Другими распространенными в составе фразеологических единиц компонентами являются числительные 3, 4, 7, менее продуктивными - 5, 8, 9, числительные сложные и составные". В данной статье мы не будем рассматривать такие фразеологизмы, в которых числительные сохраняют свою семантику, присущую им как дейктической части речи. Напр.: "Ясно как дважды два - четыре" 'Egyszerű, mint a kétszerkettő', "Она выложила десять тысяч, как одну копейку /копеечку" 'A tizezret egyszerre egy fillérig kifizette', "Она понравилась мне с первого взгляда/ с первого знакомства, с первого слова, с первых же слов, по первому взгляду, при первой же встрече/" 'Első látásra megtetszett nekem'.

Случаи несовпадения языковой и логической категории количества в области числительных в русском и венгерском языках с типологической точки зрения делятся на три главные группы:

1. В русских и венгерских сочетаниях употребляются один и те же числительные. Ср.: "У нашей тети Паши миллион предрассудков". /Панова, Сережа/ 'Pasa nagynéninknek millió előítélete van', "Заприте его за семью/под семью замками" 'Zárja el hét lakat alá!'

2. В русских и венгерских сочетаниях употребляются разные числительные. Ср.: "Хлеба этого ребятам на один зуб" 'Ez a kenyér a gyerekeknek fél fogukra is kevés', "Ты хочешь, чтобы выгнали меня отсюда в три шеи" 'Azt akarod, hogy kivágjanak innen, mint a huszonegyet', "Семь раз отмерь, один раз отрежь" 'Tízszer is gondold meg, mielőtt belevágysz'.

3. Сочетаниям одного из сопоставляемых языков в другом языке соответствуют эквиваленты без числительных. Ср. "Свекровь будет гнуть тебя в три погибели" 'Anyósod majd möresre tanít /majd ráncba szed', "Я знаю его как свои пять пальцев" 'Ugy ismerem, mint a tenyeremet'.

В русском языке часто встречаются фразеологизмы с числи-

тельными в разных вариантах. Напр.: "С вола две шкуры/
три шкуры, семь шкур/ не дерут" ' Egy rókárból nem lehet két bőrt le-
nyúzni', "Он мне седьмая/десятая вода на киселе 'Szegről-végről
atyafi', "Он нам с вами десять/сто/ очков вперед дает" 'Lepipál
minket'.

Несовпадение языковой и логической категории количества
наблюдается при выражении следующих значений:

а/ При интенсификации каких-то значений в случае обозначе-
ния б о л ь ш о г о или м а л о г о количества. Такое употреб-
ление числительных связано с развитием счета. А.И. Бородин /1975:
109-110/ отмечает, что "мистический характер числа три унаследован
с того времени, когда человеческое общество в своем счете не шло
дальше трех. Слово три обозначало тогда последнее число и абсолют-
ную целостность. Три считалось также числом божественным, святым,
символом совершенства в предметах и явлениях мира. Поэтому у рим-
лян три главных бога: Юпитер, Марс, Квири, три богини судьбы, три
богини красоты. Три широко используется в литературе. В "Божест-
венной комедии" Данте, напр., мы видим три части: Ад, Чистилище и
Рай". Этим объясняется также его усилительное значение в фразеоло-
гизмах русского языка. Ср., напр.:

"Да я его <u>в три дуги согну!</u> "
/Мамин-Сибиряк/	- Majd megтанitom mбresre!
выгонять /гнать, выталкивать,
выпроводить/ кого-л. <u>в три шеи</u>	- kivágja, hogy a lába sem
éri a földet.
"От Прохора приказ: <u>гнать</u> тор-
гашей <u>в три шеи</u> " /Шишков, Уг-
рюм-река/	- Prohor parancsa, hogy tegyük
ki a kereskedők szürét.
Ты хочешь, чтобы <u>выгнали</u> меня
отсюда в шею / <u>в три шеи</u>	- Azt akarod, hogy kivágjanak
innen mint a huszonegyet.
Он <u>видит на два /на три/ ар-</u>
<u>шина</u> в землю /под землю/	- A szivekbe /a vesékbe/ lát
/Nincs előtte titok/.
"Наговорили мне о тебе <u>с три</u>
<u>короба</u> /С.-Щ., Карась-идеалист/	- Hetet-havat összehordtak ró-
lad.

Он наболтает /нахващает, по-
обещает, наврет/ вам
короба

- Lyukat beszél az ember hasá-
ba. Fűnek-fának dicsekszik.
Eget-földet ígér. Összevissza
hazudozik.

Числительные семь и седьмой относятся также к "магическим" числам. Н.А. Маковец /1974:150-153/ пишет об этом числительном следующее: "Древние астрономы открыли пять планет солнечной системы: Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. К планетам причислили также Солнце и Луну. На этих планетах жрецы древнего Вавилона поселили семь своих главных богов. Древняя вавилонская религия учила, что каждая планета имеет свой день. Так появилась впоследствии семидневная неделя. Позднее некоторые легенды и изобретения древних вавилонян, связанные с числом семь, вместе с суеверным преклонением перед этим числом постепенно перешли к другим народам. Бог создал землю и все живое за шесть дней, а на седьмой 'почил от дел своих', как это делали вавилоняне. Древние греки, а за ними и римляне утверждали, что на свете существует семь мудрецов и семь чудес. Преклонение перед семеркой нашло отражение и в творчестве европейских народов: семь жен Синеи бороды, семь гномов, семимильные шаги, русские волшебные сказки о семи разбойниках, о семи богатырях, семь мужиков в поэме Некрасова "Кому на Руси...". "В фразеологизмах семь и седьмой часто употребляются - иногда параллельно с числительными десять, десятый - для обозначения значительной меры чего-л. Ср., напр.:

Он сгоняет семь потов с нас.
Семь потов сошло с нас.

- Alaposan megizzaszt bennünket. Vért izzadtunk.

Когда нас отправили сюда, на-
обещали семь верст до небес
/и все лесом/

- Amikor ideküldtek, füt-fát ígérték.

Да куда я поеду за семь верст
киселя есть /хлебать?

- Fogok is én a hetedik határ-
ba menni!

Я потерял всякую веру в Петра,
у которого семь пятниц на не-
деле

Люди семи пядей во лбу не
часто встречаются

Будь ты семи пядей во лбу, а
где-н. промажешь /Н. Остров-
ский/

Культурный рост населения
идет семимильными шагами

Он был на седьмом небе от
такого поворота дел

Ах, как хорошо, что вы при-
ехали! С вашим приездом я пря-
мо на седьмое небо попала!
/Сергеев-Ценский/

работать/трудиться/ до седь-
мого пота

О.А. Давыдова /1978:18/ отмечает, что семь в пословицах и поговорках всегда обозначает большое или очень большое количество. Напр.: "Человека узнаешь, как из семи печек с ним шей похлебаешь". "У ленивого Емели семь воскресений на неделе."

С остатками угрофинской семеричной системы счета мы встречаемся в венгерских народных сказках в фразеологизме "hetedhét országban túl", русский эквивалент которого представляет собой пережиток счета д е в я т к а м и: за тридевять земель, в тридевятом царстве /возможно еще и в тридесятом государстве/.

В Древней Руси был распространен счет с о р о к а м и. Остатками счета сороками в русском языке являются фразеологизмы: "Сорок потов с тебя сойдут" /Шолохов, Поднятая целина/. "Сорок потов с него сошло" /там же/, "... мы воздвигали в Москве сорок

- Egyáltalán nem hiszek Pé-
ternek, aki derüre-borura
változtatja véleményét.

- Kevés embernek vág úgy az
esze, mint a borotva.

- Ha több is az eszed, mint
az egész káptalannak, akkor
is bakot löhetsz.

- A lakosság kulturális igénye
hétmérföldes léptekkel fej-
lődik.

- Az úgy ilyen fordulata lát-
tán csak úgy uszott a bol-
dogságban.

- Milyen jó, hogy megjött! A
hetedik mennyországban ér-
zem magam!

- végkimerülésig /szakadásig/
dolgozik.

церквей.." /Л. Толстой, Война и мир/, "В Москве сорок сороков церквей" /Даль/, "Продли бог /веку/ на сорок сороков!" /Даль/. /ср.: в библии о всемирном потопе сказано, что дождь лил сорок дней и сорок ночей, т.е. 'очень долго'/ . В русских былинах встречается счет д е в я н о с т а м и: "А этот камень был тридевятиности пуд!" У Даля также встречаются примеры счета девянностями: "Что девять сороков, что четыре девяноста, все одно. Полпята сорока - двадевяноста."

Другие числительные в фразеологизмах реже выражают усиленное значение. Ср., напр.: Смотри в оба! 'Légy résen', Он ест /уплетает, уписывает/ за обе щеки 'mohón eszik', задать /всыпать/ кому-н. по первое /по пятое/ число 'elkapja vkinek a frakkját, ellátja a baját vkinek', 'megtanít vkit kesztyűbe dudálni' - "Вытирайте ноги как следует. А то Любка задаст вам по первое число" /С. Антонов/, "Соседка показала ему не первой молодости" 'Ugy tűnt neki, hogy a szomszédasszony nem volt mai csirke', "Князь Андрей был не первой молодости.." /Д. Толстой, Война и мир/ 'Andrej herceg nem volt mai gyerek'.

При интенсивности н е б о л ь ш о г о количества предметов, н е з н а ч и т е л ь н о с т и интенсивности признака, расстояния, продолжительности действия и т.п. употребляются числительные, обозначающие маленькое число. Ср.:

Он не /из/ робкого /трусливого/ десятка	- Nem ijed meg az árnyékától.
Nem száll inába a bátorsága.
Он не /из/ храброго десятка	- Hamar inába száll a bátorsága.
Он от горшка три /два/ вершка	- liliputi termetű
Они в трех соснах заблудятся.	- A legegyszerűbb dologba is belezavarodnak.
Он боится, а я ни в одном глазе	- Ő fél, én egy cseppet sem.
Он пьян, а я ни в одном глазу	- Ő részeg, én egy cseppet sem.

- Я опять остался один на один с ней - Ismét négysemmel maradtam velem
- Вопрос в основном ясен, а подробности - дело десятое - A kérdés alapjában véve világos. A részletek tizedrangúak.
- Хоть бы одним глазом /глазком/ посмотреть на него! - Csak fél szememmel láthatnám!
- Раз-два /да/ и готово! - Egykettőre kész van!
- Я тебе все объясню в два счета! - Egykettőre megmagyarázom neked.
- Убирайтесь отсюда! В два счета! - Egykettőre takarodjatok innen!
- Таких студентов на курсе раз-два /один-два/ и обчелся - Ilyen diák az évfolyamon vajmikevés van.
- Он без пяти минут учитель - Egykettőre tanár lesz.
- Магазин от нас в двух /трех, нескольких/ шагах - Az üzlet egy hajításnyira van tőlünk.
- От великого до смешного один только шаг - A fenségest a nevetségestől csak egy lépés választja el.
- В два прыжка он был уже на дворе /Лермонтов, Герой нашего.../ - Két ugrással elérte az udvart /Áprily Lajos ford./
- Он выпил стакан водки одним духом - Egy hajításra kiitta a pohár vodkát.
- Он вырвал зуб одним махом /с одного маха/ - Egy rántásra kihuzta a fogát.
- Директор завода одним /единым/ росчерком пера уволил 20 рабочих - A gyár igazgatója egy tollvonással elbocsátott 20 munkást.

Числительные в пословицах и поговорках всегда обозначают малое или большое количество. О.А. Давыдова /1978:26/ указывает, что

"для пословиц характерны контексты с двумя контрастирующими числительными по принципу 'мало' - 'много', причем одним из контрастирующих членов чаще всего бывает числительное один". Напр.: Семь дел в одни руки не берут. Семь сел, один вол /да и тот гол/, а десять урядников /Даль/, Семеро одного не ждут. Двое третьего ждут, а семеро одного не ждут/ Дважды прощают, а по третьему карают. Не хвались замужеством /женитьбой/ третьего дня, а хвались - третьего года. Конь о четырёх ногах, да и тот спотыкается. Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащит.

б/ При указании на подобие, сходство предметов, людей. Ср., напр.:

Они похожи друг на друга как две капли воды

- Ugy hasonlítanak egymásra, mint két tojás.

Все студенты этой группы одного покроя /на один покрой/

- Ennek a csoportnak a diákjai egyvágásuak

Мы с вами из одного /и того же/ теста сделаны /испечены/

- Mi egy masszából vagyunk gyurva

Лиза с Евой в одну дуду /дудку/ дудят

- Liza és Éva egy követ fujnak /ugyanazt hajtogatják/.

Он поставил меня на одну доску с ним

- Egyenrangunak ismert el vele.

Все они по характеру были сделаны /сбиты/ на одну колодку

- Egy bordában szőtték őket /egy kaptafára készültek/.

Нельзя все /всех/ мерить на один аршин /на одну мерку, на одну меру/

- Nem lehet mindenkit ugyanazzal a mértékkel mérni.

Ты всех одной мерой /одной меркой, одним аршином/ не мерь!

- Ne vegyél mindenkit egy kalap alá! Különbözőek vagyunk!

Разные есть между нами!

Нельзя валить всех людей в одну кучу /постригать, стричь всех под одну гребенку/

- Nem lehet mindenkit egy kalap alá venni.

Они все на одно лицо

- Az egyik szakasztott olyan, mint a másik.

Лошади были одна в одну /одна к одной/

- A lovak teljesen egyformák voltak.

Лес-то какой! Деревья одно к одному, - словно солдаты стоят /Салтыков-Щедрин/

- Micsoda erdő! Mint katonák állnak az egyforma nagyságu fák.

Не знаю, который из них лучше: они два сапога пара /они на одну колодку, они одним миром мазаны, они одного поля ягоды/

- Nem tudom, hogy melyikük jobb: az egyik tizenkilenc, a másik egy híján husz.

В этом типе фразеологизмов наблюдается наиболее полное совпадение числительных /обычно числительного один/ в русском и венгерском языках.

в/ В следующих фразеологизмах также нет совпадения языковой и логической категории количества:

Идеологическая работа у нас ведется с пятого на десятое

- Az ideológiai munkát nálunk feléből-harmadából végzik.

Он учился через пятое на десятое

- Félig-meddig tanulgatta meg az anyagot.

Я слушал его невнимательно, как говорится, с пятого на десятое

- Csak héba-hóba figyeltem rá.

Он пятое через десятое /с пятого на десятое/ рассказал содержание прочитанного им рассказа

- Nagyából /minden összefüggés nélkül/ mondta el az olvasott elbeszélés tartalmát.

Я узнал /получил/ это из первых /вторых, третьих/ рук

- Elsőkézből /másodikézből, harmadkézből/ tudom.

- Он попал с пятого на десятое - Elkalandozott a tárgytól.
- Я буду говорить, перескаки- - Összefüggéstelenül fogok beszél-
вая с пятого на десятое ni.
- Что я тут буду как пятое ко- - Minek legyek itt ötödik kerék?
лесо в колеснице /в телеге/?
- Будет /получается/ ни два ни - Félíg ilyen, félíg olyan lesz.
полтора
- Думаешь, читала она? Черта с - Gondolod, hogy olvasta? A fész-
два! kes fenét!
- Черта с два пойду я с тобой! - Egy frászt megyek én veled!
- Опять двадцать пять? - белес - Ismét ugyanaz? - kérdezte a düh-
от бешенства, спросил он től elsápadva.
/Ю. Герман/
- У меня кругом шестнадцать - Csak kellemetlenségeim vannak.
- Нужны вы мне как собаке пя- - Ugy kell Ön nekem, mint kutyának
тая нога /Куприн/ a bot.

Понятие ч и с л а в грамматике также не всегда совпадает с понятием числа в логике. Форма ед. числа может обозначать как реальную единичность, так и реальную множественность. Ср.: подложить кирпич под калитку - купить кирпич для постройки дома /А.В. Исаченко/. Значение множественности также не является общим значением форм мн. числа. Напр.: '... владелец хозяйства.. проживает в каких-н. Петербургах' /Федин, Братя/ '... a földek ura.. állandóan holmi Pétervárott élt' /Brodzsky Erzsébet ford./.

Ф. Папп /1968:227/ отмечает, что в русском языке у некоторых существительных pluralia tantum формы мн. числа выражают то единственное, то мн. число: брюки у этого мальчика /брюки может обозначать единичность и множественность/ - брюки у ребят этого класса /брюки - обозначает множественность/.

М.А. Тимофеева /1979:13/ считает, что в состав семантической структуры категории числа входят д и ф ф е р е н ц и а л ь - н ы е семы, которые являются первичными, и ряд п о т е н ц и -

а л ь н ы х сем, которые являются вторичными.

В п е р в и ч н о й функции, которая основывается на отношениях симметрии между формой и содержанием, категория числа указывает на единичность и множественность считаемых предметов и одновременно с этим выполняет формальную функцию согласования. Формальная функция согласования является шире первичной семантической функции категории числа, поскольку она охватывает не только названия считаемых предметов, но и большинство названий не считаемых предметов. П.А. Соболева /1979:49/ отмечает, что названия считаемых и несчитаемых предметов в согласовательном плане по категории числа тождественны.

Потенциальные семы реализуются во в т о р и ч н о й функции категории числа, которая включает транспозицию, нейтрализацию и десемантизацию.

При т р а н с п о з и ц и и ед. число используется в значении мн. числа, а мн. число - в значении единственного, или же категория числа переносится в сферу несчитаемых существительных. Транспозиция связана с актуализацией потенциальных сем 'расчлененность' - 'нерасчлененность', 'однородность' - 'разнородность', 'определенность' - 'неопределенность', 'ограниченность' - 'неограниченность', 'интенсивность', их выдвиганием на первый план.

При н е й т р а л и з а ц и и дифференциальные признаки категории числа утрачиваются, поскольку формы числа используются для передачи обобщенного значения, когда число объектов для информации значения не имеет. В позиции нейтрализации формы числа не выражают ни единичности, ни множественности, поэтому без изменения смысла высказывания может употребляться как форма ед. числа, так и форма мн. числа. Нейтрализация форм числа происходит только в сфере считаемых существительных. М.А. Тимофеева /1979:22-23/ отмечает, что выбор форм ед. или мн. числа при нейтрализации обусловлен особенностями функциональных стилей. Ср. напр.: "Б а б о ч к а - вид насекомых /книжный стиль/ - Б а б о ч к и -

вид насекомых /разг. стиль/, В Балатоне водятся щука, карп, судак, карась, форель, стерлядь - В Балатоне водятся щуки, карпы, судаки, караси, форели, стерляди. Этот последний пример указывает и на то, что нейтрализация дифференциальных признаков категории числа зависит также от особенностей отдельных языковых систем. В венгерском языке, напр., названия рыб, животных в собирательном значении употребляются только в ед. числе.

При десемантизации формы числа выполняют лишь формальную функцию согласования у названий несчитаемых предметов, у прилагательных, местоимений-прилагательных, причастий, порядковых числительных и у глаголов.

1. Единственное число используется в значении множественного числа в следующих случаях:

а/ В значении собирательной множественности у ед. числа актуализируются потенциальные семы 'нерасчлененность' /'цельность'/ и 'однородность'. Потенциальная сема 'однородность' может актуализироваться также у форм мн. числа. Поэтому обе формы числа могут использоваться для передачи собирательного значения. Ср.: Новый спектакль был тепло принят зрителем/зрителями. Существительные, однако, не могут употребляться в ед. числе при явном подразумевании раздельного множества. Напр.: Новый спектакль был тепло принят зрителями, т.е. теми зрителями, которые были на премьере пьесы /речь идет об одном конкретном случае/, Развитие зародыша человека - Сходство зародышей человека и животных /Человек, 238-239/. В Москве мы ходили в театры /т.е. в разные театры/ - В Москве мы ходили в театр /т.е. всегда в один и тот же театр/. Существительное рыба в собирательном значении употребляется в ед. числе /ловить рыбу/, с определениями, указывающими на ее разные виды, во мн. числе /Среди ценных рыб первое место занимает осетровые /БСЭ, т. 24, М., 1977,185/, СССР занимает одно из первых в мире мест по запасам промысловых рыб /Там же/.

Выбор ед. или мн. числа в собирательном значении часто за-

висит от узуса. В субстантивных о п р е д е л и т е л ь н ы х словосочетаниях, напр., русские существительные в собирательном значении обычно употребляются в ед. числе, в некоторых случаях - только во мн. числе. В их венгерских эквивалентах обычно встречается адъективное словосочетание в ед. числе, сложное слово в ед. числе, реже существительное во мн. числе. Ср.: День строителя /геолога, химика, учителя, металлурга, работника торговли, рыбака, пограничника, медицинского работника, работника леса, ребенка, машиностроителя, железнодорожника, энергетика, шахтера, милиции, печати/, Международный год ребенка - День матерей /танкистов, работников пищевой промышленности, работников сельского хозяйства/, Международный день студентов, НО: Международный женский день, День космонавтики - Építők napja - pedagógusnap, bányaásznap, vasutasnap, gyermeknap - anyák napja, úrhajózás napja.

Названия д е р е в ь е в в обоих языках в собирательном значении обычно употребляются в ед. числе. Напр.: Много в смешанных лесах б е р е з ы, которая встречается в тайге /Советский Союз, М., 1975, 24/, В составе лесов - корейский кедр, монгольский дуб, амурская липа, пихта, желтая береза /БСЭ, т. 24, книга вторая, 195/. Названия ц в е т о в в русском языке чаще встречаются во мн. числе, в венгерском языке - в единственном числе. Напр.: Под Новый год распускаются фиалки /Советский Союз, 22/, Желто-бурую землю покрыли красные тюльпаны и маки, лиловый гелиотроп /Там же, 15/. Названия ф р у к т о в, я г о д, о в о щ е й, и г р и б о в в венгерском языке употребляются в ед. числе, в русском языке названия фруктов, грибов и некоторых овощей /огурцы, помидоры, кабачки, баклажаны, бобы, патиссоны/ встречаются во мн. числе. Напр.: Я иду на рынок за яблоками, грушами, огурцами, виноградом, морковью и петрушкой, компот из яблок /из малины/, пирог с яблоками, кило яблок /подидоров, груш, огурцов, моркови, малины/.

б/ О. Есперсен /1958:218/ отмечает, что "в венгерском языке существует твердое правило, согласно которому п а р н ы е

ч а с т и т е л а и органы тела обозначаются как одно целое. Поэтому там, где англичанин /добавим и русский/ скажет My eyes are weak 'Мои глаза плохо видят' или His hands tremble 'Руки у него дрожат', венгр употребляет форму ед. числа: A szemem gyenge. Reszket a keze. Отсюда естественное следствие, которое представляется нам очень неестественным: для обозначения одного глаза, одной руки или одной ноги в венгерском языке употребляется слово fél 'половина': fél szemmel 'одним глазом', буквально 'половиной глаз', fél lábára sántít 'хромой на одну ногу'. Это правило применяется и к словам, обозначающим перчатки, сапоги и т.п."

Возникает проблема: насколько являются "твердыми" эти правила? А именно: всегда ли употребляются в русском языке формы мн. числа, а в венгерском - формы ед. числа, когда речь идет о двух парных предметах, и всегда ли венгры, говоря об одной из двух частей парных предметов, называют ее 'половиной'?

Русским названиям парных предметов, стоящим во мн. числе, в венгерском языке могут соответствовать сочетания этих названий с числительным 'два'. Ср.: Как трогательно прекрасны были ее бледное лицо, тонкая шея, тонкие р у к и /Чехов, Дом с мезонином/ 'Milyen meghatóan gyönyörű volt sápadt arca, vékony nyaka, k é t vékony karja /Devecseriné Guthi Erzsébet ford./.

Названия парных частей тела в венгерском языке сравнительно в большом количестве примеров встречаются и во мн. числе. Ср., напр.: Кити своими дальновзоркими глазами тотчас узнала его /Л. Толстой, Анна Каренина/. 'De messzelátó s z e m é v e l rögtön felismerte' /Németh László/ - Она видела их своими дальновзоркими глазами /Л. Толстой, Анна Каренина/ 'Messzelátó s z e m e i v e l Kitty jól megfigyelhette' /Németh László/. В таких случаях дифференциальные семы 'единичность' и 'множественность' не могут составить основу противопоставления, поскольку формы обоих чисел обозначают два предмета. Формы ед. и мн. числа противопоставляются друг другу по семам 'цельности' и 'расчлененности', 'однородности' и 'неоднородности', 'интенсив-

ности' и 'неинтенсивности'. Сема 'интенсивность' легче обнаруживается, если парные названия частей тела выступают в функции подлежащего или творительного орудия как бы в значении 'активного деятеля'. Может быть, этим объясняется, что названия парных предметов, обозначающие не части тела, очень редко встречаются в венгерском языке во мн. числе в значении парности. Ед. число названий парных предметов в венгерском языке также может обозначать только одну из двух частей. В этих случаях контекст и ситуация указывают на число предметов. Ср.: Женя остановилась и торопливо пожала мне руку /Чехов, Дом с мезонином/ 'Zsenya megállt és sietősen megszorította a kezemet /Devecseriné Guthi E. /. Единственное число названий парных предметов в русском и венгерском языках часто встречается в фразеологизмах. Напр.: не успеть глазом мигнуть, делать что-н. на скорую руку и др.

в/ В венгерском языке ед. число исчисляемых существительных может употребляться в значении дистрибутивности множественности, когда обозначается распределение однородных предметов таким образом, что каждому обладателю принадлежит по одному экземпляру. Объекты распределения в русском языке в таких случаях обычно употребляются во мн. числе. Ср.: Дипломаты с женами явились на прием. 'A diplomaták feleségükkel jelentek meg a fogadáson'. В русском языке дистрибутивное ед. число встречается, если обращается внимание на одинаковость предметов для всех или же на единичность предметов у каждого. Ср.: Вскоре был издан указ, обязывающий дворян.. брить бороды /Н.С. Сыров, Страницы истории/ - Кулцам Петр разрешил носить бороду /Там же/, Учащиеся записали домашнее задание в дневник /Л.А. Новиков/. Они сидели, заложив перья за ухо - употребление мн. числа /заложив перья за уши/ означало бы, что они заложили перья за оба уха. Они сидели, взяв друг друга за руку, /НО: Они сидели, взявшись за руки/. На фотографии все сидели, закинув ногу за ногу. Все офицеры явились в парадной форме - парадная форма у офицеров разных родов войск может быть разной, но

у каждого своя однотипная. Дистрибутивное ед. число употребляется в побудительных предложениях, выражающих команду. Например: Шаг в ногу! Наклоните голову вперед! Поднимите правую руку! Наклоните туловище вперед! Ложитесь на коврик на спину! Мн. число употребляется, если упражнение надо выполнять обеими частями тела: Ноги соедините! Опустите руки! Ладони положите на живот! Ладони поверните на затылок! Ср. команды в классе школьникам не на занятиях физкультуры: Кто знает, пусть поднимает руку! Опустите руку! В русских повествовательных предложениях обычным является употребление дистрибутивного мн. числа: Пионеры носят красные галстук и. В Москве холодно и все носят ушанки. Радость наполняет наши сердца. Женщины в вечерних платьях, мужчины во фраках явились на бал. Мы сняли шляпы. Ребята ходят без шапок. Приходили художники.. с мокрыми от дождя лицами /Чехов, Попрыгунья/, Руководители восстания семьями были переселены в Новгород. /Н.С. Сыров, Страницы истории/.

2. Множественное число может утрачивать соотнесенность с реальной множественностью и употребляться в значении образной единичности. Д.И. Арбатский /1972:93-94/ указывает, что "главное значение данных форм состоит в том, чтобы представить данное единичное значение как серию аналогичных явлений и предметов, которые пока что скрыты от наблюдателя. Иначе говоря, они имеют цель в той или иной мере показать иллюзорность видимой единичности и реальной невидимой множественности". Образная единичность в форме мн. числа наиболее широко используется для выражения различных оттенков осуждения какого-л. явления, для выражения упрека, порицания. Напр.: В вагоне новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом /И.И. Ревзин/, Не дави живых людей еще не умер. Прошу не оскорблять служащих. У меня гости: дочка скобеевского доктора приехала /Фадеев/. Что это вы, - сказал с упреком Леонтий Назарович. Знаменитых своих земляков забываете /Паустовский/. Многие из таких конструкций являются устойчивыми. Напр.: забывать своих знакомых /друзей, сослуживцев, земляков/, тратить деньги на разъезды,

устраивать скандалы, разговаривать на уроках, Чему тебя в университетах учат!? Никаких исключений! Никаких колебаний! Что за нежности! Собственные имена также могут употребляться во мн. числе для выражения иронии, юмора. Напр.: '... если в Р о с - с и я х увязнет коготок, всей буржуазной птичке - пропасть /Маяковский/. Мн. число в венгерском языке также встречается в подобном значении: Ne sértegezzük a dolgozókat.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Арбатский Д.И., Мн. число гиперболическое. РЯШ, 1972/5, стр. 91-96.

Бородин А.И. Число и мистика, Донецк, 1975.

Давыдова О.А. Числительные в русских пословицах и поговорках. "Специфика фольклорной лексики и фразеологии", Научные труды пед. ин-та, т. 186, Курск, 1978, стр: 15-27.

Есперсен О., Философия грамматики. М., 1958, /Перевод с английского/

Кашина Д.А. Функционально-семантическое поле количества /на материале совр. немецкого языка/, М., 1973, АКД.

Маковец Н.А. Семь и седьмой в русских пословицах и поговорках. "Русская речь", 1974/2.

Папп Ф. - Болла К., Палл Э., Папп Ф., Курс современного русского языка, Будапешт, 1968.

Соболева П.А., Лексикализация мн. числа и словособоразования. "Лингвистика и поэтика", М., 1979, стр. 47-85.

Тимофеева М.А., Функциональный анализ категории числа сущ.-ых в совр. французском языке. М., 1979, АКД.

ИТЕРАТИВЫ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ВРЕМЕННО-ПРЕДЕЛЬНЫХ ПРИСТАВОЧНЫХ
ГЛАГОЛОВ

Йожеф Крекич

М.А. Шелякин в конце своего автореферата выдвинул вопрос о приставочных образованиях, имперфектные формы которых выражают только кратные действия: "Наблюдения над функциональными свойствами приставочных способов действия в речевом использовании по-новому ставят вопрос о видовой соотносительности глаголов и функциональной сущности вторичной имперфективации".¹ Вопрос он составляет открытым, нерешенным. Нет сомнения в том, что актуальный и сложный вопрос, выдвинутый М.А. Шелякиным, должен быть решен в первую очередь с функциональной точки зрения, с точки зрения речевого общения.

В русском языке в XV-ом веке завершается процесс освобождения суффиксов из сферы лексики, - отмечает М.Л. Ремнева - они начинают превращаться в грамматикализованное средство глагольного видообразования.² Первоначально приставочные глаголы с суффиксами -ива, -ыва - выражали кратность действия, и только с XV-ого века стали постепенно процессуализироваться, т.е. начинали выражать и процессные действия.³ На наш взгляд, суффикс -ива - в имперфективных глаголах, образованных от временно-предельных приставочных глаголов, сохранил свою первоначальную итеративную функцию; не грамматикализовался. Из этого вытекает, что производные имперфективные глаголы не составляют видовые пары с производящими временно-предельными глаголами, как например: заго-

¹ М.А. Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке - Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора фил. наук. Л., 1972, стр. 42-43.

² М.Л. Ремнева. К истории глагольного вида в русском языке. Фил. Науки. 1967. № 6, стр. 63.

³ С.Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. Изд. Акад. Наук СССР. М., 1952, стр. 118.

ворить - заговаривать, взвыть - взывать, простоять - простаивать, прожить - проживать, посидеть - посиживать и т.п. Мы имеем в виду только собственно временно-предельные, а не, скажем, глаголы типа зацвести/зацветать, задремать/задремывать, закипеть/закипать и т.п., которые нельзя считать глаголами собственно начинательными, так как на их начинательное значение накладывается инхоативно-результативный оттенок. В них смешивается временно-предельное значение с результативно-предельным значением, сделавшим их способными развивать конкретно-процессное значение и таким образом объединяться в грамматические пары с производящими глаголами.⁴

Исходя из итеративного значения, русский лингвист Н. Некрасов пришел к заключению, - пишет хорватский аспектолог Д. Грубор, - что глагол "заговаривать" образован при помощи композиции за + говаривать, а не расширением основы от глагола заговорить. Грубор ставит Некрасову в упрек, что он не сопоставляет русский с остальными славянскими языками, не сравнивает: "В русском языке в этом деле легче ошибаться, чем в остальных славянских языках, потому что в русском развилось большее количество простых итеративов: нам легче понять, что глагол заговарати образован от заговорити, так как у нас нет говарати. Такое изобилие простых итеративов наверно возникло под влиянием сложных глаголов; из этого вытекает, что формы как говаривать моложе, чем формы заговаривать".⁵ /Перевод - Й.К./ Взглядов Некрасова придерживаются А.А. Шахматов и А. Мазон, которые приставочные образования с суффиксом -ива - считают композицией, состоящей из приставки и присоединенного к ней простого итеративного глагола, как например: хаживать - по + хаживать, читывать - по + читывать.^{6,7} Шахматов сам осознает про-

⁴ Й. Крекич. Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое и грамматическое значение начинательных глаголов с приставками за- и по-. *Dissertationes Slavicae*. Szeged. 1977. стр. 125-146.

⁵ Д. Грубор. Аспектна значења. Книга Рад 293 и Рад 295, Загреб, 1953, стр. 189.

⁶ Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. Учпедгиз. М., 1952, стр. 213.

⁷ А. Мазон. *Morphologie des aspects du verbe russe*. Paris. Librairie Honoré Champion. p. 64.

творечивость своей теории относительно образования деминутивно-итеративных глаголов, говоря, что "префикс по- для образования этого подвида входит в соединение только с производными основами на -ива-, причем эта основа в некоторых случаях существует и вне сложения, а в других известна только в сложении: ср. хаживаем при смотреть".⁸ К. Неттеберг, "развивая" эту ошибочную теорию, настаивает на том, что итеративный глагол /wy + pisyvać/ в соединении с приставкой уже перестает быть итеративным и представляет собой обычный глагол несовершенного вида со способом действия, определяемым приставкой.⁹ Белич окончательно опроверг такие и подобные теории: "Es gibt m. E. für die slavischen Sprachen als Regel, dass sie perfektive Verba schaffen, indem sie aus einem einfachen Verbum, durch ein Präfix ein Kompositum bilden und dass sie imperfektive Verba schaffen, indem sie aus dem Stamm des perfektiven Verbums einen neuen Stamm durch besondere Ableitungssuffixe bilden".¹⁰ /Разрядка наша. - Й.К./ С. Карцевский применяет теорию А. Белича к русскому языку, отмечая, что теоретически каждому приставочному глаголу соответствует глагол, идентичный с ним в отношении приставки и значения, но противопоставленный ему как глагол несовершенного вида.¹¹ Согласиться с этим возможно лишь с оговоркой, что идентичны по значению бывают только результативно-предельные глаголы совершенного вида и производные от них расширением основы вторичные имперфективные глаголы.

Главным моментом в происхождении видовой системы, как отмечает Ремнева, является образование видовых пар и появление рядом с предельными основами таких производных от них основ, которые служат специально для выражения процессного значения.¹² Только

⁸ А.А. Шахматов. Ук. соч., стр. 90.

⁹ К. Неттеберг. Способы действия, представленные в обоих видах и только в одном. В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, стр. 66.

¹⁰ А. Belić. Zur slavischen Aktionsart. Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. S. 4.

¹¹ С. Карцевский. Из книги: "Система русского глагола". Сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, стр. 221.

¹² М.Л. Ремнева. Указ. раб., стр. 59.

результативно-предельные глаголы в состоянии процессуализироваться, представлять действие в своем развитии, только от них возможно образовать видовые пары. Глаголы, производные от временно-предельных глаголов, не поддаются процессуализации; они сохранили свое первоначальное итеративное значение. Причину невозможности процессуализации временно-предельных глаголов типа пожить, прожить и др. Ю.С. Маслов усматривает в их семантике, "в заключенной в них ограниченности протекания определенными временными рамками".¹³

На морфологическую соотнесенность временно-предельных глаголов и образованных от них расширением основы глаголов несовершенного вида указывается рядом лингвистов. По мнению Ю.С. Маслова, существуют образования несовершенного вида, морфологически абсолютно правильные и тем не менее не составляющие с ними соотнесенных видовых пар: "Так поживать не есть просто форма несовершенного вида от глагола пожить, также как проживать не есть форма несовершенного вида от глагола прожить".¹⁴ Мы здесь имеем дело с так называемой аффиксальной омонимией: суффикс -ива - в данном случае выполняет не формообразовательную, а словообразовательную функцию. На морфологическую соотнесенность делимитативных и деинфинитивно-итеративных глаголов обращают внимание Е.А. Земская¹⁵ и А.В. Исаченко, который пишет: "Глаголы ограниченной совершаемости типа поговорить, походить как и все остальные совершаемые глаголы, не имеют соответствующих парных глаголов несовершенного вида. Морфологически соотнесенные с ними глаголы типа поговаривать, похаживать не могут быть рассматриваемы в качестве видовых коррелятов к поговорить, походить, так как они в свою

¹³ Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. Известия Акад. Наук. 1948, т. VII. вып. 4., стр. 311.

¹⁴ Ю.С. Маслов. Указ. соч., 1948, стр. 310-311.

¹⁵ Е.А. Земская. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. Сб.: Исследования по грамм. русского лит. яз. Изд. Акад. Наук. М., 1955, стр. 28.

очередь, выражают самостоятельную прерывисто-смягчительную совершаемость".¹⁶ В другом месте своей книги Исаченко идет в разрез с этой трактовкой, настаивая на том, что глаголы типа покашливать образуются не расширением основы, а композицией от простых глаголов:

кашл/-ять/
по + кашл + ив + ать¹⁷.

Вслед за Исаченко такого же мнения придерживаются и работники академической грамматики В.В. Лопатин¹⁸ и Н.С. Авилова¹⁹, возобновив традиционную теорию о композиционном образовании деминутивно-итеративных глаголов.

Ю.С. Маслов, выступая против положения С. Карцевского, будто вторичные имперфективные глаголы во всех отношениях тождественны совершенным глаголам, от которых они образованы²⁰, подчеркнул, что изложенный Карцевским принцип нельзя применять механически: "Иногда при образовании имперфективных основ от перфективных производная основа отрывается в семантическом отношении от производящей, так что обе основы уже не могут рассматриваться как образующие соотносительные видовые формы одного и того же глагола. Например, в русском языке многие глаголы с приставкой по- и суффиксом имперфективации /посматривать, почесывать и т.д./ не являются формами соответствующих глаголов без этого суффикса /посмотреть и т.д./, потому что содержат дополнительный оттенок нерегулярной повторяемости"²¹ /Разрядка наша. Й.К./. То же самое от-

-
- ¹⁶ А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. II. Братислава, 1960, стр. 236.
- ¹⁷ А.В. Исаченко. Указ. соч., стр. 279-280.
- ¹⁸ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 284.
- ¹⁹ Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. Изд. "Наука". М., 1976, стр. 295.
- ²⁰ С. Карцевский. Указ. раб., стр. 227.
- ²¹ Ю.С. Маслов. Заметки о видовой дефективности. Сб. статей. Славянская филология. Л., 1964, стр. 87.

носятся ко всем имперфективным глаголам, производным от времен-но-предельных глаголов, от начинательных, пердуративных и демилитативных глаголов. На наш взгляд, производящий перфективный глагол и производный от него глагол являются по значению близкими, но не тождественными. Словообразовательный суффикс -ива - модифицирует значение производящего глагола, т.е. происходит модификация модификации: говорить → заговорить → заговаривать, стоять → простоять → простаивать, сидеть → посидеть → посиживать и т.д. Нерегулярная повторяемость является их релевантным видовым значением, к которому ассоциативно могут присоединяться либо оттенок внезапности, резкости, т.е. большой интенсивности /взвыть → взвывать/, либо оттенок слабости действия /покашлять → покашливать/, обусловленные самим значением производящих глаголов. Только от нескольких собственно начинательных глаголов со значением "производить звуки или говорить" можно образовать итератив: взвыть - взвывать, взреветь - взрывать, взлаять - взлаивать, запеть - запевать, заговорить - заговаривать.

Непредельное по своей природе действие повторяется; оно может быть сосредоточено в одно время в одном месте:

"Сзади, из-за горбатого, тронутого редким леском, увала, взвывали один за другим моторы тягачей,"... /В. Распутин. Живи и помни, 98/. "он /Алеша/ несколько раз заговаривал об этом, но не смел высказаться, боясь снова возбудить гнев Наташи" /Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 215/. "Осторожно запевали в платанах на бульваре птицы" /К. Паустовский. Время больших ожиданий. Пример взят из упомянутой книги Н.С. Авиловой, стр. 282/.

Действия, выполненные в одно время, могут быть разбросаны по разным местам:

"Взлаивали и умолкали собаки, доносились живые, идущие от людей звуки, изредка слышались голоса, но все это доплескивалось до Гуськова вялым; невесть с чего берущимися волнами" /В. Распутин. Живи и помни, 118/.

Действия, выполненные в разное время, могут происходить в одном и том же месте:

"Та всегда неизвестно приветлива и каждый раз, как заходит в аптеку, заговаривает с ней" /Л. Немет. Эстер Эгете, 471, Пере-

вод Т. Воронкиной/. "После неприступной развязки он запевал песню"... = "A trágár csattanók után énekelni kezdett /Cseres Tibor. Hídeg napok, 35:401/. Омоним начинательно-итеративного глагола имеет значение "исполнять запев в песне" = elbénékel. В этом значении глагол запевать может выступать и в конкретно-процессном значении: "Ой как интересно! - тихонько вскричала Дуняша, замедля шаг, а баритон снова запевал: По этому случаю, Наши алкоголики - продолжал хор: Соберутся кучею, Сядут все за столики" /М. Горький. Жизнь Клим Самгина /в дальнейшем: ЖКС/ III. 123/.

А.А. Спагис относит итеративы просиживать и простаивать, образованные от пердуративных глаголов просидеть и простоять к непарным глаголам.²² Сюда примыкают и глагол проживать, производный от глагола длительно-ограничительного способа действия прожить при помощи словообразовательного суффикса -ва - и глагол проводить, образованный от перфективного глагола провести при помощи словообразовательной внутренней флексии "о" и суффиксом "и". Все эти же глаголы выражают политемпоральные, не имеющие местоположение во времени действия. Они сами по себе, и без дополнительных средств, без контекстуальных акциональных показателей способны передавать нерегулярно повторяющиеся действия: "Однако Эсти знала, что дедушка простаивает возле печки вовсе не из-за холода, а от душевного беспокойства" /Л. Немет. Эстер Эгете, 135/ "он думает, что Жофи неизвестно, как он в "Муравье" за пивом просиживает, а на внука у него, видите ли, времени нет" /Л. Немет. Траур, 133. Перевод Е. Малыхиной/.

Акциональные показатели указывают на "внешнюю" повторяемость продолжительного пребывания субъекта состояния где-либо: по целым часам, иногда, не один раз, целые дни, по целым дням, в те годы, часами и т.п.:

"Он весь высох от заботы, он просиживал у кровати Нелли по целым дням и даже ночам" /Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 378/. "Не один раз до петухов простаивали" /В. Распутин. Встреча, 217/.

Их формы настоящего времени не способны передавать "дейст-

²² А.А. Спагис. Парные и непарные глаголы в русском языке. Изд. "Просвещение". М., 1969, стр. 269.

вия" в актуальном настоящем, употребляются в частном временном значении *praesens abstractum*: "Любители развлечений до утра просиживают там" /Лайош Надь. Ученик, 43. Перевод Н. Подземской/. "... мальчик вместо того, чтоб идти играть, простаивает у шкапа по целым часам над какою-нибудь книжкой" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы, 463/. Точно так же ведет себя итеративный глагол проводить, образованный от пердуративного глагола провести. Мы не можем согласиться с О.П. Рассудовой, которая присваивает глаголу "проводить" способность выражения единичного действия, отмечая, что в разговорной речи можно услышать вопрос: "Как вы проводили воскресенье?"²³ Факты не доказывают такого положения. Глагол проводить, на наш взгляд, всегда выражает политемпоральное "действие", которое нельзя приурочить к одному соотносимому моменту или отрезку времени: "С тех пор как новый фруктовый сад, купленный в честь рождения Йожики, разросся, Эгете большую часть года проводил там" /Л. Немет. Эстер Эгете, 353/. "Да к тому же раз в неделю проводить вечер в гостях" /Лайош Надь. Ученик, 104/. "Весь вечер он выпрашивал меня, как и где ты проводишь время". /Д. Йеш. Фаворит. 370. Перевод Е. Жмуркис/.

С функциональной точки зрения представляет интерес глагол "проживать" в значении 'жить, пребывать где-нибудь', образованный от глагола длительно-ограничительного способа действия "прожить". Глагол "проживать" используется лишь в частной видовой позиции постоянно-непрерывного действия или состояния, имеющего политемпоральное значение. Вот, что об этом пишет М.А. Шелякин: "Verbale Sachverhalte, die auf der Linie der objektiven Zeit nicht zu irgendeinem einzigen Zeitpunkt, ... sondern wiederholt, ständig /Разрядка наша - И.К./ ausgeführt werden; diesen Typ wollen wir polytemporal... nennen".²⁴ Имперфективные глаголы, обозначающие пребывание или положение субъекта в пространстве, выступают чаще всего в частной видовой позиции постоянно-непре-

²³ О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. Изд. Моск. Унив.-а, М., 1968, стр. 36.

²⁴ М.А. Scheljakin. Der Gebrauch der Aspekt - und Tempusformen des Indikativs in der russischen Sprache. Fremdsprachenunterricht. 1969/3. S. 109.

рванного действия или состояния, которое нельзя приурочить к одному соотносимому моменту времени, как например: "В нижнем этаже проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы I. 333/. Морфологически и до некоторой степени семантически соотнесенный с глаголом проживать перфективный глагол прожить передает целостное действие, приуроченное к одному соотносимому отрезку или периоду времени: "Собака-то уже старая была, лет двадцать прожила у меня" /Ф. Шанта. 20 часов, 272. Перевод Е. Малыхиной/. Формы настоящего времени глагола проживать используются только в частном временном значении "постоянного настоящего". Глагол проживать не способен выражать актуальное настоящее: "Городские мы, отец, городские, по крестьянству мы, а городские, в городе проживаем" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы, I. 45/. По мнению А.В. Бондарко, в случае, когда говорится о таком действии или состоянии, которое происходит всегда, постоянно, "можно иногда домыслить семантический элемент "и сейчас тоже", но в языковом выражении это не надо".²⁵

О морфологической соотнесенности делимитативных глаголов, названных Д. Грубором деминутивными²⁶ и деминутивно-итеративных уже шла речь. На их семантическую соотнесенность тоже указывает рядом лингвистов. М.А. Шелякин подчеркивает, что деминутивно-итеративные глаголы, выражая прерывистость повторяющегося действия, в своем значении опираются на делимитативное значение, ограничивающее проявление действия временными рамками.²⁷ А.М. Пешковский, определяя значение делимитативных глаголов, отмечает, что приставка по- обозначает, что процесс занимает лишь небольшой отрезок времени, что ассоциативно сюда присоединяется еще иногда и оттенок слабости самого процесса, так что, например, побегал, покричал как-то не подходят к стремительному бегу и пронзительному

²⁵ А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Изд. "Наука". Л., 1976, стр. 220.

²⁶ Д. Грубор. Указ. соч., стр. 32.

²⁷ М.А. Шелякин. Приставочные глаголы с аттенуативным значением в русском языке. Фил. Науки, 1966/4, стр. 121.

крику. Немного далее он подчеркивает, что в деминутивно-итеративных глаголах приставка по- сохраняет оба оттенка, в первую очередь оттенок "небольшой протяженности", с той только разницей, что эта "небольшая протяженность" наслаивается на многократное значение имперфективных основ, так что в глаголах поговаривать, пописывать получается значение "не очень часто говорить", "не очень часто писать", с добавочным оттенком слабости действия.²⁸ Такой анализ А.М. Пешковского относительно делимитативных глаголов подтверждается Р.Г. Карунцем, по мнению которого в ряде глаголов на делимитативное значение приставки по- как бы накладывается так называемое деминутивное значение.²⁹ О правильности такого толкования делимитативных глаголов свидетельствует множество примеров: "Вот тут, возможно, слегка поспеете, сказал ему молодой граф" /Лайош Надь. Ученик, 94/. "В кухне тихо пошептались, и тот же голос сказал: "Ну, как же, камелии" /Л. Немет. Траур, 168/. Захарий приглушенно покашлял в одеяло, прежде чем сказать:" /М. Горький. ЖКС. III., 262/. "Макар посмеялся кротко, снисходительно, ласково" /В. Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов, 141/. "Ну вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял..." /М. Шолохов. Судьба человека, 13/ и т.п.

На наш взгляд, в делимитативных глаголах в зависимости от аспектуальной ситуации и контекста деминуирующее воздействие префикса по- может распространяться на время /почитать часок/, на действие /покашлять тихо = деминуция интенсивности действия/, а иногда и на аспектуальный предмет /почитать книжку/.

О соотношении трех основных семантических компонентов у глаголов совершенного вида см. нашу статью.³⁰ Релевантным значением делимитативных глаголов мы считаем уменьшительно-временное значение, названное А. Мазоном удачно "la valeur temporelle attenuati-

²⁸ А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1965, стр. 111.

²⁹ Р.Г. Карунц. Глаголы звучания с приставкой по- в современном русском языке. Актуальные проблемы русского словообразования. II. Самарканд, 1972, стр. 77-78.

³⁰ Й. Крекич. Указ. раб., стр. 126.

ve".³¹ Релевантным значением деминутивно-итеративных глаголов является нерегулярная повторяемость деминуированного времени, унаследованного от производящих делимитативных глаголов. Деминутивно-итеративные глаголы чаще всего выражают сложное прерывистое политемпоральное действие, неприуроченное к одному соотносимому моменту времени; акты действия небольшими интервалами и нерегулярно повторяются, коррелируя часто с другими действиями с конкретно-процессным значением. На делимитативное значение опирается краткость нерегулярно повторяющихся актов и непродолжительность всего политемпорального действия. Л.А. Быкова такую расчлененность политемпорального действия называет "внутренней повторяемостью":³² "а коли бороду гладит левою рукой, а сам посмеивается - ну, значит надуть хочет, плутует" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы I., 253/. "Он действительно знал, знал все, мелок легко постукивал в его руках по доске, хотя за спиной грозно поблескивал очками старый Штримфли" /Д. Фекете. Смерть врача. 158. Перевод Е. Малыхиной/. "Он время от времени похлопывал ее по спине" /Л. Немец. Траур, 746/.

Реже используются деминутивно-итеративные глаголы в позиции, выражающей "внешнюю повторяемость"³³, когда повторяются не отдельные акты, моменты действия, а все действие целиком и большими интервалами:

"И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем" /В. Лукшин. Срезал, 178/. "О Смердякове у нас уже поговаривали еще до суда"... /Ф. Достоевский, Братья Карамазовы II., 109/.

Что касается значения ослабленности сложного действия, т.е. значения смягченного характера действия, на наш взгляд, оно, как и у делимитативных глаголов является побочным, вторичным, не обязательным признаком деминутивно-итеративных глаголов, о чем свидетельствуют и приведенные ниже примеры с деминутивным

³¹ A. Mazon. *Emplois des aspects du verbe russe*. Librairie Ancienne Honoré Champion. 1914. p. 100.

³² Л.А. Быкова. О видовой соотносительности несовершенного вида со значением сложного длительного действия. Труды Фил.Фак. Харьковского Гос. Ун-та им. М. Горького. 1960, стр. 96.

³³ Л.А. Быкова. Там же, стр. 96.

и недеминутивным значением: "Макара слегка пошатывало - не выспался" /В. Шукшин. Любавины, 8/. "Макаров, посвистывая громко и дерзко, смотрел на все глазами человека, который только что явился из большого города в маленький, где ему не нравится" /М. Горький. ЖКС. I. 103/. "Старый врач тихонько посмеивался" /Д. Фекете. Смерть врача, 174/. "Дивный стан ее сильно покачивался на прекрасных ногах" /Е. Тершанский. Приключения тележки, 57. Перевод Е. Малыхиной/. "В номере гостиницы, покрикивая так же громко, как на вокзале, Алина приказывала старику лакею..." /М. Горький. ЖКС, 129/.

Посмотрим, как обстоит дело относительно морфологической и семантической соотнесенности делимитативных и деминутивно-итеративных глаголов в южнославянских языках.

В болгарском языке глаголы делимитативного и аттенуативного /деминутивного/ способа действия - будучи омонимами - могут совпадать по форме. Их значение выявляется только из контекста. Болгарский лингвист, Калина Иванова пишет: "Сравнительно близко до аттенуативности глаголы стоят глаголите от делимитативния НД /НД = начин на действието = способ действия. - Й.К./... Семантичната близост на аттенуативния НД, ограничен по интензитет, и делимитативния НД, ограничен по временен интервал, се вижда и от това, че много често един глагол принадлежи с едно от значенията си към единия, а е друго - към другия НД".³⁴ /Разрядка наша. - Й.К./ К делимитативным и деминутивным глаголам отнесены Калиной Ивановой совершенные глаголы, совпадающие по форме: повиждам, подухвам, покашлям, потъгувам, потърсвам. По фонематическому составу перфективные делимитативные глаголы в болгарском языке могут совпадать и с имперфективными деминутивно-итеративными: повозвам, поговорвам, погулявам, погълчавам, подухвам, покашлям, полежавам, подохвам, пошумявам, пошущвам, пояздвам.³⁵ В сербскохорватском языке имеются глаголы делимитативного и демунитивно-итеративного способа действия,

³⁴ Калина Иванова. Начини на глаголното действие в съвременния български език. Изд. на Българската Акад. на Науките. София. 1974, стр. 77-78.

³⁵ Калина Иванова. Там же, стр. 71-82.

отличающиеся друг от друга только суперсегментным признаком, т.е. местом ударения: "Neki su učestali glagoli razlikuju ot svršenih samo akcentom: pògledati /svršeni/: poglédati /učestali/".³⁶ Русским делимитативным глаголам "поглядеть" и "посмотреть" и демунитивно-итеративным "поглядывать", "посматривать" соответствуют указанные выше сербскохорватские глаголы: "Она вся вздрогнула, посмотрела пристально секунду, страшно побледнела" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы I., 108/ = "Она сва задрхта, погледа пажливо један секунд, страшно побледе" /Ф.Д. Братја Карамазови. 151. Перевод Јована Максимовича/. "Смердяков же, рассказывая, лишь изредка на него поглядывал, но больше косился в сторону" /Ф. Достоевский. Братья Карамазовы II., 65/ = "Смердјаков пак док је причао, тек би овда-онда у њега погледао, али је више гледао у страну" /Ф.Д. Бр. К., 707/.

Образованные от делимитативных глаголов, как и от всех временно-предельных, глаголы несовершенного вида становятся в своем значении неопределенными, выражающими ненаправленность действия к внутреннему пределу, что и не позволяет им составлять видовую пару с производящим глаголом. Мы рассмотрели те делимитативные глаголы, от которых при помощи словообразовательного суффикса -ива - образуются демунитивно-итеративные глаголы. За неимением места мы приведем лишь по одному примеру каждого типа. Образование становится возможным: 1/ от делимитативных глаголов, означающих существование: пожить -- поживать; 2/ от дел. глаголов, означающих положение субъекта в пространстве: посидеть -- посиживать; 3/ от дел. глаголов, означающих жизнедеятельность: покашлять -- покашливать; 4/ от дел. глаголов, означающих неоднаправленное движение: походить -- похаживать; 5/ от дел. глаголов, означающих перемещение в пространстве: поскакать -- поскакать; 6/ от дел. глаголов, означающих движение в одном месте: потопать -- потапывать; 7/ от дел. глаголов, означающих

³⁶ Grammatika hrvatskoga ili srpskog jezika. II. izdanje. Zagreb, 1954, str. 105.

"конкретное действие": пописать -- пописывать; 8/ от дел. глаголов с мультипликативной основой: постучать -- постукивать; 9/ от дел. глаголов звучания и говорения: поговорить -- поговаривать; 10/ от дел. глаголов, означающих внешнее проявление чувств: заплакать -- заплакивать; 11/ от делимитативных глаголов со значением "воспринимать органами чувств": поглядеть -- поглядывать; 12/ от делимитативных глаголов со значением "испускать свет": поблестать -- поблескивать.

Не имеют морфологически соотнесенных итеративов те делимитативные глаголы, которые по фоно-эстетическим причинам не могут их образовывать, как например: повисеть, поголодать, повздыхать, погрызть, подышать, побарабанить, побеседовать и т.п.

Итак, подведем итоги:

1. Диалектический метод в языкознании предполагает изучение языковых явлений в их взаимосвязи и взаимодействии, не изолируя их искусственно друг от друга, как это делают некоторые лингвисты в связи с итеративами, образованными от делимитативных глаголов.
2. Мы пришли к выводу, что имперфективные глаголы, образованные от собственно временно-предельных глаголов, не способны представлять действие в процессе своего развития, не способны к обозначению действия, стремящегося к своему внутреннему пределу.
3. Все имперфективные глаголы /включая и деминутивно-итеративные/, производные от временно-предельных основ, образуются не композицией, а расширением основы производящего перфективного глагола.
4. Все итеративы, образованные от временно-предельных глаголов, в своей семантике опираются на значение производящих глаголов; по значению они остаются близкими, но не тождественными. Словообразовательный суффикс -ива- не изменяет, а лишь модифицирует значение производящей основы, и поэтому производящий и производный глаголы не составляют видовой пары.
5. Мы имеем здесь дело с так называемой аффиксальной омонимией. В имперфективных глаголах, производных от временно-предельных основ, суффикс -ива- не грамматикализовался, сохранил свою пер-

воначальную словообразовательную функцию: модифицируя значение производящего глагола, он придает производному глаголу политемпоральное значение нерегулярной повторяемости или постоянной непрерывности действия или состояния, не приуроченного к одному соотносимому моменту времени.

6. В венгерском языке нет подобной славянским языкам грамматической имперфективации типа переписать/переписывать, но есть лексическая имперфективация, подобная изложенной в нашей статье, которую с функциональной точки зрения удачнее назвать итерацией.

ЧАСТИЦА ЛИ В РУССКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
И ЕЕ ВЕНГЕРСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ, ЧАСТИЦА -Е

Карой Фабриц

1. Изучению вопросов, связанных с функцией и семантикой частиц русского языка /в том числе и частицы ЛИ/, лингвисты уделяют большое внимание¹. Благодаря усиленному интересу к коммуникативной стороне языка, все больше места в исследованиях отводится выяснению сущности категории языковой модальности.² Как известно, вопросительные частицы играют важную роль в выражении субъективной модальности, т.е. в передаче отношения говорящего к содержанию высказывания.

На основе наблюдений некоторых языковедов мы сопоставим частицу ЛИ с ее венгерским эквивалентом, частицей -Е, на материале переводов русских и венгерских произведений художественной литературы на обоих языках. В основу сопоставления положено функционирование частицы ЛИ.

2. Общая характеристика частиц ЛИ и -Е

2.1. Интонация неместоименных вопросительных предложений с частицами ЛИ и -Е

Основным показателем интеррогативности в общих /неместоименных/ вопросах без вопросительных частиц является специальная интонация, характеризующаяся резким повышением тона на ударном слоге логически выделяемого слова. Более того, эту

¹ См. кроме цитируемых работ напр. следующие: Е.М. КУБАРЕВ: Интонационно-отрицательные конструкции со словами разве, неужели, хоть бы, если бы, будто, чтобы в русском языке в сопоставлении с немецким, французским, английским языками. Куйбышев, 1963. АКД; Ю.И. ЛЕДЕНЕВ: Состав и функциональные особенности класса неполнозначных слов в современном русском языке. М., 1973. АДД; Е.А. СТАРОДУМОВА: Акцентирующие частицы в современном русском языке. Л., 1974. АКД; Ю.Г. СКИБА: Категория служебных слов и развитие языка как системы. Черновцы, 1974.

² См. об этом напр.: Otázky slovanské syntaxe. Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích". Brno, 1973.

разновидность интонации Ш. КАРОЙ считает достаточно типичным признаком, на основании которого возможно точно определить данный тип предложения, поскольку она по своему характеру является определенно грамматической и выполняет функцию вопросительной частицы: "Az eldöntendő kérdő mondat intonációjá elég határozott és jellegzetes ahhoz, hogy egy mondatfajta pontos meghatározásának az eszköze lehessen. Ez az intonáció határozottan grammatikai jellegű, s egy kérdőszócska funkcióját tölti be /magyar -e, orosz ли/. /Károly, 1964:80, сноска./³

Из этого следует, что произносительные свойства общих вопросов с частицей ЛИ в русском языке и с частицей -Е в венгерском претерпевают изменения в силу наличия в предложении указанных частиц.

Подробное описание интонации вопросительных предложений с частицей ЛИ дается в книгах Е.А. БРЫЗГУНОВОЙ: "Частица ли выражает сомнение. Предложения с ли обычно произносятся с ИК-2.." /Брызгунова, 1977:155./

"Вопросительные предложения с частицей ли могут выражать кроме вопроса сомнение, неуверенность, догадку, то есть то, что несет в себе элемент эмоций. Поэтому предложения с частицей ли дают варианты перехода интонации от вопроса к эмоции. Частица ли указывает на слово, выделенное вопросом или эмоцией.

Рассмотрим случай, когда преобладает значение вопроса. Интонация таких предложений почти не отличается от вопросительных предложений без вопросительного слова...

Второй интонационный тип вопросительного предложения с частицей ли характеризует предложения, в которых возможно логическое выделение другого слова не с частицей ли ... Интонация таких предложений близка к интонации вопросительных предложений

³ Интонация общего вопросительного предложения достаточно характерна и определена, чтобы служить средством точного определения данного типа предложений. Указанная интонация по характеру является четко грамматической и выполняет функцию вопросительной частицы /венг. -e, рус. ли/.

с вопросительным словом, в которых логическое ударение выделяет последнее слово...

В тех случаях, когда в вопросительных предложениях с частицей ли преобладает эмоция, ударный слог характеризуется удлинением гласной и ровным повышением тона." /Брызгунова, 1963:278-279./

На основе выше приведенных констатаций можно сделать следующие выводы: интонация местоименных вопросительных предложений с частицей ЛИ определяется

1. в зависимости от степени эмоциональной нагрузки вопросительного предложения, и
2. в зависимости от занимаемого частицей ЛИ места в вопросительном предложении.
3. Основным интонационным типом вопросов с частицей ЛИ следует признать ИК-2, которая свойственна местоименным вопросительным предложениям /частные вопросы, вопросы "к/ч"/.

Об интонации венгерских местоименных вопросительных предложений с частицей -Е А. КЛЕММ пишет следующее: "A közönséges kiegészítendő kérdésben egy szótag magashangú, az utána következő leesik az alaphangra, mely a kérdés többi részeiben egyenletesen tart az utolsó szótag végéig. Ugyanilyen ereszkedő hangmenete van az oly eldöntendő kérdésnek is, amelyben -e kérdőszócska van." /Klemm, 1942:16./ ⁴

То же мнение высказывается в венгерской академической грамматике: "A kérdő mondatok közül az -e k é r d ő s z ó c s - k á v a l ellátott eldöntendők teljesen az előbbiekhöz /a kiegészítendő kérdő mondatok hanglejtéséhez - F.K./ hasonlóan viselkednek, vagyis ezek is e r e s z k e d ő , helyesebben

⁴ В собственном частном вопросе один из слогов имеет повышенный тон, а последующий за ним слог произносится на основном тоне, который равномерно продолжается в остальных частях вопроса до конца последнего слога. Такая же нисходящая интонация присуща и такого рода общему вопросу, в котором имеется вопросительная частица -е.

e l ü l e s ő hanglejtésűek. /MMNyR, 1970:505./⁵

В указанной грамматике венгерского языка дается следующее объяснение интонационной близости общевопросительных предложений с частицей -Е к местоименным вопросительным предложениям: "Az -e kérdőszós és az -e kérdőszó nélküli kérdés között formailag nagy különbség van az i n t o n á c i ó tekintetében. Az -e kérdőszós kérdés esetében a kérdőszó már meghatározza a mondat jellegét, s ezért különösebb hanglejtésformája nincs. Az -e kérdőszó nélküli eldöntendő kérdő mondatban semmilyen lexikai vagy morfológiai elem nem jelöli a mondatfajta jellegét; ezt a sajátos eldöntendő kérdő mondati emelkedő-ereszkedő hanglejtés határozza meg. /MMNyR, 1970:38-39./⁶

И. ФОНАДЬ и К. МАГДИЧ утверждают, что данное явление объясняется экономией в языке, они не обнаруживают значительной разницы между интонацией повествовательного и общевопросительного предложений, если последнее имеет в своем составе вопросительную частицу -Е: "A nyelv ökonómiajával magyarázható, hogy az -e kérdőszócskával jelzett kérdő mondatok dallamformája nem tér el lényegesen a kijelentő mondatokétól." /Fónagy - Magdics, 1963:93./⁷

Итак, в венгерских неместоименных вопросительных предложениях с частицей -Е с точки зрения интонации наблюдается тяготение к более простым, малозначительным типам предложения вслед-

⁵ Среди вопросительных предложений общие вопросы с вопросительной частицей -e подобны предыдущей /т.е. интонации частновопросительных предложений - К.Ф./, то есть, и они имеют нисходящую, точнее, падающую в самом начале интонацию.

⁶ Между вопросом с вопросительной частицей -e и вопросом без указанной частицы существует значительное по форме различие с точки зрения их интонации. В случае вопроса с вопросительной частицей -e, данная вопросительная частица предопределяет характер предложения, поэтому вопрос не отличается особым типом интонации. В общевопросительном предложении без вопросительной частицы -e нет никаких лексических или морфологических показателей, указывающих на характер предложения: он определяется специфичной для общевопросительного предложения восходяще-нисходящей интонаций.

⁷ То, что интонация вопросительных предложений с частицей -e существенно не отличается от интонации повествовательных предложений, объясняется экономией в языке.

стве использования данной вопросительной частицы. В этом отношении произносительные тенденции в обоих языках являются сходными, поскольку наличие в вопросе частиц ЛИ и -Е вызывает упрощение интонационного облика при произнесении такого рода предложений.

2.2. Место частиц ЛИ и -Е в общевопросительных предложениях

Что касается расположения частиц ЛИ и -Е, то в русском языке нет таких строгих правил, как в венгерском⁸. Обе частицы сходны в том, что они являются постпозитивными, однако, частица ЛИ может примыкать к любому члену предложения. В венгерском же языке, место частицы -Е строго определено; она может стоять только за сказуемым: "Az -é kérdőszócska elhelyezkedési törvényei pedig azonosak a megengedő is-éivel; azaz mindig az egyszerű állitmány, illetőleg a nem egyszerűnek ragozott része mögött áll; a volna elemmel összetettnek pedig egésze után."⁹ /MMNyR, 1970:496./.

Следует, однако, сделать два замечания. С одной стороны, в памятниках венгерского языка нередко встречаются случаи, когда частица -Е примыкает к другим членам предложения, ср.: "Az -e-nek szórendi szerepe régi nyelvemlékeinkben úgy látszik még nincs annyira megállapodva, mint újabb nyelvünkben." /Simonyi, 1882:186-187./¹⁰

С другой стороны, и в наши дни частица -Е - за исключением определения - может употребляться за любым членом предложения /в определенных случаях даже за частью, составляющей член предложения/, если она выступает в неполном вопросе-повторении, который имеет характер эмоциональной реакции спрашивающего на только что услышанное, ср. напр.:

"Rövidebb alakban megismételt kérdésben vagy visszakérdésben a megismételt igekötő, tagadó szó, alany..., tárgy..., határozó-

⁸ О функции расположения частицы ЛИ см. раздел "Функция частиц ЛИ и -Е".

⁹ Правила расположения частицы -e тождественны правилам уступительного is; т.е. она всегда стоит за простым сказуемым или за спрягаемой формой непростого сказуемого, или же за всем сказуемым, осложненным элементом volna.

¹⁰ Вероятно, правила постановки слова -e в древних памятниках языка еще не являются настолько установившимся, как в нашем новейшем языке.

szó után, pl.:

- Eljössz-e? - El-e? de mennyire!
- Nem ismered? - Nem-e?" /ÉrtSz. II: k. 3-4./ 11

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что в то время, как в венгерском языке место частицы -Е в неместоименном вопросительном предложении закреплено после сказуемого, расположение частицы ЛИ в русском оказывается свободным. Определяющим расположение частицы ЛИ фактором является ее актуальная функция в предложении.

2.3. Функция частиц ЛИ и -Е

В определении основной функции частицы ЛИ среди русистов нет единого мнения. В "Словаре современного русского литературного языка" утверждается, что частица ЛИ в функции вопросительной частицы "усиливает вопросительный характер предложения" /ССРЛЯ, т. 6, 1957:206-207./.

К.Э. ШТАЙН об основной функции частицы ЛИ пишет, что "Частица ли... актуализирует значение вопроса..." /Штайн, 1977:19./.

Согласно положению И.П. РАСПОПОВА, "Основное назначение частицы ли состоит в выделении, подчеркивании в вопросительном предложении того слова, которое обозначает непосредственно интересующий говорящего предмет, признак, явление и т.п." /Распов, 1955:17./.

Возражая И.П. РАСПОПОВУ в связи с выделительной функцией частицы ЛИ, П. РЕСТАН пишет следующее: "Например, в указанном предложении можно интонационно выделить любое знаменательное слово, несмотря на то, что частица ЛИ находится при предикате /пойдет ли/. Ср.:

Пойдет ли МАША сегодня в театр?

Пойдет ли Маша СЕГОДНЯ в театр?

Пойдет ли Мама сегодня В ТЕАТР?

11

В вопросе, повторяемом в более краткой форме, или при переспросе /частица е располагается - К.Ф./ после повторяемой приставки, отрицательного слова, подлежащего..., дополнения ..., наречия, напр.:

Следовательно, частица ЛИ не является верным показателем логического ударения в предложениях данного типа." /Рестан, 1972:87./.

Однако, на наш взгляд, с этим можно согласиться лишь с оговоркой, поскольку чем далее выделяемое слово расположено от сказуемого с частицей ЛИ, тем менее вероятным оказывается речевая обстановка, при которой данная фраза произносится. Например, в последнем примере самым вероятным решением выделения обстоятельства /В ТЕАТР/ является перенос словосочетания в начало предложения. С другой стороны, как об этом говорит Д.Л. БОЛИНГЕР, а вслед за ним сам П. РЕСТАН, в общевпросительных предложениях вопрос относится чаще всего к предикату, см.:

"In questions, as much as in statements, it is the verb and its object that are primarily questioned; the subject carries over." /Bolinger, 1957:23./

"Тяготение этой частицы именно к предикату вряд ли случайно. Объясняется этот факт, по-видимому, смысловой весомостью предиката." /Рестан, 1972:84./.

Это же мнение подтверждается мыслью И.П. РАСПОПОВА: "Так, вопрос о реальности, возможности или необходимости определенного действия выражается только при помощи неместоименного вопроса. Подобный вопрос не может быть выражен в форме местоименного вопросительного предложения /поскольку местоимения, соответствующего глаголу, в языке не существует/." /Распопов, 1958:35./

Сравнивая различные возможности порядка слов в русских неместоименных вопросительных предложениях с частицей ЛИ, П. РЕСТАН приходит к следующему выводу: "Если частица ЛИ закреплена за препозитивным предикатом /или за препозитивным обобщающим словом/, то она ничего не говорит о том, где находится логическое ударение, не указывает, какие слова входят в ядро вопроса. Но в других случаях препозитивное слово + ли обязательно выделяется интонацией; следовательно, частица ЛИ имеет тогда выделительную функцию, эксплицитно показывая, где находится логическое ударение, т.е. подчеркивая, что является истинным ядром вопроса." /Рестан, 1972:91./ В другом месте П. РЕСТАН определяет основную

функцию частицы ЛИ так: "Точно так же, как интонация сигнализирует модальность предложения, так и частица ЛИ, имея функцию знака, сигнализирует модальность, а именно вопросительную." ¹² /Рестан, 1972:30./

Нам кажется, что такого рода совмещение указанных функций является не полностью обоснованным. Приведенные выше слова также говорят в пользу сторонников положения, согласно которому в качестве основной функции следует иметь в виду именно выделительную, ведь если вопросительная интонация уже сама по себе сигнализирует "вопросительную модальность", то частица ЛИ свободно может выделить слово под логическим ударением.

В защиту своих мнений языковеды нередко прибегают к примеру косвенного вопроса, в котором единственным показателем вопросительности является частица ЛИ, не говоря уже о том, что в местоименных косвенных вопросах она о б я з а т е л ь н о наличествует. Однако даже в этом случае четко явствует выделительная функция частицы ЛИ, ср.:

Он не знал, приехал ли отец вчера.

Он не знал, отец ли приехал вчера.

Он не знал, вчера ли приехал отец.

Оказывается, что выделение субъекта или обстоятельства лишь с помощью интонации в косвенных вопросах труднее, чем в прямых вопросах.

Имея в виду указанное переплетение функций частицы ЛИ, можно прийти к выводу, что основной функцией частицы ЛИ следует считать выделительно-вопросительную. Это положение обосновывается специальным характером вопросительных предложений: тот член предложения, который является ядром вопроса, также обязательно выделяется ¹³. Иными словами, выделение одного члена предложения и есть

¹² По-видимому, П. РЕСТАИ под термином "модальность предложения" понимает разные типы предложения. Поскольку из приведенной цитаты ясно, как это понимается, мы здесь только ограничиваемся замечанием, что мы не согласны с данной интерпретацией проявления категории языковой модальности.

¹³ Иногда вопрос ставится не только к одному члену предложения, а к комплексу членов предложения, об этом см. нижеследующее замечание И.П. РАСПОПОВА.

обязательный критерий для постановки вопроса. А в русском языке это делается легче всего путем прибавления частицы ЛИ к ядру вопроса, в результате чего упрощается интонационная схема предложения.

В венгерской лингвистической литературе функция частицы -Е разработана пока только с точки зрения этимологии. Все ниже следующие взгляды сходятся в том, что частица -Е в своем первоначальном употреблении служила междометием, возбуждающим внимание собеседника:

"Az -e kérdőszócska eredetileg indulatszó, mely az érdeklődés felkeltésére szolgált..." /Klemm, 1942:17./¹⁴ "Indulatszóból fejlődött kérdőszó az -e /talán már finnugor kori?/. " /Berrár, 1957:70./¹⁵

Как об этом говорилось выше, в венгерском языке постановка частицы -Е строго определена; это обстоятельство в значительной мере ограничивает возможность ее использования в выделительной функции. Как мы уже видели, по сравнению с другими членами предложения, сказуемое выделяется самой большой смысловой весомостью в неместоименных вопросительных предложениях, поэтому не случайно, что частица -Е закрепилась именно за сказуемым. С другой стороны, в венгерском языке выделение разных членов предложения в общем вопросе намного сложнее в силу того, что оно осуществляется в трех планах. Эти планы различаются друг от друга в зависимости от характера сказуемого. Рассмотрим эти варианты отдельно.

а/ приставочные глагольные сказуемые

При приставочном глагольном сказуемом, если под вопрос ставится сказуемое, наблюдается прямой порядок приставки и глагола; в обратном случае, т.е. если под вопрос ставится субъект или обстоятельство, приставка перемещается, она следует за

14 Первоначально вопросительная частица -e была междометием, служащим для возбуждения внимания собеседника.

15 Из междометия развилась вопросительная частица -e /возможно, уже в угро-финнскую эпоху?/.

сказуемым, пишется раздельно, тем самым и на письме указывая, что на этот раз логически выделяется не сказуемое. Частица E может отсутствовать.

См.: 16

<u>Elment-e</u> Marika tegnap?	<u>Ушла ли</u> Марика вчера?
<u>Elment-e</u> tegnap Marika?	<u>Ушла ли</u> вчера Марика?
Marika <u>elment-e</u> tegnap?	Марика <u>ушла ли</u> вчера?
Tegnap <u>elment-e</u> Marika?	Вчера <u>ушла ли</u> Марика?
Marika tegnap <u>elment-e</u> ?	Марика вчера <u>ушла ли</u> ?
Tegnap Marika <u>elment-e</u> ?	Вчера Марика <u>ушла ли</u> ?
<u>Marika</u> ment-e el tegnap?	<u>Марика ли</u> вчера ушла?
Tegnap <u>Marika</u> ment-e el?	Вчера <u>Марика ли</u> ушла?
<u>Tegnap</u> ment-e el Marika?	<u>Вчера ли</u> Марика ушла?
Marika <u>tegnap</u> ment-e el?	Марика <u>вчера ли</u> ушла?

б/ бесприставочное сказуемое

При бесприставочном сказуемом наблюдается обычная форма выделения логически ударяемого слова: если сказуемое выделяется, то наличествует любое расположение сказуемого; если же выделяются другие члены предложения, то они никогда не выступают в конце вопроса, и, также как и в предыдущих примерах, бросается в глаза явное тяготение предиката к выделяемому слову, а этот способ также лежит в основе логического подчеркивания непредиката. См.:

<u>Jár-e</u> Marika iskolába?	<u>Ходит ли</u> Марика в школу?
<u>Jár-e</u> iskolába Marika?	<u>Ходит ли</u> в школу Марика?
Marika <u>jár-e</u> iskolába?	Марика <u>ходит ли</u> в школу?
Marika iskolába <u>jár-e</u> ?	Марика в школу <u>ходит ли</u> ?
Iskolába Marika <u>jár-e</u> ?	В школу Марика <u>ходит ли</u> ?
Iskolába <u>jár-e</u> Marika?	В школу <u>ходит ли</u> Марика?
<u>Marika jár-e</u> iskolába?	<u>Марика ли</u> ходит в школу?

16 Подчеркнутые слова обозначают слова под логическим ударением.

Iskolába Marika jár-e?

В школу Марика ли ходит?

Iskolába jár-e Marika?

В школу ли Марика ходит?

Marika iskolába jár-e?

Марика в школу ли ходит?

Как показывают примеры, в обоих случаях выделение глагольного сказуемого дает большие возможности оформления вопроса, тем самым обеспечивая больше вариантов, вследствие которых данные вопросы могут выражать больше различных смысловых, а нередко и эмоциональных оттенков отношения говорящего к содержанию высказывания.

в/ именное сказуемое

Если в составе предложения имеется именное сказуемое, то в тех неместоименных вопросительных предложениях, в которых выделяются другие члены предложения, частица -Е не употребляется /в отличие от частицы ЛИ/, она как бы мешает подчеркнуть субъект или обстоятельство вопроса. См.:

Szép-e Marika?

Marika szép-e?

Marika szép?

Ср.:

Красивая ли Марика?

Марика ли красивая?

Марика красивая ли?

Возможно, однако, выделить слово Марика с помощью частицы -Е, но на этот раз указанный субъект обязательно превращается в предикат предложения, причем в результате этой транспозиции получается сложное вопросительное предложение, ср.:

Marika-e az, aki szép? - Это Марика ли красивая?

2.4. Значение частиц ЛИ и -Е

В связи со значением частицы ЛИ П. РЕСТАН пишет следующее: "Среди них /вопросительных частиц - К.Ф./ выделяется частица ЛИ, которая сама по себе не имеет никакого лексического значения, но выполняет в предложении функцию чисто грамматической морфемы, а вне предложения фигурирует

только в словарях /"идеальная" частица/. См. также сноску: "О несамостоятельности частицы ли свидетельствует также ее энклитическая природа /ср. же, бы, -ка, -то/. " /Рестан, 1972:29./ Однако, В.М. КОЛОДЕЗНЕВ придерживается другого мнения, противоположного положению П. РЕСТАНА: "По характеру лексического значения, осуществляемого на высоком уровне абстракции, они качественно отличаются от полнозначных слов с предметно-вещественной соотнесенностью." /Колодезнев, 1970:127./ Эту позицию подтверждает мысль И.А. КИСЕЛЕВА: "Все дело в том, что частицы имеют такое лексическое значение, которое не совпадает с общим понятием лексического значения знаменательных слов..." /Киселев, 1976:8./

Значение частиц ЛИ и -Е мы относим к кругу тех частиц, которые И.А. КИСЕЛЕВ характеризует следующим образом: "Рассматривая лексическое значение частиц, мы выделяем следующие уровни /типы/ их лексической знаменательности: лексическая знаменательность высшего /ЛЗВП/, среднего /ЛЗСП/ и низшего /ЛЗНП/ порядка." /Киселев, 1976:9./

"ЛЗНП отличается тем, что значение частиц обнаруживается из контекста, в структуре предложения, а само их употребление, как правило, факультативно /усилительные частицы да, ведь, же, и, так и др., указательные - это, оно, модальные - ну, -ка, мол, де, дескать, чай, небось и др./, хотя с их изъятием и происходят некоторые семантические сдвиги, может меняться в какой-то мере экспрессивная и модальная окраска предложения." /Там же, стр. 10./

По характеру лексического значения к этой группе примыкают частицы ЛИ и -Е. Об основном значении частицы ЛИ А.Н. ВАСИЛЬЕВА пишет следующее: "Hence its principal meaning is assumption of an alternative, doubt or uncertainty." /Vasilyeva, 1962: 163./

Ж. ШИМОНИ связывает значение частицы -Е с ее исходным значением в роли междометия, а с другой стороны он разбирает значение вопросительных предложений с частицей -Е в форме отдельных вводных предложений типа "я спрашиваю", "скажите мне", "я хотел

бы знать", "я не знаю", ср.: "Csakis olyan kérdésekben élünk az -e szócskával, melyekre igen vagy nem a felelet. Eredeti jelentéséhez legközelebb áll az a használata, hogy a kérdő főnévi mellékmondat, vagyis a f ü g g ő k é r d é s kötőszava." /Simonyi, 1882:184./¹⁷ "На ö н á л л ó k é r d é s б е н látjuk az -e-t, voltaképpen kihagyásos a szerkezet, s főmondatul ilyesmit érthetünk hozzá: "kérdezlek", "mondjátok meg", "szeretném tudni", "nem tudom". /См. там же, стр. 185-186/.¹⁸

Итак, на основе этих констатаций можно сказать, что основное значение обеих частиц сводится к предположению одинаково возможных альтернатив, к которому спрашивающий относится с сомнением, вызванным колебанием говорящего, его незнанием правильности своего предположения. Хотя лексическое значение частиц ЛИ и -Е минимально и весьма отвлеченно, оно все-таки в значительной мере влияет на возможность их употребления в неместоименных вопросительных предложениях. Кроме ограничения употребления данных частиц имеются разные факторы, которые в зависимости от взаимодействия семантики и функции вопросительного предложения определяют сферу употребления частиц ЛИ и -Е.

3. Сфера употребления частиц ЛИ и -Е

Сопоставляя разновидности неместоименных вопросительных предложений с точки зрения возможности употребления частиц ЛИ и -Е, мы выделяем следующие три разряда общих вопросов:

17 Мы используем частицу -e только в тех вопросах, на которые ожидается ответ "да" или "нет". Ближе к первоначальному значению стоит ее употребление в вопросительном придаточном предложении с именем существительным, т.е. в функции союзного слова к о с в е н н о г о в о п р о с а.

18 Если мы встречаем -e в с а м о с т о я т е л ь н о м в о п р о с е, то на самом деле мы имеем дело с эллиптической конструкцией, а в функции главного предложения можем подразумевать что-то вроде: "я спрашиваю", "скажите мне", "я хотел бы знать", "я не знаю".

1. вопросительные предложения, в которых указанные частицы обязательно выступают,
2. вопросительные предложения, в которых использование частиц ЛИ и -Е факультативно,
3. вопросительные предложения, в которых употребление частиц ЛИ и -Е невозможно.

3.1. Обязательное употребление частиц ЛИ и -Е

Данные частицы обязательно наличествуют в двух типах собственно-вопросительных предложений. Эти предложения в лингвистической литературе называются косвенными вопросами и вбросами-повторениями.

3.1.1. Косвенный вопрос

Для косвенных вопросов характерно не только то, что в них всегда выступают разбираемые частицы, но и то, что в них использование других частиц невозможно. Поэтому при трансформации общих вопросов с другими вопросительными частицами в косвенный вопрос мы обнаруживаем некоторые семантические сдвиги. Чтобы реконструировать исходное эмоционально-экспрессивное содержание трансформируемого вопросительного предложения, необходимо распространить главное предложение. Ср.:

Неужели ты разбил окно? - - - Он спросил, разбил ли я окно.
- - - Он спросил с удивлением /неуверием и т.д./, разбил ли я окно.

Csak nem törted be az ablakot? - Megkérdezte, hogy nem törted-e be az ablakot.
- Meglepetten /hitetlenkedve/ kérdezte, hogy betörted-e az ablakot.

См. примеры из художественной литературы:

- Он подождал, не ответит ли что-нибудь корнет. - Várt egy ideig, nem válaszol-e valamit a zászlós.

/Л. Толстой/

- Он замялся, не зная, лично ли назвать умирающего графом...

- ... zavarba ésett, mert nem tudta, hogy illik-e grófnak titulálni a haldoklót...

/Л. Толстой/

Установленные выше правила, относящиеся к словорасположению в связи с выполнением выделительной функции, действительны и в случае косвенных вопросов, стр. 8.

Важно отметить, что косвенный вопрос является трансформацией не только вопросительных предложений, но также и повествовательных. Во втором случае мы имеем дело с особым отношением говорящего к возможности предполагаемого, его реальности и т.д. Итак, предположение говорящему представляется в форме одинаково возможных альтернатив /вопрос в его чистом виде/, а исходное предложение /вопросительное или повествовательное/ вскрывается лишь с помощью главного предложения.

На наш взгляд, обязательное употребление частиц ЛИ и -Е в косвенном вопросе помогает привести в ясность основное значение этих слов. Поскольку косвенный вопрос неместоименного типа всегда содержит указанные частицы и выражает предположение одинаково возможных альтернатив, значение частиц ЛИ и -Е сводится к имплицитно выраженному предположению. Об этом свидетельствует и пример английского языка, в котором отсутствуют такого рода частицы, но в косвенных вопросительных предложениях неместоименного типа обязательно используются слова, указывающие на предположение альтернатив, ср.:

Он раздумывает о том, сходить ли ему в магазин.

Azon töpreng, lemenjen-e a boltba.

He wonders, whether he should go down to the shop.

He wonders, if he should go down to the shop.

Как показывают эти примеры, в данном случае мы имеем дело с скрытым вопросом. Скрытый вопрос может выражаться при помощи огромного круга глагольных конструкций, передающих значение предположения, напр.:

Он не знает,
Он спрашивает, придет ли отец.
Он сомневается,
Он раздумывает и т.д.

Кроме того скрытый вопрос выражается посредством множества самых различных главных предложений, например: "ему сомнительно", "самый важный вопрос:...", "трудно сказать,..." и т.д. Недаром А.Н. ВАСИЛЬЕВА связывает основное значение частицы ЛИ с тем, что она этимологически восходит к разделительному союзу ли: "The particle ли comes from the disjunctive conjunction ли 'or'. Hence its principal meaning is assumption of an alternative ... /Vasilyeva, 1962:163./

3.1.2. Вопрос-повторение

Обязательно используются вопросительные частицы ЛИ и -Е при повторении говорящим целого предыдущего высказывания собеседника, независимо от того, было ли повторяемое высказывание вопросительным предложением, или же предложением другого типа. В обоих языках эти вопросы-повторения являются не собственными вопросами не только в том смысле, что при их помощи говорящий не стремится выяснить какие-то неизвестные ему факты путем получения информации от собеседника, но и потому, что они представляют собой особую разновидность псевдovoпросов и в том отношении, что их использование не дает собеседнику никаких информации о требующем разъяснения элементе. Эти вопросы "задаются" в большинстве случаев для того, чтобы выиграть время для обдумывания ответа по разным причинам. Как об этом говорит Е.А. БРЫЗГУНОВА, "Повторение вопроса - это средство осмысления вопроса, а не средство выяснения неизвестного в ситуации." /Брызгунова, 1977:146./

В обоих языках повторение вопроса характеризуется особым типом интонации, ср.:

"Все вопросительные предложения повторяются с ИК-3... При повторении вопросительного предложения без вопросительного слова употребляется частица ли, рема обычно выносится в начало предложения, центр ИК-3 перемещается в конец." /Брызгунова,

1977:147./

Такое же явление отмечается в венгерском языке, а в качестве функции этих повторов венгерские языковеды выделяют выражение недоумения, сомнения, угрозы, ср.: "Ez utóbbi kétfajta kérdést, a kiegészítendő és az -e kérdőszós eldöntendő kérdést... emelkedő hangmenettel ejtjük, ha valakinek a szavait megismételjük, mint-ha megfontolnók, vagy nem értettük volna, vagy fenyegetni akar-nánk. /Klemm, 1942:17./¹⁹

"A kiegészítendő és az -e kérdőszós eldöntendő kérdő mondat néha az -e kérdőszó nélküli kérdő mondat hanglejtését veszi át. Ilyen a beszédelőzményre vonatkozó olyan kérdés, amely két-kedést, fenyegetést, vagy nem jól értést fejez ki. /Károly, 1964:85./²⁰

Основные функции повторения вопроса П. РЕСТАН определяет так: "Основные функции вопросительных повторов - эмоциональная и уясняющая: первая из них наиболее характерна для повторов, вызванных утверждением, вторая - для повторов, вызванных вопросом.."
/Рестан, 1972:433./

В качестве примеров вопросов-повторений можно привести следующие:

- Вы видели эти картины?	- Ön látta ezeket a képeket?
- Видел <u>ли</u> я эти картины?	- Láttam- <u>e</u> ezeket a képeket?
Нет еще.	Még nem.
- Вас раздражает уличный шум?	- Idegesíti önt az utcai zaj?
- Раздражает <u>ли</u> меня уличный шум?	- Idegesit- <u>e</u> engem az utcai zaj?
Иногда.	Néha.

/Брызгунова/

¹⁹ Эти последние два типа вопросов, т.е. частновопросительное предложение и общевопросительное предложение с вопросительной частицей -e... мы произносим с восходящей интонацией, если повторяем слова какого-либо лица, как бы размышляя над ответом, как бы не поняв услышанное, или как бы желая пригрозить кому-то.

²⁰ Частновопросительное предложение и общевопросительное предложение с вопросительной частицей -e иногда принимает интонацию вопросительного предложения без вопросительной частицы -e. Таким случаем является относящийся к предшествующему в разговоре такой вопрос, который выражает сомнение, угрозу, непонимание.

Обязательное употребление частицы ЛИ в подобных псевдо-просительных предложениях П. РЕСТАН объясняет следующим образом: "Отдельно стоит характерная для диалогической речи разновидность переспроса. Имеются в виду случаи, когда А обращается к Б с вопросом и Б полностью повторяет вопрос перед тем, как ответить на него. Здесь частица ЛИ обязательна. Мотивируется это тем, что подобные предложения находятся как будто на грани между прямым и косвенным вопросом..." /Рестан, 1972:121./

Близость вопроса-повторения к косвенному вопросу прежде всего проявляется в том, что повторение вопроса представляет собой косвенный вопрос без главного предложения.

Это явление не чуждо множеству других языков, ср.: "Mention may here be made of the phenomenon which I have termed 'questions raised to the second power'. One person asks 'Is that true?' but instead of answering this, the other returns 'Is that true?' - meaning 'How can you ask?'. Here most languages use the same form as in indirect questions: 'Om det er sandt? /Ob das wahr ist? / Si c'est vrai?" /Jespersen, 1955:304./

3.2. Возможное употребление частиц ЛИ и -Е

Употребление частицы ЛИ и -Е мы считаем возможным с точки зрения функциональной: использование вопросительных предложений с частицами ЛИ и -Е является одним из потенциально заменимых и более или менее равноценных по своей экспрессивности способов, выражающих один и тот же план содержания.

Рассматривая неместоименные вопросительные предложения, включающие частицы ЛИ и -Е, можно прийти к выводу, что они способны выступать в весьма широком круге общих вопросов, которые с функциональной точки зрения мы разбиваем на три разряда:

1. информативные вопросительные предложения,
2. восклицательные вопросительные предложения,
3. побудительные вопросительные предложения.

Рассмотрим указанные разряды в отдельности.

3.2.1. Информативные вопросительные предложения

Во избежание слишком подробного разделения разных видов вопросительных предложений информативными мы называем не только те вопросы, которые побуждают собеседника дать нужную информацию, но не содержат в себе указания говорящего на более или менее вероятный /ожидаемый/ ответ. В этот разряд мы включаем все те вопросительные предложения неместоименного типа, которые выражают хотя бы малейшую неуверенность в реальности предполагаемого. Иными словами, эти вопросы являются информативными с точки зрения говорящего, поскольку информация, насколько бы она не предвиделась самим спрашивающим, все-таки остается искомым, неразъясненным.

Итак, информативные неместоименные вопросительные предложения наделены двумя характерными чертами:

а/ Они находятся где-то на модальной шкале, простирающейся от полного незнания ответа до минимальной неуверенности в реальности предполагаемого ответа;

б/ информативные вопросы отличаются семантической нейтрализацией утвердительной и отрицательной форм.²¹

²¹ Под термином "семантическая нейтрализация" мы понимаем следующее: Утвердительные и отрицательные по форме вопросы информативного типа с точки зрения семантики совершенно свободно заменяются друг другом, не меняя при этом смысла предложения. Об этом П. РЕСТАН пишет: "... смысл чисто-информативного вопроса таков: "Я не знаю - но хотел бы знать - так ли это или нет.". Отсюда характерная семантическая нейтральность и позиция положительной и отрицательной формы: положительная форма ничего не утверждает, отрицательная форма ничего не отрицает." /Рестан, 1972:505./ Здесь имеются в виду, например, такие предложения:

Пришел ли отец?

Megjött-e apa?

Не пришел ли отец?

Nem jött meg apa?

Следует отметить, что не все информативные неместоименные вопросы подвергаются нейтрализации утвердительной и отрицательной форм, а скорее только те, которые логически выделяют сказуемое предложения, ср.:

Пришел ли отец?

Megjött-e apa?

Не пришел ли отец?

Nem jött meg apa?

Отец ли пришел?

Apa jött-e meg?

Отец ли не пришел?

Apa nem jött meg?

Нельзя, конечно, сказать, что отрицательные по форме вопросительные предложения равносильны в семантико-функциональном отношении утвердительным по форме вопросам. Существуют более или менее значительные различия между этими вопросами, однако по общему смыслу предложения они как бы сливаются в одно нейтральное значение. Другой разновидностью семантического переосмысления категории утвердительности/отрицательности является транспозиция. Под термином транспозиции мы понимаем характерное для риторических вопросов /см. ниже/ явление, суть которого заключается в том, что смысл утвердительного вопроса всегда отрицательный, и наоборот, отрицательный по форме вопрос выражает утверждение.

На указанной модальной шкале мы можем выделить несколько под-типов информативных вопросов.

1. Утвердительные по форме информативные вопросы, выражающие полное незнание ответа со стороны говорящего

Эту разновидность вопросов П. РЕСТАН называет "чисто-информативным вопросом" и утверждает, что "Наиболее употребительной для чисто-информативных вопросов является положительная форма." /Рестан, 1972:505./

Такого рода вопросы представляют собой собственно-вопросительные предложения, поскольку в них выражается как отсутствие предположения относительно ответа, так и побуждение собеседника дать нужную информацию. В обоих языках в такого рода вопросах широко представлены рассматриваемые частицы:

- Исполнил <u>ли</u> он последний долг, князь?	- Teljesítette- <u>e</u> utolsó kötelességét a gróf?
/Л. Толстой/	
- ... есть <u>ли</u> у пчел инди-видуумы?	- ... van- <u>e</u> a méheknek egyéni-ségük?

/Sarkadi I./

2. Утвердительные по форме информативные вопросительные предложения, выражающие незнание ответа, а также и опасение, сомнение

Утвердительные вопросы указанного типа отличаются тем, что они передают добавочные модальные оттенки, в первую очередь вносят в предложение значение сомнения, опасения, неуверенности. Нередко при употреблении таких вопросов добавочные оттенки выдвигаются на первый план, теряется коммуникативная функция предложения, вопрос задается самому говорящему. Употребление частицы ЛИ И.П. РАСПОПОВ считает наиболее характерным именно в таких вопросах: "Чаще всего эта частица используется при вопросах, возникающих в ходе размышления, внутреннего раздумья, вопросах, обращенных к самому себе и не имеющих в виду собеседника. Такого рода вопросы обычно вызываются тем, что "говорящий" относится к какому-то факту с сомнением,

неуверенностью в его реальности или возможности." /Распопов, 1955:18./

Очевидно, в большинстве случаев мы имеем дело с т.н. делиберативными вопросами.

Если вопрос направлен к собеседнику, то в таких предложениях говорящий торопит его дать позитивный ответ. Возникающее в ходе размышления опасение указывает на то, что говорящий предполагает нежелательную со своей точки зрения возможность, выражающуюся в том, что высказываемое может /могло/ не осуществиться.

В то же время, как в русском языке указанные /делиберативные и неделиберативные/ вопросы характеризуются частным употреблением частицы ЛИ, в венгерском языке выражение опасения, неуверенности и т.д. довольно часто осуществляется при помощи частиц VAJON + E. Важно, однако, подчеркнуть, что такие вопросы часто формируются с частицей VAJON без частицы -E, но в этом случае передается скорее только раздумье говорящего, лишенное элемента усиленного сомнения, ср.:

"A Vajon játszott volna? mondat kérdőszócska nélkül inkább a magában töprengő embernek a kíváncsiságát fejezi ki, nincs olyan határozott irányulása, többnyire valakihez intézett jellege, mint ennek: Vajon játszott volna-e? Ez következik is az -e kérdőszócska eredetéből: kezdetben figyelemébresztő indulatszó volt." /Ferenczy/, 1964:246./²²

В русском языке сочетание частицы ЛИ с другими модальными частицами невозможно. Это ограничение относится и к функционированию частицы -Е. Частица VAJON в основном выражает значение внутреннего раздумья говорящего, и, по-видимому, не препятствует совместному использованию частиц VAJON и -E. Эти вопросительные частицы настолько часто выступают одновременно друг с другом, что в цитируемом венгерском толковом словаре они упоминаются вместе.

/ÉrtSz. II.k. 3-4./

О своеобразии употребления частицы VAJON свидетельствует

22

Предложение Vajon játszott volna? /Разве он играл бы?/ скорее выражает любопытство раздумывающего человека, у него нет такой определенной направленности, в большинстве случаев не имеет такого характера обращенности к кому-либо, как следующее: Vajon játszott volna-e? /Разве он играл /ли/ бы?/. Это объясняется первоначальной функцией вопросительной частицы -e, которая служила возбуждающим внимание междометием.

то, что она представляет собой единственную "классическую" вопросительную частицу, которая используется и в местоименных вопросительных предложениях.²³ В частных вопросах она передает те же оттенки /раздумье, неуверенность и т.п./, что и в общих вопросах.

Значение неуверенности, сомнения, опасения представлено в следующих предложениях, взятых из художественной литературы:

- Верил <u>ли</u> он? Раскался <u>ли</u> он в своей неверии? Там <u>ли</u> он теперь? Там <u>ли</u> в обители вечного спокойствия и блаженства?	- <u>Vajon</u> <u>hitt-e</u> ? Megbánta- <u>e</u> hitetlenségét? <u>Vajon</u> ott <u>van-e</u> most, ott, az örök nyugalom és boldogság <u>hónában</u> ?
/Л. Толстой/	

3. Отрицательные по форме вопросы, выражающие предположение

В неместоименных вопросительных предложениях частицы ЛИ и -Е часто выступают в сочетании с отрицательными частицами НЕ, НЕТ и NE, NEM. Для этих конструкций характерно, что они делают отрицательные по форме предложения утвердительными, т.е. вопросы подвергаются транспозиции отрицательности. Функция данного явления заключается в том, что упомянутая транспозиция содействует выражению п р е д п о л о ж е н и я :

- Я думаю, <u>не</u> поздно <u>ли</u> соборовать?	- Nem késtek még el az utolsó kenettel?
/Л. Толстой/	
- <u>Не</u> нужно <u>ли</u> чего?	- Nem kellene valami?
/Л. Толстой/	

Хотя в этих случаях в венгерских переводах частица -Е не выступает, в принципе она может использоваться в приведенных выше вопросах. Разница между вопросами с частицей -Е и без частицы -Е проявляется в том, что первые выражают меньшую степень неуверен-

²³ Классическими мы называем собственные вопросительные частицы ЛИ, РАЗВЕ, НЕУЖЕЛИ и -Е, VAJON, CSAK NEM.

ности в правоте предполагаемого, а вопросы без частицы -Е передают менее определенное предположение, ср.:

Nem késtek-e még el az utolsó kenettel?

Nem kellene-e valami?

4. Отрицательные по форме вопросы, выражающие предположение с оттенком опасения

Для выражения предположения, осложненного разными оттенками опасения, в обоих языках широко используются разные сочетания частиц. Например, П. РЕСТАН отмечает, что "значение дубитативности иногда усиливается наличием в вопросе противительного союза /а, но/, показывающего, что мы не имеем дело с предположением противоположного." /Рестан, 1972:315./ Точно такое же значение передается в венгерском языке при помощи противительного союза DE.

В выражении опасения говорящего значительную роль играют конструкции УЖ/Е/ + НЕ + ЛИ, VAJON NEM, CSAK NEM. Эти схемы отличаются большей степенью опасения по сравнению с предшествующими конструкциями. Разные оттенки значения опасения отмечены в работах П. РЕСТАНА и Н.Ю. ШВЕДОВОЙ: "С прибавлением слова 'уж' отрицание означает внезапную догадку, предположение чего-нибудь невероятного..." /Рестан, 1972:315./ "Опасение, предположение неприятного, нежелательного обозначают вопросительные предложения с частицей уж, начинающей собою предложение, с обязательным отрицанием в составе предложения и с частицей ли." /Шведова, 1960:198/.

Эти оттенки значения опасения, внезапной догадки и т.п. проявляются в приводимых ниже примерах:

- Но не слишком ли я холодна с ним? - De nem vagyok-e tulságosan hideg vele szemben?

/Л. Толстой/

- Уже не дурное ли что-нибудь случилось со мной? - Csak nem történt velem valami baj?

/Л. Толстой/

- Уж не забыл ли я? - Vajon nem felejtettem el odadugni?

/Л. Толстой/

Как показывают примеры, употребление частицы -Е в таких предложениях ограничено. Это с одной стороны объясняется тем, что русские сочетания частиц являются более или менее устойчивыми, а с другой стороны тем, что частица -Е либо не примыкает к сложной частице /CSAK NEM/, либо она - как об этом выше говорил Г. ФЕРЕНЦИ - выражает более определенную направленность постановки вопроса.

3.2.2. Восклицательные вопросительные предложения

Восклицательным /или риторическим/ вопросительным предложениям неместоименного типа П. РЕСТАН дает следующее определение: "Риторический вопрос - это облеченная в вопросительную форму экспрессивная констатация обратного; говорящий ни о чем не спрашивает, а сообщает о своей уверенности в противоположном." /Рестан, 1972:509./

В утвердительных по форме вопросительных предложениях риторического характера в русском языке выделяется множество типичных конструкций, например МОЧЬ + ЛИ, МОЖНО + ЛИ, МНОГО + ЛИ, МАЛО + ЛИ, СТОИТ + ЛИ, ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + ЛИ + ДЕЛО + ИНФИНИТИВ и т.п. В венгерском языке нет таких, до некоторой степени устойчивых конструкций, поэтому в венгерских переводах наблюдаются самые разные варианты. Характерными из них являются повествовательные предложения, передающие прямой смысл высказывания, а также вопросительные предложения с весьма многозначной частицей "НÁT", выражающей раздражение говорящего:

- Соня! что с тобой? -
Можно ли это?

/Л. Толстой/

- Он, наверное, давно
уже забыл меня, мало
ли случайных встреч
на дорогах?

/Ч. Айтматов/

- Szonya! Mi lelt? Nát szabad
ezt?

- Bizonyára régen elfelejtette
az egészét. Hiszen a sofőrök
annyi emberrel találkoznak
útközben.

Для отрицательных по форме риторических вопросов с частицей ЛИ характерно, что данное слово часто примыкает к непредикату /чаще всего к субъекту/, выделяя слово под логическим ударением. В отрицательных по форме венгерских псевдвопросах восклицательного характера, кроме частицы VAJON, выступает и усиленная частица HÁT для выражения раздражения говорящего, ср.:

- Не это <u>ли</u> сушит мою душу?	- <u>Vajon nem</u> ez szikkasztja ki
<u>Не</u> это <u>ли</u> убивает во мне	a lelkemet? <u>Vajon nem</u> ez
смех и радость?	irtja ki belőlem a nevetést
/М. Горький/	meg az örömet?
- Я <u>ли</u> ее <u>не</u> любила? Я <u>ли</u>	- <u>Hát nem</u> szerettem? <u>Nem</u> vigyáz-
не берегла?	tam rá?
/М. Горький/	

Соответствующие венгерские конструкции в сопоставленных нами произведениях переведены на русский язык с помощью вопросительной частицы РАЗВЕ, например:

- <u>De</u> Atlasz legelső feladata	- Но <u>разве не</u> в том первейшая
nem az <u>e</u> , hogy mozdulatla-	задача Атланта, чтобы сто-
nul álljon?	ять неподвижно?
/Illyés Gy./	
- Mert <u>vajon nem</u> Szent Józse-	- Ведь <u>разве не</u> святого Иоси-
fet emlegette <u>e</u> Mária néni	фа упоминала тетя Мари,
akkor is, amikor a bögre	когда бросила в кружку с во-
vizbe három darab parazsat	дой три раскаленных уголь-
dobott?	ка?
/Illyés Gy./	

3.2.3. Побудительные вопросительные предложения

Среди побудительных вопросительных предложений в русском и венгерском языках мы выделяем два характерных подтипа несобственно-вопросительных предложений с точки зрения их функции:

1. Привлечение внимания собеседника и
2. Вежливая просьба, предложение.

1. Частицы ЛИ и -Е иногда выступают при глаголах, обозначающих восприятие или умственную деятельность. Как об этом говорит П. РЕСТАН, "Выполняя функцию вводных слов, сочетания верить

ли, видишь ли, знаешь ли, понимаешь ли лишены всякой вопросительной информативности." /Рестан, 1972:119./ /Следует отметить, что в этой же функции употребляются соответствующие формы глаголов во множественном числе/.

Согласно мнению К.Э. ШТАЙНА, в этом случае в значении частицы ЛИ происходит "десемантизация". /Штайн, 1977:25./

Такого рода окаменевшие обороты, возникшие из полноценных вопросительных предложений, в современном языке используются для привлечения внимания собеседника, нередко передавая оттенок непосредственности, непринужденности.

В венгерском языке функцию привлечения внимания собеседника выполняют конструкции HALLOD-E, HALLJA-E /"слышишь ли", "слышите ли"/, которые могут выражать и угрозу. Различия в переводе также свидетельствуют о том, что указанные конструкции утратили свою вопросительную информативность, ср.:

- <u>Видишь ли</u> , Лена... это случилось неожиданно...	- Látod, Lena... ez váratlanul történt...
/М. Горький/	
- <u>Видишь ли</u> ... если она уезжает, я останусь лучше, а?	- Nézd,.. ha Olga elutazik... akkor én inkább maradok, jó?
/М. Горький/	
- Матяш, а Матяш!...	- <u>Hallja-e</u> , Mátyás?
	/Nagy L./
- ... послушайте! Бросьте это... это чертов звон!	- <u>Hallja-e?</u> ! Nagyja már abba ezt a pokoli kalimpálást!
/М. Горький/	

2. Вежливая форма и нерешительное предложение нередко передаются в форме псевдовопроса. В этом случае, словами П. РЕСТАНА, "С функциональной точки зрения мы имеем здесь дело с своего рода полувопросами, находящимися как будто в "ничейной" полосе, на грани между вопросительными и побудительными предложениями." /Рестан, 1972:319./

В русском языке эти "полувопросы" отличаются тем, что они по форме являются преимущественно отрицательными. Согласно мнению А.И. ГВОЗДЕВА, "Деликатно высказываемые или нерешительные просьбы и предложения облекаются в форму вопроса к собеседнику; они выражаются вопросительными предложениями с отрицательной частицей не, а также с частицей ли, которая в разговорной речи может отсутствовать..." /Гвоздев, 1958:45/. Таким образом, в русском языке вежливая просьба или же предложение выражается отрицательной формой вопроса, в обратном случае употребление частицы ЛИ необычно. См. об этом замечание Е.А. БРЫЗГУНОВОЙ: "При переводе на русский язык английских, немецких, французских, итальянских вопросительных предложений нередко встречается искусственное употребление частицы ли:"

Хотите ли вы чай?

Обычно русские говорят: Вы хотите чай? или: Не хотите ли вы чай?" /Брызгунова, 1977:155./ В определенных случаях, когда просьба или предложение выражается не лексически, единственным показателем этих значений является отрицательная форма. В венгерском языке нет такого рода оппозиции, поэтому обе формы равносильны, разница между ними вряд ли чувствуется. В русском языке предложения указанного типа расходятся в том, что утвердительные по форме вопросы выражают стремление говорящего получить информацию /собственно-вопросительные предложения/, а отрицательные по форме вопросы побуждают собеседника совершить определенное действие.

Как показывают примеры, венгерские побудительно-вопросительные предложения отличаются тем, что в них при выражении вежливой просьбы или нерешительного предложения частица -E обычно опускается. Мотивируется это тем, что использование частицы -E в данном случае, как правило, привносит в значение псевдовопроса другие добавочные эмоциональные оттенки, как например, оттенок поторапливания, решительности и т.п.

- Не съездить ли, ваше пре- - Ne lovagoljak le, kegyelmes
восходительство? uram?

/Л. Толстой/

- Отец! не пора ли обедать? - Nem kéne már ebédelni, apjuk?
/М. Горький/

- Слушай, брат, - нет ли целкового дня на три? - Idehallgass, komám, nem tudsz kölcsönadni egy rubelt három napra?
/М. Горький/

3.3. Невозможность употребления частиц ЛИ и -Е

Вопрос возможности-невозможности употребления частицы ЛИ в местоименных вопросительных предложениях подробно рассматривается в монографии П. РЕСТАНА. Автор "Синтаксиса вопросительного предложения" выдвигает два типа вопросов, в которых частица ЛИ не употребляется. Сюда относятся т.н. эмоционально-констатирующие вопросы, которые П. РЕСТАН охарактеризовал следующим образом: "Первичная функция эмоционально-констатирующих вопросов - это не приобретение какой-либо информации, а выражение эмоциональной реакции говорящего на какой-то замеченный им факт, положительный или отрицательный. Отсюда с о о т в е т с т в и е между формой и содержанием в плане положительности/отрицательности." /Рестан, 1972:510./ Эмоционально-констатирующие вопросы по существу являются псевдо-вопросами восклицательного типа и вызываются комплексом многих факторов, среди которых в качестве основных можно выделить разные явления психологического состояния говорящего, как например, удивление, недоверие, испуг и др. Характерными для эмоционально-констатирующих вопросов П. РЕСТАН считает два признака: "Характерным для подавляющего большинства эмоциональных вопросов-констатаций... с эксплицитно выраженными главными членами является прямой порядок слов и невозможность употребления частицы "ли"." /Рестан, 1972:307./

Одна из разновидностей эмоционально-констатирующих вопросов, однако, содержит частицу ЛИ: "Частица ЛИ может присутствовать в случаях, когда эмоциональность, в частности, удивление, сливается с модальным значением сомнения, например: Ты ли это, Коля?!" /Рестан, 1972:511./

Другой тип общевопросительных предложений, не содержащих частицы ЛИ /а в венгерском частицы -Е/, описывается П. РЕСТАНОМ

так: "Имеются в виду такие предложения, вопросительность которых модифицирована вводными словами типа значит, может быть, никак и др. Вставить частицу ЛИ в данные предложения невозможно. По-видимому, мы здесь имеем дело с особым типом информативного вопроса, находящимся в промежуточном модальном пространстве между чисто-информативной вопросительностью и утверждением." /Рестан, 1972:175-176./

Одним из существенных критериев для отграничения презумптивных вопросов от остальных разрядов вопросительных предложений П. РЕСТАНА считает, что они не поддаются дизъюнктивной трансформации: "Презумптивный вопрос никогда не имеет разделительной формы и никогда не содержит частицы ли." /Там же, стр. 215./ И далее: "Невозможно также употребление и не частицы ЛИ ..., поскольку наличие этой частицы означает, что вопрос по своей функции является потенциально чисто-информативным и, следовательно разделительным." /Там же, стр. 506./

Однако, как нам кажется, П. РЕСТАНА оставил вне внимания справедливое замечание И.П. РАСПОПОВА, которое опровергает положение П. РЕСТАНА: "Формально-грамматические различия между предложениями, ставящими вопрос о реальности, возможности или необходимости действия, и предложениями, в которых речь идет о намерениях или действиях какого-нибудь лица вообще, состоит прежде всего в интонационном своеобразии тех и других. В первом случае мы имеем отчетливо выделенное логическое ударение на глаголе-сказуемом /под вопросом - только глагол-сказуемое/:

Вы пишете письмо? /или не пишете?/

Во втором случае логическое ударение отсутствует, и под вопрос ставится /за счет особого интонационного объединения/ глагол с уточняющим его содержание дополнением:

Вы пишете письмо? /или занимаетесь чем-нибудь другим?/.
/Распопов, 1958:36./

Возвращаясь к положению П. РЕСТАНА, мы обращаем внимание на две трудности. С одной стороны, в предложения типа "Вы пишете письмо?" вставить частицу ЛИ /а в венгерском - частицу -Е/ невозможно. Следовательно, вопросы указанного типа не могут быть

разделительными, поскольку частицы ЛИ и -Е означают, "что вопрос по своей функции является потенциально чисто-информативным и, следовательно разделительным." /Рестан, 1972:507./ Однако дело обстоит по-другому. По-видимому, употребление частиц ЛИ и -Е не во всех случаях указывает на возможную разделительность предложения.

С другой стороны, проблема проявляется и в том, что мы здесь очевидно имеем дело с презумптивным вопросом. Итак, опровергается мысль П. РЕСТАНА о том, что "В отличие от вопросов чисто-информативного типа, неразделительные презумптивно-вопросительные предложения, задающие вопрос о взаимоисключающих альтернативах, не поддаются дизъюнктивной трансформации..." /Рестан, 1972:506./

Для того, чтобы дать удовлетворительный ответ на эту дискрепанцию, требуется полный анализ возможности/невозможности употребления частиц ЛИ и -Е. А для этого необходимо найти тот фактор, который лежит в основе регулирования использования частиц ЛИ и -Е. В качестве указанного фактора мы выделяем наличие пресуппозиции.

Пресуппозиция в нашем понимании означает хотя бы малейшее предположение того факта, который ставится под вопрос. Итак, данные вопросительные частицы не употребляются в тех несобственно-вопросительных предложениях, которые лишены всякой пресуппозиции со стороны говорящего. Такого рода вопросительными предложениями являются эмоционально-констатирующие вопросы, выражающую эмоциональную реакцию говорящего на отмеченный им факт.

На другом конце сферы возможности/невозможности употребления частиц ЛИ и -Е находятся предложения, указывающие не на вопросительность искомого, а скорее побуждают собеседника дать согласие на предполагаемое. Эти вопросы проверочного характера являются также несобственно-вопросительными предложениями, поскольку в них предположение выражается эксплицитно; эти вопросы называются презумптивными, и они в большинстве случаев не допускают разных альтернатив, ср.: Отец, кажется, приехал?

К этой группе вопросов примыкают и вопросы, отмеченные

И.П. РАСПОПОВЫМ. Они представляют собой интересный тип вопросов не только потому, что несмотря на их презумптивность, данные вопросительные предложения могут иметь разделительную форму, но они обращают на себя внимание и тем, что им свойственен и информативный характер. Эти вопросы представляют собой смешанный тип информативных и презумптивных вопросов. Невозможность употребления частиц ЛИ и -Е в этом случае объясняется слишком определенной, решительной пресуппозицией.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что сфера употребления частиц ЛИ и -Е простирается от эмоционально-констатирующих до презумптивных вопросов. Эмоционально-констатирующие и презумптивные вопросы характеризуются тем, что они выступают в роли вопросов-констатаций. Если в предложении имеется констатация в прямом смысле, то употребление этих частиц невозможно. Если вопрос содержит скрытую /в силу транспозиции значения отрицательности/утвердительности/ констатацию /риторический вопрос/, то частицы ЛИ и -Е могут употребляться.

Мы согласны с мнением П. РЕСТАНА, согласно которому "... вопрос без ЛИ, взятый отдельно, вне контекста, допускает больше возможностей толкования, чем вопрос, построенный с помощью ЛИ." /Рестан, 1972:332./ Пресуппозиция, вызывающая вопрос говорящего, распространяется только на ограниченный, хотя и большой круг, неместоименных вопросительных предложений. Если добавить к пресуппозиционным вопросам псевдоquestionительные предложения восклицательного и побудительного типа с частицей ЛИ и -Е, являющиеся как бы переосмыслениями исходных информативных предложений, то получается полное перечисление разновидностей возможного употребления частиц ЛИ и -Е.

Литература

1. Е.А. Брызгунова: Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
2. Е.А. Брызгунова: Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
3. А.Н. Васильева: Частицы разговорной речи. М., 1964.
4. А.Н. Гвоздев: Современный русский литературный язык, 2. М., 1958.
5. И.А. Киселев: Частицы в современных восточнославянских языках. Минск, 1976.
6. В.М. Колодезнев: Лексико-грамматические свойства глагольных частиц в современном русском языке. "Учен. зап. Московск. пед. ин-та им. В.И. Ленина." № 332. Современный русский язык. М., 1970.
7. И.П. Распопов: К вопросу о частицах в современном русском языке. /Частица ли/. РЯШ, 1955, № 6, стр. 17-19.
8. И.П. Распопов: Вопросительные предложения. РЯШ, 1958, № 1, стр. 34-37.
9. Словарь современного русского литературного языка. т. 6. М.-Л., 1957, стр. 206-207.
10. Н.Ю. Шведова: Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
11. К.Э. Штайн: Семантика и синтаксические функции субъективно-модальных частиц. М., 1977, АКД.
12. Пер Рестан: Синтаксис вопросительного предложения. Scandinavian University Books, Oslo-Bergen-Tromsø, 1972.
13. A mai magyar nyelv rendszere. /MMNyR/. II. Bp., 1962.
14. A magyar nyelv értelmező szótára.-/ÉrtSz./. II. k. 1960, 3-4. o.
15. Berrár Jolán: Magyar történeti mondattan. IX. A valóságra vonatkozást jelölő szók. Bp., 1957.
16. Dwight L. Bolinger: Interrogative Structures of American English. Alabama, 1957.
17. Deme László: Szórendi vétségek és kétségek. "Iskolai nyelv-művelő". Bp., 1959, 292-302. o.
18. Ferenczy Géza: "Nyelv-művelő levelek". Bp., 1964, 245-247. o.

19. Fónagy Iván - Magdics Klára: A kérdő mondatok dallamáról. "Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből". NyÉrt. 40. sz. Bp., 1963, 89-106. o.
20. Otto Jespersen: The Philosophy of Grammar. London, 1955.
21. Károly Sándor: A mondatfajták vizsgálata a funkció és a forma szempontjából. NyK. LXVI, Bp., 1964, 67-88. o.
22. Klemm Antal: Magyar történeti mondattan. Bp., 1942.
23. Simonyi Zsigmond: A magyar kötőszók, egyuttal az összetett mondat elmélete. 2. k. XXXIV. fejezet. Bp., 1882.
24. A.N. Vasilyeva: Particles in Colloquial Russian. M. 1962 /?/.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ И ПОЛЯ НАПРАВИТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шандор Марча

Языковая интерпретация одного из наиболее сложных явлений объективной действительности - движения /выражение которого в языках осуществляется, главным образом, глаголами движения/, в последнее время привлекает внимание многих исследователей¹. Движение - это широкое понятие, и поэтому исследователи сосредотачиваются только на механическом типе движения /в философском смысле слова/ - при котором всегда происходит перемещение в пространстве - и на способах его выражения. Движение в пространстве взаимнообусловлены; пространство - это сфера, на фоне ко-

¹ Л.С. Муравьева. Глаголы движения в русском языке. Изд-во "Русский язык", М., 1975.

А.М. Хамидуллина. Словообразовательные отношения в семантическом поле глаголов движения. АКД, Саратов, 1973.

В.В. Розанова. Синонимия глаголов движения в современном русском языке. Сб. "Синонимия русского языка и их особенности", Л., 1972.

Н.Н. Сергеева. Глаголы горизонтального перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка, АКД, Л., 1970.

Н.П. Билимович. Стиливая дифференциация валентности бесприставочных глаголов перемещения в современном русском языке. АКД, Ташкент, 1975.

Р.И. Сирота. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов движения и глаголов перемещения предмета в пространстве. АКД, М., 1968.

В.И. Ибрагимова. Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке, АКД, М., 1975.

Ю.М. Гордеев. Поле направленности /глаголы движения и их распространители/ в современном русском языке. АКД, Саратов, 1974.

Г.К. Бенедиктов. Глаголы движения в болгарском языке. АКД, М., 1963.

Р.В. Булатова. Глаголы движения в сербско-хорватском языке. АКД, М., 1964.

торой происходит движение².

Переходя к языковой интерпретации движения, априори можно установить, что выражение движения осуществляется в рамках выражения пространственных отношений /ПО/, т.е. способы описания ПО одновременно могут быть и средствами описания /выражения/ движения. Это особая двухсторонняя связь, в которой последний член определяется первым, но первый член только в некоторых случаях может быть определен вторым, и поэтому связь не всегда обратима. Особая природа данной связи объясняется и тем, что глагол движения /ГД/, который является обязательным элементом выражения движения-перемещения, не считается обязательным элементом выражения ПО. Он выступает только тогда, когда выражаются т. наз. динамические ПО.³

Учитывая выше сказанное, задача данной работы заключается в следующем:

- I. Раскрыть элементы выражения движения-перемещения на основе элементов выражения ПО, т.е. дать характеристику поля направительности на фоне поля пространственности.
- II. Рассмотреть на материале русского языка возможности выражения динамических ПО в рамках поля направительности.

I.

При анализе выражения ПО В.Г. Гак выделяет четыре элемента:

1. Субстанция А
2. Глагол, существительное или прилагательное, т.е.
V_{fin}, N, А
3. Локальное отношение /r1/

² Движение тесно связано и со временем, но мы не ставили целью заниматься этим вопросом в настоящей работе.

³ Наряду с динамическими ПО существуют и т. наз. статические ПО; о них более подробно см. ниже.

4. Субстанция В ⁴

Субстанция А - это производитель /или объект при переходных глаголах /действия, который, сочетаясь со вторым элементом, обозначающим какое-л. действие, производит действие по отношению к Субстанции В, как предмету-ориенту, посредством локальных отношений, т.е. предлогов и наречий. Локальное отношение и субстанция В - это нечто иное, как наречно-субстантивная часть выражения ПО, которая тесно связывается с именно-предикативной частью /с первым и вторым элементами/. Третий и четвертый элементы можно считать одним, потому что локальное значение, потенциально заложенное во втором элементе конкретизируется с их помощью, и они выполняют в предложении одинаковую синтаксическую функцию. В определенных случаях, когда пространственное значение актуализируется наречием, они и формально совпадают:

Ср.	Субст. А	V fin.	rl	Субст. В
	Иван	идет	в	школу.
	Иван	идет		домой.

Таким образом, получается триада, ядерным членом которой является $V_{fin} /N,A/$.

I. V_{fin}, A, N

2. Субст. А 3. rl и Субст. В

Выбор подходящего третьего элемента определяется двумя условиями: а/ сочетаемостными свойствами $V_{fin} /N,A/$, б/ коммуникативной задачей высказывания. Сочетаемостные свойства $V_{fin}/N,A/$ указывают на множество наречно-субстантивных распространителей, из которых можно выбрать, а коммуникативная задача высказывания определяет, какой распространитель надо выбрать из множества. Выше упомянутую триаду можно назвать - переходя в область семантики - полем пространственности ⁵.

⁴ В.Г. Гак, Е.Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. "Высшая школа", М., 1965, стр. 6.

⁵ Ю.М. Гордеев. Ук. соч., стр. 16.

ПО, выраженные данной триадой, группируют по-разному. Большинство лингвистов согласны в том, что основой группирования должен служить семантический принцип, в котором ясно отражается взаимообусловленность между Субст.А и Субст.В./⁶

Е.Ю. Владимирский в системе предложно-падежных форм с пространственным значением выделяет два основания деления при выражении ПО:⁷

Первое основание деления - отношение действия Субст.А к пространству /т.е. к г1 и Субст.В/; по этому делению выделяются четыре типа отношений:

1. Пространство как место осуществления действия
2. Пространство как трасса действия /место или путь движения/
3. Пространство как конечный пункт действия
4. Пространство как исходный пункт действия

Второе основание деления - это отношение форм пространства /т.е. г1, и Субст.В/ к предмету. В этой связи Е.Ю. Владимирским выдвигается 21 тип ПО⁸.

В связи с первым основанием деления надо отметить, что средства выражения места осуществления действия и трассы действия /места или пути движения/ в большинстве случаев совпадают. /ср. висеть над головой; летать над головой/. Если же Субст.В представляет собой внутреннее пространство или поверх-

⁶ С семантической точки зрения Субст.А и Субст.В относятся к семантическому полю первого элемента триады. Поэтому их взаимообусловленность можно назвать и семантической.

⁷ Е.Ю. Владимирский. Система предложно-падежных конструкций с пространственным значением в современном русском литературном языке. АКД, М., 1972, стр. 8-9.

⁸ Там же, стр. 8-9. /См. напр.: Внутреннее пространство предмета, пространство вне предела предмета, пространственная близость, минуемое пространство, и т.п./

ность какого-л. предмета, то можно наблюдать различие в средствах выражения:

Ср. Читать в комнате.

Сидеть на полу.

Бегать по комнате.

Ползать по полу.

Внутри поля пространственности следует отличить друг от друга т. наз. статические и динамические ПО, различие между которыми заключается в том, что последние характеризуются тройственностью направления, они могут отвечать на вопросы где?, куда? и откуда?. Первые же отвечают только на вопрос где?. Об этом свидетельствует первое основание деления Владимирского:

Ср. 1. Они играют в комнате. Где? - статическое ПО

2. Он ходит по комнате. Где?

3. Отец идет на почту. Куда?

4. Мама вышла из магазина. Откуда?

} динамическое ПО

По ориентировочному подразделению ПО, предлагаемому И. Пете, эти два типа ПО объединены на основе тождества средств выражения места действия /местонахождения/ и места движения.

Ср. Картина висит над столом.

Муха летает над столом.⁹

Исходя из задач настоящей работы, нам необходимо разграничить статические и динамические ПО, тем более, что первые не могут выражаться т. наз. полям направительности, другими словами, они не характеризуются тройственностью направления. В этом заключается и недостаток метода ориентировочного подразделения, поскольку он не может быть проведен последовательно во всех типах ПО¹⁰, и кроме этого, в нем, в некоторой степени, смешаны семан-

⁹ И. Пете. К вопросу изучения системы обстоятельства места в русском языке. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus XII. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1966, 337.*

¹⁰ И. Пете. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Материалы и сообщения по славяноведению, IX, Сегед, 1973, стр. 21-22. /В первых трех пунктах ПО группированы по направлению - т.е. по тройственности направления, - а в последних двух в основе распределения лежит факт наличия или характера Сувст.В, т.е. формальные признаки выдвигаются на передний план./

тический принцип и формальные признаки средств выражения.

На фоне поля пространственности /ПП/ выделяется другое - меньшее по объему - поле направительности¹¹, /ПН/. ПН отличается от ПП в том, что ядерным членом первого является глагол движения /ГД/. Под термином "поле направительности" подразумеваются ГД и их направительные распространители, т.е. предложно-падежные формы или наречия, примыкающие к ГД. ПН способно передавать разные направительные значения, которые, по сути дела, выражают динамические ПО.¹² Наличие того или иного направительного распространителя при ГД, как уже было указано выше, определено, с одной стороны, сочетаемостными свойствами ГД, а с другой, коммуникативной задачей высказывания.¹³

Наречно-субстантивная часть ПН может обозначаться предложно-падежными конструкциями или наречиями. Наречия обозначают только "абстрактную направленность", они эксплицитно не указывают на предмет-ориентир, и они характеризуются дейксисом: напр., туда-сюда.¹⁴ Предложно-падежные же формы способны обозначать конкретную направительность, они эксплицитно указывают на предмет-ориентир.

Предлоги образуют своеобразную систему, отличающуюся двумя видами оппозиций: местной и направительной.

Местную оппозицию можно обозначать, по Ю.М. Гордееву, грамматической пропорцией с : из = на : в¹⁵. Она указывает на системность средств, выражающих направления движения, в ней намечен

11 В последнее время две кандидатские диссертации были посвящены полю направительности:

Ю.М. Гордеев. Ук. соч.

Г.Ю. Максимович. Поле направительности /глаголы движения и их распространители/ в современном русском языке. АКД, Саратов, 1974.

12 Об этом более подробно см. во второй части.

13 Детальный анализ вышеупомянутых условий будет задачей другой работы.

14 Ю.М. Гордеев. Ук. соч., стр. 8.

15 Там же, стр. 6.

но парадигматическое отношение.

Направительная оппозиция - это трехчленная оппозиция признакам исходной точки, пути и конечной точки, обобщенные значения которых выражаются разными предлогами по-разному. Грамматическая пропорция с : из = в : на обобщает эти раз-раскрывая такие отношения между предлогами, которые можно звать местными /местная оппозиция/: с - "с поверхности", "изнутри"; аналогичное: на - "на поверхность", в - "внутр

Выше приведенная пропорция, конечно, может быть дополнена другими предлогами, с помощью которых можно установить местная оппозиция - это тоже трехчленная.¹⁷

Ср.: из : с : от = через : по : мимо = в : на : к -

исходная точка признаки пути конечная т. -

/т.е. трасса движения/

Местная и направительная оппозиция предлогов подчеркивает тот важный факт, что актуализация направления идет со стороны предлогов /предложно-падежных форм/.

ГД /приставочные и бесприставочные/, составляющие предикативную часть ПН, нами понимаются широко. К ним мы относим не только традиционный лексико-семантический класс ГД, но и глаголы, обозначающие движение-перемещение в пространстве. Большинство бесприставочных ГД выражает лишь "общее направление", потенциально существующее во всех ГД.¹⁸ "Общее направление конкретизируется прибавлением к ГД приставок с локальным значением и предложно-падежных форм.

Приставки с локальным значением, присоединяющиеся к ГД, соответствуют отдельным предлогам, и так, они также образуют трехчленную оппозицию по направленности. Исходной семантикой обладают приставки у-, от-, вы-, вз-, раз-... /ся/, с-, а

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ Там же, стр. 7.

¹⁸ А.М. Хамидулина. Ук. соч., стр. 6.

нечной при-, под-, до-, за-, в-, на-, с-.../ся/. Исходную или конечную семантику может иметь и приставка по-, но при ее употреблении подчеркивается начало действия или намерение к действию:

Ср.: Побежала в магазин, материал купила, а шить, конечно, некогда было, только скроила./Распутин/
И татарин с развешивающимися фалдами, побежал
/Л. Толстой/

Конечную семантику можно наблюдать у приставки с-, в определенных случаях, когда она присоединяется к неоднаправленным ГД. В этом случае, кроме конечной семантики, подчеркивается перфектное значение /в прошедшем времени/ или намерение / в простом будущем времени/:

Ср.: Я сейчас схожу за извозчиком. /Достоевский/
Вы съездили во Францию?

Приставки с конечной и исходной семантикой могут пересекаться при определенных условиях:

Ср.: Мы вышли на поляну в зеленом ущелье. /Паустовский/
Он отошел к окну, чтобы не мешать танцующим парам.

Признаком пути чаще всего обладают приставки про-, пере-:

Ср.: Молча перешли они дорогу. /Д. Фекете/
По-видимому, мы протоптали по шоссе час, если не больше. /Быков/

Приставки с локальным значением, присоединяющиеся к ГД, имеют четыре функции: ¹⁹

1. Конкретизируют направленность - взлететь, сойти
2. Трансформируют направленность - обойти
3. Глагол теряет значение горизонтального движения-перемещения - наехать/налететь на кусты/ значение здесь не пространственное, а объектное/
4. Не изменяет ни характер движения, ни его направленность - пятиться-попятиться.

Среди ГД некоторые сами по себе могут выражать направление: пятиться, вернуться.

¹⁹ Н.Н. Сергеева. Ук. соч., стр. 14.

Сопоставительный анализ ПП и ПН позволяет сделать следующие выводы:

1. ПП - это более широкое понятие, в котором обозначены два типа ПО - динамический и статический. На фоне ПП выделяется ПН, которое представляет собой своеобразную конструкцию со значением направленного или ненаправленного движения, т.е. оно выражает динамические ПО.
2. Как ПП, так и ПН состоит из двух составных частей:
а/ именно-предикативная часть /Субст.А и V_{fin} , N, A/
б/ наречно-субстантивная часть /r1 и Субст.В/
3. Ядерным членом ПП и ПН является их предикативная часть. Разница между ПП и ПН заключается в том, что в ПН предикативная часть выражается только ГД с приставками или без них.
4. Наречно-субстантивная часть представляет собой систему предложно-падежных /или наречных/ форм, отличающихся двумя видами оппозиций: местной и направительной. Каждая оппозиция в свою очередь, является трехчленной.
5. Как в ПП, так и в ПН выражаются ПО; в актуализации типа ПО определяющая роль падает на долю наречно-субстантивной части. Разница между ПО, выраженными ПП и ПН, состоит в том, что ПН может выражать только т.наз. динамические ПО, при которых всегда происходит какое-л. перемещение в пространстве.

II.

При описании типов динамических ПО, выраженных с помощью ПН, считается целесообразным исходить из идеи перемещения, разработанной А.М. Хамидуллиной.²⁰

"Идея перемещения предполагает наличие трех точек в пространстве, одна из которых - движущаяся, две другие - неподвижные /они могут быть также и движущимися/, относительно которых

²⁰ А.М. Хамидуллина. Ук. соч., стр. 8.

происходит перемещение движущейся точки". /Движущаяся точка - в языковом плане - это именно-предикативная часть ПН, а две неподвижные точки представляют собой наречно-субстантивную часть ПН/. Неподвижные точки, как предметы-ориентиры на пути движущейся точки, могут быть представлены, как исходная /откуда?/ или конечная точка /куда?/ перемещения, или как преграда, которую движущейся точке необходимо преодолеть. Следует еще добавить, что путь /т.е. место или трасса действия/, в котором или по которому происходит движение, тоже может служить предметом-ориентиром для движущейся точки /где?/, в соответствии тройственности направления.

Если предмет-ориентир является исходной-конечной точкой или преградой на пути движущейся точки, то он конкретизирует направление перемещения, поэтому можно говорить о направленном движении.²¹ Если же указывается только на путь /на место или трассу/ осуществления /непрямолинейного/ перемещения, то следует говорить о ненаправленном движении.²²

В дальнейшем рассматриваются ПО, которые могут быть выражены конструкциями, обозначающими направленное или ненаправленное движение; притом представляется функционирование - хотя только в общих чертах - ПН при выражении динамических ПО.²³ В настоящей работе способы выражения отдельных ПО не подвергаются анализу.

1. ПО, выраженные конструкциями со значением направленного движения

При направленном движении различаются целенаправленный и нецеленаправленный типы движения в зависимости от характера

- 21 Сюда относятся и конструкции с традиционными однонаправленными глаголами движения без приставок.
Ср.: Он идет в школу; Самолет летит на юг; и т.п.
- 22 Особую группу представляют собой конструкции, обозначающие умение, способность субъекта на перемещение, и не указывающие на направление движения.
Ср.: Ребенок уже ходит; Рыбы плавают; Птицы летают; и т.п.
- 23 В дальнейшем мы пользуемся терминологией, предложенной И. Пете. Ук. соч., /9/, стр. 337-344.

предмета-ориентира. О первом можно говорить, если предмет-ориентир представляет собой исходную или конечную точку перемещения, а о втором, если предмет-ориентир считается преградой, которую движущейся точке необходимо преодолеть.

А/ Целенаправленное движение

Целенаправленным движением могут быть обозначены следующие ПО: 1. Интрапозиционные, 2. Суперпозиционные, 3. Субтерпозиционные, 4. Постпозиционные, 5. Адпозиционные, 6. Фронтальные, 7. Интерпозиционные, 8. Контрапозиционные, 9. Терминальные.

1. Интрапозиционные ПО:

Сам Миллер, привлеченный шумом, вошел в комнату.

/Достоевский/

Перед этим заехали в Сельцо, забрали свиней. /Быков/

Служка-монах, подпоясанный веревкой, провел нас в монастырскую гостиницу. /Паустовский/

Она прошла на кухню

Вылезаю из землянки и тут нос к носу с Морозовым. /Быков/

Все вышли из вагона. Но мама все не могла уйти.

/Паустовский/

Все пассажиры сошли с трамвая.

2. Суперпозиционные ПО:

Птицы налетели на крышу дома.

Птицы слетелись на дерево. /Ожегов, 719/

Ребров вернулся в купе, залез на свою верхнюю полку.

/Трифонов/

Я влез на карниз отопления и высунулся в окно. /Паустовский/

- Знаю, не первый раз. - сказал Ткачук, слезая с воза.

/Быков/

Когда он дышал рядом и обхватил, оттолкнула его, он слетел на пол /с дивана/ и молча отполз, как побитая собака.

/Трифонов/

3. Субтерпозиционные ПО:

Мяч закатился под стол.

Девушки с визгом бросились под деревья. /Паустовский/

Мне даже показалось, что автобус притормозил, тогда я снова бросился к нему чуть ли под самые колеса. /Быков/

Асфальт бешено летел под колеса машины, с вихрем и шелестом рвался из-под них назад. /Быков/

Они с трудом вытащили ящик из-под стола.

Заец выскочил из-под куста.

4. Постпозиционные ПО:

Причиной спора была как раз маленькая Светочка, которую надлежало скорей вывезти за город. /Трифонов/

Дети забежали за дерево.

И она вышла из-за угла. /Достоевский/

Каждую минуту мог кто-нибудь выйти из той двери на балкон и - о чудо! - нас спасти. /Трифонов/

5. Аппозиционные ПО:

Машина неторопливо приближалась к усадьбе. /Быков/

Каждую зиму приезжала к нам тетя Дозя. /Паустовский/

Паша Корнилович с Макаевым прошли с сумкой к дверям.

/Трифонов/

И откуда он взял эту гладкую собаку, которая не отходит от него. /Достоевский/

Как только отплыли от московских окраин... /Трифонов/

6. Фронтальные ПО:

Он не дождал, пока уйдут с чужих глаз. /Быков/

Больше не попадайся мне на глаза.

7. Интерпозиционные ПО:

Мы поехали в горы /приехали из гор.

/При этом типе ПО имеется в виду множество предметов-ориентиров: ср.: Он встал в наши ряды./

8. Контрапозиционные ПО:

Машины быстро летели нам навстречу и еще издали ослепили нас сверкающим потоком лучей. /Быков/

9. Терминальные ПО:

Мы с трудом добрались до самого костела. /Паустовский/
Повернула к Покровке, чтобы дойти до бульваров. /Трифонов/

Первые пять типов ПО, выраженных конструкциями со значением целенаправленного движения, отвечают на вопросы куда? и откуда?. Остальные же типы - за исключением некоторых случаев - обозначают только одно направление и отвечают на вопрос куда?. Этот факт позволяет сделать такой вывод, что конструкциями со значением целенаправленного движения выражаются только т. наз. лативные и аблативные ПО. /Локативное отношение может подразумеваться контекстуально/.

Конструкциями со значением целенаправленного движения могут быть обозначены еще т. наз. пространственные расстояния, отвечающие на вопросы куда? и откуда?.

Ср.: Он подошел на два шага ко мне.

Войска отступили на двадцать километров.

А зачем ученикам брести за столько километров в это

Сельцо? /Быков/

Б/ Нецеленаправленное движение

Нецеленаправленным движением обозначены следующие ПО:

1. Транспозиционные. 2. Проптерпозиционные, 3. Циркопозиционные /эти 3 ПО могут иметь и пространственно-объектное значение, и так отвечают на вопрос что?/, 4. Суперпозиционные, 5. Субтерпозиционные, 6. Латеральные.

1. Транспозиционные ПО:

Я продирался через молодой сосняк, изодрался вконец, но какой запах, какие сухие белые гвоздики, рыжие хвоя, какая паутина! /Паустовский/

Машина переехать этот мостик не могла. /Быков/

Проскользнул в пустой вестибюль, кинул пальто на бржк
в гардеробе... /Трифонов/

Ехали электричкой, бежали промерзшим лесом, врывались в
в дачу. /Трифонов/

2. Проптерпозиционные ПО:

Прошел монах в блестящей выгоревшей рясе. /Паустовский/

В какой-то момент я растерялся и не поднял руку, машина вет-
ром проскочила мимо и нас снова обняла темень. /Быков/

Стессель, серый от бессонной ночи, объезжал полки, поздрав-
ляя их с началом войны... /Степанов/

3. Циркопозиционные ПО:

Сержант с довольным видом не спеша обходил нас, как пойман-
ную отару овец. /И. Добози/

Машина объехала вокруг леса.

4. Суперпозиционные ПО:

Над городом пролетел бомбардировщик.

5. Субтерпозиционные ПО:

Катер проплывает под мостом.

6. Латеральные ПО:

Тыщус Химиус и рухлый толстяк Марк шагали по бокам приземис-
того Овчинникова. /Трифонов/

Эти ПО - в большинстве случаев - выражают локативные от-
ношения и отвечают на вопрос где?.

II. ПО, выраженные конструкциями со значением ненаправленного
движения.

Вышеупомянутые конструкции способны выражать только ло-
кативные отношения, отвечающие на вопрос где?. В них употребля-
ются, как правило, бесприставочные ГД.

Ср.: блуждать, волочиться, гулять, колесить, ковылять,
кочевать, курсировать, маршировать, рыскать, плу-
тать, следовать, скитаться, трястись, шататься и
т.п. 24

К этим глаголам можно отнести и традиционные неоднаправленные
ГД, если они сочетаются не с Adv.Dir., а с Adv.Loc./ напр.,
по^{по} dat., над/под^{instr.}, в/на^{loc.} /'. Данные конструкции содержат
конкретное указание на путь /место или трассу/ движения, и ли-
шены, как правило, возможности выражать направления движения.

Ср.: Целый день шатался по лесу, к ночи притомился, отголодал,
ну и вернулся к батьке. /Быков/
Вот так он говорит, шаркая по хате, и не смотрит на меня.
/Быков/

Дети бегали по всему дому, как потерянные. /Л. Толстой/
В прозрачной и теплой ее воде, как розовые и голубые цве-
ты, плавали большие медузы. /Паустовский/ 25

24 Данные глаголы подробно рассмотрены Н.Н. Сергеевой. См.:
Ук. соч., стр. 6.

25 Использованные примеры взяты из следующих произведений:
В. Быков. Обелиск. Роман-газета, 1973 № 24.
Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные. "Детская лите-
ратура", М., 1975.
К. Паустовский. Повесть жизни. "Советская Россия", М., 1966.
Р. Распутин. Последний срок. Роман-газета, 1976, № 23.
А. Степанов. Порт-Артур. том I, "Художественная литература",
М., 1971.
Ю. Трифонов. Долгое прощание. "Советская Россия", М., 1973.
Дом на набережной. Журнал "Дружба народов",
1976, № 2.
И. Добози. Вторник, среда, четверг. "Художественная лите-
ратура", М., 1973. /Перевод Т. Воронкиной/
Д. Фекете. Смерть врача. "Художественная литература", М.,
1973, /перевод Е. Малыхиной/

БОЛГАРСКИЙ ПАТРИАРХ ЕВФИМИЙ ТЫРНОВСКИЙ
/1375-1393/ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА

Иван Харалампиев

Вторая половина XIV века - трудное время для средневековой болгарской державы. Страна разделена на большие и малые феодальные владения, владельцы которых стремятся утвердить свою независимость, поэтому отношения между ними часто обостряются. Положение болгарского народа становится все тяжелее, увеличивается дань, растет недовольство. Появляются различные еретические учения, которые еще больше ослабляют царскую власть. На Балканском полуострове появляются турки, нашествие которых представляло опасность не только для Болгарии. Отношения между сербской и болгарской державами обострены, и это находит свое выражение в открытой войне между ними в 1330 г. В битве у Велбыжда /ныне г. Кюстендил/ погибает болгарский царь. Это облегчает турецкие завоевания. Попытка балканских народов остановить вторжение турок на полуостров в окрестностях Одрина в 1371 г. заканчивается безуспешно.

В этих условиях официальная церковь, защитница царской власти и существующего строя, была призвана сделать попытку внутреннего укрепления болгарской державы, духовного объединения болгарского народа. Центральная власть нуждалась в теоретическом обосновании и возвеличении; это послужило толчком, правда, на краткое время, для сильного развития литературы и искусства, широкого общекультурного переустройства. Это переустройство связано с именем Евфимия Тырновского - духовного лица, сторонника появившегося в XIV веке религиозно-философского учения исихазма, талантливого книжника и писателя. В 1371 г. после семилетнего пребывания в Царьграде и на Святой горе, Евфимий возвращается в Болгарию и учреждает книжную школу в монастыре Святой Троицы около Тырнова. В этом монастыре Евфимий, вместе со своими учениками занимается очень значительным делом -

редактированием существующих богослужебных текстов, сверяя их с греческими оригиналами, чтобы установить языковое и правописание единство, создать образцы житийной и панегирической литературы, в которой содержится "плетение словесь". Реформа Евфимия Тырновского приобретает широкую популярность, а после его избрания тырновским патриархом в 1375 г., она превращается и в официальную государственную культурную политику, щедро поддержанную болгарским царем Иваном-Шишманом /1371-1393/. Дело Евфимия Тырновского и его учеников оказывает большое влияние, задав тон литературной деятельности на несколько веков вперед не только в Болгарии, но и в Румынии, Сербии, на Руси. До нас дошли 16 произведений Евфимия - оригинальных и переводных, которые были изданы еще в начале нашего века Е. Калужняцким¹.

Здесь нет возможности подробно характеризовать различные аспекты евфимиевой реформы. Мы остановимся лишь на ее языковом аспекте, который долгое время выпадал из поля внимания ученых или же описывался неправильно.

Каждая реформа имеет свои основные принципы, это относится и к ее отдельным аспектам. До недавнего времени выделялись два основных принципа евфимиевой языковой реформы: а/ сознательное стремление приблизить правописание и язык к кирилло-мефодиевским образцам и б/ самое точное, насколько это возможно, следование особенностям греческого письма и греческого языка². Это послужило причиной поспешной оценки реформы как консервативной, и утверждения, что она препятствовала развитию средневекового болгарского книжного языка.³ За последние 10-15 лет в этом вопросе произошли коренные изменения, особенно после трех международных симпозиумов по проблемам Тырновской книж-

¹ E. Kałużniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius /1375-1393/. Wien, 1901.

² См. П. Динеков. Стара българска литература. ч. II. София, 1953, стр. 56-57; см. у этого же автора о Евфимии Тырновском. История на българската литература. т. I. София, 1963, стр. 290-291.

³ Б. Цонев. История на български език, т. II. София, 1934, стр. 268.

ной школы. Изучены были важные черты языка Евфимия Тырновского и его учеников и последователей. Основные вопросы - теоретические и методологические - были поставлены Д. Ивановой-Мирчевой⁴. После этого реформа стала оцениваться другим образом, и вскоре подверглись переоценке указанных выше два основных принципа⁵. Первый принцип был уточнен. Изучение истории болгарского книжного языка средневековья, как и исследования языка тырновских книжников доказали, что реформаторы свободно использовали языковое наследие староболгарской эпохи и не стремились к возрождению языковых норм Охридской книжной школы, которая считалась продолжателем кирилло-мефодиевского дела на болгарских землях. Как пишет Д. Иванова-Мирчева, язык тырновских книжников, и вообще книжный язык позднего болгарского средневековья, в сущности, является языком двух староболгарских книжных центров /Преславль и Охрид/, является развитой и богатой, доведенной до совершенства формы классического книжного языка. Сформулирован был и третий основной принцип - учет того этапа, которого достигло развитие староболгарского книжного языка в среднеболгарскую эпоху /до конца XIV в./ и учет тех новых черт, которые получили широкое распространение в среднеболгарских письменных памятниках⁷. Третий принцип является особенно важным для правильной оценки языково-реформаторской деятельности Евфимия и книжников его школы. Он показывает, какую огромную предварительную работу выполнили реформаторы, чтобы были устранены случайные, несистемные, языковые изменения, в результате прежде всего работы недостаточно хорошо подготовленных переписчиков. Естественно, предстоит еще

⁴ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие. В сб.: Тырновска книжовна школа. София, 1974, стр. 197-210.

⁵ См. И. Харалампиев. За основните принципи на езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий Тыновски. Български език, 1979/1, стр. 22-30.

⁶ Д. Иванова-Мирчева. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX- до XIV века. Старобългаристика, 1977/1, стр. 40.

⁷ И. Харалампиев. Ук. соч., стр. 24-25.

большая работа по окончательной характеристике евфимиевой языковой реформы. Эта работа связана прежде всего с детальным изучением языка тырновских книжников, ибо лишь в нем можно увидеть в отраженном виде принципы реформы, которые, к сожалению, Евфимий Тырновский не изложил в специальном грамматическом руководстве. Мы покажем отдельные важные проявления этой реформы на основе языкового материала из произведений Евфимия Тырновского и его самого талантливого ученика Григория Цамблака⁸.

I. Состояние системы склонения имен существительных ярче всего показывает отношение тырновских реформаторов к аналитическим процессам живого болгарского языка, которые полностью побеждают в конце XIV в.⁹ Реформированный книжный язык со второй половины XIV века является вполне синтетическим, без следов распада именного склонения. Но все-таки он существенно отличается в этом отношении от классического староболгарского книжного языка. Тырновские книжники в процессе реформы принимают к узакониванию ряд явлений: взаимное влияние между отдельными типами склонения, появление новых или обобщенных окончаний, которые в большинстве своем характерны для болгарского книжного языка среднеболгарской эпохи /XII, XIII, XIV вв./. В языке тырновских книжников отсутствует свойственная большинству среднеболгарских письменных памятников непоследовательность в замене одного нового явления другим, здесь же заметно соблюдение определенных правил. Совершенно устранена разница между склонениями на -о и -ѣ, которое знакомо еще староболгарским письмен-

⁸ Использовано указанное выше издание евфимиевых произведений, выполненное Е. Калужняцким /Е/. Номера страниц, стоящих после примеров, соответствуют этому изданию. Материал языка Цамблака взят из следующих произведений: Похвално слово за Евфимий /ПСЕ/ - см. П. Русев, И. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евфимий от Григорий Цамблак. София, 1971; Мъчение на Йоан Нови /МЙН/ - см. П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. София, 1966; Житие на Стефан Дечански /ЖСД/ - по списку XV в., который находится в произведении "Рилски панигерик на Владислав Граматик" /1479 г./; Похвално слово за Киприян /ПСК/ - см. Б. Ст. Ангелов. Из старата българска руска и сръбска литература. Кн. I, София 1958, стр. 180-189.

⁹ См. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. 3-е издание, София, 1978, стр. 63.

ным памятникам. В дат. п. ед. ч. названия лиц этих двух склонений встречаются с окончаниями -оу и -ови, употребление которых подчиняется определенным правилам. Окончание -ови встречается лишь тогда, когда имя существительное не связано с предлогом, не имеет в предложении своих согласованных определений и не входит в состав конструкции *dativus absolutus*, например: а како да безъ забавленїа божїа богови дати възможеъ Е8; сынови вьса навлєнна оустрой Е 130, и свьршена мьста, грады, веси, народы приводьше Х/ристо/ви ПСЕ 66.2.; бви блгодаренїа възсилааше ЖСД 7006; любезные къ богу възсилаашь слѣжбы Е 140; богу тьхь подвигоу ради оутврьженїа вьры Е 121; Петроу поревновавь, апостольскомъ врьхоу ПСЕ 5.1.

В род. п. мн. ч. существительные мужского рода с основой на -о /односложные/ обычно получают окончание -овь, под влиянием основы на -ѣ: доуховь, друговь, родовь, градовь и др. Однако тырновские книжники не восприняли употребление расширения суффикса -ов у существительных с основой на -о. И это не является необычным, так как в средневековых памятниках такие формы начинают встречаться после XII в. /начало этого процесса относится к старославянской эпохе/, но примеры немногочисленны, об известном же усилении процесса можно говорить после XIII в.¹⁰ Следовательно, это явление не было типичным, не было тенденцией развития в среднеболгарском книжном языке, и поэтому реформаторы не восприняли его. Подобные причины, очевидно, лежат и в основе принятия или отвержения различных новых окончаний, которые встречаются в сохранившихся среднеболгарских письменных памятниках. Так например, полностью воспринято новое окончание местн. п. мн. ч. -охъ /догматѡхъ Е 53, 89, 183, 227, градохъ ПСЕ 64.5, ЖСД 7056, нѣдрѡхъ Е 20, правилохъ Е 240, 245/, но не встречается окончание -ми твор.п. мн. ч., которое

¹⁰ См. Ив. Дуриданов. Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм. Годишник на СУ, Филологически факултет. т. LI, 3, София, 1955, стр. 137.

является редким и для староболгарских и для среднеболгарских письменных памятников¹¹.

У имен существительных склонения на *-jo* окончание *-ми* характерно лишь для существительных среднего рода на *-ьге*: привидѣни Е 15, посажденми Е 42, писан'ми ЖД 7106, и др. Во мн. ч. /им. и род. п./ имена мужского рода этого же типа склонения встречаются лишь с новыми, воспринятыми от склонения на *-i* окончаниями *-ие* /*-е*/ и *-еи* /*-ии*/. Исключений не было отмечено.

Количество примеров можно умножить, но и приведенные здесь показывают, как критически относились тырновские реформаторы к многочисленным изменениям в именном склонении, характерным для средневекового болгарского книжного языка. Сохраняя синтетический облик этого языка, реформаторы приняли во внимание и изменения в норме, которые произошли на несколько веков позже IX-X столетий. В этом отношении Евфимий и его помощники не могут быть обвинены в консерватизме, в торможении развития книжного языка, который и в самых "народных" по языку памятниках до XIV в. /о народных по языку письменных памятниках можно говорить лишь относительно/ остается синтетическим по структуре, независимо от более слабого и сильного влияния живого, народного болгарского языка того времени.

II. Отражение указанных в начале основных принципов евфимиевой языковой реформы можно видеть в употреблении форм имен прилагательных в языке "исправленного" книжного языка. Распределение по употреблению между полными и краткими формами /это относится и к причастиям/ следует точно состоянию, известному нам по древнейшим памятникам¹², процесса вытеснения полных форм краткими, характерный для развития живого болгарского языка и слабо отраженный в письменных памятниках среднеболгарской эпохи, здесь не засвидетельствован.

¹¹ См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 112. Ср. и Ив. Дуриданов. Към проблемата за развоя.. стр. 133.

¹² См. Н. Толстой. Значение полных и кратких форм прилагательных в старославянском языке. Вопросы славянского языкознания, вып. 2, М., 1957, стр. 43-122.

Чаще всего /потому что все условия исключительно многообразны/ краткие формы употребляются в тех случаях, когда имена прилагательные выполняют функцию сказуемого определения, когда не нужно подчеркивать признак или он является новым в сообщении: нако да позорна тогова бѣдет съмрѣ/ть ПСЕ 58.2; нагѣ посрѣдѣ стоаше МЙН 11.2; и изыде въсь здравѣ, радостѣн' же и доушею и тѣломъ Е 112, велико и неизлѣдованно дрѣзновениѣ имѣа Е 26; слѣзы изливаеть ѿ радости довѣльны МЙН 33.2.

В полной форме встречаются имена прилагательные, когда они субстантивированы или же употребляются как определения: и бѣ питаа сѣ тѣмъ, тѣлеснѣа немощь мало оутѣшаа и хтробнѣа скѣдость испльнѣа Е 13; Да не бѣдет ми ѿтврѣши сѣ тебе Х/рист/е съ безначалным ти ѿ/т/цемъ и прѣс/ва/тымъ д/оу/хомъ МЙН 10.1; Бл/а/женому же одан а възлѣжше ПСЕ 59.5; Тебѣ окрѣстныѣ въсе дары на поклоненіѣ приносятъ Е 74.

Интересно было отношение реформаторов к переустройству полных форм имен прилагательных /или причастий/, начатому еще в староболгарскую эпоху под влиянием местоименного склонения¹³. Новые окончания были восприняты лишь в ед. ч., и то не во всех падежах. В род. п. ед. ч., например, старые окончания полных форм остаются неизменными - /а/аго, -ыа. В дат. и местн. п. ед. ч. женского рода новое окончание -ои употребляется параллельно со старым -ѣи, таким образом, здесь мы не можем извлечь определенной закономерности. Однако регулярно употребляются полные формы мужского рода в дат. п. ед. ч. с окончанием -оуоу, вместо старого -оумоу. Этот факт, очевидно, связан с тем обстоятельством, что окончание -оуоу часто встречалось в староболгарских, и особенно часто в среднеболгарских письменных памятниках. Массовое употребление полных форм с таким окончанием в XIV в. показывается в работе К. Мирчева¹⁴.

¹³ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език, стр. 177.

¹⁴ Там же.

Как уже говорилось, в языке тырновских книжников не встречается окончание -ого для род.п. ед. ч. Это окончание является очень редким для средневекового болгарского книжного языка. Из староболгарских памятников А. Вайан показывает одну форму /живого/ в Саввиной книге¹⁵, а из более поздних произведений приводятся как примеры одна форма из Виргинской грамоты Константина -Асена и семь из Троянской повести¹⁶. Возможно, что это не все случаи употребления окончания -ого в полных формах имен прилагательных в памятниках, но, очевидно, что это окончание было нетипичным, редким для средневекового болгарского книжного языка, и, естественно, оно не было утверждено новой нормой в конце XIV в.

Новые степени сравнения имен прилагательных /с частицами по и най/ как яркий показатель аналитического развития болгарского языка не нашли себе места в языке тырновских реформаторов. Утвердилось же как нормативная среднеболгарская особенность форм степени сравнения распространение суффикса -ѣш- на им.п. ед. ч. форм мужского и среднего родов под влиянием косвенных падежей¹⁷. Эта новая черта проведена последовательно, например, царскаа же скуптра тогда оуправлѣаше добръ же и краснѣ благочѣстивѣѣшїи и славнѣшїи царь Калоѣваннъ Е 95; нѣ бесмрѣ/тїе вѣсѣкоѣ сладости сладчайше Е 27; и тоговых похваль свѣдѣ/тель бѣдет и проповѣдникъ велегласнѣшїи ПСЕ 17.2; еже ес/ть/ ца/рских скровищъ бѣгатѣше ПСЕ 27.3.

III. Хотя и косвенно, появление определительного члена в живом болгарском языке также нашло себе отражение в реформаторской деятельности Евфимия. Такая ярко народная языковая черта, естественно, не могла быть допустима в книжном языке но надо было узаконить определенные синтетические средства для выражения определенности. И именно здесь язык тырновских реформаторов отличается от языка всей предшествующей литературы: закреплено постпозитивное употребление указательных местоимений с определительной функцией. В отношении языка

¹⁵ А. Вайан. Ук. соч., стр. 183.

¹⁶ Ив. Дуриданов. Към проблемата за развоја на българијски језик од синтетизам към аналитизам, стр. 144.

¹⁷ К. Мирчев. Ук. соч., стр. 179.

Евфимия Тырновского это было отмечено Д. Ивановой-Мирчевой¹⁸. В сущности, вместе с указательными местоимениями используется и известное еще в староболгарских письменных памятниках и классифицируемое как калька с греческого предстоящего члена употребление местоимения иже в препозиции. Два средства для выражения определенности дифференцированы в своем употреблении. Как и в староболгарском, в языке тырновских книжников иже всегда стоит при именной группе, определяет одно более подробно и детально характеризованное, более сложное явление, предмет, лицо и пр. Иже связывается непосредственно с одним из слов в именном сочетании - обыкновенно с именем существительным или же с субстантивированным прилагательным и причастием, которые представляют собой центр сочетания, например, Иже къ добродѣтели ведѣщій ꙗзъ добръ наставлѣти обыче боголюбезныхъ доушѣ Е 78; Не «тлагай, архіепископе, нѣ положи свѣтильникъ на свѣщницѣ; Иларіѡна глагола, иже общежитіѣ наставника, поемь, Могленѣнѡмъ того положи пастырѣ Е 31; не бѡ мѡи сѣтъ глагол/ы еже о «тврѣжени Х/рист/а моего МЙН 6.1; прѣвѣскоде иже въ обитѣли многѣмъ врѣменемъ прѣстроужденные моу-же ЖСД 703а.

С помощью постпозитивного употребления указательного местоимения с определительной функцией определяется предварительно введенный в текст или хорошо известный отдельный предмет, объект или лицо, указание на которые в тексте является ненужным. При этом когда определение находится в именной группе, указательное местоимение стоит после первого имени в группе: Нѣ и сами ти кошеве седмъ, въ нихъ же хлѣби лежаше, и праведнаго Нѡѡа, с неюже страшный онѣ корабль оудѣла, секрыра, иже вѣси ти лежать въ самѡмъ томъ стлѣбѣ, ижъ же своею роукою великий Константинъ положи и запечатлѣ Е 117; Влачаахъ оубо еѣ, хотѣще посрамити, и съпротивное бываше. Свѣтлѣиши мѣченица «т

¹⁸ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец..., стр.203.

стѹда оногѹ бѹвааше Е 155; Д/ь/неви же свитаѹшоу и чюднѹи ѡни мѹжѹе невидими бѹша и свѣтѹве ѡни подобно МЯН 28.4; Тогда великое сѹе свѣтило видѣхом', братие, и сцнныа оны рѹцѣ нашей коснѹща с/л/ главѣ ПСК У.

Примеров второго типа очень много. Они характерны для языка и других тырновских книжников. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с типичной для школы языковой особенностью, которая не может связываться ни с состоянием древнейших письменных памятников /тем более с изобилием примеров/, ни с влиянием греческих образцов. Это поднимает более общий вопрос об отношении к примерам постпозитивного употребления указательных местоимений с определительной функцией в средневековой болгарской литературе. Такие примеры обыкновенно называются "членными формами", особенно же, когда члененное имя передают с греческого оригинала. В сущности, это только средства выражения определенности, а не формы, и они косвенно отражают появившуюся в живом болгарском языке членную форму. Речевое сознание нуждалось в специальных средствах для выражения определенности, и как часть этих средств были восприняты и утверждены те сочетания, имена с постпозитивным указательным местоимением, которые в староболгарских памятниках действительно отражают этап возникновения вполне установившейся в среднеболгарскую эпоху членной формы в живом языке.¹⁹

IV. Заслуживает внимания одна особенность причастий, которая впервые была отмечена в языке Григория Цамблака Иванов Гылыбовым²⁰. Речь идет о формах действительного причастия прошедшего времени /I/, образованных от глаголов IV-ого староболгарского спряжения /-и-/ на -ити. Как известно, в староболгарском эти причастия образовывались с помощью суффикса -ъш-, с которым образовывались действительные причастия про-

¹⁹ См. К. Мирчев. Ук. соч., стр. 202.

²⁰ Ив. Гъльбов. Цамблаковото слово за Евтимий и бългаският книжовен език в края на XIУ век. В кн.: П. Русев, Ив. Гылыбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971, стр. 55-90.

шедшего времени и от глаголов остальных спряжений, но перед гласным суффиксом причастия конечный *i в основе еще в праславянском изменился в *i>*j, конечный согласный в корне смягчился, и это привело к замене суффиксального гласного [ъ] в [ь]. В им. п. ед. ч. мужского рода в форме указанных причастий оканчивались на -ъ: оставл'ъ /от оставити/, сѣтвор'ъ /от сѣтворити/, хождъ /от ходити/ и др. Еще в староболгарскую эпоху, но очень редко, под влиянием причастий, образованных от глаголов с основой на гласный, и причастия от глаголов на -ити- также начинают образовываться с помощью суффикса -въш-: оставивъ /оставивъши/, сѣтворивъ/сѣтворивъши, ходивъ/ходивъши.

Независимо от очень слабого распространения измененных причастных форм в староболгарских письменных памятниках /большинство таких форм встречается в Супральной рукописи/, тырновские реформаторы восприняли их и утвердили как равнозначный вариант более старых форм на -ъ/-ъши, более того, формы на -въ/въши стали обычными в языке староболгарской литературы. Таким образом, здесь можно видеть одновременную реализацию двух основных принципов языковой реформы /I и III/. И Евфимий Тырновский, и Григорий Цамблак пользуются двумя формами указанных причастий, причем нельзя заметить предпочтение одной из двух форм /см. статистические данные, которые приводит Ив. Гылыбов в указанном выше сочинении/.

у. Реформа нашла отражение и в глагольной системе. 5 староболгарских спряжений сохраняются неизменными, но в 1 л. мн.ч. атематических глаголов оставлено старое окончание -мъ, и полностью воспринято окончание -мы: есмь, дамы, вѣмь. Это окончание, как известно, появилось еще в староболгарскую эпоху, а в конце периода может встретиться и у глаголов остальных спряжений.²¹ Однако реформа ограничила его употребление только у атематических глаголов, с целью разграничения

²¹ См. К. Мирчев. Ук. соч., стр. 210-211.

формы 1. л. ед. и мн. ч., так как написание стоящих в конце слова еров было необязательным, хотя и подчинялось определенным правилам.

Значительное упрощение можно видеть и в системе форм аориста. В истории болгарского книжного языка средневековья - это процесс, который начинается еще в староболгарскую эпоху²². Тырновские реформаторы используют лишь 2 вида аориста /-х - и -ох-/, образованные соответствующим образом от глаголов с инфинитивной основой на гласный и на согласный. Эта черта реформы проводится последовательно.

Тырновские книжники допустили и употребление стяженных имперфектных форм вместе с нестяженными, поэтому трудно извлечь точно определенные закономерности. Очевидно, стяжение является делом не поздних переписчиков, так как такие формы регулярно встречаются, например, в древнейших списках /с конца XIV в./евфимиевых житий. С другой стороны, производит впечатление регулярное стяжение имперфектных форм глаголов как бѣти, хѣтѣти, мьнѣти, тешти, зѣрѣти, веселити сѣ, жити, грасти, молити сѣ, гѣ и от них производных, стоати, вѣпити, имѣти и др. в языке двух тырновских писателей.

VI. История инфинитива и супина в болгарском языке изучается с давних пор²³. Раньше всего, еще в староболгарском начинает преобладать супин, а на его месте появляются инфинитивные формы. Дальнейшая постепенная замена инфинитива конструкцией с да представляет собой одно из проявлений аналитической тенденции. Тырновские книжники, естественно, не допустили в язык своих произведений конструкции с да, но совсем оставили супинную форму, которая продолжает встречаться, хо-

²² К. Мирчев. Ук. соч., стр. 212-213.

²³ См., например: Й. Илиев. Изчезване на инфинитив и остатъци от него. Известия на Семинара по славянска филология. IV. 1921, стр. 121-148; Л. Милетич. Към историята на инфинитив в българския език. Македонски преглед, год. IX, 1935/3-4, стр. 59-75; Към историята на инфинитивната форма в българския език. Годишник на СУ, Историко-филологически факултет, XXXIII, София, 1937, стр. 1-34.

тя и очень редко, и в некоторых среднеболгарских памятниках /например, в Добромировом евангелии/. Недопустимы для них и сокращенные инфинитивные формы.

γII. Отсутствие надежных сведений в данный момент, по которым можно было бы выяснить, какие греческие образцы и каким образом оказывали влияние на язык тырновских реформаторов, не позволяет нам сделать категорические выводы. Это можно будет сделать после того, как будет завершена огромная работа по изданию литературного наследия писателей Тырновской школы. Здесь наметим лишь одну синтаксическую особенность реформированного языка, которая вызовет интерес и еще раз указывает не только на многоплановость, но и на специфические черты языковой реформы. Речь идет о причастной конструкции *dativus absolutus*, история которой все еще не исследована. П. Ильчев²⁴ указал на основные характерные черты этой конструкции в староболгарском, хотя и на ограниченном материале /использован был лишь материал евангельских текстов/. Сравнительный анализ показывает, что употребление конструкции *dativus absolutus* в языке тырновских книжников является более разнообразным, чем это было в староболгарском вообще. Речь идет не только о том, что ее использование здесь значительно закреплено - факт, который отмечен уже не раз. В указанном своем исследовании П. Ильчев отмечает следующие устойчивые черты староболгарской синтагмы "дательный самостоятельный":

а/ синтагма "дательный самостоятельный" имеет вид PcjS /или cjPS/, где P - предикат, S - субъект, cj - связка;

б/ почти всегда в староболгарском конструкция сопровождается каким-нибудь союзом;

в/ есть две основные тенденции развития конструкции: стремление к структурной стабилизации и склонность к превращению из двучленной в одночленную.

²⁴ П. Ильчев. За спецификата на старобългарския *dativus absolutus*. Български език, 1963/3, стр. 211-233.

Кроме того, известно, что субъект классической конструкции *dativus absolutus* не должен совпадать с подлежащим или дополнением предложения, в котором находится.²⁵ Как правило, конструкция предшествует той части, с которой связывается по смыслу²⁶.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что упомянутые особенности староболгарской конструкции *dativus absolutus* появляются в языке тырновских книжников в существенно измененном виде. Наши выводы покоятся на полной эксерпции и статистических данных, чтобы были извлечены закономерности.

Прежде всего синтагма "дательный самостоятельный" в языке Евфимия Тырновского и Григория Цамблака имеет точно обратный вид: субъект, как правило, предшествует предикату: Врѣмени же не малоу прѣшедшоу, множество много Агарьнь Морех дошедше, и тѣ самый Поливотъ съ цр/ь/квиѣ раздроушити ѡкоушаахъ сѣЕ 196; сего ради, множеству съшьдшоу сѣ зде многоу, и самъ, накоже единъ ѡт вась, прѣидохъ Е 125; Таже зноу наставшѣ ѡт сл/ь/н/ь/чнаго вара и кладѣ великоу потрѣбнѣ сѣщоу на ѣв/аг/г/е/льскихъ горъ высоту сѣе възводѣше ПСЕ 38.5; Сѣа м/ж/ч/е/н/и/коу дръзновленнымъ словомъ гл/аголѣшѣ и лица ѡбродованѣемъ, лице чѣсто измѣнѣше м/ж/ч/и/т/е/ль МЙН 11.1.

Связка не является обязательной, как это видно по двум из приведенных выше примеров.

Часто нарушается требование, чтобы субъект конструкции не повлиял как подлежащее и дополнение предложения, в котором находится: Въ сих оубо томоу сѣщоу, оумысли съвѣтъ благъ Е 8; Пастыремъ оубо въ слѣд женѣшем' и тыѣ оуставити невъзмѣгшемъ, приходѣтъ и ти, идеже ѡвца сташѣ Е 13; Таже иже въ правдѣ вещи сѣдѣшомоу ниже сѣе въсѣко мало въ бл/а/гохваленѣе възмнит сѣ ПСЕ 25.2.

²⁵ Там же, стр. 14.

Субъект конструкции может быть и объектом предложения: Въ сих и сицевых той оупразнаючи се и пекоуши се никакоже прѣста лоукавий тоу искоушае мечтаними же и привидѣними Е 64.

Допускается пропуск одного из двух членов конструкции - имени или причастия. Место конструкции в предложении не является постоянным. Конструкция может стоять в начале, середине или конце предложения, например:

а/ в начале предложения: Симъ оубо сице съдѣаном, Рим'скому граду дарова прѣв'ства Е 111; И сеому бывшюу, влачимъ бѣ с/м/тти по всемоу граду МНН 25.2;

б/ в середине предложения: И мнози съ отрѣже къ погыбѣли, елико въ мужех и елико въ женах, нѣ и ст иже въ црскыхъ и самимъ скопцемъ црви слоужещимъ, смъртоноснаго своею ереси гада прѣнодастъ ЖСД 12.7;

в/ в конце предложения: И по что оубо едина съдиши зде и не стѣбгасеши т с/доу, никому же тебе зрацоу зде? Е 176.

Очень часто конструкция сопровождается наречием, с помощью которого уточняется ее значение - темпорально или причинно, если это не ясно из контекста. В общем, тырновские книжники очень свободно и творчески пользовались возможностями конструкции "дательный самостоятельный", чаще всего чтобы выразить более синтезированной односложную мысль и чтобы придать особую пригодность своему стилю.

УИИ. Отражение языковой реформы в лексике болгарского книжного языка с периода позднего средневековья также очень интересно, но здесь нужны более углубленные исследования. Независимо от желания архаизировать свой язык, реформаторы были не в состоянии остановить проникновение бытовой лексики, собственно народных слов и значений, или из-за желания сделать понятными свои произведения, или из-за того, что сама проблематика и жанровая специфика давали им такую возможность. Приведем один пример из евфимиевого "Жития Филофея": Аще ли же и породичи, безмърна тебе обимѣт попеченѣа и тр'ды, гла-

гола же: денѣа, повиванѣа, кѣпанѣа, питанѣа, работы безчисльны... Аще ли же и немудро слѣчит сѣ рожденое оно, сѣгѣба прибѣдетъ тебѣ печаль, надъ всѣми же сими наже о прики и полеченѣа Е 83.

Среди подчеркнутых в отрывке слов особенно бросается в глаза своим ярким народным характером слово прики а, известное ряду современных болгарских говоров как прикия 'то, что родители дарят девушке, когда она выходит замуж'. Й. Русек²⁷ отмечает, например, что Евфимий воспринял и некоторые другие новые слова, свойственные живому языку XIV века: хилигада /ст.-б. ты сѣшта/ты сѣшта/, седмица 'семь дней, неделя'; недѣла употребляется в значении 'последний день недели'.

Подобные примеры отметил в языке Григория Цамблака Ив. Гыльбов, а очень интересный материал привели на Третьем Симпозиуме "Тырновская книжная школа" Б. Велчева и А. Даскалова. Согласно Ив. Гыльбову, подобные примеры являются "интересным показателем трудностей, от которых надо было защищаться обычному и отчужденному характеру книжного языка при непрерывном воздействии повседневной речи".²⁸

Приведенный здесь материал совсем не является исчерпывающим, и цель нашей работы не в этом. Мы постарались лишь проиллюстрировать нашу точку зрения на характер средневековой евфимиевой языковой формы. Постановка вопроса не является окончательной, она лишь отражает нынешнее состояние изучения данного вопроса, окончательное же его решение еще впереди.

²⁷ Й. Русек. Промени в лексиката на българския език и отношението на патриарх Евтимий към тях. В сб.: Търновска книжона школа. София, 1974, стр. 179-196.

²⁸ Ив. Гъльбов. Цамблаковото слово за Евтимий..., стр. 89.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН С ДОЛГОТНЫМИ СУФФИКСАМИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ И ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Колесов
/Ленинград/

Производные имена с суффиксами, имевшими в своем составе долгий гласный, представляют особый интерес для исторической акцентологии и словообразования. Такие суффиксы имели акцентные варианты фонетического или нефонетического происхождения, что впоследствии вызывало смещения первоначально различных суффиксов и обуславливало своеобразие в развитии производных имен по разным славянским языкам. В настоящей статье рассматриваются долготные суффиксы имен существительных на материале древнерусских акцентованных рукописей, с привлечением современных славянских говоров /и языков/ в их акцентологических системах. Ниже в соответствии с принятыми обозначениями под акцентной парадигмой /а.п./ а понимается парадигма склонения с постоянным ударением на корне; ь- парадигма с постоянным ударением на тематическом гласном, под а.п. с - парадигма с подвижным ударением, - которые описаны неоднократно¹.

Имена существительные с суффиксом -ин/а/

В современных славянских языках плохо прослеживается зависимость акцента этих имен от ударения производящих имен; так в серб. может быть рефлекс конечного ударения и ударения на суффиксе независимо от исконной принадлежности производящего слова к определенной праславянской акцентной парадигме.

После некоторых работ Ягича и Гирта² в качестве аксиомы

¹ Chr.S.Stang.Slavonic Accentuation. Oslo, 1957. Ударение производящих слов рассмотрено в кн.: В.В.Колесов. История русского ударения, I. Л., 1972, поэтому в данной статье мы не останавливаемся на этом вопросе. Список принятых сокращений см. в конце статьи; в самой статье соответствующие однородные примеры не приводятся исчерпывающе - чтобы не перегружать изложение.

² Н. Hirt. Der Indogermanische Akzent. Strassburg, 1895.

признается совпадение с праславянским =ин/а/ двух и.е. форм, именно *inā с акутовым i и +einā³. Л.А. Булаховский предполагал, что праславянский суффикс =ina имел два интонационных варианта, которые впоследствии слились⁴, ср. лит. žvėriena 'дичь' и paujiena 'новость' с kaimynas 'сосед' / из kaĩmas 'деревня' / и т.д. - в первом случае ie < *ei, во втором случае y < *i.

Очень трудно разграничить древнейшее употребление этих вариантов; во всяком случае, реконструкции самого Л.А. Булаховского в свете исторических данных оказываются несостоятельными, потому что всегда соотнесены с очень поздними и притом литературными системами. Так, на основе сравнения русск. и болг. Булаховский полагал⁵, что конечное ударение издавна сопровождало значение abstracta /толщина́, старина́/, а имена со значением concreta всегда были баритонированными /година́, скотина́/. При этом важно, что аналогичное распределение в серб. сопровождается двумя особенностями abstracta: серб. указывает на краткость прежде предупредного i /бистрина́, висина́/- и в некоторых случаях допускает подвижность соответствующего имени, например, висина́ - вин.ед. вису́ну и на́ вису́ну. Впоследствии Л.А. Булаховский особо отметил, что оттяжка ударения на основу в формах мн.числа у имен abstracta явление вторичное, потому что в праславянском такие имена не имели форм мн.числа⁶.

В своем докладе В.А. Дыбо⁷ также разграничивает два типа образований: 1/ имена с абстрактным значением, образовавшиеся от прилагательных с помощью циркумфлектированного суффикса ina и 2/ остальные существительные, образованные от существительных с помощью акутированного суффикса ina. В первом случае

³ L. Sadnik. Slavische Akzentuation, I. Wiesbaden, 1959, S. 54.

⁴ Л.А. Булаховский. Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке, Изв.ОРЯС, XXXI, 1926, стр. 333.

⁵ Там же.

⁶ Л.А. Булаховский. Очерки восточнославянского ударения, - Наукові записки Київського держ. ун-ту, XIУ, в.2, № 8, 1955, стр. 40.

⁷ В.А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском. - Славянское языкознание. Доклады советской делегации на VI международном съезде славистов. М., 1968, стр. 174,194.

восстанавливаются три а.п. /постоянное ударение на корне у производных от а, постоянное ударение на суффиксе у производных от в и подвижное ударение у производных от с/, во втором - две /производные от в и с одинаково имели ударение на суффиксальном гласном./

Производные от в с ударением на суффиксе.

Производные от имен существительных с акутовым суффиксом - вербина Л.1166, ср.бел. вербина; о дѣтинѣ Х.1154, дѣтина Пал. 80, ср.укр. дитина, сл. dečina, Но ч. dětina; конину Г.56, также кѡнину Соф.410, ср.с. кѡнина, сл. konjina; крестины /им.мн./ Дом.786, ср.с. крѣстина; осетрина В.447, осетрины Дом.746, осетрину Дом.636; осмину Лет.21, со осминою Зап. 1126, В.320, по три осмины Пал.176, и др.; но полѹ осмины В.526, ср.с. осмина и осмина, также сл. osmina; с перины Ав.202, перинами Курб.706, на перинахъ Пч.106, Пв.736, ср.сл. perina, но с. пѣрина /при производящем перѡ/; выше плотины У.1386, 139, по плотинѣ Пал. 80,98,99,100, плотину Пал.119, У.1386, им.мн. плотины У.27, плотинѣ У.27, по плотинамъ Пал.836, на плотинахъ У.27. ср.с. плѡтина; псину Соф.410 при с. пѣина; в деревской пятинѣ Зап. 2236, во всѣхъ пятинахъ В.263, ср.укр. п'ятина, б. пятина,

с. пѣтина и петина; седмина Х.4846, ср.с. сѣдмина; скотина Х.14596. Об.299, Св.163, Гз.868, Фл.2826, скотины Фл.536, М. 2036, скотину Ч.76а, Х.832, Ав.197, скотиною Св.201, скотине Св.2666, на скотины своя Х.6226, ср.с. скѡтина, но укр. скотина и скотина; слатину ПТ.70, но с. слѣтина, сл. slatina, также ч. и слцк. slatina 'топь', которые указывают не на суффиксное ударение; хлѣвину М.247, 2906, в хлѣвинѣ М.20, 366,108,2936, но хлѣвина Сб.5: 5326, /к/ хлѣвине Пр.2976, хлѣвину Сб.5:4276, 455, Пр.297, во хлѣвине Св. 1346, Ав.227, хлѣвинам Сб.5:430, вин. въ хлѣвины Х.581, ср.у Лаврентия Зинания /1569 г./ хлѣвина 109 и совр.укр. хлѣвина;

Производные от имен прилагательных с циркумфлексивным суффиксом - зеленину Св.2696, сѣдина Сим.2326, Пч.182, Пв.616, род. сѣдины Пв.37,616, сѣдину Пч.182, Леч.182, сѣдиною 3.113, им.мн. сѣдины Др.П. 7566, Ас.116, 3.10; сѣдинѣ Др.П, 516, Сим. 301, Пч.182, Пал.516, вин.мн. сѣдины Пр. 4256, Курб.160, седина-

ми Др.П, 2956, 7566, Пал.51,126, Каз.716, Ас.596, - т.е. постоянное ударение на суффиксе до самого начала XVIII в., тем не менее Л.А. Булаховский седи́нами у Щербины /1848 г./ называет "новым ударением", говоря об исконности акцентовки седи́нами⁸; наконецное ударение отражается с сер. XVIII в., ср. седи́на Тр. I.435, седи́ной Тр. II.298, но седи́на Лом.427, седи́ною Лом.218, Хер.89, в седи́нах Хер.185, к началу XIX в. седи́ны, седи́нами, в седи́нах является уже обычным ударением и Булаховский признает его за древнейшее⁹, хотя у того же Ломоносова находим еще вин. мн. седи́ны /Лом. 307/, что указывает на переход к окситонезе через подвижность; такая же подвижность вырисовывается в материалах начала XIX в. /у А.Х. Востокова возможно накоренное ударение сильных форм, ср. седи́ну и им.мн. седи́ны, что Булаховский также считает вторичным¹⁰. Сам Л.А. Булаховский констатирует обычность ударения им.мн. седи́ны в начале XIX в. и потому акцентировку седи́ны у Соколовского должен признать новацией¹¹; ударение на суффиксе показано в б. седи́на, сл. sedína и чак. sedína 'цвет вина'.

Вторично производные также дают постоянное ударение на суффиксальном слого, ср. живо́тина, медо́вина, паучи́на, полови́на, солони́на и др.

Исключения /кони́ну Соф., хлѣ́вина в нескольких памятниках/ могут объясняться воздействием диалектной баритонезы имен ко́нь и хлѣ́вь. В.А. Дыбо¹² также отмечает, что данные образования противоречат закону Станга /совпадая этим с законом Шахматова, который также не имеет отражений в суффиксальных образованиях/;

⁸ Л.А. Булаховский. Русское литературное ударение первой половины XIX в. - Русский язык в школе, 1940, № 2, стр. 20.

⁹ Там же, стр. 20; его же. Очерки, стр. 41.

¹⁰ Л.А. Булаховский. Очерки, стр. 41.

¹¹ Л.А. Булаховский. Русское литературное ударение, стр. 20.

¹² В.А. Дыбо. Указ. соч., стр. 174.

действительно, подавляющее большинство др.-р. примеров не имеет оттяжки ударения к корневому слогу даже у образований с циркумфлектированным суффиксом /сѣдина/.

Значительны колебания у вторично производных с первым еровым суффиксом, ср. -

Отчина твоя Шум.203, из отчины Др. II, 240б, I.552б, /к/ отчинѣ Шум.137б, отчину Г.55б, въ отчинѣ Сим.340, но вотчина своя Шум.705б, У.159б, 183б, отчина Нв.506б, вотчины нет. Дом. 68б, с вотчины Пал.13б, вотчину Др. I.149б, Шум.704, Соф.432б, Нв.583б, В.52, Пал.276б, Каз.97, У.90, отчину Лапт.663б, Нв. 525, Уст.82б, вотчиною Др. I.199, 202, Шум.584б, 597, в вотчинѣ Др. II. 68б, по-во отчинѣ его Г.964 и колебание в вотчинѣ Шум. 705б, во мн. только на корне: им. вотчины Св.32б, У.125б, вотчинѣ Пв.15б, У.16б, в вотчины Шум.241, У.8б, 14б, искаше... отчинѣ их Нв.471, вотчинами Шум.47б, 589, о вотчинахъ Шум.237б, У.5, 97 и под., ср. совр. укр. отчина и отчинá, тогда как сл. осѣна сохраняет насуффиксную акцентовку; р. вотчина неясно по происхождению.

Кончина Хр.167, Сб.23: 78, Фл.2б, до кончины Ч.95г, Сим. 106б, Дом.118 и др., кончину Др. I.686б, Пр.391 и др., кончиною Уст.43, в кончинѣ Пр.252б, Пт.27, Св.209б, Ав.201 и др., но о кончине Ч.134б, ср. совр. укр. кончина при укр. XVII в. кончина, род. кончинѣ.

Овчина Каз.61, род. ед. овчину Шум.969, овчинѣ В.285, 324б, овчинами Св.70, но овчина Шум.871б, 878 при с. овчина, сл. овѣна.

Укр. в XVII в. отражает конечное ударение этих слов, т.е. связывает их с подвижными производящими основами. В средневековых р.памятниках конечное ударение возможно только в местн. ед. /в томах Лицевого свода XVI в./, т.е. как раз в той падежной форме, которая в наиболее ранней рукописи /Ч. XIV в./ дает накоренную акцентовку /о кончинѣ/, ср. колебания в XV в. Шум. в вотчинѣ. В том же Лицевом своде отчина и вотчина в вин. ед. дают вотчину /также вотчиною/ при род. отчины, дат. отчинѣ и ударении на первом слоге в формах мн. числа. Такой сложный тип подвижности со вторичным выделением формы местн.

ед. можно было бы возвести к колебаниям вида:

им. <u>вотчина</u>	<u>вотчина</u>
род. <u>вотчины</u>	<u>вотчины</u> /ибо им.=вин.мн. <u>вотчины</u> /
дат. <u>вотчинѣ</u>	<u>вотчинѣ</u> /ибо местн.ед. <u>вотчинѣ</u> /
вин. <u>вотчину</u>	<u>вотчину</u>
тв. <u>вотчиною</u>	<u>вотчиною</u>
местн. <u>вотчинѣ</u>	<u>вотчинѣ</u>

Причина оттяжки на предыдущий краткостный в первом слове объясняли различным образом. Ударения кончина и овчина указывали бы на вторичность такой оттяжки, тем более, что она происходила с акутового слога /по аналогии с дѣдина? - ср. постоянное сочетание в др.=р. отчина и дѣдина твоя/, если бы при этом у нас была уверенность, что кончина, овчина отражают древнейший тип ударения. Однако возможно и другое предположение: имела место оттяжка с редуцированного на первый слог с образованием новоакутовой интонации /vô $\hat{=}$ vó/ неизвестен исконный тип акцентровки корней *at-, *kān-, *av- и характер взаимодействия с циркумфлексированным суффиксом. Приходится исходить из акцентровки производных отць, конць, овцьа - овцьу.

Производные от подвижных дают наиболее широкое колебание. Производные от имен существительных с акутированным суффиксом - Година Ч. 42а, Пв.116, години Ч.436, Шум.9786, в годину Ч.436, 152г, X.401, в девятой годинѣ Пв.193, Сб.0:47, годинѣ Сб.23:616, в четыре години Л.242 и мн. др., ср.укр. година, бел. годзіна, б. година, но с. година, сл. godina, ч. gòdina; дошедшие горины Г.656, ср. чак. gòrina, но сл. gorina; к долинѣ Фл.169, но на долинѣ Фл.167, ср.с. долина, сл. dolina чак. dolina ; домину Сим. 1426, дружина Др. II, 5096, и мн. др. с постоянным ударением на суффиксе с единичным отклонением дружину Д.98 /ср. дружину Д. 140 и дружиной Д.1356/ при сл. družina, чак. družina, но ч. и слцк. družina и колебаний в совр.укр. дружина и дружина с. дружина; в XVIII в. дубина, дубиной, от дубины и под., что ставило в тупик Л.Л. Васильева /"что древнее?"¹³, Л.А. Булаховский же

на основании с. дуби́на восстанавливал окситонезу¹⁴, хотя с тем же правом можно было бы реконструировать на этом материале и праславянскую подвижность, поскольку с. диал. дуби́на, но вин. дуби́ну и дубину /у́ дубину/, им.=вин.мн. дуби́ны; на подвижность или окситонезу могут указывать ч. и слцк. dubina 'дубовая роща' и кашуб. dąbjiná, п. диал. deb'ina /чак. dubína и укр. дуби́на постоянное ударение на суффиксе/; звѣри́на Св.1576, звѣри́ны, Нв. 4446, ср.б. звері́на, сл. zverína, слцк. zverina, 'фауна' и дифференциация в бел. звері́на /увеличительное к 'зверь'/, но звери́на 'дичина'; купи́на Хр.47, от купи́ны Пс.517, купи́ну Хр.47, такое же ударение в бел. XVII в., но купи́на Св.346, П.1606, от купи́ны П.1606, купи́ну Ас.186, купи́ною П.1646, при купи́нѣ Ав.303 и единичное в купи́нѣ Ч.62г, что следует считать самым древним фактом, отраженным в источниках; Л.Л. Васильев приводил примеры колебаний ударения в московских печатных книгах XVII в.¹⁵, колебание ку́пина и купи́на дошло в р. до начала XX в.,¹⁶ ср. с этим с. ку́пина и сл. кору́на, но укр. купи́на и колебание в б. ка́пина и кы́пина при п. кері́на /если верна этимологическая связь этого слова с лит. ku̯p̃ras 'кривой' 4 а.п. - можно было бы говорить об исконной окситонезе производящего слова/; из лучи́ны Зап.6, Гз. 49, П.1866, ср. сл. лу́цина и подтверждающее это ударение слцк. lúćina при ч. лу́цина; ляди́ною Пт.112, при колебании во всех славянских языках, ср. с. ле́дина и леди́на, сл. ledína, также б. ле́дина и леди́на, ля́дина и ляди́на; в осени́не Др.І.620, Сим.2006, 2026, ср. сл. jesenína; ро́дина В.307, У.1786, в укр. ХУІ и ХУІІ в. ро́дина, ро́дины, ро́дину и под., такое ударение сохраняется в укр. и теперь, а в р. и бел. возникла семантическая дифференциация акцентных дублетов, ср. р. ро́дина 'отечество' - ро́дины 'рождение' /диал. на ро́дины пришла Онч. 317 и проч./, бел. родзі́на 'место рождения', на древнее ударение указывают также б. ро́дина

¹⁴ Л.А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 2-3, Киев, 1956, стр. 45.

¹⁵ Л.Л. Васильев. Указ. рец., стр. 493.

¹⁶ И. Шарловский. Русская просодия. Одесса, 1890, стр. 260.

и сл. rodina, окончное ударение кроме с. возможно также в р. диал.¹⁷, что также вторично, как и rodina /аналогия с диал. rodnyj/; na sredinu Сийск.16, не совпадает с ударением современных славянских языков /кроме р./, ср. укр. seredyna, бел. sjaradzina /также др.=укр./, ср. р.диал. do serediny - подобное ударение Л.А. Булаховский считал обязанным аналогии со стороны serednyj¹⁸, поскольку с. sredina и sredyna, сл. sredina и чак. sredina; smorodina Л.506, 121, о smorodine Леч.76, 82/2/ и под.; xmeliny pivnye Дом.80 и xmeliny Дом.896, и нек. др.

Производные от имен прилагательных с циркумфлектированным суффиксом - glubina Ч.103в, 126а, Х.454, Шум.110 и мн.др., iz glubiny И.856, Пт.216, Сб.0:1426, Уст.50, k glubiny Пч.786, glubinu И.906, Св.252, Пал.46, Уст.217, glubinoj Фл.272, na glubiny Соф.1506, Пч.27, Фл.113, вин.мн. vo glubiny Пв.346,139, glubinyami Об.181, Сб.23:516, v ... glubinyax Св.107 и т.д., но в северных памятниках возможно и другое ударение: glubina Сл.1906, Сб.0:207, iz glubiny Х.887, Пр.2916, Сл.190, Псл.1826, а также колебание iz glubiny М.136, glubinu Сб.0:238, vo glubiny Псл.152, вин.мн. vo glubiny Псл.89, vo glubinyax Псл.876, ср. с этим и несуффиксное ударение glubiny bogatstva ne ispytyati Пв.16, ot glubina bogatstva Пч.1316, iz glubiny serdca Соф.4246, также Ав.270, vo glubiny morysti Пс.516, такое же ударение в бел. ХУІІ в.; большинство современных славянских языков подтверждают древность окончного ударения, ср. укр. glubina, бел. glubina, ч. hlubina, слнц. glabjina, также возможно и сл. globina, в р. после ХУІІІ в. регистрируется только окончное ударение.

Kriviny /род.ед./ М.246, ср. с. krivina, но в с.диал. подвижность /вин.ед. krivinu и krivinu, мн. kriviny, также ч. křivina, но б. krivina /сл. krivina/.

Širina Др.ІІ, 311, Ав.325, Каз.646, širiny Х.531, širinu Шум.286, Фл.35,94, Д.366,1146, širinoj Х.444, Зап.5, Ав.214,

¹⁷ Л.Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках ХУІ-ХУІІ вв. Л., 1929, стр. 68.

¹⁸ Л.А. Булаховский. Очерки, стр. 42.

ср. подвижность в с. ширина, ширину /и ширину, у ширину/ мн. ширины при сл. širína, но ч. širína.

Некоторые колебания определенно связаны с диалектной дублетностью акцентовки производящей основы или позднее изменившимся ударением ее. Второе можно наблюдать на колебаниях в Дом., где хмелина /хмелина под влиянием новой баритонезы слова хмбль/. Первое прекрасно иллюстрируется словом глубина. Древнейшее окончательное ударение доказываются Ч. и другими памятниками. В северных рукописях /в их число входят все, отражающие различие между о̇ и о/ ударение на корне. Обратным образом это связано с возможностью окончательного ударения у производных от а также только в северных рукописях XVI в. купина, родина, середина подтверждают это старое соотношение двух типов производных.

В рукописях XVII в. /в том числе и северных, ср. Пч., Пв., Ав., Соф., Кч., Пс. и проч./ появляется ударение глубина, которое может быть как результатом образования от окситонированного глубь, так и результатом изменения производного от с по типу звѣрина.

В целом можно сказать /учитывая реликтовое ударение типа долинѣ, дружину, дубина, купина и под./, что окончательное ударение таких производных является достаточно древним.

Любопытна акцентовка слова храмина /может быть от в, ср. ч. и слцк. chřám/: храмина Др. II, 322 /также у Зизания/, /от/ храмины своея Ч. 13г, 29г, /также бел. XVII в./, /к/ храминѣ тои Ч. 29г, храмину Ч. 29г, в храминѣ Ч. 66в, Шум. 2926, Г. 381, Ст. 466, 436 /также бел. XVII в./, храминами Шум. 176; чаще, особенно распространяясь в XVII в., окончательное ударение хоромина Д. 78 /также Берында 187/, храмина Хр. 826, Об. 359, Пр. 83, Зап. 6, 18, Св. 2166, Сб. 23:78, Гз. 161, Д. 776, храмины /род. ед./ Хр. 68, Пр. 3346, Зап. 61, Св. 204, Сб. 23:63, 78, Курб. 164, Фл. 576, Уст. 158, М. 215, Д. 776, храминѣ Сб. 23:36, къ храминѣ М. 2116, хоромине Дом. 95, храмину Др. , 616, Лапт. 427, Сим. 33, Хр. 286, Пт. 48, Зап. 18, Пч. 100, Св. 185, Сб. 23:178, Гз. 36, Фл. 1226, Уст. 59, М. 2116, Псл. 1156, и мн. др., ср. хоромину Д. 78, храминою Курб. 1236, о

хорóминѣ Леч.446, хра́минѣ Дом.12, Хр.232, Св.1866, Фл.57, М. 1606, Д.776 и мн. др., во мн. только так, ср. им. хра́мины Сб. 5:466 5446, хра́минѣ Ав.200, Пал. 736, Фл.1896, хра́минамъ Об.57, Каз.229, вин. хра́мины Соф.441, Св.1186, в хра́минах Курб.61,124 и под.; ударение на суффиксе чрезвычайно редко, ср. хра́мину Ч. 5г. В начале XIX в. акцентовка хра́мина, мн. хра́мины встречается неодобрение со стороны нормализаторов, которые рекомендуют произношение хра́мина, мн. хра́мины¹⁹; ударение на корне, обычное в XVIII в. /ср. Хер.199/, в начале XX в. устанавливается как обычное²⁰.

Таким образом, Ч. определенно доказывает окситонезу с переходом в подвижность: от хра́мины, к хра́минѣ, в хра́минѣ, хра́мину и хра́мину. В северных памятниках XVII в. такая же подвижность, но иначе выраженная, ср. в Др. хра́мина - хра́мину с обычным для свр. источников смещением а и с. В рукописях XVII в. обычная баритонеза с акутовой интонацией корневого слога, ср. в Д. хра́мина и хорóмина, от хра́мины, хорóмину, в хра́минѣ. При обобщении баритонезы наконецное ударение дольше всего сохраняется в местн.ед., ср. в хра́минѣ Ч., Шум., Ст. Новая подвижность определенно начинается с вин.ед., где наблюдается оттяжка, подобная оттяжкам в многосложных непроизводных именах, ср.

хра́мина - хра́мину как свобода - свобóду.

Каких-либо фонетических условий такой оттяжки нельзя определить в этом слове с исконным акутированным суффиксом: рецессия на предконечный долготный охватила бы большинство форм парадигмы, а не только вин.ед. Зависимость от акцентовки исходной основы видна в появлении новоакутовой интонации корневого слога, т.е. хорóмина как хорóмъ из хоромъ - но в таком случае суффиксальный слог не мог иметь акутовой интонации. Конечным результатом является новая подвижность с выделением местн.ед., ср. хра́мина - в хра́минѣ как площа́дь - на площа́ди.

Имена существительные женского рода с суффиксом =иц/а/.

Предполагается восходящая интонация суффиксального слога,

¹⁹ В.Васильев. Об ударениях русского языка. - "Маяк", т. IV, 1842, № 7, гл.3, стр. 21,22.

²⁰ И. Шарловский. Указ. соч., стр. 131.

и, следовательно, оттяжка на него ударения с предыдущего краткого или нисходяще-долгого слога ²¹, т.е. водица, головица, но ста́рица с сохранением ударения на корневом акутовом слоге. Только Л.А. Булаховский добавляет к этому правилу акцентного образования от окситонированных: естественно, что у таких производных ударение располагается на суффиксальном слоге, т.е. лиси́ца - от лиса́. Сербские =и́ца, =и́ца /брзи́ца, живи́ца, зими́ца, равни́ца и др./, указывающие на праславянское окончное ударение /из зими́ца и под./ Л.А. Булаховский признает вторичными, видя здесь аналогию со стороны образований на =и́на /брзи́ца по типу брзи́на/ ²².

Однако трудно допустить случайность образования подобных сербских ударений. В этом языке вообще несколько акцентных типов суффиксальных на =и́ца/а/; кроме указанного также:

1/ рефлексы древнего накоренного ударения двух типов -

/а/ жи́вица, здра́вица, зе́ница, ла́вица, ма́тица;

/б/ жи́рчица, но́жице, це́рница, це́квица;

2/ рефлексы древнего несуффиксного ударения двух типов -

/а/ бје́лица, гла́вица, ду́шица, кри́вица, кра́йица;

/б/ бра́ница, ва́рница и под.

В настоящее время этим типам не соответствуют имена определенных праславянских а.п. /кроме 1а, т.е. типа ста́рица/, и истонное соотношение трудно восстановить. Однако эта же трудность распространяется и на примеры типа зими́ца: почему только в данном случае можно говорить о влиянии со стороны производных на =и́на и не распространять этого влияния на все остальные образования с суффиксом =и́ца/а/? Любопытно, что в современных описаниях сербского ударения ²³ типа 1б и 2б не приводятся - не значит ли это, что именно они, являясь исходными для с., теперь не актуальны? Если предполагать, что и в данной группе производных имеем дело с поздней оттяжкой на предконечный долгий с конечного долгого слога, неясной останется краткость в современном с. зи́-

²¹ Л.Л. Васильев. О значении каморы. стр. 57.

²² Л.А. Булаховский. Об интонациях суффиксальных дублетах, стр. 336.

²³ Б.М. Николић. Акцент изведених именица у српскохрватском језику. - Наш језик, XII, 1962, св.7.

мица. Ее можно было бы признать вторичной, собственно сербского происхождения /так же, как и бје́лица из бје́лица?/, как это имеет место и в с. образованиях на =ина. ²⁴

Что касается р., то, по мнению Л.А. Булаховского, ²⁵ "в русском языке исторически аналогия действовала в сторону расширения ударения на =и=. Еще заметнее это в украинском языке".

В.А. Дыбо сделал интересное наблюдение о различии в акцентуации производных от б и с: "при обычном рассмотрении упускается из виду, что при производящем акцентной парадигмы б иктус просто передвигается на следующий за производящей основой слог, а при производящем парадигмы с иктус падает именно на слог суффикса. Это хорошо видно при "интерфиксации" /в том случае, если "интерфикс" относится к суффиксам группы 1/. ²⁶ При введении "интерфикса" производное от основ акцентной парадигмы б получает тип, определяемый правилом, сформулированным для суффикса, выступающего теперь в роли интерфикса; несуффиксальное же акутовое ударение /F/ получают лишь производные, образуемые от имен акцентной парадигмы с", ²⁷ т.е. грѣшьница /а не *грѣшьница/, но обязательно блоудьница.

Ясно, что ударение вторично производных определяется акцентовкой производящих суффиксальных основ /см. ниже/ - отсюда баритонеза слова грѣшьница, тогда как блоудьница определенно указывает на окситонезу основы блоудьн/ь/. Тем не менее в наблюдении Дыбо важно первоначальное разграничение двух позднее совпавших типов производных на =иц/а/.

Производные от б вообще имеют ожидаемое ударение на суффиксе, ср. агница Мин.1566, 3316, но агница Ст.36,4 при с. јагњица, но чак. jañjica, сл. jañnica и ч. jeñnice ; вдовица Ч.23а, 64г,

²⁴ В.А. Дыбо. Указ. соч., стр. 174.

²⁵ Л.А. Булаховский. Очерки, стр. 44.

²⁶ "Интерфиксом" Дыбо называет суффикс производящей основы, т.е. имеет в виду то, чему в настоящей работе присвоено наименование "вторично производных имен" /напр., грѣшьница в отличие от чърница/ . Суффиксы группы 1 - такие, которые, по мнению Дыбо, могли образовывать подвижные производные от с.

²⁷ В.А. Дыбо. Указ. соч., стр. 193.

65а, 81в, Др. II, 1586 и мн. др., вдовицы Сим.1336, Зап.626, и др., по вдовице В.261, Сим.216, и др., вдовицу Пс.470, Курб.125, вдовицею Х.5246, мн. вдовицы Пс.218, Сб.23:16, Пал.130, вдовицамь Ч.1106 и мн. др. постоянно, ср. с. удовица, чак. dovíca, сл. vdovíca; вервица Пс.305, вервицу Зап.326,164, Гз.166, им. мн. вервицы Нв.4606 при б. врвѣица сл. vrvíca; дщица Св.329, тщица Сийск. 166, на дъщицу Зап.165, Св.3286, М.1826, на той дщиць М.185, ср. с. дашчица, чак. dašćica; королицу Сим. 2256 при с. крѣлица б. квалица, сл. kraljica, чак. kraljica, ч. králica, слцк. králica; крестину злату Х.641, ср. б. крѣстица; крупцу Зап.73, Нв.3866, ср. с. крупница, но сл. krupica, ч. krupí - se, слцк. krupica; и мн. др., т.е. лвица, лисица, метлица, мокрица, ослица, плотица, пльница, плясица, пшеница, рѣчица, седмица, сестрица, столица, стрѣлица, телица, теплица, трубица, царица, черница, во всех падежных формах, но с колебаниями /хотя и редкими/ в вин.ед.ср. пшеницу Гз.346 /пшеницу Гз.346/, седмицу в укр. XVII в., ср. с черницею Св.1666, а также постоянное ударение на корне в слове гѣрлица Пт.48, Псл.1156, Уст.1306, /от/гѣрлицы Леч.95, о гѣрлице Леч.126,95, им.мн. гѣрлицы Ав.3226 при с. гѣлица, укр. гѣрлиця чак. grlica, со. grlica при таком же ударении в р. начала XIX в. Сопоставление с с. может указывать на источник накоренного ударения. Как можно судить по сопоставлениям типа рѣчица Нв.3916, б. речица, с. речица, сл. rešica, сохранение долготы коренного слога в ч. řićice, слцк. riešica 'решето', слнц. rešica и под.; исконным ударением таких образований было ударение на суффиксальном слоге.

Производные от с также имеют обобщенное ударение на суффиксе, но отклонения здесь встречаются чаще, чем в предыдущем типе ср. водица, волчица, головица, глушица, дубица, душица, землица, золотица, крабица, крутица, кумица, лѣвица, ножица, полица, птица, станица, срачица, удица, юница, но в золотину Лапт.26, лѣвицею Пр.2216, ножицами /стрига/ Х.9766, Фл.196/ср. б. ножица, укр. ножиці/, им.мн. ножица Зап.137, на ... удицахъ Каз.80, юница Хр.2046,127 /ср. б. юница/, в юницахъ Пт.21. Единственным примером сохранения конечного ударения является

слово птица, ср. им.ед. яко птица Псл.136, вин.мн. видѣли пти-
цы рябы Кор. 190/2/ - в северных памятниках. Возможно, что это
связано с наличием редуцированного в корне - так же, как с та-
ким наличием в корне =вѣтор- связано раннее изменение акцента
в баритонированном слове, ср. вторицею Ч.656, но вторица Лет.
136, вторицею Об.3586.

Как правило, западнославянские языки не сохраняют иско-
ной долготы корневого слога в образованиях от с. /ср. ч. hla-
vice, слшк. hlavica и под./; это значит, что насуффиксное уда-
рение здесь вторично.

Если ножица, ножицами - аналогия со стороны ножицы, в
число приведенных отклонений входят те же падежные формы, что и
у производных от h, именно вин.ед., местн.мн. и может быть тв.
ед. - но только у имен с долготным корнем. Конечно, эти откло-
нения могут быть простой случайностью, однако они же, благода-
ря своему поразительному совпадению с отклонениями у производ-
ных от h, могут указывать и на новую подвижность соответствую-
щих суффиксальных имен, подвижность, возникавшую по аналогии с
непроизводными типа h /накоренное ударение в вин.ед., твор.ед.
и местн.мн./. Если такое предположение справедливо, следует го-
ворить о раннем диалектном совпадении производных от h и с /не
в северных р.говорах/.

Диалектные расхождения прослеживаются и в акцентуации мно-
госложных производных, ср. свр. голубица Пс.216, Хр.3586, и ювр.
голубица Св.2506, /к/ голубици Св.2506, чистая голубице Пт.122
при колебании в московской печатной Минее начала XVII в. голуби-
ца и голубица при мн. голубицы²⁸, с. голубица б. гъльбица, сл.
golobica совпадают с свр., тогда как ч. holubice и п. gołębi-
ca совпадают с ювр. /чак. gòlubica может быть вторично/.

Имена существительные с суффиксом =ниц/а/.

Суффиксальные имена на =ниц/а/ вторичного образования, т.е.
образованные от суффиксальных же имен, дают важный материал для

²⁸ Д.Л. Васильев. Указ. соч., стр. 493.

суждений о древнем ударении производных на =иц/а/.

Целостной картины исходного ударения в именах на =ъниц/а/ у нас нет. Известно, что в б. имена существительные с этим суффиксом имеют то же ударение, что и образования на =ъник²⁹, в с. они определяются ударением и интонацией производящей основы. По мнению Л.Л. Васильева³⁰, исходное ударение здесь трудно определимо, хотя можно предполагать, что "отсутствие ударения на суффиксе предшествует исторически присутствию ударения на нем".

Префиксальные образования, послужившие основами для имен с суффиксом /главным образом/ =ъниц/а/, разделяют все особенности производных данного типа; здесь также обычно накоренное ударение, ср. застѹпница Пал.766, при сл. zastǫpnica, долготе предупредительного слога в ч. zǫstupnice и т.д.

Редкие отклонения возможны в образованиях от подвижных основ, то есть тех, которые восходят к новым основам с наконечным ударением, ср. в памятниках обручница Сб.4:36, обручницу свюю Св.140, но обрученица Кч.876, обрученицею Кч.88 /при сл. обръсник/, усобица Ч.93г, X.564, Каз.1206, Фл.144, на усобицу X.1225, им.мн. усобицы Др.П.7146, Шу.338, М.276, Сим.552 и проч., но бѣ усобица Лапт.4786, которые восходят к обручено, особо и под.

Два производных от с подтверждают древнее ударение на суффиксе:

Отроковица Ч.6в, Хр.2796, Сб.5:4576, Зап.101, Сб.23:187, Каз.44, Щ.90, Сб.0:233, род. отроковицы Хр.287, Сб.23:736, отроковиць Зап.101, отроковицю Ч.19а, Сб.4:696, Зап.101, Св.261, Ав.196, П.1816, отроковицею Хр.204, зват. отроковице Пт.115, отроковицами Пс.583, Хр.1456.

Поясница Леч.376, от поясницы Пал.1206, в пояснице Леч.

²⁹ Л.А. Булаховский. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. - Учен. зап. Ин-та славяноведения, т. XVII, М., 1959, стр. 36.

³⁰ Л.Л. Васильев. Указ. соч., стр. 492-493.

76, ср. с. појасница.

В первом из этих слов возможно ударение на первом суффиксе, но соответствующие примеры дают только две рукописи: Х. отроко́вица 421, им.мн. отроко́вицы 4196,5736, дат.дв. отроко́вицама 419, вин.мн. отроко́вицы 421, с двѣма отроко́вицами 418; в Мин. рефлекс новоакутовой интонации в им.ед. отроко́вица 3236 и зват. отроко́вице 2576,3066. Зват. в Сб.23 отроко́вице 536 вторично. Можно полагать, что Х. и Мин. отражают обобщенную новоакутовую интонацию, вынесенную еще из формы краткого прилагательного отроко́въ > отроко́въ, откуда новое образование с суффиксом =иц/а/. В рукописях другого типа /все остальные, где это слово отмечено/ отражается ожидаемое ударение на суффиксе =иц/а/. Можно полагать, что и во всех других случаях, которые нам предстоит еще рассмотреть, ударение слова с новым суффиксом =иц/а/ определялось акцентовкой исходной суффиксальной производящей основы.

Вторично производные от в

Вѣрбница Сб.5:4176, на вѣрбницу Н.184, ср. укр. вѣрбница, б. врѣбница, бел. вѣрбница, сл. vřbnica.

Воцѣница Сим.606, но двѣ воцѣницы Др.І.370, ср. такое же ударение в б. воцѣница, с. воштѣница, сл. voščanica.

Грѣбница Кор.182, о́кругъ грѣбницы Кор.306, от грѣбницы Кор.35 и др., къ грѣбницы Кор.32 /и къ грѣбницы Сб.3:43/, на грѣбницу Сим.4906, въ грѣбницу Сб.3:686, на грѣбнице Кор.29, но грѣбница Щ.171, род. грѣбницы Об.1806, къ грѣбницы Сб.3:43, 8, 122, грѣбницу Шум.186,386,3086, П.40, Уст.79, грѣбницею Шум.313, Гз.136, в грѣбнице Нв.4816, Уст.232, вин.мн. в грѣбницы Шум.3066, Об.187, так же в XVII в., см. на грѣбнице Тр.ІІ.23, на грѣбницах Тр.ІІ.377 и под. и колебания в славянских языках: с. грѣбница, но сл. grobńica, в б. грѣбница и грѣбница /последнее Л.А. Булаховский³¹ считал вторичным ударением, хотя именно его и следует считать исконным, если производящее входило в число окситонированных/; колебания объясняются ранним переходом слова грѣбъ в число подвижных.

Гусѣница и прузи Пт.66, гусѣница Сб.4:60, то же ударение

³¹ Л.А. Булаховский. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению, стр. 35.

в московских старопечатных книгах³², оно подтверждается единогласным указанием укр. гусѣниця /при возможном гусениця/, б. въсѣница, с. гусѣеница, сл. goseńica и долготой предударного слога в ч. houseńice, слцк. huseńica и п. диал. goseńica; в р. конца прошлого века колебание между гусениця и гусеница³³, что приводило к колебаниям даже Л.Л. Васильева, не знавшего, какой из этих двух поздних вариантов признать за исконный³⁴.

Двёрница Ч.50г, при сл. dvěrnica.

Денница Пт.73, Пв.122б, Кр.112б, при с. даница /по мнению В.А. Дыбо, производящее днь входило в подвижную а.п./.

Желтениць Зап.189, вин.мн. желтеницы Зап.189, ср. сл. žol-těnica.

Кормилица Каз.252б, но кормилицу Пч.126 и кормилица Пр.129.

Кощницы /род.ед./ Леч.30, кошницу Леч.53б, Кр.179, в кошнице Лапт.152, в кошници Сб.9:171б, кошницъ Сб.5:417б, вин.мн. кошница Об.31, кошницы Пв.13, М.134б при с. кошница и сл. koš-nica.

Лѣствица Пр.237, Пв.83, с лѣствицы Пал.78, лѣствицу Др. II. 341 и мн.др. во всех формах с исключениями: лѣствица Кор. 9б, лѣствица Кор.11 и вин.мн. лѣствицы Сб.9:151, ср. б. лѣствица и сл. lěstvica при укр. ліствиця.

Мѣлница Пр.30б, Пал.179, У.139, мѣлницы Пр.306б, Пал.72, У.138б при сл. mělnica.

Мытницы /род.ед./ Д.118 при сл. mītница и ч. mýtнице, слцк. mýtница.

Свѣшницѣ /местн.ед./ Сб.5:1 при сл. svěšnica и ч. svíšnice.

Срѣбренице Пв.94, срѣбреницу Пал.10, ср. срѣбреницьхъ в бел. XVII в. и сл. srebrnica, ч. stríbrnice.

Смоковница Ц.27, смоковницу Ч.11г, им.мн. смоковницы Х.115б, ср. сл. smokovnica.

³² Л.Л. Васильев. О значении каморы, стр.102.

³³ И. Шарловский. Указ. соч., стр. 259.

³⁴ Л.Л. Васильев. Указ. рец., стр. 492.

Скля́ница Зап.616,62, у скля́ницы П.191,1966, въ скля́ни-
цу Лапт.941, П.906/2/, скля́ницу П.119, М.1296, Л.210, Леч.1796
/но в киноварном заголовке при переносе въ скъ́/ля́ницу Л.2086/,
им.мн. скля́ницы Сийск.226, Л.2086, вин.мн. скля́ницы Др.ІІ.148,
Хр.2726, скля́ницами Шум.4286, Сим.5646 при с. склѣница.

Сто́рицею Ч.116, Пр.366,1746, но в более поздних памятни-
ках только сторѣцею Др.ІІ.8606,Хр.252, Зап.276, Сб.23:266, Пал.
346, Фл.150, Уст.22, М.2556, У.24.

Сѣ́нницы /род.ед. от 'сени'/ Дом.1066, в сѣ́нницу Дом.1066,
вин.мн. сѣ́нницы Дом.107 при ч. sínice.

Таким образом, вторично производные от h- корней сохраня-
ют ударение на первом суффиксе, если он содержал в своем соста-
ве гласный полного образования /вош́аница, гусѣ́ница, кормѣ́лица,
сѣ́стричица, сестрѣ́ница, скля́ница/. Некоторые отклонения возмож-
ны, но так как они встречаются только в известных формах /напри-
мер, вин.ед. кормѣ́лицу Пч./, можно говорить о вторичном выравни-
вании акцента по типу непродеривных имен.

Производные с первым еровым суффиксом имеют обычно нако-
ренное ударение с естественным рефлексом новоакутовой интонации,
ср. ко́шницѣ Ев.В том случае, если исконное ударение не образова-
лось в результате оттяжки с последующего редуцированного, реф-
лекс новоакутовой интонации не обнаруживается, ср. в той же ру-
кописи Ев. смоко́вница без /Ѡ/, потому что исходное ударение смо-
ко́вьница, а не смоковѣ́ница.

Производные на ѣ́ниц/а/ очень рано обобщают ударение на
суффиксе, если в состав корня входил редуцированный, именно,
денѣ́ница, сторѣ́ница. Сюда же относится акцентовка слова желтѣ́ница.

Вторично производные от подвижных корней /с/.

Блуднѣ́ца Ч.155г, Пс.527, Пч.108, Сб.23:1946, Ав.220, Ст.
446, М.1276, дат.ед. блуднѣ́цы Др.ІІ.3126, Сб.23:666, Гз.21, М.
128, блуднѣ́цу Сб.:5:76, Сб.23:190, М.6, при ... блуднѣ́це Ав.
2326, им.мн. блуднѣ́цы Пал.416, блуднѣ́цамъ Пв.536, Пал.42, с
блуднѣ́цами Хр.130,320, Пч.153, Сб.23:686, и проч., но блуднѣ́ца
Пч.1766, /и укр. XVII в./, дат.ед. блуднѣ́цы Сб.0:8 и блуднѣ́цы
в бел. XVII в., вин.мн. многі блуднѣ́цы спасъ М.128, в начале

XIX в. блудница, в укр. блудниця и сл. blodnica, ср. слцк. bludnica.

Божница Сб.4:4866, божницѣ Сб.4:4226, в божницу Сб.4:421, им.мн. божници Сб.4:419, также по божницам Сб.4:4246, тогда так в других рукописях вин.мн. божницы Шум.510 и божници Сим.1656, последнее ударение обычно в р. XVIII в. /ср. божницы Хер.208/ и в р.диал., ср. укр. біжниця и долготу в слцк. božnica, п. диал. bužnica; ударение на корне не является русским.

Болницы /род.ед./ Зап.92, В.3016, 3486, болницу Сб.5:4306, В.2276, в больницы Дом.96, в болницах Дом.16,96, и под. с единичным отклонением из болницы старець В.320, что переключается со вторичным б. болница, но противоречит сл. bojnica.

Бородавицы /вин.мн./ Леч.966, к бородавицамъ Леч.746,1176, 165, но о бородавицахъ Леч.56,13, ср. с. брадавица, но сл. bradavica, слцк. bradovica и ч. bradavice.

Власяница Шум.8906, власяницу Х.399, М.139,1406, Кр.1876, власяницею Пс.524, Гз.1376, во власянице П.1286, Кр.1676, во власяницы /вин.мн./ Фл.716, власяницами Пс.697 и др. при с. власанице.

Возница Пал.279, с возницею Пал.2786, ср. сл. voznica.

Горницы /местн.ед./ Сб.9:177 при более частом горница Хр.4046, от горницы Др.ІІ,8216, Ав.2756, на горницу Ч.59а,64г, 65а, Хр.122, Об.576, Сб.9:1726, Ав.2016, на горницѣ Ч.64г, М.1726, въ горницы Сим.397, Сб.9:1726, им.мн. горницы Г.526 и под., ср. сл. gornjica, б. горница, укр. гірниця при с. горница.

Горчица Зап.2146, Л.1176, горчицу Об.2916, з горчицею Л.2346, о горчицѣ Леч.79, с горчицами Зап.2146, ср. с. грчица, сл. gorčica.

Деревяницу Др.ІІ.2376, Г.8866, Н.2986, Сим.2226, Нв.5606, древяницу Сим.443, на деревяницы Др.ІІ,3496, Нв.5576, но на деревяници Н.2306,3166, ср. с. дрвѣница и сл. drevenica.

Дробницею В.756, дробницами В.30,356, но по полям /пелены/ дробницы серебряны В.496 при сл. drobnica.

Дыхавицу Леч.936,1526 и укр. дыхавиця при сл. dihavica 'одышка' и слцк. dychavica 'одышка'.

Дѣсни́ца Пс.525, Др.ІІ,380 и мн. др. во всех формах при с. дѣсни́ца и сл. desníca; ср. им.мн. дѣсни́ца в бел. XVII в.

Земляни́це /местн.ед./ Леч.76,826, при с. земля́ница, сл. zemljeníca.

Зимни́цы /вин.мн./ Др. .7256, Сим.2246,2286, Зап.189, но утроба и зімница Леч.96 при укр. зимни́ця, тогда как в сл. zimníca указывает на накоренное, а ч. zimnice, слцк. zimnica 'горячка' и слнц. zámņica могут одинаково указывать на накоренное и наконецное ударение.

Зобни́ца Нв.600, зобни́ць Нв.610 при сл. zobníca 'мешок для овса'.

Колесни́ца Х.465, Др.І.289 и мн.др. во всех формах, начиная с Ч., ср. сл. kolesníca при бел. колѣси́ца /что совпадает с колесанием в Х. колѣснíцами 5696/.

Колоколни́ца Кор.45, колоколни́цею Кор.456, на колоколни́це Шум.9736, вин.мн. колоколни́цы Шум.6916 и под.

Ложни́ца Хр.186, из ложни́цы Др.ІІ.40 и мн.др. во всех формах при совпадении с с. ложни́ца и сл. lǫžnica.

Лубяни́цы /род.ед./ Др.ІІ.773, Нв.5686, на лубяни́ць Др.І.481, Лапт.6396, Нв.5666, ср. сл. lubeníca 'арбуз' и ч. lubenice 'арбуз'.

Мясни́ць /местн.ед./ Ч.112в при сл. mesníca, ч. masnice.

Нагави́цы Зап.176, также Св.344 /но на ногах нагви́цы Св.344/, ср. укр. ногави́ця сл. podavíca, но с. ногави́ца, ч. podavice.

Плѣвни́цу Хр.2536, скрылся в плѣвни́цы Хр.2536, ср. рефлекс накоренного ударения в б. plěvница, сл. plěvnica, ч. plevnice.

Поляни́цы /им.мн./ Пв.138 при п. поль́аница.

Сочеви́ца Об.169, Леч.636,64, с сочеви́цею Леч.736, о сочеви́ць Леч.2,636, ср.с. сочиви́ца.

Стрѣлни́цы /мн.им./ Сб.9:125 как исключение; поскольку производящее слово очень рано перешло в окситонированный класс, в др.=р. довольно последовательно накоренное ударение, ср. стрѣлница Шум.3876,409, Г.395, Н.376, род. стрѣлници Шум.3876,409, стрѣлницу Шум.409, Г.3956, стрѣлницею Шум.3876, о стрѣлни-

це Шум.465,916, им.мн. стрѣлници Хр.165, стрѣлницѣ Шум.4326, стрѣлницамъ Г.7426, вин.мн. стрѣлници Г.7446,7536, въ стрѣлницахъ Г.8426, ср. сл. strělnica, также ч. strelnice и слск. strelnica при б. стрелница, чему соответствует ударение в р. XVIII в. /стрельницѣ Лом.733, Хер.225 и под./.

Студеницею Ас.1846, вин.мн. студеницы Хр.373 при сл. studenica, с. студеница и слск. studenina 'студень'.

Темница Др. II.309 и мн.др. во всех формах, начиная с Ч., но исключение ис тѣмницы Сб.23:78,1066/2/, ср.с. тамница, сл. temnica.

Трясавица Л.221, Леч.246, от трясовицы Леч.936, трясовицею Леч.696, о трясовице Леч.12, трясовицам Л.250, о трясовицахъ Об.216 и др. при трясавица Уст.75, от трясавицы Зап.189, трясавицею Пр.111,122, иное ударение см. в с. трѣсавица и сл. trěsavica.

Ученица Сб.9:1726 и под. при сл. učenica, но с. ученица.

Черь/вленицу Д.157, ср. червлѣницу Ч.156г, также червленицею Ч.156г, Хр.361.

Некоторые акцентовки средневековых источников кажутся теперь странными, ср. вин.мн. голубници 'гнезда голубей' Нв. 4176 при сл. golōbnica в том же значении, что указывает на древность такого ударения у многосложного производного от с; пѣтница Н.23, в пѣтницу Сим.2276, чередуются с ударением в пѣтницу Шум.1426 и под. - первая акцентовка напоминает ударение от в, к числу которых иногда относят и числительное пять.

Если первый суффикс содержал гласный полного образования, ударение всегда сохраняется на суффиксе =иц/а/ /бородавица, власяница, деревяница и мн.под./. Следовательно, в таких случаях мы наблюдаем закономерный результат изменения исконно окситонированного производного, т.е. земляна из подвижного земля - зѣмлю дает земляница подобно тому, как куна дает куница и т.д. Исключения /бородавица, трясавица, червленицу/ объясняются вторичной аналогией со стороны непроизводных.

Относительно каждого исключения можно сделать какое-либо замечание. Червлѣницу по памятникам встречается раньше, чем

червлени́ца; борода́вица встречается в том же памятнике /Леч./, где отмечены 4 примера исконной акцентовки бородави́ца; тряса́вица зафиксирована только в северных памятниках /Зап., Пр., Уст./, тогда как более древнее трясави́ца - в южных /Л., Об./ или поздних северовосточных /Леч., из Шуи, XVII в./. Дерева́нницы в Н. также вторичного происхождения.

Производные с суффиксом =ьниц/а/ дают расходящиеся результаты: ударение либо на корне, либо на суффиксе =иц/а/. В северных рукописях /Сб., О., М/, а также в бел. памятниках XVII в. имеются следы конечного ударения /блудни́ца, десни́ца/ - но оно вторично, поскольку не подтверждается наиболее надежными и ранними источниками /в Ч. и в Лицевом своде только блудни́ца, дѣснѣи́ца/ и поскольку имеет место в падежных формах, легко отличающихся от соответствующих женских имен в др.=р. /например, блудни́цѣ может быть смешением с им.мн.р. блудници, тогда как десни́ца - вообще для вин.мн. не является формой восточнославянского происхождения/. Стра́жница и стрѣ́льница объяснены при изложении материала: здесь можно раннее изменение акцентной парадигмы у производящего слова.

Оставшиеся имена различаются в зависимости от количества корневого слога. При долготном корне обычно ударение на суффиксе =иц-, ср. блудни́ца, дѣснѣи́ца, зимни́ца, мясни́ца, плѣви́ца и др. также отдельные примеры с краткостным корнем /больни́ца, возни́ца, дробни́ца, зобни́ца/. Вообще же при краткостном корне ударение либо последовательно связано с корневой морфемой /бо́жница, го́рница, ло́жница/, либо может быть накоренным в памятниках северного типа /например, в В. из бо́лницы, им.мн. дро́бницы/. Из других отклонений интересно еще ударение зимни́ца /Леч., XVII в./, но совокупное показание инославянских языков препятствует отнесению такой акцентовки к праславянскому, тогда как накоренное ударение в словах с краткостным корнем можно было бы возвести к периоду общеславянского единства.

Если последнее верно, мы получаем еще одно подтверждение различной акцентовки производных на =ьн= от краткостных и долготных корней: поскольку нет примеров оттяжки на предыдущий

краткий, за которым не следовал редуцированный /пущени́ца, роже́ни́ца, сочеви́ца и под./, переход ударения на исконно краткий корневой слог следует связывать со вторичным удлинением краткого перед слабым /ь/.

Имена существительные мужского рода с суффиксом =/ь/ник.

Все имена с этим циркумфлектированным суффиксом образованы от прилагательных; совместно с ними рассмотрены отпричастные образования со сложным суффиксом =еник. Таким образом, все производные на =ьник, =еник косвенным образом связаны с соответствующими именными или глагольными корнями, которые могли оказывать свое влияние на перераспределение их исходного ударения. По мнению Лескина, в славянском именно поэтому невозможно обнаружить твердых правил ни относительно их ударения, ни относительно интонации таких производных: с. тра́внӣк можно соотнести как с тра́внӣ /скорее - с кратким, а не полным именем прилагательным - В.К./, так и с с. тра́ва.

Положительно можно заметить только две особенности образований на =ьник, несомненно восходящих к праславянскому: гласный суффикса -ī- постоянно сохраняет долготу в языках, способных это отразить /например, в с./³⁵; во всех славянских языках можно восстановить по крайней мере два типа ударения этих производных³⁶, типы, которые не совпадают в разных языках, ср. в б. возможность ударения на корне и на суффиксе, в р. - на корне и на окончании. Именно "в русском языке в большей или меньшей мере еще опознается связь этих образований с соответствующими именами прилагательными"³⁷, в болгарском такая связь менее определима, а распределение ударения отчетливо связано с семантической дифференциацией /ударение на суффиксе здесь преобладает в названиях лиц, ударение на корне - у названий предметов/.

³⁵ А. Leskien. Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. - Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft, X. Leipzig, 1888, S. 142.

³⁶ Л.А. Булаховский. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению, стр. 28.

³⁷ Там же.

Так же, как и в р., в б. профиксальных именах ударение обычно располагается на предсуффиксальном слоге.

Л.А. Булаховский же³⁸ полагал, что обобщение насуффиксного ударения по всей парадигме обязано оттяжке иктуса с конечного /ь/ на им.=вин.ед. и род.мн. Любопытно, что в р., по-видимому, ничего подобного не было, хотя акцентовка типа блудни́къ здесь возможна.

В.А. Дыбо³⁹ для образований на =ьник восстанавливает постоянное ударение на корне у производных от а и ь /^еgrěš'bnikъ < *grěš'bnikъ/ и постоянное наконецное ударение у производных от о.

Производные от ь-

Бли́жникъ Сб.4:153, мн. бли́жники Сим.256,230, ср. сл. bljǫžnjik, грѣшнику Г.8086, Пв.1896, /х/ грѣшникомъ Пг.4 и под., но грѣшникъ Ав.2666, мн. сами грѣшники Сб.9:2066, ср. с. грѣшникъ, б. грѣшник, укр. грѣшник, чак. grěšnik и долготу корневого слога в ч. hříšnik, слцк. hriešnik, слнц. grěišnik; два двѣрника Х.4036, им.мн. двѣрники Пс.376, /с/ двѣрники М.201 при укр. двѣрник, сл. dvârnik, краткости корня в ч. dvěrník и долготе его в слнц. dvjěrník; двѣрник В.2646,274, ср.сл. dvõrnik и слнц. dvõrník; ключникъ Шум.3296, Дом.71, ключника Дом.81, ключнику Лапт.3006, Дом.46,5 и др., им.мн. ключники Дом.836, на ключниках Шум.253 при сл. kljûšnik и долготе корневого слога ч. klíšnik и слнц. klúšnik; кѡнникъ Х.3136, 1124, кѡнника Фл.245, им.мн. кѡнники Лапт.8086, кѡнники Хр.271, кѡнникъ Ч.76а, Пав.47, кѡнниковъ Курб.36, л кѡнникъ Пс.448, /к/ кѡнникомъ Пв.186, сквозь кѡнники Фл.166, ср. с. кѡньик, сл. конjnik; кѡрмникъ Сб.3:1266, Пч.766, Св.1226, без кѡрмника Св.249, Пв.316, кѡрмнику М.275, но кѡрмникъ Кор.2246, при ч. krmník и при слцк. křmnik 'кормушка'; лѣдникъ Дом.806, на лѣднике Дом.5,58,90, 106, мн. лѣдники и погребы Шум.5696, на лѣдникахъ Дом.90,95, но в р. колебание лѣдник и лѣдникъ до начала XX в.⁴⁰, также в

³⁸ Там же.

³⁹ В.А. Дыбо. Указ. соч., стр.210.

⁴⁰ И. Синяков. Ударение в русском языке. Вильно, 1908, стр.83.

диал., ср. сл. ledník; мечникъ X.730/2/, Фл.130, мечника Гз.178, мечнику X.730б, род.мн. мечникъ X.118б, ср. сл. мецникъ; плотникъ Дом.676, В.343/2/, 345, им.мн. плотницы Сим.473б, Фл.181б, плотники Дом.120, плотниковъ Пв.164б, ср. сл. plöttnik; плённицы Н.256б, ср.б. пленик и ч. pleník; постникъ Шум.907, Пр.358, также постникъ Сб.0:246б, постника Шум.904б, постнику Об.318б, Гз.24, в постницах И.95б; прачники X.1284, прашники Фл.180б, дат. мн. порочникомъ X.1115б, вин.мн. порочники X.1125, ср. ч. pračník; путникъ Об.24, Пв.50, Гз.43б, им.мн. путники Н.161, ср. с. пүтнїк, сл. рѣтнїк, чак. řutník, долгота в ч. routník и слкк. řutník; ротникъ Св.103, ротника Сим.76б, Св.137б, от ротниковъ Св.202б, к ротникомъ Св.202б, но им.ед. ротникъ Кр.152, ср. сл. rŕtník 'присяжный заседатель'; свѣщникъ В.141б, также Пал.95, два свѣщника Об.84б, ср. сл. svěcník и ч. svičník /при слкк. svietník 'подсвечник'/; сѣтникъ Ч.75б, X.1337б, Сб.9:180, П.17б, сѣтника Фл.104б, сѣтнику Ч.75б, Каз.63, Др.П.829, о сѣтницѣ Ч.29г, им.мн. сѣтници Пс.582, сѣтники Пв.160, Др.П.13, Сим.121б, Об.52б, по сѣтником Пв.160, Гз.48 и др.; сребреникъ X.681, Пр.418, серебреникъ В.314б, сребреника Н.189, 30 сребреникъ Пр.229б, вин.мн. сребреници Ст.2б, на 30 сребреницѣхъ П.168б, ср. сл. srebrník при долготном корне в ч. stříbrník и слкк. střebříník; столникъ Шум.630б, Г.27б, столника Лапт.968, Сим.112б, им.мн. столники У.124б; столпникъ Хр.264, Зап.109б, Сб.Сб.23:4б, столпника Др. .659, Об.249, /о/ столпницѣ М.244 и мн.др.; трубника X.133б, Фл.215, трубнику Фл.215, но им.мн. трубницы Фл.165б, ср. сл. trobník; трудникъ М.317б, им.мн. трудники Каз.102б, /к/ трудником Св.220, ср. ч. troudník; ярмници Фл.171б и мн.др. В некоторых случаях возможно вторичное смешение производных от в и с, ср. им.мн. вратници Сб.4: вратники Каз.137, но дат.ед. вратнику М.80 при с. вратникъ, но долготном корне в ч. vrátník, слкк. vrátník /ср. дифференциацию в сл. vrátník при vratník 'воротник', указывающую на источник колебаний: производные от в ворота и производные от с ворот/.

В современных говорах также наблюдаются колебания, ср. крупник на крупнике, но на крупниках в Пин. /ср. ч. krupník с рефлексом накоренного ударения/, побежала в свинник Бел. 218 /ср. слнц. svjínnik/ и др. Это совпадает с возможным наконечным ударением в др.=р. /в основном - свр./ памятниках. Характерно, что в Сб.9 им.мн. может иметь то же наконечное ударение /грвшницй/ - в отличие от производных от а /хулници/. Этим производные б совпадают с производными с /см. в Ч. странницй/.

Производные от с

Блудникъ /Св.1116, Сб.23:184, Ав.2606, Ст.2206, Кр.152, блудника Кч.265, блуднику М.215, Кр.1826, им.мн. блудники Сб.23:184, блудницы Ст.816, /к/ блудникомъ Ч.1366, съ блудники Сб.0:1206, но блудникъ Ч.1486, Св.1536, 1716, Пв.96, также в бел. XVII в., ср. колебание не блудникъ ли бысть Пч.1856, в косвенных формах накоренное ударение чрезвычайно редко, отмечены только дат.ед. блуднику Св.104 и им.мн. блудници Ав.320 /ср. род.мн. от блудникъ Св.137, указывающее на архаичность и искусственность накоренного ударения в XVII в./, в с. блудникъ, сл. blodník, также укр. блудник при слцк. blúdnik, возможно, связанное с принадлежностью к окситонированным.

Вѣчники /им.мн./ Н.220 при колебании в род.им.: вѣчниковъ Др.І. 218, но вечниковъ Г.9606, ср. б. вечникъ и с. вѣчникъ.

Данникъ великого князя Сб.3:103, ср. данника Н.173 при с. данйк, даника и под.

Должникъ Н.317, У.1236,124, на должникъ У.1576, им.мн. должники Ул.123,1236, должникъ ради М.96, /к/ должникомъ Дом.103, Гз.28, У.158, но также должникъ сыи М.766, отпущати должникомъ Св.1156, Сл.164, ср. с. дужникъ, дужника, также чак. dužnik, dužnikà, сл. dožňnik и краткость в ч. dlužník, слцк. dlžňnik, слнц. dlāžňnik при колебании в укр. должник и должникъ и в б. дължник и дължникъ.

Золотникъ П.198, Леч.1056, золотникъ Леч.1236, златникъ П.466, род.ед. золотника П.1876, Л.67,1026, Леч.107,109 и др. по золотнику Л.102,302, по золотнику Л.986, сто златникъ Хр.

2596, также золотнико́вь Л.67,75,77,103, Леч.136,1376, золотни́ковъ Леч.1096, золотниковъ Л.80, вземъ златникѣ Сб.23:1036, но златникъ Х.7836, от златника Н.466, род.ед. злотника Л.3016, сто златникъ Х.1389, Сб.4:496, в их злотницѣхъ Х.1357, ср.укр. золотник, сл. zlatník и краткость в ч. zlatník, слцк. zlatník.

Ручникъ Сийск.176,186, тв. ручникомъ Сийск. 14,196, ручниковъ У.1456 и др. при с. ручникъ, ручника, укр. ручник, б. ръчник, чак. ručnik, ručnikà, сл. ročnik, слцк. ručnik.

Странникъ Ч.107в, сторонникъ Ст.157, им.мн. странници Ч. 71а, вин.мн. странникѣ питати Зап.736 /2/ и др. при сл. straník, ч. и слцк. straník.

Ученикъ В.292, П.716, ученика П.144, по ученику М.26, 389, ученикомъ Др. II.312, Об.70, им.мн. ученицы Пч.46, род.мн. ученикъ М.3086, учениковъ У.147, ко ученикомъ П.2, с отклонениями в архаической форме тв.мн.: съ 10 ученикы своими М.308 и приятъ бысть ученикѣ своими М.323.

Хмельникъ У.1296 при сл. hmeljnik.

Наконечное ударение в им.ед. распространено и в современных говорах, ср. бродник /невод/ Пин., родник Пин., дубник ГЧ. 143, Перм.207 и т.д.

Ожидаемым теоретически /на основе сопоставления с другими суффиксальными образованиями/ должно быть следующее ударение, которое и отражается различным образом в славянских языках:

<u>а</u>	<u>б</u>	<u>с</u>
<u>лѣтникъ</u>	<u>грѣшникъ</u>	<u>ручникъ</u>
р. <u>лѣтник</u>	р. <u>грѣшник</u>	р. <u>ручник</u>
укр. <u>літник</u>	укр. <u>грішник</u>	укр. <u>ручник</u>
б. <u>лѣтник</u>	б. <u>грѣшник</u>	б. <u>ръчник</u>
с. <u>ліпник</u>	с. <u>грѣшник</u>	с. <u>ручник</u>
сл. <u>lětnik</u>	сл. <u>grěšnik</u>	сл. <u>ročnik</u>
ч. <u>letník</u>	ч. <u>hříšnik</u>	ч. <u>ručnik</u>
слцк. <u>letník</u>	слцк. <u>hriešnik</u>	слцк. <u>ručnik</u>
	слнц. <u>grěišnik</u>	

В др.=р. этому соответствуют имена всех трех типов. Рефлекс новоакутовой интонации в группе в /пбстникъ, серебрьникъ/ дополнительно подтверждает древность оттяжки с суффиксального /ь/ на корневой слог /грѣшникъ грѣшьникъ/.

Производные от с широко представляют наконечное ударение всех зафиксированных падежных форм и главным образом в русской /"бытовой"/ лексике; насуффиксальная акцентовка возможна в им. ед. и род.мн., следовательно, обязана оттяжке с конечного редуцированного. Ударение на корне встречается главным образом в словах церковного обихода или в словах с указаниями на заимствование /ср. совр.р. странник при обычном в средневековых источниках сторонник и странник/.

Вообще в группе с интересно отметить колебание иктуса между начальным и конечным слогами слова, например, блудник или блудникъ, блуднику или блуднику. Такое колебание не может быть исконным. Оно возникло во всяком случае не фонетическим путем. Сопоставление акцентовок типа златникъ, злотникъ - с одной стороны, и золотникъ, золотникъ - с другой - показывают, что изменения в акцентуации производных возможны под воздействием нового ударения производящих: церковнослав. злато в первом случае и р. разговорного золото - во втором.

На приведенном материале необходимо еще раз подчеркнуть важное свойство производных от с. В соответствии с правилом, неоднократно определенным в настоящей работе /на него указывает и Дыбо⁴¹, акцентуация вторично производных определяется акцентным типом производящей основы, а не принадлежностью к определенной а.п. исходной корневой морфеме. Однако ожидаемое по этому правилу ударение блудникъ, блудника, блуднику и под. не является обычным /см. ниже/, и вполне естественно: с фонологической точки зрения производные от с ни в одном пункте словообразовательной цепи не могут получать ударения на срединном слоге, потому что принцип подвижности заключается в отбрасывании иктуса к крайним слогам слова.

⁴¹ В.А. Дыбо. Указ. соч., стр. 207.

Таково фонологическое ограничение закона акцентного побоя у производных основ.

Производные от имен консонантных /и *ū= / =основ при добавлении суффикса =ьник образуют трехсложное суффиксальное образование, включающее в свой состав долгий, краткий и редуцированный гласный.

Производные от а дают отклонения в сторону окситонезы в свр. памятниках, ср. кудесникъ Н.1256, Нв.4096, кудесника Н.486, Нв.4096, З.176, два кудесника Н.1296, кудеснику Н.1296, З.1616, кудесниковъ Дом.39, Нв.4096, /к/ кудесникомъ Др.II.5746, З.1766 и мн.др., но кудесниковъ Дом.113 и попроси кудесника Сб.3:726.

Производные от б имеют характерное для них ударение на первом суффиксальном слоге: любovníкъ Х.908, Др.II.755, Г.431, любovníка Шум.641, Сим.182, любovníку Н.3116, любovníкомъ Г.4306, любovníцы Лапт.352, любovníковъ Др.II.206, с любovníки Ч.696, Гз.916 могли быть связанными с окситонированными производящими основами; поэтому ударение на первом суффиксальном слоге для них не показательно, ср. садovníков У.796 и проч. Производные от прилагательных, конфигурацией суффикса совпадающие с данными суффиксальными, вообще указывают на возможность конечного ударения у производных от с /а также от исконно окситонированных, ср. полковнику Уч.25,171, мн. полковникѣ Уч.10 при возможном старом ударении на адъективном суффиксе: полкóвнику Уч.246,256, мн. полкóвники Уч.276, полкóвниковъ Пал.101 и под., ср. сл. ро̀кóвник, подтверждающее исконность последнего ударения; в р. конечное ударение является диалектным - и в язык печатных книг приходит из Украины, ср. укр.ХVII в. полковникъ, полковникѣ и под./ В качестве примера производных от с приведем слово духовникъ Св.86, Ав.2676, колебание дхóвникъ Св.1136, дхóвнику Св.1146, Ав.200, духовникомъ Курб.151, дхвниковъ Сб.23:436 и под. при отклонениях типа дхóвникъ Др.II.4306, дхóвнику Св.2576/2/, ср. с. духовник, сл. duhovnik, указывающее на возможность появления второго русского варианта из южнославянского произношения /ч. duhovnik как и

др.-р. дает окончательную акцентировку/.

При анализе фактов приходится учитывать многообразные синтагматические связи слова. Так, сложное слово иноплеменникъ дает в текстах различные вариации ударения, начиная с законного иноплемѣнникъ Х.295, иноплемѣнници Сим.796, и под. и кончая оттяжками типа иноплѣменница Х.21, иноплѣменника Х.47 и /к/ иноплѣменникомъ Х.1146 /рукопись с южнославянскими особенностями/.

Общим акцентным изменением префиксальных образований с суффиксом =ьник является определенно прослеживаемая аналогия со стороны непроемных префиксальных - с обобщением накоренного ударения. Приводить примеры излишне - они многочисленны и однообразны. Исконное же ударение в группе производных от с сохраняется очень мало; обобщению накоренного ударения способствовало то обстоятельство, что наши производные от а и в закономерно имели ударение на корне, то есть исходное распределение было таково -

производные от а с ударением на корне: заступникъ Х.624, Об.6, заступника Пр.360, заступницы Дом.1226 и др., отступникъ Пт.1086, Курб.46, отступнику Курб.46, ср. со отступники Ав.313 /рукой Аввакума проставлено ударение на суффиксальном слого/, преступникъ П.122, преступники Др.176, и др. ср. сл. zastupnik, prestupnik, ч. zástupník, přístupník, слцк. priestupník и т. д.;

производные от в с ударением на корне /вторично перенесенным с суффиксального /ь/, ср. источника Пр.67, источники Сл.1456, указывающие на новоаккутовую интонацию корневого слога/: перевозникъ Хр.325 и под. при сл. prevoznik, ч. přivozník, слцк. prievozník;

производные от с с постоянным ударением на окончании, на что указывают и сл. poročník 'вестник' /но obrōčník/ и краткость корневого слога в ч. и слцк. poručník.

Наибольшее число отклонений в др.-р. связано с последней группой имен. В целом здесь также и по той же причине происходит обобщение накоренного ударения, но все исключения /они указывают на древнюю акцентировку и на пути ее изменения вплоть

до настоящего времени/ интересны, и их следует привести.

Известни́комь /дат.мн./ Пс.372 /от/ проповедника́ Пв.236 /ср. с. проповѣдникъ, проповѣдника, сл. prohovjedník/, приставникъ Сб.9:1916 /при сл. pristâvnik/, началникъ Ав.199, началника Сб.9:1836, /уже в ч. находим начальнику 746 и под., ср. с. начелникъ, сл. načelník, ч. и слцк. náčelník, указывающие на накоренное ударение, обычное и в др.=р./, ослушникъ У.916, ослушника́ У.916, ослушниковъ У.75 и др. /ср. с. послушникъ, послушника сл. poslūšnik, ч. poslušník/, также мн. послушницы Ч.816, 99г, Сб. 0:117,118, ср. с этим укр. послушник и свр. послушники; покойникъ Ав.245 при с. поко́жник и сл. pokójnik, с помощники Фл.1226, в бел. XVII в. помочьникъ, помочника́ и помочника, дат. помочникови, ср.с. помо́бникъ, помо́бника, сл. ропо́шник, но в др.=р. также помощникъ и под. при помо́шникъ Сл. 150,1596, указывающие на возможную параллель с производными от в по крайней мере в ряде диалектов; причастникъ Х.52, Мин.387 при с. причѣсникъ, причѣсника при новом сл. pricĕtnik, сродниковъ Лапт.1016, Г.976, сшественника́ павлова Ч.72в и нек.др.

При усложнении любым другим суффиксом производные от с имеют конечное ударение, ср. образования на =яник:

Оловяникъ Леч.129/2/, оловеникъ Гз.1366, яжь отрубяникъ Сб.0:44, а также производное от перешедшего из в слова плѣнь /полонь/ - полоняникъ Пв.159/2/, от полоняника́ Пв.158, полоняники Пал.1066, полонениковъ Дом.1236, Ул.229 и др.

Таким образом, конечное ударение суффиксальных может указывать на исходную принадлежность производящего к парадигме с, ср.:

клеветникъ Дом.111, Пв.109, /от/ клеветника́ Ч.93г, клеветницы Ч.1106, Пв.111, Пал.38, клеветниковъ Курб.101;
ропотникъ Гз.80, Ас.1496, ропотникъ Кар.1396;
шепотникъ Пал.38, шепотника́ два́ М.318;
тайникъ Шум.409 /ср. укр. тайник/, но вывель тайникъ Сим. 561.

Впрочем, при изучении отдельных слов приходится обращать внимание на возможные изменения акцента /связанные с индивиду-

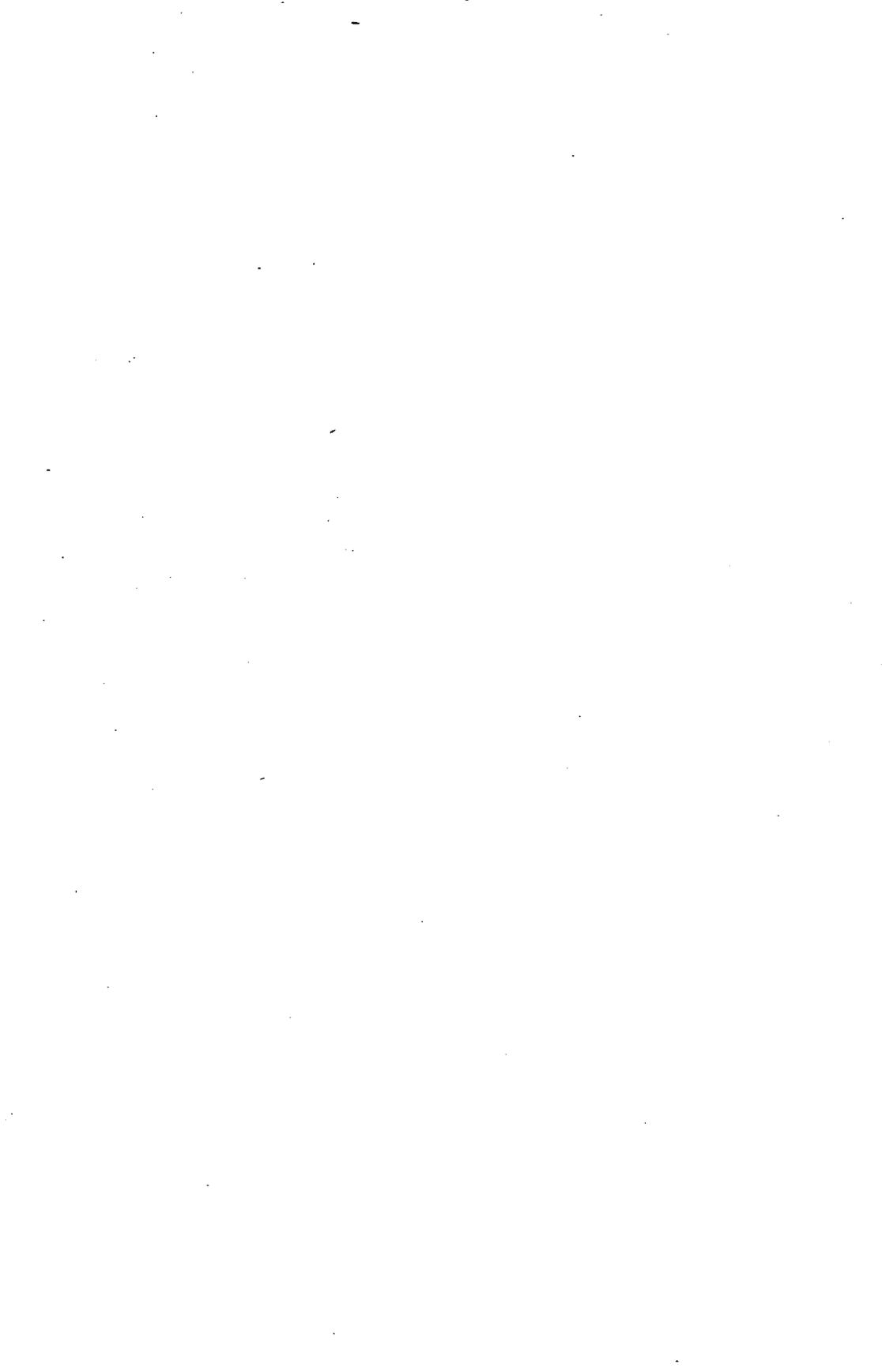
альной формой слова/. Так, наряду с закономерными п^раведникъ Сб.4:376, Пр.2706, п^раведника Хр.2156 и др. /ср. б. п^раведник, сл. prâvednik, с. п^раведник/, уже в Ч. находим вин.мн. п^раведники Ч.85а и колебание в более поздних рукописях: Мой п^раве-дникъ Ав., п^раведни/ку Пр.2506. Пример в Ч. связан с удлинением гласного в слоге перед слабым /ь/, два последних примера /колебание при переносе на новую строку/ безусловно отражают колебания в произношении, связанные с изменившейся акцентовкой производящего имени в ряде диалектов /ср. совр. диал. п^равд^а/.

Принятые сокращения

- Ав. - Житие Аввакума /автограф/, XVII в., БАН, собр. Дружинина, 746
- Ас. - Сборник XVII в., ИРЛИ, собр. Мезенское, 3
- б. - болгарский
- БАН - Библиотека АН СССР в г. Ленинграде
- Бел. - Сказки М. Коргуева /Беломорье/, I. Петрозаводск, 1939
- бел. XVII в. - белорусские рукописи XVII в. по изд.: З.М. Веселовська. Наголос іменникі в білоруської мови за пам'ятками XVII ст. - Філологічний збірник. Київ, 1958
- Берында - Лексикон словенорський Памви Беринди, Київ, 1961
- В. - Вкладная книга Кириллова монастыря, 1640 г., ГПБ, Кирил.-Белозерск., 78/1317
- Г. - Голицынский том Лицевого свода, XVI в., ГПБ, Ф. IV. 225
- Гз. - Сборник XVII в., БАН, 17.5.27
- ГПБ - Государственная Публичная библиотека в г. Ленинграде
- Д. - Хождение игумена Даниила, XVII в., БАН, собр. Нефедова, 3
- Дом. - Домострой, XVI в., ГПБ, Q. XVII. 149
- Др. - Летописец Древний /в двух томах/, XVI в., БАН, 31.7.30
- Ев.-Евангелие XVI в., Псковский музей, № 2
- З. - Житие Савватия и Зосимы соловецких, XVI в., ЛГУ, № 8
- Зап. - Записная книжка монаха к. XVI в., ГПБ, Q. XVII. 67
- Зизаний - Лексис Лаврентия Зизания. Київ, 1964
- И. - Сборник /Книга историкъ/ XVI в., ГПБ, Соф. 1421
- ИРЛИ - Институт русской литературы им. Пушкина в г. Ленинграде
- Каз. - Казанская история, XVII в., ГПБ, Q. IV. 170
- Кор. - Хождение Тр. Коробейникова, XVII в., ИРЛИ, УЦ № 6
- Кр. - Сборник XVII в., ИРЛИ, собр. Карельское, 10
- Курб. - Сочинения А. Курбского, XVII в., ГПБ, Q. IV. 54
- Л. - Лечебник, XVII в., ГПБ, собр. Тиханова, 697
- Лапт. - Лаптевский том Лицевого свода, XVI в. ГПБ, Ф. IV. 233
- Лет. - Летописец старыхъ летъ, XVII в., БАН, Тек. пост. 608
- Леч. - Лечебник, XVII в., собр. Колобова, 649

- Лом. - М.В. Ломоносов. Сочинения, т. 8. М.-Л., 1959
- М. - Минея ХУІІ в. с Пинеги, из собр. автора
- Мин. - Минея ХУІ в., Псковский музей, № 542
- Н. - ІУ Новгородская летопись, ХУІ в., ГПБ, Q. ХУІІ. 62
- Нв. - Новгородская летопись, ХУІІ в., БАН, 34.4.32
- Об. - Обиходник, ок. 1598 г., ГПБ, Соф. 1516
- П. - Иконописный подлинник, ХУІІ в., ГПБ, Q. ХУІІ. 37
- Пал. - История Авраамия Палицына, ХУІІ в., ГПБ, Q. ІУ.352
- Пв. - Сборник ХУІІ в., ГПБ, собр. Погодина, 1611
- Пин. - записи пинежских говоров в Архангельской обл. /автора/
- Пр. - Пролог ХУІ в., ГПБ, Соф. 1424
- Пс. - Псалтирь ХУ в., ГПБ, собр. Погодина, 86
- Псл. - Псалтирь ХУІ в., ГПБ, F. І. 7
- Пт. - Псалтирь ХУІ в., ГПБ, Соф. 69
- Пч. - Пчела 1640 г., ГПБ, Кирил.-Белозерск. 114/1191
- р. - русский
- с. - сербский
- Сб. 0 - Сборник ХУІ в., ГПБ, Соф. 1460
- Сб. 3 - Сборник ХУІ в., ГПБ, Соф. 1393
- Сб. 4 - Сборник ХУІ в., ГПБ, Соф. 1464
- Сб. 5 - Сборник ХУІ в., ГПБ, F. ІІ. 255
- Сб. 9 - Сборник ХУІ в., ГПБ, Соф. 1409
- Сб. 23 - Сборник ХУІІ в., ГПБ, . ХУІІ. 23
- Св. - Стоглав 1551 г. в списке 1645 г., ГПБ, Q. ІІ. 102
- свр. - северновеликорусский
- Ст. - Стоглав 1551 г. в списке ХУІІ в., ГПБ, Q. ІІ. 80
- Сийск. - Сийский иконописный подлинник ХУІІ в. в изд.: Памятники древней письменности и искусства, т. 16. СПб., 1909
- Сим. - Симеоновская летопись, ХУІ в., БАН, 16.8.25
- сл. - словенский
- Соф. - Софийская І летопись ХУІ в., БАН, 34.2.31
- Ст. - Сборник ХУІІ в., БАН, 21.7.8
- Тр. - В. Тредиаковский. Сочинения, т. І и ІІ. СПб., 1849
- У. - Соборное уложение 1649 г. в списке 1728 г., ГПБ, F. ІІ. 11

- укр. XVII в. - украинские рукописи XVII в. по изд.: З.М. Веселовська. Особливості наголосу похідних іменників у російських і українських пам'ятках кінця XVI - початку XVIII ст. - Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964; И.И. Огиенко. Український наголос на початку XVII-го віку. У Жовкви, 1926
- Уст. - Життя устюжских чудотворцев, XVII в., БАН, 45.10.2
- Уч. - Учение и хитрость ратного строения пехотныхъ людей. М. 1647
- Фл. - История Иосифа Флавия, XVII в., БАН, Арханг. Д. 447
- Х. - Хронологический том Лицевого свода. XVI в., БАН, 17.17.9
- Хер. - М.М. Херасков. Избранные произведения. Л., 1961
- Хр. - Хронографический сборник, XVI в., ГПБ, собр. Погодина, 1404а
- Ч. - Чудовской Новый завет 1355 г., по изд.: М., 1892
- чак. - чакавский
- ч. - чешский
- Шум. - Шумиловский том Лицевого свода, XVI в., ГПБ, Ф. IV. 232
- Щ. - Сборник XVII в., ИРЛИ, ВП № 2.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ ЗЛАТОСТРУЯ

XII века /ГПБ-Р II I, № 46/

Ф.В. Караулова

Предметом нашего изучения является пергаменная уставная рукопись Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, известная под названием Златоструя XII века, /шифр ГПБ - Ф.п. 1, 46/. Этот недатированный и нелокализованный памятник является переводом произведений константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста и представляет собой сборник церковных поучений, слов или бесед этого знаменитого отца и учителя церкви. Вопрос же о том, кто был переводчиком и что послужило оригиналом для настоящей книги, до сего времени не разрешен. Имеются мнения исследователей, что перевод с греческого был сделан в Болгарии во время царствования Симеона /885-927 гг./, на Руси же памятник был несколько раз переписан.¹

Златоструй давно привлекает к себе внимание ученых. Первое известие о нем принадлежит выдающемуся библиографу XVII века Силвестру Медведеву,² позднее - К. Калайдовичу, П.М. Строеву³ и П.И. Шафарику⁴. Эти сведения касались Златоструя списка XV-XVI вв. О списке XII века впервые сообщил А.Х. Востоков.⁵ Из исследований, посвященных различным проблемам русского языка, в которых

-
- ¹ И.И. Срезневский. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности. ИМП. АН, т. 1, СПб, 1857, стр. 18-19.
 - В.Н. Малинин. Исследование Златоструя по рукописи XII в. ИПБ. Труды Киевской Духовной Академии, Киев, 1878, т. I-IV.
 - ² Библиографические разыскания Ундольского. М., 1846, стр. 14.
 - ³ К. Калайдович, П.М. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей. СПб, 1825, стр. 200.
 - ⁴ Развитие болгарской письменности. ЧОИДР отд. Ш.М., 1848, стр. 54.
 - ⁵ А.Х. Востоков. Грамматика Остромирова евангелия. СПб, 1856, стр. 48.

привлекается материал нашей рукописи, можно назвать работы А.И. Соболевского⁶, В.В. Васильева⁷, Н.Н. Дурново⁸. Предметом специального изучения памятника являлся только в сочинениях И.И. Срезневского⁹ и В.Н. Малинина¹⁰. Однако авторов этих трудов не интересовала палеографическая сторона рукописи. Вопрос о том, сколько писцов участвовало в написании памятника и к какому говору они принадлежали, остался открытым. Не была уточнена дата написания рукописи. Между тем известно, что палеографический анализ каждой рукописи является необходимым этапом для дальнейшего лингвистического исследования и выявления языковых черт, свойственных говору писцов.

В настоящей работе мы ставим задачей дать палеографическое описание рукописи, указать количество писцов и привести характеристику одного почерка, который считаем основным, кратко отметив отличительные особенности других почерков.

Златоструй XII века представляет собой довольно объемистую книгу в 198 листов, написанную уставом на пергамене в лист. Вся рукопись заключена в деревянный переплет, обтянутый темно-коричневой кожей с тиснением. Схема орнамента на крышках позволяет от-

⁶ А.И. Соболевский. Из области древней церковно-славянской проповеди. Известия ОРЯС АН, т. II, кн.3, СПб, 1897, стр. 27.

⁷ В.В. Васильев. С каким звуком могла ассоциироваться буква "не-йотированный юс малый" /А/ в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников. РФВ, № 1, 1913, стр. 185.

⁸ Н.Н. Дурново. Русские рукописи как памятник старославянского языка. "Южнославянски филолог", Белград, кн.5, 1925-1926 гг;

⁹ И.И. Срезневский. Указ. раб.

¹⁰ В.Н. Малинин. Указ. раб.

нести переплет к XVII - XVIII вв. На верхней крышке вытеснен средник,¹¹ снизу и сверху - вязью - "книга, глаголемая".

Листы рукописи не сохранили своего первоначального размера. Об этом свидетельствуют полуобрезанные записи и приписки на полях. например, на л.2 об, 146 об. Вероятно, поля были обрезаны при смене переплета. Размер листов по рукописи неодинаков: 35 x 27,5 сантиметров, или 36 x 27. Большинство листов с оторванными углами. Многие из них при последней реставрации были подклеены по углам плотной белой бумагой. /Л.л. 15,16,17, 123,126,129,131/. В рукописи довольно много дефектных мест: часто встречаются дыры и разрывы, пятна от сырости и проявителя, жирные маслянистые пятна от расплавленного воска, что свидетельствует о частом употреблении книги. Некоторые листы прожжены раствором проявителя насквозь /лл. 24,38,39,72/. У 129 листа вырвана нижняя часть, вследствие чего утрачены 7 строк текста. Многие листы разрезаны по вертикалям при разлиновке /лл. 183-185,190,197 и др./. Все имеющиеся разрывы и разрезы при реставрации зашиты и заклеены.

Книга написана чернилами темно-коричневого цвета, в основном яркими, хорошо сохранившимися, за исключением тех листов, где текст пострадал от сырости /13-70, 165-172/. Кроме чернил, в рукописи имеется ярко-красная киноварь, которой написаны все заголовки и инициалы, за исключением двух /лл. 165, 189/, выполненных чернилами.

Нумерация листов производилась трижды, полистно, арабскими цифрами, карандашом, не ранее XIX века. Последняя нумерация, как показывает запись на внутренних листах переплета, принадлежит И.А. Бычкову.¹²

Следов потетрадной нумерации не сохранилось, и проследить, как была сброшюрована рукопись по тетрадам, в настоящее

¹¹ Подобный средник и схему см. Клепиков. Орнаментальные украшения переплетов XVI-XVIII вв. в рукописях Троице-Сергиевой Лавры. Записки отдела рукописей, вып. 22, М., табл. III - 18, стр. 443.

¹² И.А. Бычков - заведующий Отделом рукописей публичной библиотеки, /XIX век/.

время не представляется возможным. Очевидно, какое-то время рукопись находилась без переплета, так как многие двойные листы перебиты, утерян первый лист, отсутствует конец рукописи.

Все листы, кроме первых семи, разлинованы на 36 строк. Лицевая сторона и левый столбец оборота первого листа имеют 32 строки, в правом же, стремясь уместить текст чтения на одном листе, писец увеличил количество строк до 38. Листы 2-7 разлинованы на 40 строк, междустрочья здесь значительно уже, чем на остальных листах книги.

Через каждый лист проводились четыре вертикали, которые образовали два столбца, среднее поле между ними и два боковых поля - внешнее и внутреннее. Только на л. 27 об. имеются 5 вертикалей: в сторону внешнего поля проведены две вертикали, подобно разлиновке Арх.ев.1092 г.¹³ Все остальные листы имеют схему разлиновки, подобную Новгородским листам XI в., Ф п.1, 58 /отрывок рукописи ГПБ/, Шестодневу 1263 г., СИН.библ., № 54.¹⁴ Лист разлиновывался не весь, а лишь столбцы для текста. По краю боковых полей на двойном листе намечались точки-проколы для горизонталей. Линии наносились каким-то острым предметом, скорее всего ножом, на какой-либо одной стороне двойного листа.

Текст писался на строке, в два столбца. Ширина столбца - 10 см., ширина среднего поля - 2 см., внешнее боковое поле - 4 - 4,8 см., внутреннее - 2 - 2,5 см. Расстояние между строчками 3 мм., высота букв 3 мм., ширина их неодинакова: Н,Н,П,Б,В,Ь,Ч, К - 3,-3,2 мм; Ж,Ш,Ш,М - 6 мм.

Уже при беглом знакомстве с рукописью нетрудно заметить, что она переписывалась не одним писцом, а несколькими. При тщательном палеографическом анализе выяснилось, что в переписывании рукописи принимало участие 6 писцов: первый писал 2 и 3 листы и, возможно, утерянный первый лист. Вторым писцом написаны листы 4-8, 9 об - 10, 11 об - 12; 13 об - 14, 19 об - 21 об,

¹³ А.И. Соболевский. Альбом снимков с рукописей XI-XVIII вв., СПб., 1906, табл. 1.

¹⁴ П.А. Лавров. Альбом снимков с юго-славских рукописей болгарского и сербского письма. П., 1916, табл. 12.

30 - 62 об, 130 -188 об. /102 листа/. Третьим - 8 об - 9, 10 об - 11, 12 об - 13, 14 об - 19, 22 - 29 об /14 л/, четвертым - 114 - 129 об /16/, пятым - 189 - 189 об, шестым - 190 - 195 об¹⁵ /6/. Листы 63-113, 196-198 принадлежат Торжественнику, сборнику сказаний и поучений на праздники. Часть листов Торжественника написана теми же почерками, что и Златоструй. Очевидно, одной артелью писцов переписывались одновременно две книги, которые при переплете были случайно смешаны.

Представленные в рукописи Златоструя XII в. почерки отличаются друг от друга как внешним видом, так и индивидуальными манерами письма, употребления и начертания отдельных букв. Первый почерк обращает на себя внимание особенной тщательностью в написании букв. Очень красивый, некрупный устас; уверенный, четкий, без резкого различия между толстыми и тонкими линиями в рисунке букв почерк, совершенное отсутствие описок и исправлений позволяют видеть в писце мастера старой школы с большим опытом и определенными навыками письма. Характерные особенности этого почерка: середина ω поднята до верхнего уровня строки, петли не разведены; коромысло \mathfrak{b} лежит на верхнем уровне, мачта буквы едва выступает за границу строки; перекладыны букв \mathfrak{h} /иже/, \mathfrak{k} , \mathfrak{y} расположены только на середине; перекладина буквы \mathfrak{n} /нам/ почти не укорочена, \mathfrak{z} и \mathfrak{c} - симметричны и имеют древнейший вид. Указанные особенности данного почерка приближают его к почеркам таких ранних рукописей XI-XII вв., как Изборник 1076 года,¹⁶ Архангельское евангелие 1092 года,¹⁷ Синайский патерик XI-XII вв.,¹⁸ Устав Студийский XI-XII вв.¹⁹

Для более точного определения времени написания рукописи Златоструя необходим анализ остальных пяти почерков. Следует,

¹⁵ Обозначаем писцов по порядку их следования в рукописи.

¹⁶ Изборник 1076 г., Изд. "Наука", М., 1965 г.

¹⁷ М.А. Соколова. К истории русского языка в XI веке. ИОРЯС АН СССР, т. III, 1929 г., стр. 86.

¹⁸ Синайский патерик. Изд. "Наука", М., 1967, стр. 24.

¹⁹ Д.С. Ищенко. Старейший русский список студийского устава. Исследование источников по истории русского языка и письменности. Изд. "Наука", М., 1966, стр. 142.

однако, заметить, что из этих пяти выделяются лишь III и V почерки. III - легкостью и изяществом в начертании букв Р, З, Ц, щ. Хвосты у этих букв длиннее и тоньше, чем в других почерках. Мачты букв ь, Ъ, Ы несколько скошены вправо.

Почерк V писца создает впечатление решительного и небрежного: у буквы Р маленький, изогнутый хвостик, шейка буквы З уходит под строку, хвост буквы иногда загнут кверху; А имеет несимметричное Т под шатром.

Общей же приметой для всех почерков в рукописи является геометрический характер букв и симметричность их начертаний. Высота и ширина всех букв, за исключением Ж, М, Ш, Щ, почти одинакова. Это еще раз указывает на почерк древнейших рукописей, что отмечал В.Н. Щепкин²⁰.

Все изучаемые почерки современны друг другу и основному почерку, характерные особенности которого мы рассмотрим подробнее. Это почерк второго писца.

Трудами этого писца написана большая часть рукописи /102 листа/. Почерк некрупный, старательный, отличается спокойной манерой письма: все буквы тщательно выписаны, все свободные концы мачт оканчиваются горизонтальными черточками.

У буквы А небольшая, тщательно выписанная головка, представляет собой почти треугольник, как и у большинства древнерусских рукописей XII века.

Язычок буквы Ё тонкий, идет параллельно строке и не выходит за пределы полуовала.

Буква Ж - симметрична, головка ее несколько уменьшена. Вся буква пишется в три приема: сначала мачта, потом изогнутая линия справа вниз налево, затем слева вниз направо. Линии пересекаются на 1/3 высоты мачты.

Шейка буквы З направлена под углом 45° к линии строки, нижняя перекладина идет вправо по строке параллельно верхней, и, плавно изгибаясь, переходит в хвост, опускающийся на следую-

²⁰ В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 98-102.

щую строку, иногда еще ниже. На закруглении обычно нажим. Подобное начертание можно встретить во многих рукописях XI-XII веков: Архангельском евангелии,²¹ Уставе Студийском,²² Юрьевском евангелии 1120 года.²³

Перекладины букв Н /иже/, К, Ю почти не подняты, т.е. буквы сохраняют древнейшее начертание²⁴. Мачта буквы К - толстая линия, ограниченная штрихами; коленце изогнуто и отстоит от мачты.

Широкая, в две строчные буквы М в этом почерке встретилась двух видов: 1. Мачты наклонены к центру буквы, большая овальная петля опускается чуть ниже линии строки или лежит на нижнем ее уровне. 2. Мачты стоят вертикально, петля присоединяется к мачтам небольшими горизонтальными черточками и касается линии строки. Начертание буквы М также ограничено рамками XII века.²⁵

Перекладина буквы N /наш/ несколько укорочена: от верха левой мачты она опускается к середине правой. Иногда начинается не от самого верха, а чуть ниже.

Ножка буквы р отвесно опущена далеко под строку. В верхней части она плавно переходит в узкую овальную головку, по высоте равную строчной букве.

Буква У образуется слева короткой, толстой линией, вписанной в строку, правая линия - тоньше, почти перпендикулярна строке, в верхней части начинается с утолщения и слегка выгнута.

²¹ А.И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 121.

²² Д.С. Ищенко. Старейший русский список студийского устава. Исследование источников по истории русского языка и письменности. Изд. "Наука", М., 1966, стр. 142.

²³ М.Н. Тихомиров, А.В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966, табл. III.

²⁴ См. В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, рис. 56, стр. 3.

²⁵ См. В.Н. Щепкин. Указ. раб., стр. 3.

Головка буквы Υ округлая, высота ее равна $1/3$ высоты мачты. За исключением единичных случаев, /л.л. 15 об. 20/, буква симметрична.

Хвосты букв Ψ, Υ, Υ всегда вертикально опущены вниз. Буквы симметричны. Середина Ω немного уменьшена, петли чуть разведены.

Мачта буквы Υ слегка приподнята над строкой, коромысло лежит на верхнем уровне строчных букв, иногда - чуть ниже, причем не всегда строго горизонтально. Концы коромысла загнуты вниз, петля занимает $1/3$ всей буквы.

Буква Λ представляет собой шатер, разделенный посредине маленькой симметричной буквой Γ .

Таким образом, основной почерк в рукописи отличают приемы написания таких букв, как $\mathcal{H}, \zeta, \mathcal{M}, \mathcal{N}, \Omega, \mathcal{P}$, которые выступают обычно как палеографические приметы при определении времени написания рукописи. В данном случае эти буквы указывают на принадлежность основного почерка к I половине XII века.

Лигатур в исследуемой рукописи мало, что характерно для ранних памятников. За исключением Υ , они употребляются в конце строки или в непосредственной близости к ней, вероятно, в качестве украшения или с целью экономии места. Образованы лигатуры главным образом за счет сокращения одной из мачт рядом стоящих букв: Υ, Υ . Обычно составной частью таких лигатур является декоративное Γ .²⁶

Довольно часто в конце строки встречаются декоративные $\Upsilon, \Upsilon, \Upsilon$, отличающиеся от строчных букв большим размером и изяществом. Мачты этих букв высоко подняты над строкой, длинные и тонкие перекладины Υ, Υ строго горизонтальны. На листе 11 об. встретилось древнейшее написание декоративного Υ - перекладина ограничена штрихом, направленным вверх.²⁷

В качестве строчных знаков писцы употребляют точку и знаки, обозначающие конец статьи: обычно это три или четыре крес-

²⁶ Термин "декоративное" вводит В.Н. Щепкин. Указ. раб., стр. 112.

²⁷ Образец такого Υ см. Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Изд-во АН СССР, Л., 1928, стр. 203.

тообразно расположенные точки с добавлением титла: $\cdot \cdot \cdot$, иногда к ним добавляются знаки в виде современных кавычек: « . Точка ставится писцами на середине строчных букв, отграничивая синтаксические группы.

Из надстрочных знаков отмечены следующие: 1/ точка над гласными \ddot{O} , \ddot{W} , Н; 2/ две точки над $\dot{\dot{I}}$ /всегда/, над $\ddot{O}\ddot{U}$ и \ddot{O} /единичные случаи/; 3/ две короткие черточки над \ddot{W} , 4/ на первых семи листах рукописи употребляются знаки: а/ в виде запятой: $\ddot{O}u\dot{b}o$, $\dot{\dot{I}}\ddot{e}lma$, об, мойл, б/ в виде запятой, повернутой в обратную сторону: $\dot{\dot{I}}\ddot{z}\ddot{b}\ddot{o}b\ddot{r}\ddot{y}t\ddot{s}e$ У об, Н $\dot{\dot{I}}\ddot{z}\ddot{i}d\ddot{e}$ 3 л. в/ в виде короткой дужки: $\dot{\dot{I}}\ddot{e}gda$ 2 об, $\dot{\dot{P}}\ddot{r}\ddot{i}u\ddot{t}\ddot{i}$ 7 л.

Во всех приведенных примерах данные надстрочные знаки никакого определенного значения не имеют и перенесены, по-видимому, писцами из оригинала.

Из других знаков отмечено много крестов и знаков в виде Δ /галочки/. Они написаны обычно светлыми чернилами или киноварью, стоят на полях, в междустрочье и указывают на пропуск слова или же поставлены для украшения.

Титла, встречающиеся в рукописи, следующих видов: 1/ без выноса букв над строкой: а/ горизонтальная черта с загнутыми вверх и вниз концами; б/ горизонтальная черта с одним загнутым концом и черточкой посередине; в/ горизонтальная черта с черточкой в середине и по краям; 2/ при сокращении слов с выносом букв над строкой находим или дугообразную линию или титло в виде двускатной крыши. Очень часто выносятся под дужку буквы С, реже Т, О, В, У, в единичных случаях Н.

В исследуемой рукописи всеми писцами последовательно соблюдается правило окончания строки на гласную. Если гласная не умещается в строке, писцы выносят ее над строкой или под строку: $\dot{\dot{V}}\ddot{z}\ddot{d}r^a$ $\dot{\dot{J}}\ddot{a}k\ddot{t}\ddot{s}$ 63a, $\dot{\dot{J}}\ddot{i}v$ л.171.

Основным украшением рукописи служат заголовки и инициалы, написанные, за редким исключением, ярко-красной киноварью. По размеру все инициалы можно разделить на большие, средние и малые. По высоте большие инициалы занимают 4-5 строк, расположе-

ны они так, что половина буквы находится на поле, а половина в столбце. По используемым в больших инициалах геометрическим и растительным мотивам их можно отнести к византийскому стилю. На 189 листе имеется оригинальный инициал, выполненный чернилами. Сохранился инициал плохо, вся левая часть буквы смыта, едва заметна лишь нижняя петля. Вероятно, написал его сам писец. Один раз в рукописи встретился инициал буквы О и два раза ОУ, изображенные в виде рыбки /л.34,27 об,62/.

Большие инициалы, очевидно, писал кто-то один из писцов, возможно, матер-художник, так как они одинаковы, по характеру рисунка и манере исполнения. Место для инициала отмечалось заранее, так что писец основного текста, не закончив заголовка, обрывал его на конце строки, оставив иногда две или даже одну букву в слове.

Средние инициалы - их размер 2 - 2,5 строчных букв - составляют самую многочисленную группу. В основном они написаны чернилами, киноварные средние инициалы встречаются только у VI писца /лл.190,191/. Малые инициалы отличаются от строчных букв чуть большим размером - 1,5 строчные буквы.

И малые, и средние инициалы сходны по начертанию с инициалами Изборника 1076 года.

Рукопись Златоструя XII века не содержит прямых указаний на время и место ее написания. Анализ палеографических особенностей почерков, начертания отдельных букв, изменявшихся по векам, художественного оформления рукописи, сравнение ее письма с другими рукописями XI-XII вв. - все это позволяет предположить, что она могла быть написана в I-й половине XII века.

По вопросу о месте написания и хранения памятника представляется очень интересной гипотеза А.И. Соболевского о том, что рукопись была написана для ростовского епископа Кирилла и находилась в его Библиотеке.²⁸ Однако эта гипотеза требует тща-

²⁸ А.И. Соболевский. Остатки библиотеки XII века. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии XII века. СПб., 1910, стр. 205.
Об этом же: В.С. Гольштенко. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII века. Исследования по лингвистическому источниковедению. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 45-64.

тельного изучения орфографических и фонетических особенностей названной рукописи. Вопрос же о составе древнейших русских библиотек остается чрезвычайно актуальным²⁹ и в этом отношении Златоуструй XII века заслуживает особого внимания.

²⁹ См. О.А. Князевская. О ростовских рукописях начала XIII в. - кн. "Проблемы истории и диалектологии славянских языков". М., 1971 г.

О ФОРМЕ ПО МЪСТАМЪ В НОВГОРОДСКОМ ЕВАНГЕЛИИ
1270 ГОДА

Михай Кочиш

В Новгородском евангелии 1270 года¹ на л. 118а мы читаем: и боудоу/ть пагоуби и глади и троу/си по мѣстамъ /Мт. 24, 7 - в заглавии этого отрывка писец по ошибке пишет: "от Марка"/. Привлекает внимание форма по мѣстамъ, поскольку в ней явно видно влияние существительных с основой на -ā. Данный евангельский отрывок также встречается на л. 58а: и боу/доуть глади и пагоубы/ и троуси по мѣстомъ. Здесь слово мѣсто склоняется по образцу существительных с основой на *ō, т.е., оно получает этимологически правильную флексию.

Распространение окончаний -ам, -ами, -ах у существительных с прежней основой на *ō, *īō /точнее говоря, у существительных, склоняющихся по этому типу/, представляет собой одно из самых значительных изменений в процессе унификации различных типов именного склонения. По мнению И.В. Ягича, подтверждаемому фактами письменных памятников древнерусского языка, впервые начали изменяться формы в дат. п. мн. ч.²

Для иллюстрации распространения окончаний -ам, -ами, -ах лингвисты обычно приводят известные примеры А.И. Соболевского. Так как мы ограничиваемся лишь дат. п. мн. ч., в нашей работе принимаются во внимание нижеследующие приведенные им слова: югуптянамъ, безакониямъ, матигорьцамъ /1271 г./, къ латинамъ /1284 г./, по постояниямъ /ок. 1305 г./, владыч-

¹ Этот памятник известен и под другими названиями: "Евангелие Лотыша" или "Симоновское евангелие" /Н.Б. Шеламанова, Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР. В кн. "Археографический ежегодник за 1965 год." М., 1966, стр. 199./, "Евангелие 1270 года" /Н.Н. Дурново, Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 66./ Хранится в ГБЛ, собр. Румянцева, № 105.

² И.В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 116.

ствиямъ /1317 г./, книжникамъ /1355 г./, къ гробищамъ /1356 г./, дворянамъ, боярамъ /1371 г./, купцамъ /1373 г./, книжникамъ /1393 г./, по мѣстамъ, требищамъ /XIV в./, посадникамъ, княжо-островъчамъ, чернцамъ /XIV-XV вв./.³

В 1974 г. вышли в свет исследования В.М. Маркова, значительно дополняющего приведенный перечень. В.И. Марков приводит примеры и более раннего периода: жителямъ /Путьтина минея XI в./, люагощонамъ /надпись на кресте XII в./, рижянамъ /грамота 1229 г. по сп. 1297-1300 гг./.⁴

Форма по мѣстамъ из Новгородского евангелия 1270 г., по-видимому, научной литературе является пока неизвестной, и она может расширить круг данных, служащих доказательством процесса распространения флексии -ам у существительных с основой на *о, *іо. При этом, все приведенные нами слова В.М. Маркова относятся к существительным мужского рода, т.е. по мѣстамъ в конечном счете является древнейшим примером с окончанием -ам у существительных среднего рода. Кроме того, в перечне А.И. Соболевского встречаются слова среднего рода твердого варианта, восходящие лишь к XIV веку. Форма по мѣстамъ и в этом отношении представляет собой интерес.

В заключение нам хотелось бы коснуться проблемы причины распространения "нового" окончания. По этому поводу В.И. Георгиев высказывает следующее мнение: "... тут се касае за пренасяне на съответното окончание на а- основи с цел да се отстранни омонимията с творителен падеж единствено число..., която възниква поради промяната на еровете в силно положение, изчезването на изгласните ерове и затвърдяването на м".⁵ Это объяснение верно и приемлемо для нас. Однако, оно все-таки не может

³ А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907⁴, стр. 177.

⁴ В.М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, стр. 100.

⁵ В.И. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, стр. 31.

осветить вопрос: почему формы с окончанием -ам встречаются в древнерусском языке уже в XI и XII вв., т.е. до отвердения конечного м'? Здесь мы ссылаемся на слова В.М. Маркова, который утверждает, что подобные примеры "не представляются чем-то неожиданным по отношению к общим закономерностям развития русских именных парадигм".⁶ Мы разделяем это мнение, и считаем, что отвердение конечного м' представляет собой не причину, а скорее решающий импульс с точки зрения распространения окончания -ам у существительных с основой на *ō, *iō. В качестве главной причины мы выделяем действующий уже с давних пор в древнерусском языке закон стремления к унификации различных типов склонения. И спорадическое появление ранних написаний с окончанием -ам объясняется отражением этого стремления. Отвердение же стоящего в конце слова звука м' и вызываемая впоследствии "недопустимая омонимия" лишь способствовали ускорению влияния указанного языкового закона. Следует, однако, отметить, что названный эффект оказался настолько значительным, что существительные с основой на *ō, *iō стали все чаще употребляться в дат. п. мн. ч. с окончанием -ам, и флексия -ом постепенно вытеснялась.

Опираясь на положение, высказанное И.Х. Тотом в работе, посвященной окончаниям -ам, -ами, -ах в древнепсковском говоре XV в., мы с уверенностью можем сказать, что с XIV в. аканье также могло играть важную роль в распространении рассмотренных окончаний.⁷

Итак, целью будущих исследований должно служить не определение причины замены окончания -ом флексией -ам, а установление тех, имеющих неодинаковое в разное время значение, факторов, которые способствовали распространению "новой" флексии.

⁶ В.М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, стр. 34.

⁷ И.Х. Тот. К истории склонения имен существительных в русском языке. *Studia Slavica Hungaricana*, XII. Вр., 1966, стр. 187. В этой работе даются краткий обзор и критика гипотез о факторах вторжения названных флексий И.В. Ягича, А.А. Шахматова, С.Д. Никифорова, В.О. Унбегауна, Л.А. Булаховского, П.Я. Черных, Ю.П. Ульянова, Г.А. Махароблидзе и Н.Ф. Молчановой /стр. 181-189./.

/По отношению к окончаниям -ами и -ах тв. и м. пп. мн. ч. мы придерживаемся того же мнения./ Следует, однако, отметить, что это установление требует более подробного описания названного процесса, которое неосуществимо без привлечения новых данных, т.е. без анализа остальных, пока малоизученных или неизученных, памятников XI-XIV вв.

СЛОВО О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ КНИГ ИОАННА ЗЛАТОУСТА
В СПИСКЕ XI В.

Имре Х. Тот

Введение

В рукописях часто встречаются и такие тексты, которые не входят в состав их основного содержания. Так обстоит дело со знаменитой рукописью № Воскр, 30 ГИМ, которая содержит так называемые Пандекты Антиоха Черноризца, писателя VI века.¹ Как отмечено в описании рукописей, хранящихся в ГИМ, наряду с Пандектами Антиоха имеется два текста, которые не имеют ничего общего с основным содержанием рукописи: на л. 16 - по заглавию - выписана часть из Слова Златоуста о пользе чтения книг, а на л. 309-310 можно читать Алфавитарь Григория Богослова. Алфавитарь Григория Богослова был описан Н.М. Каринским, тщательно обследовавшим графические и языковые особенности древнеболгарского перевода этого знаменитого византийского стихотворения². Однако, текст, который считается писцом Словом о пользе чтения книг, насколько это нам известно, не было предметом специального исследования. Однако более внимательное изучение так называемого Слова о пользе чтения книг убедило нас в том, что интересующий нас текст только приписывается известному византийскому писателю, церковному деятелю Иоанну Златоусту. В действительности - как на это указал В.Р. Ведер - автором Слова о пользе чтения книг был известный сирийский богослов, поэт и мыслитель IV в. - Ефрем Сирий.³ Слово о пользе чтения книг знаменитого сирийского проповедника "сердечной веры"⁴ попало и в свое-

¹ Н.-G. Beck: Kirche und Theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, стр. 449-450.

² Н. Каринский. Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. ИРЯС. т. III, 1930, стр. 259-268.

³ W.R. Weder. The Scaliger Patericon. Volume 2. Text in Facsimile. Lug./IDC/, 1978, стр. 2.

⁴ П.И. Малицки. История на християнската църква. ч. 2-ая. София, 1956, стр. 142.

образный жанр древнехристианской литературы - в сборник поучительных изречений - в так называемый патерик /Aprophthegmata Patrum/. Из разных патериков Слово о пользе чтения книг можно обнаружить и в так наз. Патерике Скитском поглавному.

Скитский патерик поглавный, Синайский и Римский патерики очень рано были переведены на древнеболгарский язык; их перевод был сделан еще в Моравии или в Болгарии до первой половины X в.⁵ Об этом свидетельствует, между прочим, и тот факт, что древнеболгарский писатель преевзвнтер Козма в своем сочинении против еретиков пользуется цитатами из патерика. Н. Ван Вейк высказал мнение о том, что один из вариантов Скитского патерика /Aprophthegmata Patrum / был переведен еще в Моравии моравским архиепископом Мефодием и его учениками.⁶

Переведенный на древнеболгарский язык Скитский патерик поглавный был известен и на Руси. Он занимает большое место в рукописи № 3 Синодального собрания Государственного Исторического Музея. Рукопись, восходящая к XIV в., представляет собой сборник с разным содержанием; среди ее статей встречается и Патерик Скитский поглавный⁷. Она была детально описана А. Горским и К. Невоструевым⁸. По-видимому, из не сохранившегося до наших дней Скитского патерика было переписано неизвестным древнерусским писцом интересное нас произведение Ефрема Сирина в рукопись, которая содержит в себе Пандекты Антиоха.

⁵ В.Р. Ведер. Сведения о славянских древних патериках. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. I, стр. 213.

⁶ N. Van Wiik. The Old slavonic Translation of the ANDPON ATIAN BIBLOS. Edited by Daniel Armstrong, Richard Pope, C.H. Van Schooneweld. Mouton. 1975, стр. 21, 24, 81.

⁷ Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969.

⁸ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. т. 2-ой. М., 1859. под № 153.

Из более поздних рукописей Слово о пользе чтения книг, приписываемое еще в византийской традиции Иоанну Златоусту, встречается в Протопатериконе Скалигера в Библиотеке Лейденского университета. Рукопись № 24 собрания Университетской библиотеки в Лейдене была издана В.Р. Ведером.⁹ Издание В.Р. Ведера было нами воспользовано для правильного чтения поврежденных или ошибочно списанных мест Слова о пользе чтения книг в рукописи № Воскр. 30 собрания ГИМ^х.

I. Палеографические особенности

Прежде чем приступить к палеографическому описанию интересующего нас памятника, следует указать на то, что текст Слова о пользе чтения книг написан в двух столбцах, под которыми пишется продолжение текста в 5 строках. По-видимому, текст продолжался и дальше, однако шестая строка при переплете рукописи была срезана и ее невозможно прочитать.

Палеографические, графические особенности всех трех частей дают нам право считать текст работой одного и того же писца. Так как интересующий нас текст имеет одинаковые палеографические, графико-орфографические и языковые особенности, то мы употребляем для его обозначения название: Слово о пользе чтения книг, в полном соответствии с неизвестным писцом, который сам написал следующее заглавие над текстом: "Слово стааго Ивана [З]латоустааго". Согласно заглавию, которое было дано неизвестным писцом слову, в дальнейшем мы употребляем для обозначения текста сокращение СЗ. Надо добавить к общей характеристике интересующего нас памятника, что этот текст остался невыделенным исследователями из состава Пандектов, хотя уже Архимандрит Амфилохий указал на то, что в ПА имеются отрывки и других писателей. Алфавитарь Иоанна Богослова, который также находится в рукописи № Воскр. 30, был выделен как самостоятель-

⁹ W.R. Weder. The Scaliger Patericon... стр. 2-3.

^х Автор приносит благодарность проф. В.Р. Ведеру за присланную ему копию издания Патерика Скалигера и за оказанную ему помощь со стороны проф. В.Р. Ведера.

ное произведение уже И.И. Срезневским.¹⁰ Подобным же образом, как о самостоятельном произведении, говорит о нем и Е.Э. Гранстрем¹¹. Однако СЗ как самостоятельное произведение каким-то образом осталось неизвестным. Заслуживает внимания тот факт, что описавший язык Пандектов Антиоха П.М. Копко вообще не упоминает ни Алфавитаря Григория Богослова, ни интересующего нас текста.¹²

Текст СЗ писан на обратной стороне первого листа пергаменной рукописи № 30 Воскресенского собрания. Пергамен довольно плохой сохранности: верхняя левая часть листа оторвалась и только позднее была снова переплетена к остальной части первого листа. Таким образом, первые 13 строк текста читаются сравнительно трудно. Размер листа 22,5 x 18 см. Текст списан в двух столбцах. В первом столбце, обозначенном нами буквой а, пишется по 31 строке, во втором, обозначенном нами буквой б, имеется 35 строк. Ниже первого столбца, под ним продолжается текст, однако, уцелело только 5 строк. Эту последнюю часть текста мы обозначили буквой в.

На листе 16 можно отметить и остатки разлиновки, проведенной, по всей вероятности, самим писцом СЗ. С течением времени не только пергамен был поврежден, но пострадал и текст: некоторые буквы стерлись. Установленные нами стертые буквы ставятся в квадратные скобки.

Текст написан косым уставом, имеющим характерные приметы письма XI в. Таким же уставом был написан, хотя другой рукой, и Алфавитарь Григория Богослова. Для писца характерна беглость почерка, которая объясняется быстрым, поспешным темпом письма. Начиная с 21 строки столбца б, буквы становятся большими по размеру. Особенно относится эта черта к последним пяти строкам

¹⁰ И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 79.

¹¹ Е.Э. Гранстрем. Список славянских рукописей XI в. и конца XI - начала XII вв. Славянская филология. IV. М., 1958, стр. 415.

¹² П.М. Копко. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. ИОРЯС, т. XX, 1915, кн. 4, стр. 139.

текста /часть в/. Более внимательное ознакомление с начертанием отдельных букв убеждает нас в том, что в СЗ мы имеем дело с не установившимся уставом. Это выражается в том, что некоторые буквы имеют по два-три варианта. Из-за поспешности писца строки и буквы пишутся неровно: то сжато, то с большими расстояниями между ними. Несмотря на это, некоторые буквы являются пропорциональными: их верхняя и нижняя часть одинаковы /ч, ж/. В некоторых случаях можно отметить квадратность в начертании отдельных букв /ъ, н/, то есть их высота и средняя ширина одинаковы. Как известно, пропорциональность и квадратность являются важнейшими особенностями самого древнего устава, однако эта особенность начертаний букв часто нарушается, что объясняется поспешностью писца. Письмо СЗ можно назвать будничным письмом. Этот тип письма сближает интересующий нас памятник с письмом Алфавитаря, которое, по Н.М. Каринскому¹³, также представляет собой будничный тип письма. СЗ было списано неизвестным писцом из другой рукописи, потому что содержание этого отрывка казалось для писца актуальным. Этот факт говорит за то, что наряду с праздничным уставным письмом существовал и своеобразный будничный тип устава, которым писцы пользовались в таких случаях, когда они записывали какой-нибудь текст для себя, считая его важным и злободневным.

В тексте встречаются следующие буквы: а, б, в, г, д, е, ж, з, Ѡ, ѡ, и, к, л, м, н, о, Ѡ, п, р, с, т, оу, х, ч, ц, ш, щ, ъ, ь, Ѣ, Ѥ, Ѭ, Ѭ, Ѭ, Ѭ, Ѭ, Ѭ, Ѭ, Ѭ.

Анализ почерка писца мы начнем с тех букв, которые имеют датирующие признаки.

Ѣ. Мачта прямая, которая иногда имеет наклон вправо. Небольшая петля касается мачты ниже середины строки. Коромысло пишется косо. Оно находится под верхним уровнем строки. Буква обыкновенно пишется в строке. Есть вариант, у которого мачта чуть-чуть выше верхнего уровня строки. Этот вариант буквы Ѣ

¹³ Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 268.

встречается и в таких памятниках XI в., как Житие Феклы.

У. Средняя часть высокая. Буква пишется с разведенными петлями.

У. Буква имеет вид закругленной правильной и пропорциональной чаши. Чаша большая и глубокая. Есть вариант /б 5/, у которого чаша мельче обыкновенной.

Ж. Пишется в три приема. Верхняя и нижняя часть обычно пропорциональны. Боковые линии прямые. Однако для ее начертания характерна некоторая небрежность, неточность. Она выражается в вариантах буквы ж, у которой мы выделили 2 варианта.

Для первого варианта характерно, что средняя часть буквы отодвинута влево, из-за этого боковые линии с правой стороны более короткие /б 36/. У второго варианта вертикальная черточка отодвинута вправо /в 1/ и этим нарушается симметричность буквы /в 1/.

Несмотря на существующие варианты рассмотренных букв, они в основном имеют те приметы, которые характерны для кирилловского письма XI в. Начертание букв Ё, Ѡ, ч, ж позволяет отнести датировку СЗ к XI веку.

Анализ начертаний отдельных букв мы продолжим характеристикой тех букв, которые дадут меньше сведений для датировки интересующего нас памятника.

а. Петля маленькая и не доходит до конца нижней строки, хотя есть вариант, у которого петля касается нижней строки /б 22/. Не доходящая до нижней строки петля характерна для памятников XI века: СР, ХЛ, ЛУ и ЛВ¹⁴.

Б. Мачта прямая. Петля маленькая, узкая. Она касается мачты ниже ее середины.

В. Мачта пишется с наклоном вправо. Верхняя и нижняя часть почти равномерны. Нижняя часть не пересекает мачту, а присоединяется к верхней. Буква В имеет варианты. У первого варианта нижняя часть чуть-чуть больше верхней /б 24/. Для второго характерно, что петля доходит до мачты /б 25/. Иногда нижняя

¹⁴ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 181.

часть больше верхней и имеет вид треугольника: /б 24/.

Г, Д. Замечаний не вызывают.

Д. Буква обыкновенно помещается в строке, что характерно для древнейших памятников¹⁵. Ножки являются продолжениями основных линий, образующих очень маленький и узкий треугольник. Буква Д имеет и варианты. У первого варианта /б 25/ ножки пишутся особо, как в СР, ЛУ, Сб 1073.¹⁶ У второго варианта ножки и поперечная линия выходят из нижней строки /б 23/. Для третьего варианта характерно, что верхняя левая линия начинается ниже правой /б 10/.

е. Узкая. Средняя вертикальная черточка очень невыразительна: иногда она образуется только нажимом пера. Узкое е встречается в ХЛ.

З. Средняя главная черта обыкновенно пишется на нижней строке, откуда начинается хвостик буквы, который спускается ниже линии строки. Хвостик отодвинут вправо. Буква имеет варианты. У первого варианта средняя главная линия спускается ниже строки /б 36/. У второго верхняя горизонтальная линия пишется иногда косо /б 20, 28/.

И. Мачты прямые. Они посередине соединяются тонкой и короткой горизонтальной линией. Есть такой вариант, у которого горизонтальная линия, идущая немного косо, проводится посередине, а иногда то выше, то ниже ее /б 14, б 30/.

І. Не вызывает замечаний.

К. Правая часть буквы пишется довольно далеко от левой.

Л. Образующие букву вертикальные линии внизу довольно далеко расставлены. Обе стороны буквы одинаково развиты. Есть вариант, однако, у которого правая часть немного короче левой /б 32/.

М. Мачты буквы наверху наклонны друг к другу. Соединяющая мачты острая петля не выходит под строку. Петля, присоединяясь к мачтам, образует наверху углы как с левой, так и с правой стороны. В СЗ встречается два варианта написания буквы

¹⁵ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 184.

¹⁶ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 184.

М. У первого петля присоединяется к правой мачте с помощью горизонтальной черточки /б 27/. У второго варианта петля присоединяется к обеим мачтам с помощью горизонтальных точек, т.е. без углов /б 26, в 4/. Петля с острой серединой встречается уже в памятниках XI в.: в И 73, ПА¹⁷.

Н. Буква имеет архаичное начертание. Поперечная линия, начинаясь у левой мачты, проходит вниз и касается правой немного выше края буквы, как в надписи 993 г. Таким образом, буква похожа на соответствующую букву латинского алфавита /N-образная/. Интересной чертой этой буквы является то, что правая мачта не прямая, а немного овальная /б 20, б 29/. Подобное начертание буквы можно обнаружить и в Русской части Саввиной книги.

О. Буква узкая. Замечаний не вызывает.

П. Мачты имеют наверху горизонтальное покрытие. Они пишутся сравнительно далеко друг от друга.

Р. Характерная черта буквы р - это малая головка, которая пишется в строке и не касается нижней линии строки. Есть такой вариант, который почти целиком умещается в строке, как и в надписи 993 г. или надписи Мостича /б 12, а 11/.

С. Узкая буква. Замечаний не вызывает.

Т. Мачта прямая с наклоном вправо. Горизонтальная линия пишется косо. Крылья высоко подняты и образованы нажимом пера.

ОУ. Составная часть - буква у - имеет своеобразное начертание. Правая часть пишется косо и обыкновенно не выходит или только немного выходит под строку. Правая часть наверху имеет значительный загиб, закругление. Левая сторона имеет покрытие.

Х. Обе линии выходят под строку, как в ОЕ. Правая тонкая линия наверху имеет крюкообразный завиток.

Ц. Линия, соединяющая вертикальные линии, пишется в строке или даже выше нижнего уровня строки /б 14/. Подобное начертание имеет эта буква в ЛВ XI в. Хвостик является продолжением правой линии, что характерно для древнейших рукописей¹⁸. Он

¹⁷ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 195.

¹⁸ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 201.

только немного выходит под строку. Начертание буквы Ц похоже на печатную цифру 4. Такой вид буквы Ц встречается в СК и в памятниках болгарского происхождения.¹⁹

Ш. Линия, соединяющая внизу вертикальные черточки, пишется косо, приподнимаясь вверх с нижнего уровня строки. Буква Ш умещается в строке.

Щ. Хвостик буквы является продолжением средней вертикальной линии. Он выходит под строку /а 9/.

Ъ. Мачта пишется с наклоном вправо. Округленная петля касается середины мачты. Мачта покрыта горизонтальной черточкой, которая слева имеет кончик, образованный нажимом пера. Мачта с наклоном вправо встречается в СК /л. 1336/. Буква ъ имеет два варианта. У первого петля угловатая /б 14/. Для второго варианта характерно, что верхняя горизонтальная линия очень короткая и не имеет кончика. Эта особенность начертания буквы ъ сближает ее с буквой Ъ /б 15, б 26, б 28/. Подобный вариант буквы ъ имеет место и в Русской части СК.

Ь. Замечаний не вызывает.

Ѣ. Буква состоит из Ѣ и І без соединительной линии.

А. Буква маленькая. Составляющие ее наклонные друг к другу вертикальные линии пишутся очень близко. Они соединяются снизу острой, открытой сверху черточкой. Такой вариант буквы А встречается в мелком почерке в памятниках XI века: ХЛ, ОЕ. Буква А похожа на соответствующую букву в СР.

Р. Верхняя и нижняя часть буквы одинаковы. Буква помещается в строке. Верхняя горизонтальная линия очень тонкая. Нижняя правая чертовка короче левой.

К, Ю, Ја, Ж. Средняя горизонтальная линия обыкновенно очень тонкая черточка, обычно она касается середины буквы. Высокая соединительная черточка является архаической особенностью начертания этих букв. Что касается начертания буквы Ж, следует

¹⁹ А.И. Соболевский. Славяно-русская палеография, СПб., 1908, стр. 47.

указать на то, что она сходна с буквой $\dot{\text{I}}$ в СР.

В тексте СЗ находится и три инициала. В столбце а пишется инициал Р, раскрашенный киноварью и синей краской. Подобным образом украшен и инициал І в столбце б. Киноварью написана заглавная буква а, с которой начинается третья часть интересующего нас текста. Синяя краска употребляется очень редко древнерусскими писцами: ее можно обнаружить в двух древнерусских рукописях: в Пандектах Антиоха и в Реймском евангелии²⁰.

Говоря о знаках препинания, следует остановиться на употреблении двоеточия. Оно разделяет текст на части. Двоеточие ставится писцом там, где была остановка в речи. Оно в этой функции встречается в памятниках XI в.: в ОЕ /в мелком почерке/, в РЕ и в ЛВ. В конце абзацев также употребляется двоеточие, скомбинированное с горизонтальной линией и с точками.

Из надстрочных знаков выделим надстрочную точку над буквами, обозначающими гласные, двоеточие и титло. Об употреблении надстрочной точки мы будем говорить в разделе о графике. Надстрочное двоеточие пишется над буквой $\dot{\text{I}}$, которое тоже ставится над строкой.

Титло имеет своеобразный вид, причем для него также характерна вариантность. Иногда титло похоже на длинную горизонтальную черточку /—/ /б 35/, в других случаях же оно похоже на неглубокую дугу. Характерно, что титло пишется без вертикальных черточек. Оно оформлено писцом довольно грубо. Под титлом писано небольшое количество сакральных слов, которые, однако, по характеру текста часто встречаются в СЗ: стааго а1, стьихъ а19, б31, въ стьню в34, бжи а11, боу б7, соухе б9-10, ги б13, бе б25, дши б35.

Подводя итоги нашим палеографическим наблюдениям, мы можем сделать следующие выводы:

Для начертаний большинства букв в СЗ характерна вариантность. Ее можно обнаружить и в других памятниках XI в., например, в Русской части СК. Эта особенность почерка писца частично может объясняться поспешностью, торопливостью писца. Вариантность начертаний отдельных букв могла быть вызвана влиянием

²⁰ А.И. Соболевский. Ук. соч., стр. 44.

начертаний букв древнеболгарского протографа при переписывании. В нашем описании, говоря о графических особенностях интересующего нас текста, мы выделим случаи написания ч + ъ вместо ч + ѣ, которые попали в СЗ, несомненно, из древнеболгарского протографа. Подобное явление могло иметь место и в начертании букв, разновидности которых обуславливаются влиянием древнеболгарского протографа. Древнеболгарский протограф повлиял, частично и на графику рукописи Воскр. 30, так как на лл. 186-266 были списаны одноеровой графикой, восходящей к другой графико-орфографической традиции, чем остальные части.²¹ Начертания отдельных букв /ч, ж, ѡ, ц, р/ очень архаичны и имеют свои соответствия, главным образом, в таких памятниках древнеболгарского языка, как СР, СК. Это обстоятельство позволяет нам сделать вывод о датировке СЗ. Палеографические данные СЗ позволяют отнести время возникновения интересующего нас памятника к XI веку. Они находят соответствие в таких древнеболгарских кирилловских рукописях, для которых можно предположить, что они возникли в Восточной Болгарии.

II. Графика и орфография

Описывая графико-орфографическую систему СЗ, мы остановимся на следующих особенностях:

- 1/ Употребление надстрочной точки;
- 2/ Употребление букв ѡ, ѣ, ѧ;
- 3/ Употребление буквы ѣ вместо ѣ;
- 4/ Употребление букв е и ѣ;
- 5/ Сочетаемость букв ч, ж, ш, ц, щ, жд с буквами, обозначающими гласные;
- 6/ Употребление отдельных букв /ѧ, ѡ/.

1. Употребление надстрочной точки

Для графической системы СЗ характерно обильное употребле-

²¹ П.М. Копко. Ук. соч., стр. 88.

ние надстрочных точек, которые ставятся над буквами, обозначающими гласные. Надстрочные точки пишутся:

а, над буквами в начале слов:

и:

и ѿана а1, и а5, б10, б12, б30, в3, ихъ б3, или б5, иного б6†

о:

очи а14, б10, отъ б16, б20, отъкрыи б18, оумь б26;

е:

ѣсть а30, в2, ѣгда б4, ѣ б12;

я:

яко б14;

б, внутри слов:

а: стааго а1, [3] латоустааго;

и: стъ ихъ а19, твойхъ б17;

о: иоа нь б7;

е: разоу|мѣеши б3, твоѣ|а б24, твоѣго б28, моѣи б35, вьсы-
ла|емь в4;

в, в конце слов или в конце строки:

а: ∅

и: чьтений а5, срьдъчьнѣи а14, прочитаи б2, съкрыи б16, запо-
вѣдйи б17, отъкрыи б18, мой б18, б25, моѣи б35;

е: приле|жани|е|мь а24-25, твоѣ б11, обновлени|е б33, просвь-
щени|е б33-34, спсени|е б35, прожджени|е б36, вьсакода|ти|е
в2-3;

я: жити|а а19, бе|звьстьна|а б22, твоѣ|а б24.

Употребление надстрочной точки над буквами а, и, о, е, я проявляется в графической системе СЗ под влиянием древнеболгарского протографа. Однако писец очень часто пропускал ставить точки там, где они имелись в протографе СЗ: како а2, п[ос]лоушати а5, чьтеши а15, твориши а17, ти а13, ѣгда а21, прочитаи а26, обрацати а30 и пр.

2. Употребление букв Ж, Ъ, А.

Для исследуемого нами памятника характерно наличие букв Ж, Ъ, А. Однако они употребляются этимологически неправильно-

но, что выражается в следующем: а/ вместо букв ѡ, ѣѡ, Ѡ употребляются буквы оу, ю, а, ѣа:

б/ вместо букв оу, ю, а, ѣа встречается написание с ѡ, ѣѡ, Ѡ.

Наши материалы распределяются следующим образом.

А/ Правильное употребление букв ѡ, ѣѡ, Ѡ:

твоѣѡ 613, разоумѣѡ 619, оупь|ваѣѡ 629-30, прочитаѣѡ 631, са а12, а31, 67, сади 68, гла|гола в7-8, на та 629, безначальны мь в5;

Б/ Неправильное употребление букв ѡ, ѣѡ, Ѡ:

1. вместо букв ѡ, ѣѡ, Ѡ пишутся буквы: оу, ю, а, ѣа:

силоу 63, чьтоуца 66, прѣмудрости 623, хвалоу в3, славоу в3, волю 613, стѣню 634, твоѣѣа 624, вѣчьныѣа 637, лежащимь в1;

2. вместо оу, а, ѣа пишутся буквы ѡ, Ѡ:

сѣд [?] х ти а9, всако в2, всакъ в3, прилежаниѣ|мь а24-25.

Буквы ѡ, ѣѡ, Ѡ этимологически правильно употребляются 12 раз. Неправильность их употребления была отмечена нами 13 раз. Написания с буквами оу, ю, ѣа, на месте этимологически оправданных ѡ, ѣѡ, Ѡ говорят о древнерусской редакции древнеболгарского языка. Подобным же образом древнерусской чертой графики является употребление букв ѡ, Ѡ вместо оу, а, ѣа.

Написания, свидетельствующие о древнерусском типе денационализации носовых гласных, являются почти единственной древнерусской чертой графики интересующего нас памятника. В этом отношении он сходен с Алфавитарем Григория Богослова на лл. 3086-3096, где можно отметить почти такое же древнерусское единственное графическое свойство.

3. Употребление буквы ѣ вместо ѣ

Характерной чертой графики СЗ является постановка буквы ѣ в некоторых случаях вместо этимологически правильной буквы ѣ:

после буквы ч пишется ь 2 раза: чь [те] ни^іа¹⁰, чьтоуца бб. Вместо буквы ь буква ѣ пишется один раз после ш: пришьльць 614. Эта черта графики, проведенная писцом СЗ не консеквентно, несомненно, восходит к болгарскому протографу СЗ, где она встречалась часто. Данное явление имеет место и в Алфавитаре Григория Богослова, где оно объясняется влиянием болгарского протографа.²²

4. Употребление букв е и ѣ

Для графико-орфографической системы СЗ характерно употребление букв е, и ѣ, которое можно выделить в следующих случаях:

а/ буква е ставится внутри слов, после букв, обозначающих согласные: словеса а2, б32, хочеши 64, не 615, 628, мене 616, чоуде|са 619-20, бе|звѣстьнаѣ 621-22, себѣ 636, спсениѣ 635, прожджениѣ 636, просвѣщениѣ в1, тебе в1, съвршьень в3, тебѣ в4, [б]езначальнымъ в5, отъцемъ в5;

б/ буква ѣ пишется в начале слов для передачи этимологического сочетания [j + e]: ѣгда 64, ѣ 612, ѣсмь 614, ѣси в1, естъ в2;

в/ буква ѣ встречается внутри слов после букв, обозначающих гласные для передачи этимологического сочетания [j + e]: разоу|мѣеши в2-3, тво|ѣго 620-21, 633, твоѣ а 629, моѣи 640, въсылаѣемъ в4;

г/ в конце слов после букв, обозначающих гласные: твоѣ 611, обновлениѣ 633, просвѣщениѣ 633-34, спсениеѣ 635, прожджениѣ 636, датиѣ в2-3.

5. Сочетаемость букв ч, ж, ш, щ, жд с буквами, обозначающими гласные

Особенности графики, которые проявляются в сочетаемости букв ч, ж, ш, щ, жд с буквами, обозначающими гласные /и, ы, оу, ю, ѧ, ѧ, ѣ, ѣ, а ѣа/ важны не столько для истории русского языка, сколько для выявления типа древнеболгарского прото-

²² Н. Каринский. Ук. соч., стр. 264.

графа интересующего нас текста. Материалы, почерпнутые из СЗ, группируются следующим образом:

ч + оу: чоуде|са 619-20, ч + и: очи а14, 610, прочитай а26, 61-2, прочитаѣ 631, чисти 65, 629, ч + ъ: чьтении а4, срьдъ-чньбѣ а14, чьтеши а15, а21, чьтемь а20, чьти а24, вьчьныа 636, ч + ъ: чѣ[те]ни' а10, чьтоуща 66, ч + А: безначальны мь в5, ж + а: лежащимь в1, ж + и: жити'а а19, жити 630, съкажи 621, жизни 635, ж + ъ: прильжьно а22, ж + А: прилежание|мь а24-25, ш + а: послоушати 65-6, оуслышати 610-11, ш + и: оу-ши 69, чьтеши а15, а21, твориши а17, разоумѣиши 62-3, про-свѣтиши 621, ш + ъ: пришьльць 614, щ + а: обращай а28, чьтоу-ща 66, щ + и: лежащимь в1, щ + ѣ: сѣд[?]щѣ а9.

Из этих примеров заслуживает внимания написание приле-жание|мь а24-25, где для передачи сочетания [ʒ' + а] писец употреблял буквы жА, которые в древнерусском произношении действительно передавали сочетание [ʒ' + а], однако их буквенная передача не соответствовала закономерностям древнеболгарской графики. Буква А для передачи гласного ['а] представляет собой этимологически неправильное употребление юса малого. Этот пример одновременно можно истолковать как попытку применения потерявшей свое этимологическое значение буквы А для графического изображения сочетания [ʒ' + а]. Подобное явление имеет место и в других древнерусских памятниках раннего происхождения: в ЖФ, ТЛ.

Сочетаемость букв ж, ш, ч, щ с буквами, обозначающими гласные, можно изобразить следующим образом:

	а	ѧ	и	ы	оу	ю	ѣ	ѣ	ь	ь	А
ц	∅	∅	+	-	+	-	∅	∅	+	+	+
ж	+	-	+	-	∅	∅	∅	∅	+	-	+
ш	+	∅	+	-	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
щ	+	-	+	∅	∅	+	∅	∅	∅	∅	∅
ч	∅	∅	+	∅	+	∅	∅	∅	+	+	+

/Знак ∅ означает, что для данного явления нет примеров/.

Данные графической системы СЗ позволяют сделать вывод о том, что оно было списано с такого древнеболгарского оригина-

ла, в котором были обобщены написания типа ча, жа, ша и параллельно с ними были известны и написания ч + ъ и ш + ъ вместо ч + ъ, ш + ъ.

6. Употребление отдельных букв

Буква і пишется в имени Ісоуѣ под титлом. Она ставится писцом три раза на верхнем уровне строки в морфеме -ии: чь [те-
нии і a10, бжи і a11, написаны] хъ a16. В этих случаях над буквой и писец поставил двоеточие.

Употребление буквы ѡ было отмечено нами в двух случаях: в первом случае ѡ пишется а имени ѡвана a1, во втором - в предлоге ѡть в2.

Рассмотренные выше графические особенности СЗ дают нам возможность восстановить особенности графики древнеболгарского протографа, так как исследуемый нами памятник мало в чем отличается от своего древнеболгарского протографа.

По данным СЗ для древнеболгарского оригинала были характерны следующие особенности графики:

1/ наличие букв ѧ, Ѩ, Ѧ, причем в оригинале СЗ относительно правильно этимологически писались и не смешивались с буквами, обозначающими чистые гласные;

2/ употребление буквы іе в начале слов и внутри слов, после букв, обозначающих гласные в значении [j + e];

3/ буквы ѣ и ѥ различались в протографе СЗ правильно, за исключением тех случаев, когда они писались после буквы ч и ш: в таких случаях вместо ѣ писалась буква ѣ, что объясняется специфическим отвердением согласных [č', [š'] на древнеболгарской почве;

4/ после букв ч, ж, ш, ц, щ, жд писались буквы а, оу, ѧ и Ѧ.

III. Фонетика

Разбор фонетических особенностей начнем с изучения судьбы редуцированных гласных.

1. Редуцированные гласные в корнях

а/ редуцированные гласные не в сочетаниях, восходящих к об-

щеславянским: tьrt, tьlt, tьrt, tьlt:

Буквы ь, ь пишутся на месте этимологически слабых редуцированных: тьщ[и] а27, тьк[ь] мо а28-29, б28-29, дьва б1, оупь|ва б29-30, чьтении а4, ни чь[те]ни¹ а10, чьтеши а15, а21, чьтемь а20, вь|[с]ьмь а22-23, чьтоуца б6, пришльць в14, тьмь в2, вьсако в2, вьсакъ в3. Таким образом, в интересующем нас тексте 11 случаев написаний с буквами ь, ь там, где редуцированные гласные были в слабой позиции. Отсутствует буква ь там, где редуцированный гласный непереднего ряда был в абсолютно слабой позиции: много|мь а24-25. Буква ь пишется там, где редуцированный гласный был этимологически в сильной позиции в следующих случаях: тьк'мо а15, тьк[ь] мо а28-29, б28-29, нь а16, а30, б1, б18, б35, б38. Наши примеры свидетельствуют о том, что не пишется буква о там, где редуцированный был в сильной позиции. Пропуск буквы ь в сочетании "мьн" встречается уже в древнейших текстах. Таким образом, пропуск ь в этом корне можно считать выражением отсутствия редуцированного гласного в слабой позиции. В данном случае пропуск буквы можно считать влиянием древнеболгарского протографа, в котором "поведение" редуцированных гласных в слабой позиции было весьма архаичным.

б/ Редуцированные гласные в континуантах общеславянских сочетаний tьrt, tьlt, tьrt, tьlt:

Только континуанты общеславянских сочетаний tьrt представлены в СЗ. В отмеченных нами случаях буква ь пишется этимологически правильно, не смешиваясь с ь. Она ставится писцом после буквы р: отвьрзе[ть] а13, срьдьчьнѣи а14, б10, срьдьцьм /sic/ а23, отвьрвьѣи б9, съврвьень в3. Как наши примеры показывают, континуанты общеславянского сочетания tьrt пишутся в характерном для древнеболгарского языка фонетическом облике. Древнерусские написания с ь перед плавным в СЗ не встречаются. Этот факт может объясняться, по нашему мнению, сравнительно ранним происхождением интересующего нас памятника.

2. Редуцированные в суффиксах

В суффиксе -ьч-, -ьч- пишется буква ь, там, где редуцированный гласный был в сильной позиции: срьдьчьнѣи а14, срьдьцьм /sic/ а22, срьдьчьнѣи б10. Подобным же образом буква ь пишется

на месте сильного редуцированного в суффиксе -ьц-: пришьльць 614. На месте редуцированного переднего ряда в суффиксах -ьч-, -ьн- пишется буква ь там, где редуцированный был в слабой позиции: срьдьчьнѣ а14, прильжьно а22, срьдьчьнѣ б10, бе|звь- стьна|а б22, вѣчьнѣ|а б37, [б] езначальнѣ|а в5, отьцемъ в5.

В суффиксе -ьм- там, где редуцированный гласный непереднего ряда был в слабой позиции, пропускается буква ь, однако, пропуск писцом обозначается в виде диакритического знака: тък'мо а15. В конце строки сохраняется буква тък[ь]мо а28-29, б28-29.

Наши данные позволяют сделать вывод о том, что редуцированные гласные в суффиксах и в сильной, и в слабой позициях остаются без изменения. Единственным исключением является написание тък'мо а15.

3. Редуцированные в префиксах

Как известно, в префиксах об, без в общеславянском языке редуцированных не было. Они пишутся без ь и в СЗ: обновлени|е б38, [б] езначальнѣ|а в5, бе|звь- стьна|а б20. Сохраняется буква ь в префиксе съ: смѣ|сь б27.

4. Редуцированные в провербах

В СЗ мы отметили следующие случаи употребления буквы ь в провербах: вѣ|нимати а5-6, вѣ|сыла|емъ в4, сѣ|крѣ|и б15-16, сѣ|кажи б21, сѣ|врѣ|шьнѣ|а в3, отврѣ|зе[т]ь а13, отврѣ|зи б9, отв-|крѣ|и б18. Как видно из наших примеров, буква ь пишется в тех морфемах, где она была этимологически оправдана вовсе консеквен-тно. Выделяется из наших примеров написание с ь в провербе от, где в общеславянском языке редуцированный отсутствовал. В дан-ном случае ь проявляется в этом провербе в 2 случаях под влияни-ем тех преберв, у которых употребление ь было этимологически оправданным. ²³

5. Редуцированные в предлогах

Буква ь постоянно пишется там, где в предлогах редуциро-

²³ И.Э. Еселевич, В.М. Марков. История редуцированных в русском языке. Казань, 1976, стр. 12-13.

ванный гласный переднего ряда был в слабой позиции: въ а18, б35, в1, съ а24, в5. Однако в предлоге отъ консеквентно пишется ь, хотя написание с ь этимологически не было оправдано: отъ б16, отъ в2²⁴.

6. Редуцированные в флексиях и окончаниях

Редуцированный гласный переднего ряда был в сильной позиции во флексии твор. п. ед. ч. существительных не женского рода: срьдцьмъ/sic/ а23. Несмотря на это, сохраняется написание с ь.

Случаи слабого положения редуцированных в конце слов представлены следующими примерами:

буква ь

в флексиях: иоанъ а7-8, азъ б15, написани а15, б29, грѣхъ б35-36, ихъ б3, грѣсѣхъ а18, стѣихъ а19, твоихъ б17, лежаци^имъ в1, въсакъ в3, съврѣшень в3, оумъ б39, съмъ|слъ в30;
в окончании: чтьемъ а20;

буква ь

в флексиях: въ| [с]ѣмъ а22-23, съ много|мъ а24-25, при [ле]жани|е|мъ а25-26, прищѣльць б14, свѣтомъ б32, [б]езначальнымъ в5, отъцемъ в5;
в окончаниях: ѣсмъ б14, ест [в] а30, в2, подо [ба] |еть а4, отвръз [е] ть а13.

Пропускается буква ь только в одном случае: срьдцьмъ а23. Однако употребление точки на конце строки можно в данном примере квалифицировать как заместитель пропущенной писцом буквы ь²⁵.

В СЗ один раз можно отметить ошибочное употребление буквы ь в местн. п. ед. ч. указательного местоимения тъ: [ото]мъ а3, когда вместо буквы ь ставится писцом буква ь. Данное явление восходит к древнеболгарскому протографу, в котором имелось колебание в написании флексий -омъ, -омь. Оттуда попала форма -омь в исследуемую нами рукопись. В слове

²⁴ И.Э. Еселевич, В.М. Марков. Ук. соч., стр. 11-13.

²⁵ Е.Ф. Карский. Ук. соч., стр. 228.

оумь 626 трудно решить, с какой буквой мы имеем дело. Она скорее всего похожа на ь. Употребление вместо ь можно встретить и в СК², где несколько раз пишется форма нь вместо нь.

Наши данные позволяют нам сделать следующий вывод о судьбе редуцированных гласных в СЗ: редуцированные гласные в слабой позиции сохраняются в корнях, суффиксах, приставках, провербах, во флексиях и окончаниях. Отклонение от этой нормы можно выделить в 3-х случаях: многомъ а24, тък'мо, срьдцьмъ а23. Однако из них несомненным примером пропуска ь можно считать только первый случай, восходящий, по всей вероятности, к древнеболгарскому протографу.

Редуцированные в сильной позиции сохранялись без изменения. Консервативное "поведение" редуцированных в СЗ может быть истолковано по-разному: в нем можно видеть особенности архаического протографа или можно считать отражением живой древнерусской речи письма, для которой было характерно наличие редуцированных гласных и в слабой, и в сильной позициях. Интересно подчеркнуть, что буква ь пишется консеквентно даже в тех словах, которые в большинстве древнеболгарских памятников пишутся без ь, как например; въсако в2, въсакъ в3, тъмь в2. Возможно, что выдержанное стремление писца сохранить написания ь, ь объясняется влиянием древнеболгарского протографа, которое было поддержано живой речью писца.

2

Напряженные редуцированные гласные

Напряженные редуцированные гласные ъ и ь и в сильной, и в слабой позициях передаются буквами ъ, и:

ъ в сильной позиции: блаженъ и а8, златоустъ и а9, съкръ и а15-16, отъкръ и а13;

ь в слабой позиции: вѣчнѣна б37;

ь в сильной позиции: бжи¹ а11, заповѣдй твоихъ а16-17;

ѣ в слабой позиции: чьтении а4, чь[те]ни^і а10, жити-а а19, б37-38, при[ле]ж^дни-е|мь а25-26, обновлени-е б39, про|свѣщені-е б38-39, в1, спсени-е б35, прожджени-е б36, дати-е в2-3. Написание с ы, и на месте напряженных редуцированных в слабой и сильной позициях свидетельствует об их наличии как в протографе, так и в речи писца.

3

Судьба гласного, обозначаемого буквой ѣ

Написание с ѣ можно разделить на две большие группы:

ѣ пишется в так называемых свободных морфемах /т.е. не в суффиксах, флексиях, окончаниях/: сѣд[?]щ^к а9, прѣжде а11, срьдъчнѣи а14, б10, въ грѣсѣхъ а18, 'въ|сѣ|ѣмь а23, трѣбе а30-31, лѣни|са а31, сѣсти б4, заповѣдий б17, бе|звѣстна-а б21-22, прѣмоудрости б28, просвѣтиши б31, в1, свѣтомь б32, въ грѣ|хъ б32-33, про|свѣщені-е б33-34б вѣчьнъ а 37;

ѣ пишется в несвободных морфемах /в суффиксах, флексиях/ в следующих случаях: разоумѣ-еши б3, разоумѣти б13, разоумѣ-к б19, срьдъчнѣи а14, б10, трѣбѣ а30-31, себѣ б36, въ тѣмѣ в2, тебѣ в4.

Во всех перечисленных нами случаях, во всех морфемах правильно пишется буква ѣ. Единственным исключением из этой нормы является написание с ѣ вместо е в слове: прилѣжно а22. Это наречие очень часто пишется с ѣ вместо е уже в древнейших памятниках русской редакции древнеболгарского языка²⁶, но однокоренное существительное прилѣжани-е|мь пишется правильно. Правильное употребление буквы ѣ в СЗ может объясняться двумя причинами: влиянием протографа и влиянием живой речи писца, в которой гласные, обозначаемые буквами ѣ и е правильно различались. Как известно, в древнерусском церковно-книжном произношении гласный, обозначаемый буквой ѣ, звучал как [e], как об этом

²⁶ Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. Лужнословенски филолог, кн. 6, стр. 6, 46.

свидетельствуют написания с е вместо этимологически правильных написаний с ѣ уже в памятниках XI века.²⁷ В этом отношении СЗ выделяется правильностью употребления буквы ѣ. Эта черта графики и правописания удовлетворительным образом объясняется тем, что для писца гласные, обозначаемые буквами ѣ и е были разными фонемами. Отсутствие написаний с е вместо ѣ говорит и о том, что во время возникновения СЗ церковно-книжное произношение букв ѣ и е еще различалось - а это косвенным образом свидетельствует о сравнительно раннем происхождении интересующего нас памятника.

4

Явления консонантизма

В области консонантизма мы можем выделить следующие явления:

1/ консеквентное сохранение "вставочного" [1]: на земли 615, обновлениѣ 638;

2/ употребление написаний щ, жд на месте общеславянских сочетаний *tj, *dj (*stj, *skj): про|свѣщениѣ 638-39, аще а30, прѣжде в1, прожджениѣ 636. Что касается формы прожджениѣ 636 2х! следует указать на то, что она является опiskой. В протографе СЗ по свидетельству Патерика Скалигера имелось существительное * прожджениѣ, вместо которого писец написал ошибочно слово прожджениѣ. Написание ждж вместо древнеболгарского написания с жд объясняется контанимацией древнеболгарского написания с жд и древнерусского произношения с ж из общеславянского [*dj].

3/ написания с раз на месте общеславянского сочетания с нисходящей интонацией: разоу|мѣѣши 62-3, разоумѣти 612, разоумѣѣ 620, ра|зоумь 632-33;

4/ привнесенной из протографа СЗ древнеболгарской чертой являются случаи написания с ч + ѣ, ш + ѣ вместо ч + ѣ, ш + ѣ,

²⁷ А.А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пд., 1915, стр. 161-162.

хотя они являются только единичными: на чь [не] ни^т б 10, чьтоуца бб, пришьльць б14.

По-видимому, в протографе было преобладающим или исключительным употребление написаний ч + ъ, ш + ъ. Однако написание типа пришьльць б14 дает возможность предполагать, что в древнеболгарском оригинале сохранились написания типа ц + ъ. Подобный древнеболгарский протограф был установлен для древнеболгарского оригинала Алфавитаря Григория Богослова, находящегося на л. 308б-309 Пандектов Антиоха²⁸. Хотя перед писцом лежала рукопись с написанием ч + ъ, ш + ъ вместо ч + ъ, ш + ъ, он под влиянием своей речи эти написания исправил. Он писал согласно нормам своей речи ч + ъ, ш + ъ, однако не мог выдержанно довести до конца этого написания. Из-за его невнимательности к работе в 3-х случаях попали и графические черты древнеболгарского протографа, выдающие особенности той неизвестной нам древнеболгарской рукописи, которая служила источником для писца СЗ.

Заслуживает внимания тот факт, что в Алфавитаре Григория Богослова сохранились следы такого древнеболгарского протографа, в котором имелись написания чъ, жъ, шь вместо чь, жь, шь, свидетельствующие об отвердении согласных [ч^в'], [ж^в'], [ш^в']. Однако в Алфавитаре написание цъ говорит в пользу того предположения, что аффриката [с'] осталась мягкой. С определенной долей вероятности можно выдвинуть предположение о том, что в Алфавитаре и в СЗ отражаются следы такого древнеболгарского говора, в котором согласные [ч^в'], [ж^в'] и [ш^в'] уже отвердели, но аффриката [с'] осталась мягкой. Таким образом и СЗ, и Алфавитарь восходят к одному и тому же типу древнеболгарских говоров. Таким говором является и говор СК, в котором постоянно употребляется написание цъ, хотя там преобладали написания чъ, жъ, шь²⁹. Возможно, что диалогией объясняется отсутствие буквы и, которая следовала тоже после буквы и: блажень иоа|нь а7-8 вместо блажень и оа|нь.

²⁸ Н. Каринский. Ук. соч., стр. 264.

²⁹ Н. Ван Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 132.

IV. Морфология

СЗ в морфологическом отношении оказывается весьма скудным. Древнерусские элементы в нем отражены весьма ограниченно.

1. Имя существительное

основы на *ā, *jā: Ед. ч. вин. п.: силоу 63, хвалоу в4, славоу в4, местн. п.: въ тѣмѣ в2; мн. ч. вин. п.: таины 622-23; ед. ч. вин. п.: волю 613, въ стѣню 634; дат. п.: дщи моѣи 635, местн. п. на земли 615.

основы на *ō, *jō:

Мужской род: Ед. ч. им.-вин. п.: иоанъ а7-8, грѣхъ 635-36, съмысль 630, оумь 630, даръ в3, род. п.: йвѣна а1, закона 610, ра|зоума 627-28, дат. п.: боу 67, твор. п.: свѣтомь 627. Звательная форма: Ісоухе 69, бже 625. Мн. ч. местн. п. грѣсѣхъ а18, Ед. ч. им. п.: пришьльць 614, твор. п.: отьцемь 65.

Средний род: для твердого варианта примеров не встречается.

Ед. ч. им.-вин. п.: обновлениѣ 633, просвѣщениѣ 633-34, в1, спсениѣ 635, прожджениѣ 635, датиѣ в2-3, твор. п.: прилежаниѣ|мь а25-26, срьдцьмъ /sic/ а24, местн. п.: чѣ[те]ни а10. Мн. ч. им. п.: житиѣ а19, 631-32, род. п.: чѣтений а4.

основы на *i: Ед. ч. род. п.: жизни 636, прѣмоудрости 623. Мн. ч. род. п.: запо|вѣдий 616-17.

основы на *ū: нет примеров;

основы на согласные: Ед. ч. им.-вин. п.: сло|во а1, 611, мн. ч. им.-вин. п.: слова а20, 27-28, 62, чоуде|са 619-20.

2. Двойственное число

Им.вин. п.: очи а14, 610, 18, оуши 69. Заслуживает внимания тот факт, что после числительного дѣва в наречии дѣва крѣты вместо формы им.-вин.-зв. п. дв. ч. употребляется форма им.-вин. п. мн. ч. существительного м.р. крѣть ³⁰.

³⁰ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 244.

3. Прилагательные и причастия

Простые прилагательные и причастия встречаются в небольшом количестве: твор. п. ед. ч. м. р.: съ мно|гомъ а24, род. п. м. р. мн. ч.: бжи|а11. Причастия действительного залога ед. ч. им. п. м. р.: гла|гола 67-8, род. п. м. р.: чь|тоуца 65, дат. п. м. р.: сѣд[?]щ|ти а9. Полные местоименные прилагательные встречаются несколько чаще: ед. ч. им. п. м. р.: блаженный а7, златоустый а8, род. п. стааго а1, златоустааго а2, твор. п. м. р.: [б]езначальнымъ в5, род. п. ед. ч. ж. р. вѣчьны|а 637. Мн. ч. им.-вин. п. ср. р.: бе|звѣстна|а 621-22, род. п.: сть|ихъ 631, написан|ихъ а16, 629 /страд. залог/, дат. п. лежащимъ в1. Дв. ч. им.-вин. п. ср. р.: очи срьдчьнѣ|и а14, 610.

Полные прилагательные и причастия встречаются в нестяженной форме за исключением примера род. п. ед. ч. ж. р.: вѣчьны|а 637. Написание блаженны|а объясняется тенденцией избежать гаплографии, поэтому мы здесь предполагаем форму им. п. ед. ч. без стяжения.

4. Глагольная система

В изъявительном наклонении в подавляющем большинстве случаев встречаются формы настоящего времени:

Ед. ч. 1. л.: оупьва|ѣ 624-25, прочита|ѣ 632; 2. л.: чьтеши а21, хочеши 64, просвьтиши 626; 3. л.: подо|ба|еть а3-4.

Мн. ч. 1. л.: вьсыла|емъ в4.

Аорист представлен только одним примером: р[еч]е а7 /3. л. ед. ч./.

Из атематических глаголов встречаются следующие:

Ед. ч. 1. л.: ѣсмь 614, ѣси в1, ѣсть а30, в2. Формы повелительно-побудительного наклонения представлены в сравнительно

большом количестве случаев, что связано с назидательным характером текста СЗ.

Простые формы встречаются в следующих случаях:

Ед. ч. 2. л.: м[о] лиса а12, прочитай а26, б1-2, сади а28, не тщи са а27, не лбниса а31, помоли са б7, отвьрзи б9, не съ|кры и б15-16, отквьрй б18, съкажи б21.

Описательные конструкции с да употребляются в 6-ти случаях:

1. л. ед. ч.: да разоумбѣж б19;

2. л. ед. ч.: да не чьтеша а15, да ... твориши а17, да разоумбѣ-

чѣши б2-3;

3. л. ед. ч.: [д] а отвьрзе [т] ъ а13;

1. л. мн. ч.: да не чьтемь а20.

Инфинитив употребляется в СЗ 7 раз: въ|нимати а5-6, тво|рители а12-13, сѣсти б4, чисти б5, б29, послуша|ти б6-7, оуслышати б10-11.

5. Местоимения

Местоимения богато представлены в интересующем нас памятнике.

Личные: им. п. ед. ч.: азъ б15, ты а28, б25, в1;

род.-вин. п.: мене б16, та б24;

дат. п.: тебѣ в4, ми б21, б26, ти а9, а13;

род. п. мн. ч.: ихъ б3.

Возвратные: род.-вин.п.: себе а18, са а12, а18, а31, б7;

дат. п.: себѣ.

Указательные: им.-вин. п. ср. р. ед. ч.: ѣ б12;

местн. п. ед. ч.: о томь /sic/ а4.

Притяжательные местоимения чаще всего встречаются в форме единственного числа: им.-вин. п. м. р.: мой б25, им-вин. п. ср. р.: твоѣ б11, род. п.: твоѣго б20-21, б27, род. п. ж. р.: твоѣѣа б24, твор. п. м. р.: твоимь б5, дат. п. ж. р.: моѣи б30. Им.-вин.п. дв. ч.: мой а18.

6. Наречия, частицы, предлоги, союзы

Наречие является той частью речи, которая сравнительно часто встречается в СЗ: како а3, прѣжде а11, б14, ѣгда а21, б4, трѣ-

бѣ а30-31, сице б7, ако б14, в1, тък'мо а 16, а28, б28-29, при-
лѣжно а22.

Частицы: бо б24, да а13, а15, б2, б19, же а21, а31, не а15, а28,
а31.

Союзы: и а5, а17, а19, а27, нъ а16, а30, б1, б18, б30, б33, или
б5, аще а30, ли б4.

Предлоги: въ а18, б33, б34, б36, на б24, о, от б16, б20, в2, съ
а24.

Прежде чем закончить разбор морфологической характери-
стики СЗ, следует указать на то, что в интересующем нас памятнике
в небольшом количестве имеются русицизмы, которые попали в язык
СЗ из живой речи писца: срьдцьм./sic/ а24, отврьзе[т]ь а12.
Выделенные нами примеры свидетельствуют о только что начавшем-
ся на Руси процессе обрусения памятников древнеболгарского язы-
ка.

Рассмотрев палеографические, графико-орфографические и
языковые особенности СЗ, мы можем установить, что оно представ-
ляет собой такой памятник русской редакции древнеболгарского
языка, в котором сохранились некоторые графико-орфографические
следы древнеболгарского оригинала. По сохранившимся особеннос-
тям графики и правописания можно предположить, что протограф
СЗ принадлежит к тому же типу древнеболгарских рукописей, ко-
торый представлен Саввиной книгой или Супрасльской рукописью,
т.е. протографом для СЗ служили тексты, возникшие в Восточной
Болгарии.

Написания с оу, ю, ѣ вместо ѡ, ѣ, Ѧ и ѧ, Ѧ вместо
оу, ѣ, Ѧ свидетельствуют о том, что СЗ в таком виде, как оно
дошло до нас, было списано в Древней Руси. Палеографические
особенности интересующего нас памятника позволяют датировать
его XI веком. Незначительные следы морфологических русицизмов
косвенно подтверждают эту датировку. СЗ принадлежит - как вид-
но из его анализа - к тем ранним памятникам русской редакции
древнеболгарского языка, которые дают определенную информацию

не только о древнерусском языке, о процессе обрусения древнеболгарских рукописей на Руси, но, сохраняя следы своего древнеболгарского протографа, могут быть использованы и для исследования истории древнеболгарского языка.

Однако помещенное в рукописи XI в. Слово о пользе чтения книг наряду со своим лингвистическим значением имеет и очень важное источниковедческое значение. Известно, что разные патерические сборники дошли до нас в сравнительно поздних списках. Исключение представляет собой только Синайский патерик, который сохранился в древнерусском списке конца XI или начала XII в. Сохранившийся список Скитского патерика датируется XIII веком. Однако некоторые его фрагменты встречаются уже в Изборнике 1076 г.³¹ Слово о пользе чтения книг свидетельствует о том, что Скитский патерик или некоторые его статьи были известны на Руси в XI в. Рассматривая особенности языка Слова, мы убедились в том, что в его тексте очень мало русизмов /отсутствие носовых гласных, флексия -ьм/ь/ в твор. п. ед. ч. ср. р. существительного, окончание 3. л. ед. ч. глагола наст. вр. ть/, что свидетельствует наряду с палеографическими особенностями о раннем происхождении интересующего нас текста. Написание ч + ъ, ш + ъ, восходящие к древнеболгарскому протографу СЗ, позволяют сделать вывод о том, что СЗ было списано с древнеболгарского протографа. Можно предположить и то, что СЗ представляет собой первую копию древнеболгарского протографа типа Скитского патерика, сделанного на Руси в XI в. Это обстоятельство позволяет установить, что в XI в. древнеболгарский протограф Скитского патерика или его отдельных частей был в употреблении на Руси.

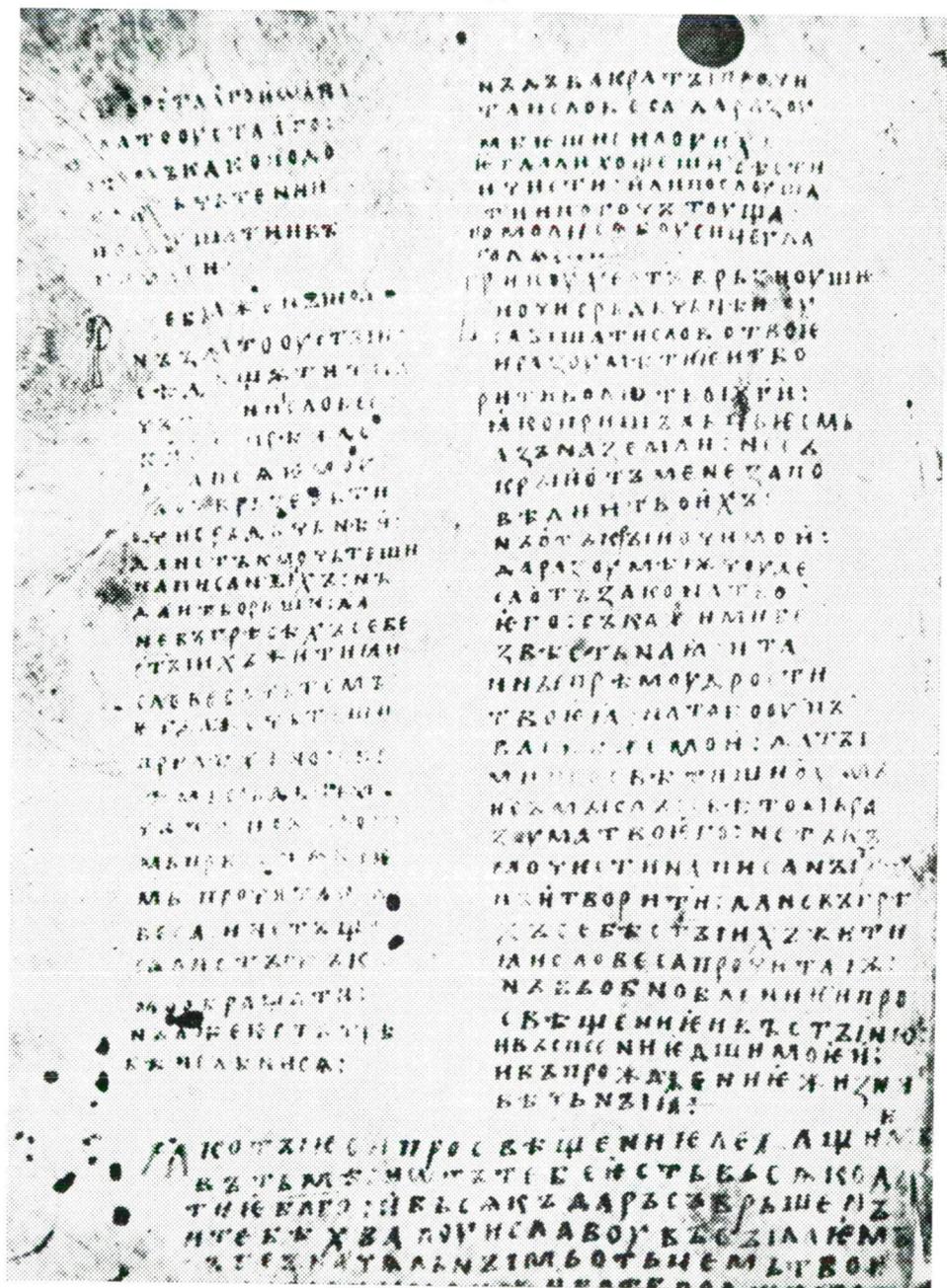
Известно, что Изборник 1076 г. начинается с Слова некоего калугера о чтении книг. Эта статья Изборника 1076 г. признается исследователями оригинальным сочинением, которое, как установлено Н.Н. Розовым, составлено из псалтырных цитат.³² Если

³¹ С. Николаева. Ранние старобългарски преводи на патеричните сборници. Константин-Кирил Философ. София, 1969, стр. 235.

³² Н.Н. Розов. Книга Древней Руси. М., 1977, стр. 26.

Слово некоего калугера действительно является самостоятельным сочинением, то можно установить, что одним из его источников служило Слово о пользе чтения книг Ефрема Сирина. Реминисценции этого Слова отчетливо выражаются в тексте Слова некоего калугера о чтении книг в Изборнике 1076 г. Это обстоятельство одновременно свидетельствует и о том влиянии, которое оказали произведения переводной литературы на зарождение и развитие самостоятельной литературы восточного славянства в XI в.³³

³³ Н.А. Мецкерский. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков. Л., 1978, стр. 4-5.

1а [СЛО] ВО СТѢАГО НѢАНА
 [З]ЛАТООУСТААГО :
 [О ТО] МЪ КАКО ПОДО
 [БА] КЕТЬ УБТЕННІ
 5 П [ОС] ЛОУШАТИ Н ВЪ
 ННМАТИ . :
 Р [ЕУ] Е БЛАЖЕНІНОА
 НЪ ЗЛАТООУСТЫН
 СѢА []ЩЖТИ Т НА
 10 УБ [ТЕ] НН І СЛОВЕСЪ
 БЖ Н ПРЕЖДЕ
 М [О] ЛН СА КЕМОУ
 [А]А ОТВЕРЪЗЕ [Т]Ъ ТИ
 ОУН СРЪДЪУАНІ :
 15 ДА НЕ ТЪКЪМО УБТЕШН
 НАПИСАНЪИХЪ : НЪ
 ДА Н ТВОРНУН : ДА
 НЕ ВЪ ГРѢСѢХЪ СЕБЕ
 СТЪІНХЪ ЖИТИА Н
 20 СЛОВЕСА УБТЕМЪ :
 КЕГДА ЖЕ УБТЕШН
 ПРИЛѢЖНО : [] ВЪ
 [С]ѢМЪ СРЪДЪЧЪМЪ
 УБТ [Н] : Н СЪ МНОГО
 25 МЪ ПРИ [ЛЕ]ЖАННІЕ
 МЪ ПРОУНТАН [С]ЛО
 ВЕСА : Н НЕТЪЩ [? Н]
 СА АНСТЫ ТЪК [Ъ]
 МО ОБРАЩАТИ :
 30 НЪ АЩЕ ЖЕ КЕСТ [Ъ] ТРѢ
 БЪ НЕ ЛЪНН СА :

35

16 НЪ ДѢВА КРАТЪИ ПРОУН
 ТАИ СЛОВЕСА . ДА РАЗОУ
 МЪ КЕШН СЛЛОУ НХЪ
 КЕГДА ЛН ХОЩЕШН СѢСТН
 Н УНСТН . НЛН ПОСЛОУША
 ТИ ННОГО УБТОУЩА :
 ПОМОЛН СА БОУ СМЧЕ ГЛА
 РОЛА : . . .
 ГН НІСОУ ХЕ ОТВЕРЪЗН ОУШН .
 Н ОУН СРЪДЪУАНІ ОУ
 СЛЪШАТИ СЛОВО ТВОЕ
 Н РАЗОУМЕТН КЕ Н ТВО
 РИТИ ВОЛГО ТВОЕЖ ГН :
 КАКО ПРИГЛАБЧЪ КЕСМЪ
 АЗЪ НА ЗЕМАН : НЕСЪ
 КРЪІН ОТЬ МЕНЕ ЗАПО
 ВЕДНІ ТВОИХЪ :
 НЪ ОТЪКРЪІН ОУН МОИ :
 ДА РАЗОУМЕТЪ ОУДЕ
 СА ОТЬ ЗАКОНА ТВО
 КЕГО : СЪКАЖИ МИ БЕ
 ЗВЕСТНАГА : Н ТА
 ННЫ ПРЪМОУДОСТН
 ТВОЕГА : НА ТА БО ОУПЪ
 ВАЖ БЖЕ МОИ : ДА ТЫ
 МИ ПРОСВѢТНШН ОУМЪ
 Н СЪЛЫСЛЪ : СВѢТОМЪ РА
 ЗОУМА ТВОЕГО : НЕ ТЪКЪ
 МО УНСТН НАПИСАНЪИХЪ
 НЪ Н ТВОРНТИ : ДА НЕ ВЪ ГРѢ
 ХЪ СЕБЪ СТЪІНХЪ ЖИТИ
 А Н СЛОВЕСА ПРОУНТАЖ :
 МЪ ВЪ ОБНОВЛЕННІЕ Н ПРО
 СВѢЩЕННІЕ Н ВЪ СТЪІНО :
 Н ВЪ СПСЕННІЕ ДШН МОЕИ :
 Н ВЪ ПРОЖДЖЕННІЕ ЖИЗНИ
 ВЪУНЪІА

1в

КАКО ТЫ КЕСН ПРОСВѢЩЕННІЕ ЛЕЖАЩНМЪ
 ВЪ ТЪМЕ : Н ОТЬ ТЕБЕ КЕСТЪ ВЪСАКО ДА
 ТНІЕ БЛГО : Н ВЪСАКЪ ДАРЪ СЪВРЪШЕНЪ
 Н ТЕБѢ ХВАЛОУ Н СЛОВОУ ВЪСЪЛАГЕМЪ
 [С?]Ъ [В]ЕЗНАЧААЛЬНЫМЪ ОТЪЧЕМЪ ТВОИ
 [...]

РЕЦЕНЗИИ

РУМЯНА ПАВЛОВА, ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОМ.

"Народна просвета", София, 1978, стр. 171.

Тема исследования известного болгарского русиста - причинные предлоги от, с + род.п., из, из-за, ради, по + дат.п. за + вин.п., за + твор.п., по случаю, по поводу, благодаря, вследствие в русском языке в сопоставлении с их болгарскими соответствиями. Использование этих 12-и предлогов в причинном значении часто затрудняет иностранных учащихся, поскольку одному русскому причинному предлогу в каком-л. иностранном языке может соответствовать несколько разных форм и наоборот. Многие ошибки связаны со спецификой сочетаемости или с сужением сферы употребления русских причинных предлогов.

Автор, исходя из системы болгарского языка, исследует употребление русских причинных предлогов в контексте, определяет их синонимические связи. Книга состоит из предисловия, введения и 7-и разделов:

- I. конструкции с предлогом от в болгарском языке и с предлогами от, из, по в русском языке,
- II. конструкции с предлогом ПО в болг. языке и с предлогом ПО + дат.пад. в русском языке,
- III. конструкции с предлогами поради, заради в болг. языке,
- IV. конструкции с предлогом ЗА в болгарском языке и с предлогом ЗА + вин.пад. в русском языке,
- V. конструкции с предлогами ПО ПОВОД /НА/, ПО СЛУЧАЙ в болгарском языке и с предлогами ПО ПОВОДУ, ПО СЛУЧАЮ в русском языке,
- VI. конструкции с предлогом БЛАГОДАРЕНИЕ НА в болгарском языке и с предлогом БЛАГОДАРЯ в русском языке,
- VII. конструкции с предлогом ВСЛЕДСТВИЕ /НА/ в болгарском языке и с предлогом ВСЛЕДСТВИЕ в русском языке.

В каждом разделе сначала описывается данный болгарский предлог и его синонимические связи, затем егoрусские эквиваленты и только в "третьей части" каждого раздела дается сопоставительный анализ, при котором автор исходит из системы русского языка. В списке использованной литературы названо более 210 работ.

Наши критические замечания можно свести к следующему:

1. Автор неправомерно ограничивает средства выражения причинных отношений: "Причинные отношения как в русском, так и в болгарском языке выражаются предлогами" /стр. 5/. В современной лингвистике распространяется изучение семантических отношений по так называемым п о л я м, которые позволяют рассматривать разнообразные средства грамматического и лексического уровней во взаимодействии при выражении общего значения. /См. Е.В.Гулыга, Е.И. Шендельс, Грамматико-лексические поля в совр. немецком языке. М., 1969/. Причинные отношения выражаются не только предлогами /вернее предложно-падежными конструкциями/, но и наречиями причины, придаточными предложениями причины, глаголами и прочими средствами. По подсчетам Н.И. Штыкало различные средства выражения причины в русском языке распределяются следующим образом: предложно-падежные конструкции - 51,8 %, наречия причины - 24,17 %, придаточные предложения причины - 23,48 %, прочие типы - 0,65 % /Формы выражения синт. категории причины и принципы их выбора в русском лит. языке. Днепропетровск, 1971, АКД, 14/. Ср., напр., обозначение причины смерти: Он умер от рака, - Он погиб при авиационной катастрофе - Он повесился /утопился, зарезался, отравился ядом, задохнулся в дыму, застрелился, застрелил себя/, Солдат умер из-за ранения разрывной пулей, Дети дрожали от холода - Дети дрожали, так как было холодно.

2. Название "Употребление причинных предлогов в русском языке в сопоставлении с болгарским языком" в большей степени соответствовало бы содержанию работы. Отметим, что в работе описываются только наиболее употребительные в причинном значении предлоги. Причинные отношения в русском языке могут быть выраже-

ны также при помощи предлогов в связи с, ввиду, в силу, через, под + тв. п., при: освободить кого-н. от должности в связи с переходом на другую работу, Ввиду ремонта теплоцентрали с 1 по 11 июля с.г. горячей воды не будет, в + предл. п., согласно, в результате, по причине, на почве, на базе, на основе, на основании: Я говорил на основании ее письма. Он краснел под ласковым взглядом. Он умер в результате /вследствие болезни, действовать в силу закона. Еще большую известность она приобрела через устроенную на ней шлюзовую систему /Лесков, Овцебык/. При поддержке всей страны трудящиеся быстро восстановили город, нажитый на военных поставках.

3. С теоретической установкой автора, по которой "чтобы причинные /каузальные/ предлоги в русском и болгарском языках можно было сопоставлять, они должны быть описаны единообразным способом" вполне можно согласиться. На наш взгляд, однако, из этого не следует положение, что тот же самый материал должен повторяться при описании по два раза: при отдельном описании болгарских и русских причинных предлогов и при сопоставительном их описании. Проф. Г. Якобсон подчеркивает, что при сопоставлении системы языков "нужно как-то 'перевести' одну в другую с помощью третьей, вспомогательной системы, некоего метаязыка". По его мнению "будущие исследования желательно направить на выявление семантических универсалий", которые могли бы служить 'метаязыком' сопоставления.

Работа Р. Павловой выиграла бы, если бы сопоставление причинных отношений базировалось на их семантических подтипах.

Несмотря на большое число работ, до сих пор не существует единого мнения о системе взаимосвязи причинных отношений. По мнению А.М. Финкеля, это объясняется тем, что понятие причины в том виде, как это понимается в логике, не отражается в грамматических средствах выражения всех этих отношений в разных языках. /Предлоги, выражающие категорию причинности в совр. русск. языке. Л, 1965, АДД, 4/.

Я. Калнберзинь /Способы выражения причинных отношений в

совр. р. языке, Рига, 1958/ в своей кандидатской диссертации различает конструкции со значением в н е ш н е й и в н у т р е н н е й причины. При внешней причине причина производится одним каким-то действователем, а ее следствие испытывает другой /У него красное от ветра лицо/. В случае внутренней причины причина и ее следствие принадлежат одному и тому же лицу или предмету /Он покраснел от смущения/. Внешняя причина может обозначать 1. виновность лица, 2. внешний результат, 3. внешнюю преграду, препятствие, 4. внешнее содействие, 5. внешнее влияние, 6. внешнее основание, 7. внешнюю среду, 8. повод; внутренняя же причина - 1. внутренний источник, 2. внутренний результат, 3. внутреннее воздействие, влияние, 4. внутреннее содействие, 5. внутреннюю преграду, препятствие, 6. внутреннюю среду, 7. внутреннее основание. /стр. 341/. Отношения внутренней и внешней причины только отчасти отражаются на грамматических средствах выражения различных причинных отношений, т.е. признак внешней и внутренней причины не целесообразно класть в основу классификации в с е х типов причинных отношений. С языковой точки зрения они не являются важными во всех типах причинных отношений.

Н.И. Штыкало различает: 1. неосложненную /чистую/ причину, 2. отрицательную причину, 3. положительную причину, 4. мнимую причину, 5. добавочную причину, 6. причину как основание для свершения какого-д. действия, 7. причину, мотивирующую умозаключение, 8. ослабленную причину /Указ. автореферат, стр. 10-13/.

В.О. Можаяева сопоставляет средства выражения причинных отношений в русском и сербскохорватском языках на основе следующих 'семантических универсалий': I. благоприятная и неблагоприятная причина, II. причина состояния, произвольного действия. Основания признака, III. причина рефлексивного, неосознанного действия. Основание действия, IV. причина осознанного действия, V. причина непреднамеренного действия и действия, обусловленного чьей-л. волей, VI. причина ответного действия, VII. Объективная причина действия, являющегося следствием отсутствия, недостатка, ненужности, негодности чего-л., VIII. выражение объективной причины действия с помощью отыменных предлогов /Выражение обстоятельст-

венных отношений в русском языке, М., 1977, стр. 182-231/. Предлагаемая нами классификация причинных отношений построена на основе характера отношения причинности между причиной и ее следствием. Все типы причинных отношений имеют свои основные и второстепенные средства выражения. Типы причинных отношений следующие:

1. Способствующая причина: благодаря, через,
2. Побудительная причина:
 - а/ осознанная: из,
 - б/ неосознанная: от,
 - в/ рефлексивная: с,
 - г/ пассивная: по,
 - д/ причина смерти: непосредственная: от, косвенная: из-за,
 - е/ причиной являются события, годовщины, праздники: по случаю,
 - ж/ причиной являются разные виды сообщений: по поводу, в связи с чем,
3. Принудительная причина: из-за, за + тв. пад.,
4. Возместительная причина: за + вин. пад., на + предл.,
5. Следственная причина: вследствие, в силу, ввиду, под + тв. п.,
6. Результативная причина: в результате, благодаря,
7. Уступительная причина: по + предл. пад.

4. Л.Н. Засорина /Опыт системного анализа предлогов в совр. р. языке /Предлоги со значением причины/, Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 301, Серия фил. наук, Вып. 60, 6., 83/ указывает, что конструкции с предлогом С вносят оттенок временной последовательности в причинные отношения, т.е. они обозначают причину, непосредственно предшествующую моменту обнаружения действия. Лицо у нее покраснело с мороза /она только что пришла с мороза/. Подстановка С вместо предлога ОТ невозможна, когда причина и следствие неразрывны во времени, т.е. нет возможности для временной последовательности, когда в предложении нет действия, являющегося быстрой реакцией на причину. Ср.: От страха /Со страху она не сообразила, что человек обратился к ней - От отчаяния он не находил себе места, Он покраснел от удовольствия, Он онемел от удивления.

Иштван Пете

Б. ТАТАР, РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Анализ одноязычных филологических словарей русского
языка

т. I, II, III, Будапешт, 1977, 634 стр.

Капитальная работа известного венгерского русиста Б. Татара издана Будапештским университетом им. Л. Этвеша. Автор поставил перед собой цель познакомить венгерских студентов и преподавателей с одноязычными филологическими словарями русского языка и способствовать "в некоторой степени стимуляции интереса к научному анализу" /стр. 6./.

В работе подробно описаны 55 важнейших словарей, относящихся к 25 типам. Эти типы по порядку описания следующие: толковые словари, этимологические словари, исторические словари, диалектные словари, словари языка писателей, фразеологические словари, словари крылатых слов и выражений, словари пословиц и поговорок, словари словосочетаний, словари синонимов, словари омонимов, словари антонимов, словари названий жителей, словари собственных имен, словари новых слов, словари иностранных слов и выражений, орфографические словари, грамматические словари, словообразовательные словари, словари правильностей, словари трудностей, обратные словари, частотные словари, словари сокращений, терминологические словари. В книге приведены фотокопии титульного листа и по странице текста каждого из рассмотренных словарей. Основные моменты в описании каждого отдельного словаря: состав словника, структура словарной статьи, решение проблемы нормативности, характер иллюстративного материала, виды толкования.

Достоинства работы характеризуются в журнале "Вопросы языкознания" /М., 1979/6, 139/ следующим образом: "Автор останавливается на ряде сложных вопросов теории лексикографии и критически, во многом по-новому оценивает достоинства и недостатки основных словарей русского языка". С этой оценкой вполне можно согласиться. Говоря о недостатках работы, можно указать на ее пространность. Нам кажется, что работа выиграла бы - в

случае переработки -, если бы автор сосредоточил свое внимание на отдельных т и п а х словарей. Неясен принцип последовательности рассмотрения разных типов словарей. "Разбросанный" характер фотокопий часто затрудняет сравнение внутри отдельных типов.

Йштван Пете

KAZIMIERZ BAJOR, KONSTRUKCJE Z PRZYIMKIEM o
w języku polskim i rosyjskim. /Studiom konfrontatywne/.
ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS, 1976, p. 384.

Монография польского лингвиста К. Байора посвящена сопоставительному изучению предлога o в польском и русском языках. Книга состоит из предисловия, восьми глав и заключения.

Названия отдельных глав:

1. Пространственные отношения /стр. 9-68/: mieszkać o ścianę - жить стена об стену, погасить окурок о край пепельницы, 2. Временные отношения /69-78/: o nowym roku, o piątej trzydzięści pięć - Вдруг о полночь конь заржал/Ершов, Конёк-Горбунок/, когда-то о весне /уст./. 3. Инструментальные и социативные отношения /79-87/: żub o łatwym chlebie, prасować o gazowym chlebie - He о едином хлебе живы будете/Даль/ - уст., воевать о князе - уст. 4. Количественные отношения /88-121/: znajdować się o dwa kilometry, в русских эквивалентах предлог o не употребляется в количественном отношении. 5. Определительные отношения 'stosunki kwalitatywne' /122-135/: Adam jest o jednej żonie, bryczka o trzech koniach - домишки об одно оконце - уст. 6. Причинные, целевые и причинно-целевые отношения /136-259/: zginąć o śmierć czyją, zabiegać o eksponaty, rozuwać o potwarz i rozuwać o alimenty - горевать о смерти кого-н., хвалить о помощи /уст./. 7. Делиберативные отношения 'stosunki eksplikatywne' /260-347/: mówić o czym - говорить о чём-н., 8. Конструкции с формальным управлением 'konstrukcje osobliwe' /348-355/: przypawić o życie - в русских эквивалентах предлог o не встречается.

Построение работы определяется системой польского языка, в которой предлог o употребляется гораздо чаще, чем в русском языке. Приведённые К. Байором примеры из древнерусского языка, однако, свидетельствуют о большей близости этих двух родственных языков в области употребления предлога o при выражении разных семантических отношений. Заслуживает одобрения то, что сопоставление проводится на семантической основе. Это помогает чёткой организации и распределению материала. Конкретное распределение материала, однако, нам представляется спорным. По нашему мнению, работа К. Байора выиграла бы, если бы он опёрся при распределении материала на с о в р е м е н н у ю систему обоих языков. В каждой главе сначала следовало бы описать сходные явления в современном русском и польском языках, потом указать близость таких конструкций в более ранние периоды развития этих двух родственных языков. В "Словаре современного русского лит. языка", 1959, т. 8 мы встречаемся с таким распределением материала: 1. объектные отношения, 2. объектно-определятельные отношения, 3. определятельные отношения, 4. временные отношения, 5. пространственные отношения.

Квалификация некоторых конструкций вызывает возражения. Конструкции типа погасить окурок o край пепельницы, напр., вряд ли целесообразно отнести к пространственным, для которых - как правило - характерными являются т. наз. тройственные отношения /см. Иштван Пете, *Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка*. *Dissertationes Slavicae*, IX, Szeged, 1973, p. 240/. В таких конструкциях сочетания с предлогом o скорее обозначают 'вспомогательное средство действия', которое часто используется не по назначению. Ср.: Не три руки o брюки - Вытри руки полотенцем. /См. И. Пете, *Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским языком*. *Dissertationes Slavicae*, XI, Szeged, 1976, 96-98/. Конструкцией обо что может быть противопоставлен неподвижный предмет подвижному: Не обожгись об утюг - Я обожглась утюгом, когда я гладила.

Иштван Пете

RUSSIAN LANGUAGE JOURNAL, 1979, Volume XXXIII
№ 114, p. 245, № 115, p. 249, № 116, p. 262

Журнал "Русский язык" /первоначально называвшийся "В помощь преподавателю русского языка в Америке"/ был основан в 1947 г. Его редактор - Munir Sendich /A-706 Wells Hall Michigan State University East Lansing, MI 48824 U.S.A./. Журнал выходит три раза в год: зимой, весной и осенью. В нём на английском или русском языке публикуются статьи, рецензии, библиографии, неизданные материалы, пособия для преподавателей. В трёх номерах 1979 г. помещены следующие статьи по современному русскому языку:

В № 114 имеются статьи: *Irene Thompson*, Adress System of Modern Russian 'Система обращений в русском языке' /стр. 21-32/, *Irina A. Evreinov*, A Note on Cancelling Negconcord in Russian Sentences with Universal Quantifiers 'О частичном отрицании в русском языке с универсальными квантитативами' /стр. 33-41/. Ирина Томсон описывает систему обращений на основе следующих семантических противопоставлений: 1. общественное положение регулирует обращение: обращение к старшим, к низшим положению, обращение к равным, обращение к незнакомым, 2. не от общественного положения зависит обращение: обращение к друзьям и знакомым, обращение к родственникам, обращение к незнакомым, обращение к детям. Автор устанавливает разнообразные смысловые и эмоциональные оттенки слов и словосочетаний, употребляемых в качестве обращения. Синтаксическими особенностями обращений она не занимается. И. А. Евреинова противопоставляет при анализе такие конструкции: Он не прав - Он никогда не прав - Он никогда не бывает прав - Он неправ, Он всегда не прав - Он не всегда прав, Я всё это не знал - Я всего этого не знал.

В № 115 публикуется статья Рональда Ф. Фельдштейна *On Stress and the Vowel-Zero Alternation in Russian* 'Об ударении и чередовании "гласный-ноль звука" в русском языке' /стр. 29-44/. Автор подчёркивает, что для появления гласного важными являются им. падеж ед. числа и род. падеж мн. числа существительных и краткая форма мужского рода прилагательных.

В № 116 печатаются статьи, занимающиеся глаголами:

Michael K. Launer, Deciphering Contextual Usage of Imperfective Verbs in Russian: констатация факта действия and значение общефактического действия in Narrative Discourse 'Дешифровка контекстуального употребления русских глаголов несовершенного вида: Констатация факта действия и значение общефактического действия в повествовательном тексте' /стр. 3-15/; *George S. Pahomov*, Tense, Aspect and the Verbs of Motion 'Время, вид и глаголы движения' /стр. 16-20/; *R. D. Schupbach*, A program for teaching Russian Verb Prefixation 'Программа обучения русской глагольной префиксации' /стр. 21-35/; *Oscar Swan*, Toward a Functional Definition of Markedness in Russian Aspect 'К функциональному определению маркированности в категории вида русских глаголов' /стр. 36-43/; *Charles E. Townsend*, Some Remarks on the Modality of the Imperfective 'Некоторые замечания о модальности несовершенного вида' /стр. 44-51/; *Christopher A. Wertz*, An Alternative Way of Teaching Verbs of Motion in Russian 'Новый подход к обучению русским глаголам движения' /стр. 52-61/. Перечисление названий статей показывает, что в центре внимания американских коллег стоят почти те же самые вопросы, которые занимают и многих венгерских русистов. К. Уэрц, напр., с полным правом критикует то распространённое мнение, по которому неопределённо-моторные глаголы, получив приставку, остаются глаголами несовершенного вида. /См. И. Пете, Омонимия в кругу глаголов движения. ВЯШ, 1966, № 3, 100-7/.

Иштван Пете

АНГЕЛИНА МИНЧЕВА: СТАРОБЪЛГАРСКИ КИРИЛСКИ ОТКЪСЛЕЦИ

Издательство на Българска Академия на Науките,
София, 259 стр.

В Народной Болгарии большое внимание уделяется изданию памятников болгарского языка. Как известно, недавно был издан целый ряд памятников более поздней эпохи истории болгарского языка, как например, Хомилия Элифания Кипрского, Добромирово евангелие и Болонская псалтырь. Однако исследователи давно ожидают и издания или переиздания "канонических" памятников древнеболгарского языка, которые являются столь важными не только для истории болгарского языка, но и для сравнительной грамматики славянских языков.

Переиздание известных нам древнеболгарских текстов оправдывается не только тем, что их более ранние издания с течением времени оказались библиографическими редкостями, но и тем, что со времени их издания о них накопилась сравнительно большая научная литература, которая должна отражаться и в переизданных древнеболгарских памятниках.

Ожидание специалистов удовлетворится Институтом болгарского языка при Болгарской Академии наук, который запланировал издание серии Болгарских языковых памятников, первым выпуском которой является переиздание древнеболгарских кирилловских памятников небольшого объема, выполненное известным болгарским специалистом А. Минчевой.

Рецензируемая нами книга состоит из Предисловия и трех частей. Первая часть содержит древнеболгарские тексты. Во второй находятся индексы, а в третьей части как Приложение опубликован перевод Слова Иоанна Златоуста " Λβγος, ὅτι τὸν ἑαυτοῦ μὴ ἀβλῶντα οὐδεὶς παραβάσει δύνатаι" в сербской редакции XIII в.

Опубликованные в интересующей нас книге древнеболгарские памятники по объему невелики. Однако несмотря на их скромный объем они могут дать очень много ценного для славистики.

А. Минчева в своем Предисловии излагает четыре момента, которые подчеркивают важность опубликованных ею кирилловских памятников для науки. Это следующие: 1/ Жанровое богатство этих "отрывков", среди которых представлены евангельские тексты и произведение отцов церкви. 2/ Новгородские листки снабжены нотными знаками, которые могут оказать помощь изучению средневековых нотных текстов. 3/ Опубликованные тексты сильно расходятся в палеографическом отношении, что позволяет сделать важные выводы для дальнейших палеографических исследований. 4/ В лексическом отношении переизданные здесь памятники разнообразны: имеются в них такие слова, которые не попали в известные нам словари древнеболгарского языка. Наряду с этими моментами изданные А. Минчевой тексты обогащают наши знания о литературных нормах, правописании и технике перевода древнеболгарских памятников /стр. 4./.

Автор Предисловия действительно убедительно доказывает важность этих памятников для разных аспектов изучения древнеболгарского языка. Здесь мы укажем только на то, что публикуемые в рецензируемой книге древнеболгарские тексты могут быть использованы и для изучения графико-орфографических школ древнеболгарского периода, потому что среди текстов встречаются двуеровые тексты с употреблением букв њ, ѣ, одноеровые с употреблением буквы њ и одноеровой текст с употреблением буквы ѣ. Подобным образом, возможно, что следы когда-то существовавших древнеболгарских графико-орфографических школ дают себя знать в особенностях употребления йотированных и нейотированных букв.

Потребность переиздания интересующих нас текстов, по А. Минчевой, диктуется двумя обстоятельствами: 1/ Более ранние издания, как мы сказали выше, являются библиографической редкостью. 2/ Более ранние издания не лишены определенных ошибок и недочетов, опечаток, которые в данном издании были ликвидированы тем, что исследователь тщательно сличал имеющиеся издания с их оригиналами.

А. Минчева в Предисловии подчеркивает, что переиздавая памятники древнеболгарского языка, она не ставила перед собой задачу решить все проблемы, которые могут возникнуть при их изучении, поскольку эти вопросы "в никаков случай не могут да бъдат решени на едно место и от един човек" /стр.9./.

Так можно коротко изложить те соображения, которыми руководствовалась А. Минчева при переиздании кирилловских древнеболгарских текстов небольшого объема.

Первую часть рецензируемой нами книги составляют древнеболгарские тексты, которые изданы наборно и в фотокопиях. В тех случаях, когда известны и греческие оригиналы опубликованных текстов, даются и их греческие оригиналы. Вторую часть составляет переиздание Листка Ундольского /ЛУ/, Хилендарских листков /ХЛ/, Зографских листков /ЗЛ/, Новгородских /или Куприяновских/ листков /НЛ/, Златоструя из собрания А.Ф. Бычкова /ЗБ/ и Македонского кирилловского листка /МЛ/.

Рассматривая перечень опубликованных А. Минчевой текстов, сразу бросается в глаза издание двух памятников, которые могут вызвать замечания: Новгородские /Куприяновские/ листки и Златоструй из собрания А.Ф. Бычкова.

В Новгородских листках ученые, как на это указывает на стр. 6. А. Минчева, склонны видеть памятник русской редакции. Даже Н. Ван-Вейк пишет о них как о памятнике "по-видимому русской редакции"¹. Предположить это дают следующие особенности языка интересующего нас памятника: 1/ употребление окончания -ть в 3. л. ед. и мн. ч. наст. вр., 2/ форма 3. л. ед.ч. болгааше, 3/ Форма твор.п. ед.ч. мурымь. Несмотря на эти "кажущиеся" русизмы один из лучших знатоков НЛ, Ф.В.Каминский, наличие в языке НЛ не считал достаточным для того, чтобы высказаться в пользу русской редакции этого весьма ценного памятника.

¹ Н. Ван-Вейк. История Старославянского языка. Перевод В.В. Боролич. М., 1957, стр. 49.

ка². Крупный знаток древнеболгарского языка Ф.Ф. Фортунатов наличие формы -тъ 3. л. ед. и мн. ч. наст. вр. не считал своеобразной русской чертой, предполагая наличие такого окончания в некоторых говорах древнеболгарского языка.³ Подобным же образом, в форме 3. л. ед. ч. имперфекта болѣаше он не видел русизма, а считал ее ошибочным образованием⁴. Точно так же не может быть русизмом и форма твор. п. ед. ч. -ьмь, так как в целом ряде канонических древнеболгарских текстов ее можно обнаружить: гласьмь Зогр. ев. /2 раза/, сьньмь, слоухьмь Син. пс. и пр.⁵

Насколько спорно свидетельство этих образований в определении редакции какого-то памятника следует указать на то, что именно из-за наличия формы 3. л. мн. ч. имперфекта [хот]аахх склонен видеть "с большой долей вероятности" Н.В. Тихомиров в Листке Викторова памятник, "возникший на Руси".⁶

Все это указывает на то, насколько сложным является, по вышеуказанным причинам, определение места НЛ среди памятников XI в. Однако, как нам кажется, в них все-таки имеется такая графическая черта, наличие которой может помочь определить место написания НЛ: это "совершенно правильное употребление юсов"⁷. Эта графическая черта дает нам право видеть в НЛ памятник древнеболгарского языка, который может быть использо-

² Ф.В. Каминский. Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими /Новгородскими/.

³ Ф.Ф. Фортунатов. Старославянское -тъ в 3. лице глаголов. Известия Отделения русского языка и словесности АН. т. XIII, 4, стр. 40.

⁴ Ф.Ф. Фортунатов. Ук. соч., стр. 41.

⁵ С.М. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 10. П-д, 1915, стр. 68. Ф.В. Каминский. Ук. соч., стр. 298.

⁶ Н.В. Тихомиров. Каталог русских и славянских рукописей XI-XII вв. Часть I. Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 25. М., 1962, стр. 179.

⁷ Ф.В. Каминский. Ук. соч., стр. 286.

ван из-за своей архаичности для изучения древнеболгарского языка в такой же мере, как Остромирово евангелие 1056/57 г., хотя НЛ новее Остромирова евангелия.⁸ Однако принимая критерий правильное/неправильное употребление юсов для определения языковой принадлежности древнейших памятников, мы находимся в трудном положении в случае Златоструя из собрания А.Ф. Бычкова /ЗБ/. В ЗБ имеются случаи мены букв Ѫ, Ѭ и оу и ѡ, что, несомненно, может считаться русской чертой графики. О русском происхождении ЗБ говорит и написание ж вместо жд: ж ѡ жѡше, оутврѡжати сѡ.⁹ Таким образом, ЗБ можно отнести к древнеболгарским памятникам только условно, скорее всего по своему содержанию, чем по своему языку. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что ЗБ представляет собой древнейший список составленного царем Симеоном Златоструя. Однако принадлежность ЗБ к русской редакции древнеболгарского языка - с другой стороны - не исключает возможности воспользоваться этим ценным памятником и для изучения истории древнеболгарского языка, потому, что писец ЗЛ сохранил некоторые особенности своего оригинала, из которых бросается в глаза прежде всего исключительное употребление буквы ѣ вместо ѣ и ѣ.¹⁰

Приведенный нами пример показывает те трудности, которые стоят перед издателем текстов даже при подборе материалов.

Что касается подачи материалов, следует указать еще и на то, что при характеристике отдельных текстов автор определяет содержание, указывает на место хранения рукописи, дает номер, под которым хранится рукопись, перечисляет издания текста и приводит известную ей литературу. После этого приводится текст с соответствующим греческим оригиналом /хотя не всегда, как в случае НЛ/. В некоторых случаях за текстами следуют кри-

⁸ Ф.В. Каминский. Ук. соч., стр. 288.

⁹ Г.А. Ильинский. Златоструй А.Ф. Бычкова. Български Старини. кн. X. София, 1929, стр. 36.

¹⁰ Г.А. Ильинский. Ук. соч., стр. 41.

тические примечания и дополнения А. Минчевой к более ранним публикациям текста. Из этих дополнений особенного внимания заслуживают те, которые касаются НЛ и Македонского кирилловского листка. В первых А. Минчева рассматривает экфонетические /нотные/ знаки, которые встречаются в оригинале НЛ, но которые трудно могут быть определены по спискам.

Особенно ценны те добавления, которые автор дает к МЛ, потому, что они освещают темные /проблематичные/ места этого весьма интересного и важного текста и облегчают восстановление и правильное чтение рукописи.

Еще раз нам следует вернуться к МЛ. В рецензируемой книге он датируется А. Минчевой XI-XII веком. Однако проф. К. Куйев относит МЛ к XI в., по-видимому, по тем соображениям, которые были высказаны И. Гылыбовым. Издавший и детально исследовавший МЛ проф. Г.А. Ильинский высказал мнение о том, что его "древность ... не превосходит начала XII в. или конца XI в."¹¹. Однако эта сравнительно поздняя датировка памятника была подвергнута И. Гылыбовым пересмотру. Исходя из того, что многие черты графики МЛ имеют соответствия в преславских керамических плитах, которых по археологическим данным можно отнести только к X в., И. Гылыбов предполагает более раннюю датировку МЛ, относя его к началу X в. Одновременно он предполагает, что МЛ и преславские керамические эпиграфические материалы возникли в столице Болгарии.¹² Эти соображения И. Гылыбов высказал в ряде статей. Можно только сожалеть о том, что А. Минчева не распространяется подробно на вопросы датировки МЛ. Подобным же образом, в разделе, посвященном литературе о МЛ, она не упоминает те статьи И. Гылыбова, которые касаются МЛ.

За последнее время так сильно возросло количество публи-

¹¹ Г.А. Ильинский. Македонский листок, Памятники старославянского языка. т. I, вып. 5-я. СПб., 1906, стр. 21.

¹² I. Gălăbov. La rotonde de Siméon de l'histoire du vieux-bulgare littéraire. Byzantinoslavica, 28 /1967/, Prague стр. 104.

каций об интересующих нас памятниках, что некоторые библиографические данные могли быть не отмеченными автором рецензируемой книги. Так, например, наряду с некоторыми статьями И. Гылыбова, А. Минчева не упоминает о том, что НЛ были переизданы М. Вейнгартом в его замечательной хрестоматии,¹³ где они встречаются среди памятников древнеболгарского происхождения, а не среди памятников русской редакции. По-видимому, внешние причины помешали автору в использовании подробного и отлично составленного каталога пергаменных рукописей Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, вышедшим под редакцией В.Ф. Покровской. В нем имеется несколько библиографических данных, относящихся к МЛ¹⁴.

Несомненную ценность рецензируемой книги представляет собой помещенные в 3-ей главе индексы. Тщательно составленный индекс древнеболгарских слов можно спокойно назвать даже словарем, в котором детально дается лексическое богатство изданных А. Минчевой шести памятников. Этот индекс является образцовым и представляет собой одну из положительных сторон рецензируемой книги. Он может послужить примером и для будущих изданий подобного характера. Греко-древнеболгарский словоуказатель, хотя и является менее детализированным, тоже полезен и нужен читателю.

В Приложении дается Слово Иоанна Златоуста

в сербском списке XIII в. Это слово является списком того текста, который представлен Златоустом Бычкова. Тот перевод, который находится в ЗБ частично, был списан позднее и попал в сербскую рукопись XIII в., в котором сохранился полный перевод Слова выдающегося византийского церковного оратора и проповедника. К. Иванова установила, что данное слово Симеона Златоустра в полном виде сохранилось в сербском списке

¹³ М. Weingart. Texty ke studiu jazyka i písemnictví staroslověnského. II-ое изд. Прага, 1949, стр. 110-112.

¹⁴ Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Составители Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. Под редакцией В.Ф. Покровской. Ленинград, 1976, стр. 11.

XIII в. Это дало основание включить сербский список XIII в. в рецензируемую книгу. Сличение текста ЗБ и сербского списка дает несомненно много ценного для текстологических исследований.

Подводя итоги нашим наблюдениям над рецензируемой книгой, можно сказать, что она является весьма полезной для всех палеославистов.

Положительные стороны книги можно видеть в следующем:

1. В одном томе собраны кирилловские памятники небольшого объема древнеболгарского языка. Наряду с древнеболгарскими текстами даются и их греческие оригиналы. Облегчает работу исследователей и тот факт, что ошибки и недочеты более ранних изданий были тщательно исправлены новым издателем текстов.
2. А. Минчевой собрана та большая литература, которая посвящена этим памятникам.
3. Хорошо составленный словарь облегчает работу специалистов, занимающихся древнеболгарской лексикой.
4. Те дополнения, которые сделаны А. Минчевой к текстам переизданных ею рукописей, представляют собой самостоятельную научную работу, которая, несомненно, повышает ценность рецензируемой книги, и дает возможность исследователям создать более правильную картину об отдельных памятниках. Особенно это относится к восстановлению текста МЛ.
5. Публикация текстов, безусловно, облегчит работу исследователей и даст импульсы к правильному решению тех спорных, нерешенных вопросов, которые связаны с изучением кирилловских памятников небольшого объема.

Появление книги А. Минчевой можно оценить не только как полезное пособие для изучения древнеболгарского языка, но и как отрадное событие в палеославистике.

Имре Х. Тот

КАТЕГОРИЯ ВИДА И ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Вопросы русской аспектологии IV. Под редакцией М.А. Шелякина, Б.М. Гаспарова и П.С. Сигалова. Тарту, 1979, 128 стр.

Авторы недавно изданной книги "Общее языкознание", Ф.М. Березин и Б.Н. Головин, подчеркивая актуальность изучения семантики языка, пишут, что семантика словообразовательных систем, а также систем морфологии и синтаксиса полно и глубоко не описана. Они отмечают, что только в недавнее время были сделаны интересные опыты семантического изучения глагольных категорий, связанных с именем А.В. Бондарко /1979:139-140/. Присоединившись к их мнению, мы должны признать, что в исследовании семантики глагола в русском /даже в мировом/ языкознании передовое место занимает ленинградская аспектологическая школа, возглавляемая Ю.С. Масловым, А.В. Бондарко и М.А. Шелякиным, уже давно заслужившая иметь свой собственный журнал.

В четвертом номере журнала опубликованы статьи виднейших русских аспектологов. Тематика самая разнообразная: выдвинуты вопросы словообразовательного, морфологического и синтаксического, сопоставительно-прикладного характера и даже вопросы лингвистики-parole, грамматики текста.

Тонкий аспектолог М.А. Шелякин в своей первой статье поставил вопрос "О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке". Автор приходит к заключению, что двувидовость русских глаголов - явление вынужденное, не системное. По его мнению, двувидовые бесприставочные глаголы с точки зрения видовой системы по формальным признакам являются глаголами несовершенного вида. По значению они входят в большую группу результативно-предельных глаголов и имеют тенденцию либо префиксальной перфективацией, либо суффиксальной имперфективацией к образованию видовых пар.

Сложный вопрос "О семантических причинах видовой соотносительности глаголов в современном русском языке" выдвинут в трактате М.Д. Фетискиной. Мы согласны с автором, что при исследовании причин соотносительности необходимо учитывать целый ряд семантических факторов, способных оказывать влияние на видовую

грамматическую семантику; во-первых, значение способа действия и во-вторых, семантику предельности/непредельности, через которую осуществляется механизм образования видовых пар. В-третьих, на наш взгляд, должен учитываться и названный нами "аспектуальный предмет", под которым мы понимаем любой участвующий в действии и претерпевающий часто изменение предмет, выполняющий в предложении синтаксическую функцию либо субъекта, либо объекта, характеризующий глагол "изнутри", непосредственно замешанный в обозначаемом им действии.

Н.А. Луценко в своей статье, написанной на тему "О состоянии изучения видов в русских причастиях", полемизируя с традиционными взглядами, приходит к заключению, что 1/ структура причастия изначально синкретична, что 2/ двойственная форма мысли есть причастие. Автор, исходя из положения Иштвана Пете, что вид является одной из категорий, формирующих предикативность, признает вид для причастий релевантным категориальным значением и справедливо считает причастие в синтаксическом плане "по преимуществу выразителем предикативно-атрибутивного определения".

Во второй статье М.А. Шелякина под заглавием "Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия в современном русском языке" дана сжатая характеристика так называемых количественно-предельных способов действия. Встает вопрос, не пора ли нам в значении этих глаголов начать разграничивать объективные /видовые/ и субъективные /эмоциональные/ моменты; не начать ли проводить грань между денотативными /понятийными/ и коннотативными /эмоционально-оценочными/ признаками их значения. Возьмем, например, глаголы сативного способа действия. На наш взгляд, в них на количественное видовое значение напластовывается коннотативное эмоционально-оценочное значение удовлетворенности, часто и неудовлетворенности субъекта действием, т.е. они обозначают "сативное и несативное" действие и все же называются сативными. С точки зрения денотации /т.е. понятийного значения/ глаголы типа "нагуляться, набатрачиться" имеют количественно-предельное значение и выражают большую меру действия или большую меру интенсивности действия. Определено...

/в корне со словом предел/ количество действия, акциональными показателями которого бывают: много, немало, "до утомления", до того..., что и т.п., как например: "Э-эх, и я ведь немало наплакалась у постели муженька моего покойного..." /Л. Немет. Траур. 120. Перевод Е. Малыхиной/. Адвербиальные показатели вдоволь, вдосталь, вволю указывают на положительную оценку. В доказательство несативного действия приведем примеры, выражающие отрицательную оценку субъекта действия: "Наработались - не до песен" /В. Шукшин. Брат мой, 369/. "И страху натерпелся..." /В. Шукшин. До третьих петухов. II. 415/. Предлагаем сативные глаголы переименовать в глаголы аугментативного способа действия.

Известный литовский аспектолог Э.А. Галнайтите своей статьей под заглавием "К типологии одноактных глаголов в русском и литовском языках" вносит ценный вклад в типологическое исследование русских и литовских одноактных глаголов. Автор, тонко разбирающийся в значениях обоих языков, успешно прослеживает функциональные особенности одноактных глаголов и их взаимодействие с категорией вида, устанавливает все семантические /видовые и экспрессивно-оценочные/ признаки одноактных глаголов. Что касается словообразовательных связей мультипликативных глаголов и глаголов одноактного способа действия М.А. Шелякин и Х. Шлегель придерживаются мнения, что мультипликативные и одноактные глаголы образованы от одного и того же корня, суффиксы -а- и -ну- составляют с ним связанную основу /см. Der Gebrauch des russischen Verbalaspekts. Teil I. Potsdam. 1970. S. 49-50/.

Статья эстонского лингвиста В.В. Мюркхейна заметна с точки зрения обучения иностранцев употреблению видов русского глагола.

В наше время проявляется большой интерес к вопросам изучения грамматики текста. В статье Б.М. Гаспарова "О некоторых функциях видовых форм в повествовательном тексте" весьма оригинально исследуются автокоммуникативные единицы текста. Актуальное членение применяется не в рамках предложения, а в масштабах целостного текста, в котором "соотношение видовых форм формирует функциональную соотнесенность двух частей сообщения как темы

и предиката" /ремы/. Автор убедительно доказал на ряде разобранных текстов, что автокоммуникативная структура образуется только посредством предизирующей формы совершенного вида /ремы целостного текста/, и пришел к заключению, что на уровне предложения основным средством предизирования является время и модальность, а на уровне текста подобную роль выполняет вид, что и позволяет включить вид в число предикативных категорий.

В заключение укажем, что редакция, как видно, не намерена ограничивать авторов, считая, что для всестороннего изучения глагольного вида следует применять различные методы исследования.

Йожеф Крекич

КУЙО М. КУЙЕВ. СЪДБАТА НА СТАРОБЪЛГАРСКИТЕ РЪКОПИСИ
ПРЕЗЪВЕКОВЕТЕ. Наука и изкуство. София, 1979.

222 стр.

Судьба болгарской рукописной книги трагична и сложна. Трагическим событием болгарской истории объясняется тот факт, что большинство древнеболгарских рукописей было уничтожено и только небольшая их часть дошла до нас, которая хранится в различных книгохранилищах мира. Сложность истории болгарской рукописной книги хорошо иллюстрируется историей сохранившихся болгарских рукописей, которые проделали большой путь как во времени, так и в пространстве, пока из Болгарии попали в те места, где они хранятся в настоящее время.

Трагическую и сложную историю болгарских рукописных книг хорошо можно документировать на примере недавно найденного памятника XI в.: на Энинском апостоле. Как нам известно, в настоящее время из всех возникших на территории Болгарии древнеболгарских рукописей только Энинский апостол хранится там, где был списан, а именно в Болгарии. Остальные древнеболгарские рукописи попали в различные книгохранилища мира.

Внешняя история сохранившихся древнеболгарских рукописей довольно сложна и в то же время не всегда ясна. Этот факт заставляет исследователей детально изучить историю миграции болгарских рукописных книг.

Известный специалист по древнеболгарской литературе проф. Куйо М. Куйев в рецензируемой нами книге рассматривает внешнюю историю "миграцию" 25 древнеболгарских книг, указывая как в случае Манассиевой летописи и на их сохранившиеся списки. Но не довольствуясь этим, он рассматривает сохранившиеся древнеболгарские рукописи 11 рукописных собраний. Так как ранние древнерусские списки очень часто сохраняют особенности своих утерянных, погибших древнеболгарских протографов, Куйо М. Куйев описывает особенности и краткую историю 20-и древне-

русских рукописей, которые, несомненно, восходят непосредственно к древнеболгарским протографам.

Эти данные показывают, какое огромное количество научных сведений было нужно для того, чтобы автор ясно мог показать своим читателям историю древнеболгарских кодексов.

Содержание книги проф. Куйо М. Куйева состоит из Предисловия и следующих трех разделов: 1/ Странствование /миграция рукописей/, 2/ Уничтожение рукописей, 3/ Судьба важнейших древнеболгарских памятников, за которыми следуют Азбучный показатель и Резюме на немецком языке.

Свою цель автор сформулировал следующим образом: "Целта ми е да прѣставя на читателя съдбата на нашето старобългарско книжно наследство през вековете и да посоча по този начин огромните културни щети, нанесени на нашия народ в миналото" /стр. 8/. Рассматривая трагическую судьбу большинства древнеболгарских рукописей, автор справедливо отмечает: "Чудното е само едно: как при такива тежки условия, при такъв кръстоносец поход на уничтожение, при това разграбване и разпиляване все още е станал голям брой писмени паметници" /стр. 8/. Сохранение определенного богатства болгарских рукописей - по правильной оценке автора - является, в большинстве случаев, результатом тех путешественников-энтузиастов, которым в прошлом веке удалось посетить те монастыри и церкви, в которых имелись древнеболгарские рукописи. Эти путешественники иногда в очень тяжелых условиях могли брать с собой кое-что из библиотек изученных ими монастырей и церквей,

Только тот, кто прочел о древнем путешествии по Европейской Турции В.И. Григоровича, может представить себе те неблагоприятные условия, в которых хранились древнеболгарские рукописи в различных церквях, монастырях. По-видимому, каждый путешественник, увидя горькую судьбу рукописей, предвидел, что при таких условиях "хранения" скоро погибнут те рукописи, которые хранились в разных библиотеках. Это же обстоятельство навело их на мысль вывести с собой как можно больше рукопи-

сей. И действительно, в большинстве случаев почти все, что осталось невывезенным, бесследно погидло. Наука может быть только благодарна всем, кто старался спасти древнеболгарские рукописи. Так излагает автор историю древнеболгарских рукописей.

В первом разделе автором рассматривается странствование древнеболгарских рукописных книг. Основное положение автора сводится к тому, что большинство древнеболгарских книг, возникших в культурных центрах Первого болгарского царства - в Преславле и Охриде - сохранилось за пределами Болгарии главным образом в русских и сербских списках. Этот факт показывает, что миграция древнеболгарских кодексов началась почти одновременно с их возникновением. Из случаев миграции древнеболгарской письменности автор останавливается более подробно на вопросах перенесения книг из Болгарии в Киевскую Русь. Рассматривая вопрос раннего распространения болгарских рукописей в Киевской Руси, автор выделяет 4 момента, которые способствовали появлению болгарских книг на Руси. Это следующие:

1. Походы Святослава Игоревича /968, 969-971 гг./;
2. Появление болгарских эмигрантов в Киевской Руси после 972 г., когда Болгария попала под византийскую власть;
3. Контакты болгар с древнерусскими людьми после официального Крещения Руси при Владимире /988/;
4. Деятельность первого киевского митрополита Михаила, болгарина по происхождению. Он прибыл на Русь из Охрида и, по-видимому, взял с собой самые необходимые литургические книги. После краткого введения Куйо М. Куйев рассматривает и характеризует 20 таких древнерусских рукописей, о которых можно установить, что они были списаны с древнеболгарских протографов /стр. 15-27/. В этом же разделе мы можем читать о судьбе древнеболгарских книг после турецкого нашествия /стр. 28-35/, о миссии Арсения Суханова /стр. 35-41/, о возникновении интереса к болгарским рукописям в XIX в. /стр. 42-45/. После этого дается характеристика и описание 12 рукописных собраний, в

которых хранится 134 рукописи болгарского происхождения /стр. 42-97/. Оканчивается раздел рассмотрен других случаев износа рукописей /стр. 97-105/.

Во второй главе, которая посвящена разным способам уничтожения рукописей, мы можем читать о возникновении палимпсестов, которые представляют собой своеобразный случай уничтожения рукописи /стр. 108-111/. В этой части автор перечисляет 10 рукописей-палимпсестов и 4 случая, когда обрывки рукописи были изъяты из переплета рукописей. Автором рассматриваются и другие способы уничтожения книг: из-за невежества /стр. 111-115/; из-за неправильного хранения /стр. 115-122/, из-за закопки их в землю /стр. 123-126/ и из-за пожаров /стр. 126-127/. В этом же разделе автор рассматривает отношение Фанариотов к болгарским книгам в XVIII-XIX вв. /стр. 137-143/.

В третьем разделе Куйо М. Куйев дает ценную информацию о важнейших сохранившихся болгарских рукописях, причем особое внимание уделяется им изучению внешней истории "канонических древнеболгарских книг". Но этим не довольствуясь, автор знакомит своих читателей и с рукописями среднеболгарского происхождения и с Тихопратовским дамаскипом XVII в. /стр. 146-205/.

Азбучный показатель в конце книги облегчает работу читателей /стр. 206-216/. Для лиц, не владеющих болгарским языком, Резюме на немецком языке дает представление о богатом содержании книг /стр. 217-221/. Книга обильно снабжена иллюстрациями, которые состоят из фотокопий важнейших рукописей и снимков самых известных коллекционеров болгарских рукописных книг.

Рецензируемая книга возникла в качестве результата многолетних исследований автора, который начал интересоваться судьбой памятников болгарского языка и литературы еще в 1961 году. Тот, кто уже пытался составить "биографию", т.е. внешнюю историю хотя бы одной рукописи, знает, что следить за историей только одной рукописи требует у исследователя многих усилий и в то же время даже при современных технических усло-

виях сталкивается с большими трудностями. Тем труднее и сложнее написать историю важнейших болгарских рукописей. В такой работе неизбежно могут возникать значительные трудности. Однако наличие некоторых недочетов, отсутствие библиографических справок не умаляет значения рецензируемой нами книги.

В дальнейшем мы попытаемся сделать несколько замечаний, которые касаются, главным образом, первого и третьего разделов этой весьма интересной и полезной книги.

По-видимому, мы должны учитывать миграцию рукописных книг уже с древнейшего времени болгарской письменности. Эта миграция имела двоякий характер: 1/ "мирная миграция книг", которая в условиях средневековья является вполне понятной и естественной и объясняется техникой изготовления книг. Старые монастыри обыкновенно давали свои рукописи для переписывания новым, только что созданным. Очень часто образованные монахи сами "выспрашивали" рукописи из библиотеки другого монастыря для переписывания. Высокая стоимость книг, большой промежуток времени, который был необходимым для их изготовления, и особенно их содержание были причиной того, что средневековые читатели относились к рукописям с большим почитанием. Об уважении к "книжному почитанию" свидетельствует то обстоятельство, что неизвестный писец Пандентов Антиоха XI в. списал на первый лист рукописи часть Слова Ефрема Сирина о пользе и технике чтения книг.

"Мирная миграция книг" способствовала распространению книг и развитию книжного дела. Эта миграция могла охватывать очень большое расстояние и осуществлялась в разных направлениях. Так например, в монастыре Св. Екатерины на Синае переписывались древнеболгарские рукописи, которые были вынесены там из Афонских или из болгарских монастырей.

Совсем другое дело - "вынужденная миграция книг", когда книги выносились в неблагоприятных условиях. Примером такой миграции может служить вынос древнеболгарских рукописей после попадания Преслава под византийскую власть или миграция среднеболгарских книг после турецкого нашествия.

Что касается появления и распространения древнеболгарских рукописей на Руси, кроме тех моментов, которые рассматривались Куйо М. Куйевым, можно предположить и другие возможности "импорта" древнеболгарских книг. Обыкновенно исследователями предполагается, что протограф Изборника 1073 был вывезен из Преслава во время второго похода Святослава Игоревича /стр. 16/. Однако не исключена и возможность того, что протограф Изборника 1073 г. вместе с другими рукописями библиотеки царя Симеона и его сына Петра попал на Русь из Византии как дар византийского императора Василия II русскому князю Владимиру I.¹

Тот факт, что наряду с утерянным протографом Изборника 1073 г., где изображен царь Симеон, были известны и списки древнеболгарских рукописей с изображением князя Бориса-Михаила, свидетельствует о том, что на Руси были известны рукописи библиотеки болгарских владык. По-видимому, некоторые болгарские книги могли попасть на Русь и через посредство афонских монастырей. Но не исключено и посредничество и других культурных центров православия. Так, например, известно, что большая часть так называемой Бычковой псалтыри, возникшей в конце XI или в начале XII в. и теперь хранится в монастыре Св. Екатерины² на Синае. Эта древнерусская рукопись могла быть списана там с древнеболгарской рукописи по-видимому преславского типа. Все это заставляет исследователей более подробно рассмотреть вопросы того, где происходило осуществление контактов между Болгарией и древнерусскими писцами.

В Болгарии к концу XI в. выработались в основном три орфографические школы: 1/ Двуровая с буквами ѣ и њ, 2/ Одноеровая с буквой њ вместо ѣ, њ, њ, 3/ Одноеровая с буквой њ вместо ѣ, њ. Эти школы распространялись и на Русь, что указывает на то, что древнерусские писцы успели усвоить все богатство древнеболгарской письменности.

¹ М.В. Щепкина. К вопросу о просвещении Руси. Плиска-Преслав. София, 1979, стр. 202, 203.

² An Early Slavonic Psalter from Rus'. Edited Moshé Althauer with the Collaboration of Horace G. Lunt. Cambridge, Massachusetts, 1978, стр. VII-х.

Известно, что такие рукописи, как Остромирово евангелие 1056/1057 г., Изборник 1073 г. и др. были списаны - как предполагается с протографов восточноболгарского происхождения /стр. 15-16/. Однако древнерусское церковно-книжное произношение, в котором вместо ъ, ь в слабой позиции проявляется произношение гласных [о], [е], и наличие таких памятников, как Евгениевская псалтырь дают право предположить, что на Руси были употреблены и рукописи западноболгарского происхождения³. В таком случае надо ответить на вопрос, какие древнеболгарские рукописи распространялись на Руси раньше всего: преславские или западноболгарские. Имея в виду, что первый киевский митрополит Михаил прибыл из Охрида /стр. 14/, как полагает это и Куйо М. Куйев, можно высказать предположение о том, что он привез с собой охридские рукописи. Однако, как мы видели, большинство древнерусских рукописей является копией преславских протографов. Это обстоятельство заставляет предположить что: 1/ преславские рукописи появились раньше охридских, или 2/ влияние преславской школы в начале русской письменности было сильнее влияния охридских рукописей. Первое предположение является более вероятным потому, что христианство на Руси и даже в Киеве могло существовать и до официального крещения на Руси в 988 г.

Следует сказать несколько слов о списке тех древнерусских рукописей, о которых Куйо М. Куйев с полным правом предполагает, что они были списаны с древнеболгарских протографов. В этом отношении мы хотели бы указать на то, что к числу таких рукописей можно отнести еще 3 текста XI-XII вв.:

1/ Житие Кондрата из Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина /Под № Пог. 64./⁴. Оно имеет определенные сходства в право-

³ Н.Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 35, 36.

⁴ Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР, под редакцией Н.В. Шеламановой. Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, стр. 189.

писании с такими древнеболгарскими рукописями XI в., как Листки Ундольского и Эннинский апостол. Некоторые черты языка указывают на восточноболгарский протограф этого весьма интересного текста.

2/ Слово Ефрема Сирина о пользе чтения книг, которое встречается на л. 16 рукописи Воскр. № 30 в Государственном Историческом музее. Незначительное количество русизмов и некоторые черты орфографии в Слове говорят в пользу того, что оно было списано непосредственно с древнеболгарского протографа, по-видимому, патерика скитского типа.

3/ Слово Ипполита, папы римского в списке XII в.⁵, где встречается изображение князя Бориса-Михаила⁶, тоже дает право предположить, что его протографом был очень архаический древнеболгарский текст⁷.

Рассматривая библиографические данные описанных автором древнерусских рукописей, следует сделать несколько добавлений.

1/ Евгениевская псалтырь была издана в фотоконии и описана В.В. Колесовым: Евгениевская псалтырь. *Dissertationes Slavicae*. VIII. Szeged, 1972, стр. 58-69 + XL.

2/ Путятина минея не издана. Однако особенности фонетики ее языка описаны в книге В.М. Маркова, который в статье, опубликованной в журнале *Slavia*, утверждает гипотезу о том, что Путятина минея древнее, чем Остромирово евангелие: К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. Путятина минея как древнейший памятник русского письма. *Slavia*. XXXVII. 1968. Praha. Sešit 4, стр. 551.

3/ Архангельское евангелие 1092 г. было тщательно описано известным историком русского языка М.А. Соколовой: М.А. Соко-

⁵ Предварительный список..., стр. 192.

⁶ В.С. Гольшенко. К вопросу изображения князя в чудовской рукописи XII-XIII вв. Проблемы источниковедения. Вып. VII. М., 1959, стр. 391-415.

⁷ М.В. Щепкина. Ук. соч., стр. 203.

лова. К истории русского языка в XI веке. Известия по русскому языку и словесности. т. III. 1933, стр. 75-135.

Присоединяясь к автору рецензируемой книги, при рассмотрении судьбы болгарских рукописей, нам хотелось бы обратить внимание автора на то, что сохранились болгарские рукописи и в Венгрии. Из них самым древним является Будапештский глаголический фрагмент западноболгарского происхождения первой половины XII в. Он был издан профессором П. Кираем⁸. Наряду с этим памятником существуют и другие болгарские рукописи в Венгрии. Известный болгарский ученый Б. Цонев в 20-е годы обнаружил в Венгерской Национальной библиотеке им. Сечени еще 7 болгарских рукописей более позднего происхождения⁹. Среди них имеются и пергаменные и бумажные. Из пергаменных заслуживает внимания рукопись - отрывки четвероевангелия XIV в. под № Cod. Man. Slav. № 7 /Quarto/, которое в настоящее время автором этих строк готовится к изданию. Более поздней является рукопись под № Cod. Man. Slav. № 3, описанная проф. П. Кираем¹⁰.

Имеются и другие рукописи, которые не принадлежат к древнеболгарским, но несмотря на это, они очень хорошо сохранили особенности своих среднеболгарских протографов, как например, Праздничная минея XVII в. из Университетской библиотеки Университета им. Аттилы Йожефа в Сегеде.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и более скромные библиотеки могут иметь ценные болгарские рукописи, которые дополняют наши знания о болгарских кодексах.

Рассматривая 3-ий раздел книги проф. Куйо М. Куйева, мы можем только сожалеть о том, что из сохранившихся древнебол-

⁸ P. Király. Das Budapestter glagolitische Fragment. Studia Slavica. I /1953/, стр. 311-332.

⁹ Б. Цонев. Из една научна обиколка в чужбина. Юбилеен годишник на Народната библиотека в Пловдив. София, 1927, стр. 343-344.

¹⁰ П. Кирай. Болгарское четвероевангелие в Будапеште. В память на проф. Стойко Стойков. София, 1974, стр. 527-536.

гарских рукописей он не упоминает о так называемых Хиландерских листках XI в., которые попали в библиотеку им. М. Горького г. Одессы из собрания В.И. Григоровича. Подобным же образом осталось неупомянутым и знаменитое Врачанское евангелие, в котором имеется загадочная полногласная форма толочи, указывающая наряду с другими чертами на то, что в XIII в. могло проявиться и обратное явление, т.е. русское влияние на болгарскую письменность.¹¹ Все это делает понятным, что контакты между болгарами и восточными славянами были намного сложнее и многостороннее, чем мы теперь их можем представить себе.

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы можем сказать, что рецензируемая нами книга является для исследователей очень полезной и нужной. Большое количество сведений, скрупулезное исследование внешней истории болгарских рукописей, богатство библиографических данных делает книгу Куйо М. Куйева необходимой для всех, кто интересуется историей болгарского образования и языка. Нам особо следует подчеркнуть вдохновенность автора, которая влечет за собой и читателей этой весьма интересной и удачной книги.

Имре Х. Тот

¹¹ К. Мирчев. Историческа граматика на български език. София, 1963, стр. 14.

М. ГЕОРГИЕВА, М. ПОПОВА: "РУССКАЯ ФОНЕТИКА
И ИНТОНАЦИЯ". Практическое пособие для студентов-
русистов в Болгарии.

Изд. "Наука и искусство", София, 1974.

Рецензируемое пособие вышло в свет в 1974 году и несмотря на то, что со дня выхода его из печати прошло 7 лет, нам кажется, по крайней мере, полезным познакомить с ним венгерских русистов-фонетистов. Уже само название книги "Русская фонетика и интонация" несколько настораживает читателя, дает повод к некоторым размышлениям. То есть авторы интонацию рассматривают не в специальном разделе языкознания "Фонетика", а выводят ее за пределы этого раздела. Действительно, в современной специальной литературе нет общепринятого мнения о том, что является предметом изучения фонетики. Некоторые исследователи, как например, А.М. Пешковский¹, рассматривают интонацию в рамках синтаксиса, т.к., по их мнению, именно синтаксис занимается грамматическим изучением словосочетаний в предложении. Другие же ученые /К. Болла, Л.Л. Буланин, Е.А. Брызгунова, Л.Р. Зиндер/² изучают интонацию в разделе "Фонетика". Однако здесь авторы данного пособия исходили, в первую очередь, из практических соображений: с целью логического построения изучаемого материала авторы излагают его в трех разделах, причем в "Предисловии" дают и ценные указания в том, как целесообразнее использовать этот фонетический материал. Ими предлагается брать материал одновременно из трех разделов, т.е. параллельно. Это облегчает работу как преподавателю, так и студенту, поскольку нет необходимости выискивать каждый раз материал отдельно по параграфам.

Рецензируемое пособие снабжено схемой артикуляционного ап-

¹ А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 4-е. М., 1934.

² К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс современного русского языка. Будапешт, 1975.
Л.Л. Буланин. Фонетика современного русского языка. М., 1970.
Е.А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.
Л.Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1960.

парата, где имеются указания названий органов речи на русском, болгарском и латинском языках. Названия, данные на латинском языке, по нашему мнению, дают возможность избежать излишней путаницы в терминологии. Неплохо было бы и у нас, в Венгрии, использовать латинскую терминологию, так как многие латинские названия используются и в других учебных дисциплинах, например, в "Введении в языковедение", "Русистике" и др.

После схемы артикуляционного аппарата следует фонетическая транскрипция с фонетическими знаками, которые взяты из известного пособия по фонетике Е.А. Брызгуновой³ и поэтому могут использоваться и в венгерской студенческой аудитории.

Как мы ранее указали, рецензируемая книга состоит из 3-х главных разделов, а именно: I. Фонетика; II. Интонация; III. Литературные отрывки.

В I-ом разделе дается фонетический материал в той последовательности, которая предусматривает степень трудности изучаемого материала у болгарских студентов. Авторы очень удачно используют таблицы, наглядно давая правила произнесения того или иного звука или звукосочетания. Необходимо отметить, что эти таблицы содержат в себе и болгарский материал, что дает возможность для сопоставления русской и болгарской звуковой системы языка. Это -- чрезвычайно важный момент в плане методической подачи материала, так как контрастивным методом дается опора, отправная точка при изучении иностранного языка. В венгерской лингвистической литературе мы до сих пор еще не встретились с систематическим изложением фонетического материала с помощью контрастивного метода. Правда, в отдельных отечественных работах⁴ спорадически давались некоторые ссылки на фонетические явления с учетом явлений фонетики венгерского языка, и все же мы считаем, что назрела необходимость в издании такого

³ Е.А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

⁴ См. К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс современного русского языка, Будапешт, 1975.
Pete I. Mai orosz nyelv. I. Fonetika. Szeged, 1972.

учебника, который на основе типологии русского и венгерского языков /а точнее, типологии звуковой системы языков/ послужил бы хорошим подспорьем для наших студентов-русистов.

Авторы используют сравнительные схемы профилей болгарских и русских звуков. Это также дает возможность студентам сопоставить артикуляцию русского языка со своим родным.

Упражнения пособия отличаются разнообразием и степенью трудности. Перечислим некоторые из них: 1. "Прочитайте вслух следующие предложения и словосочетания"; 2. "Повторите попарно слова с р и р'"; 3. "Переведите на русский язык следующие словосочетания" /как мы видим, здесь также не исключен родной язык/; 4. "Образуйте форму твор. пад. ед. числа от следующих существительных" и т.д.

Во II-ом разделе - "Интонация" - прежде всего дается физическая характеристика интонации и понятие интонационного центра. Наряду с традиционными интонационными конструкциями /по терминологии Е.А. Брызгуновой, ИК-1, ИК-2, ИК-3 и т.д./ авторы рецензируемого пособия рассматривают также и интонацию неконечных синтагм. Например, очень логично объясняется явление неконечных синтагм, в конце которых стоит словосочетание "определение + определяемое" или словосочетание "сказуемое + дополнение или обстоятельство", или синтагмы, состоящие из причастного или деепричастного оборота. К каждой новой подтеме дается сравнительная схема мелодики болгарских и русских интонационных конструкций.

В III-ем разделе собраны отрывки из литературных произведений как русских, так и советских писателей и поэтов. На наш взгляд, этот литературный материал с успехом можно использовать не только при обучении фонетике, но и при обучении другим учебным дисциплинам, например, на занятиях по разговорной практике. Обилие русских пословиц и поговорок способствует расширению кругозора студентов, ведь эти пословицы вышли из народа, характеризуют свой народ. Разнообразие собранных литературных жанров дает возможность преподавателю в широком выборе

в зависимости от трудности фонетического материала.

В конце книги авторы дают "Словарь употребления лингвистических терминов", который облегчает работу болгарских учащихся.

Данная книга предназначена для студентов-русистов Болгарии. Однако она с успехом может быть использована и у нас, в Венгрии, так как очень грамотно и логично излагает изучаемый материал. Стоит обратить внимание наших фонетистов на использование авторами контрастивного метода лингвистической науки, что, безусловно, облегчило бы изучение фонетики и нашим студентам. Стройное, логическое построение материала дает возможность использовать многие упражнения и в лингафонном кабинете.

Ольга Сеги

КОНФЕРЕНЦИИ ПО РУСИСТИКЕ В СЕГЕДСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

1. Сегедский университет им. Аттилы Йожефа организовал конференцию по русистике первый раз 24-25 мая 1979 года, она получила название "История, литература, язык и культура средневековой России". В работе конференции принимали участие не только кафедры русского языка университетов Венгрии, но и специалисты пединституты и приглашенные гости из Болгарии. Конференцию открыл Адам Фейер, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета. Приветствуя участников и гостей, Адам Фейер подчеркивал в своем выступлении комплексность конференции, которая должна заниматься на широком и открытом фоне разными вопросами средневековой России.

По нашим наблюдениям, многообразная тематика конференции оправдала цели организаторов: доклады и сообщения продемонстрировали исторические, культурные, литературные и языковые проблемы средневековой России вплоть до XVI века. Многие выступления коснулись вопросов венгеро-русских /восточнославянских/ контактов, а некоторые затрагивали межнаучные дисциплины /например, историю языка и искусства, историю книги и пр./.

В первый день /24 мая/ в своем докладе Екатерина Дограмджиева /Болгария/ выступила с речью о "Значении древнеболгарского языка в возникновении церковнославянских языков". /Огромное значение древнеболгарского языка символизировалось и тем фактом, что организаторы конференции первым рабочим днем конференции выбрали 24 мая, день Кирилла и Мефодия!/. Этимологическими вопросами занимались Аттила Холлош /"История слова - история культуры"/ и Андраш Золтан /"К вопросу языковых контактов восточных славян и венгров в XII-XIII вв. Возникновение венгерского слова 'ételey'"/. Профессор Эндре Иглои говорил о "Задачах отечественной русистики в изучении древнерусской литературы". Очень интересен был доклад профессора будапештско-

го университета Золтана Кадара, носивший заглавие "Из символической системы рельефов Дмитриевского собора во Владимире". Истории славянских книг в Венгрии было посвящено сообщение Эстер Ойтози под заглавием "Книги базилит села Мариапоч. Данные к реконструкции монастырской библиотеки".

В первый же день после обеда три доклада затронули литературоведческие вопросы: Иштван Феринц "Восприятие времени в проповедческом жанре XI-XIII вв.", Валерий Лепяхин: "Тема двойничества в древнерусской литературе и фольклоре" и Чилла Шешетъен: "Слово ума. Два варианта произведения Даниила Заточника".

Во второй день /25 мая/ доклады и сообщения прежде всего касались исторических вопросов. Новое толкование языковых данных X_tj , X_dj предложил в своем докладе "Язык Кирилла и Мефодия и современные болгарские языковые отношения" Благой Шклифов /Болгария/. Сложным вопросам древнерусских и древневенгерских исторических контактов посвящалось сообщение Дюлы Кришто "Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов" /прочитала Марта Фонт/, а Илона Варга занималась вопросами "Городского общества и образа жизни в Москве в XV в.". Большой интерес вызвал доклад Дюлы Свака о "Пути советских исследователей средневековья", а также доклад "Русские еретики XV-XVI вв., гуманизм и реформация Средне-Восточной Европы" Михая Балажа.

Новое и очень интересное освещение дал языковым фактам в своем реферате Имре Х. Тот, говоря о "Культурно-историческом значении языковых памятников". А Марта Фонт в своем докладе выдвинула вопрос о "Некоторых особенностях развития русского государства и главных политических проблемах XII века".

После обеда второго дня доклады и сообщения были посвящены историческим проблемам развития русского языка. Вызвал большой интерес доклад заведующего кафедрой русского языка Будапештского университета им. Лоранда Этвеша Эмиля Балецкого: "Церковнославянские языки и славянские диалекты на основе карпато-украинских говоров" /Из-за отсутствия автора доклад прочитала Мария Павловски/. В своем коротком сообщении Эден Хоргоши говорил о "Значении изучения водяных знаков для палео-

графии. На материале рукописи Фол.Экл.Слав.№ 22 Государственной библиотеки им. Сечени". Последние два сообщения о частных вопросах истории русского языка: Мария Сарваш: "Морфологические изменения в зеркале изучения системы склонения одной древнерусской рукописи XII -го века" и Габор Кором: "Появление цоканья в псковских летописях XIV-XV вв."

Широкий диапазон первой конференции по русистике Сегедского университета дал яркое представление о вопросах, занимающих венгерских специалистов, а оживленная атмосфера, горячие споры и обмены результатами исследований обещают новые успехи в этой области отечественной науки. Общие беседы и дружеский ужин вечером первого дня ознакомили молодое поколение венгерских русистов с выдающимися специалистами славистики, русистики и искусствоведения. Было единогласно установлено, что конференция показала хороший пример для проведения и для решения научных вопросов комплексным методом, привлекая к работе специалистов разных близких наук.

2.1. Вторая конференция по русистике уже традиционно пала на конец мая, была организована 22-24 мая 1980 г. Сегедский университет и кафедры университета русского языка и истории пригласили еще раз всех русистов университетов и пединституты Венгрии. Тема второй конференции была широка и дала возможность принять в ней участие представителям разных филологических наук. Тематика конференции была следующая: "История, литература, язык и искусство восточных славян в XIV-XVII вв.". Время и тематика конференции связаны с актуальной годовщиной, как это подчеркнул в своем открытии конференции кандидат филологических наук Имре Х. Тот: 600 лет тому назад на Куликовом поле на Дону русские войска под руководством великого московского князя Дмитрия столкнулись с войсками Мамаю. Великая победа русских войск на Куликовом поле 8-го сентября 1380 года показала силу русского народа и помогла дальнейшим стремлениям создания мощного единого русского государства. Великий князь Дмитрий после победы получил эпитет "Донской", а описание битвы и слава

его образа отражаются в разных произведениях, в народных эпосах.

Вводный доклад первого дня прочитал профессор Йозеф Перени под заглавием "Следы венгров, оставшихся на востоке, в России до ХУ века". Он занимался в своем докладе прежде всего этническими вопросами мещеров и этимологией слова 'мещер'. Жизнь и деятельность Ивана Грозного /IV/ и сегодня вызывает большие споры и разные мнения, Дюла Свак в своем выступлении хотел /точнее сказать попытался/ дать современную марксистскую оценку Ивану Грозному и откликам о нем. Доклад Илоны Варга /прочитала Каталин Секе/ под заглавием "Города и торговля в Московском государстве" был посвящен экономическим вопросам своего времени. Очень интересен был доклад Нандора Мольнара "Данные к истории Закарпатской Украины ХVII века", автор привел много фактов о жизни народов этой территории. Очень живым был доклад бывшего профессора Сегедского университета Йозефа Эрдеди "Названия звезд в славянских языках", с большим интересом следили за его выступлением старые и новые его ученики.

Геза Вернке /доклад прочитала Мария Павловски/ попробовал установить четкие закономерности в "Возникновении праславянских конечных носовых и их отражениях в древнерусском языке". Имре Х. Тот в своем докладе "Данные к языку Задонщины" занимался морфологическими особенностями самой древней вариации рукописи /1470 г./. Аттила Холлош затрагивал вопросы исторической лексикологии, он обратил внимание слушателей на разные венгерские отношения журналов "Вести-Куранты", а Габор Хорват анализировал в своем докладе язык "Повести о Петре и Февронии". Фельдешне Мария Сарваш показала новые тенденции склонения имен существительных в докладе "О языке русских государственных документов ХVI века". Следующие выступления первого дня посвящались разным вопросам русского церковнославянского языка: Мария Павловски прочитала доклад под заглавием "Церковнославянские элементы в русском литературном языке", посвященный прежде всего стилистическим вопросам поэзии Есени-

на, а Эден Хоргоши в своем сообщении "Грамматика Мелетия Смотрицкого" говорил о деятельности великого ученого на рубеже XVI-XVII вв. Первый день конференции закончился докладом М.А. Корчица под заглавием "Из истории изучения белорусского языка".

Со стороны сегедской подкомиссии Венгерской Академии наук профессор Шаму Садецкий-Кардош приветствовал присутствующих на конференции и пожелал успешно и плодотворно провести работу, он считал конференцию по русистике большим научным событием в жизни Сегедского университета.

Первый день конференции тоже закончился общим дружеским ужином, на котором отложенная дискуссия после долгого рабочего дня возобновилась и продолжалась до ночи. Можно было затрагивать и такие вопросы, которые не вошли в рамки докладов или касались научной жизни одних университетов или институтов.

Во второй день /23 мая/ первым выступал с докладом Йожеф Кун, название его доклада - "Греческие и латинские элементы в древнерусской культуре". Кроме него еще один докладчик был из города Печ: Анатолий Киселев прочитал доклад под заглавием "Значение сказки в древних формах повествования. Слово о полку Игореве" и средневековый народный эпос". Потом Каталин Секе прочитала доклад под заглавием "Роль агиографической литературной традиции в поэтике Ремизова". Доклад Тибора Бароти "Дискуссия жизни и смерти в древнерусской литературе и эмблемы барокко в одах Державина" вызвал не только большой интерес, но в дальнейшем большой спор, сложную дискуссию. В докладе Дьердя Секе "Икона и его зритель" говорилось об иконографических типах, а в докладе Марты Надь под заглавием "Изображение времени в иконописании" с помощью диафильмов делалась попытка проанализировать философию и мировоззрение средневекового человека. Интересен был доклад Адама Фейера, заведующего кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета, его доклад "Русская культура на рубеже средних веков и нового времени" вышел из сопоставления взглядов Лазарева и Лихачева.

После обеда второго дня доклады и сообщения посвящались истории древнерусской литературы и литературоведческим вопросам. Первым выступил с докладом "Традиции литературы Киевской Руси в русской литературе XIII-XV веков" Иштван Феринц, ставя в центр внимания житие Стефана Пермского и деятельность Епифания Премудрого Марта Фонт в своем сообщении "О новейших результатах исследования русского летописания" занималась монографией А.Г. Кузьмина и методологическими вопросами исследования летописания. Доклад Андраша Золтана под заглавием "Дальнейшая жизнь 'Повести похода Стефана Баторья на Псков' в фольклоре" посвящен позднейшим очень популярным фольклорным переделкам "Повести". Мария Тетени в своем докладе "Значение традиции в развитии русской прозы XVII в." живо и интересно высказала свои мысли. Последним выступил с докладом Иштван Феньвеш, он рассказал о своих исследованиях "Об истории венгерского перевода Аввакума". Его доклад обратил внимание и на то, что в исследовании и раскрытии распространения в Венгрии древнерусской литературы еще остается много белых пятен.

После докладов последовала общая дискуссия, выступления Анны Хан и Агнеш Дуккон почти считались докладами. Особенно был горячим спор об образе мыслей средневекового человека, или о том, как продолжался /и как преобразовался/ жанр жития, как получило житие современную литературную форму /в этом отношении завязалась дискуссия и о романе Булгакова "Мастер и Маргарита"/, или на каком уровне стояло мировоззрение передового средневекового человека, какова была его философия и проч.

Дискуссию и конференцию закрыл Адам Фейер, заведующий кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета. Он выразил благодарность всем присутствовавшим за доклады и сообщения, а также всем заинтересовавшимся конференцией. Конференция по русистике означала хороший форум для молодых специалистов венгерского высшего образования. Очень приятно и значительно было, что выдающиеся специалисты Сегедского уни-

верситета профессора Шаму Садецки-Кардош и Андраш Рона-Таш посетили конференцию, выступили на дискуссии и высказали свое мнение о возможностях общих исследований отечественной русистики и алтаистики, русистики и византинологии.

2.2. Конференция продолжала свою работу в более узком кругу и 24 мая. В этот день приехали гости университета и конференции из Болгарии, в состав делегации входили профессор Донка Петнакова /Софийский университет им. Климента Охридского/, старший научный сотрудник Благой Шклифов /Исследовательский институт болгарского языка, София/ и сотрудник болгарского посольства в Будапеште товарищ Лило Тотев. На состоявшейся беседе было решено о создании лектората болгарского языка в Сегедском университете /уже существует с осени 1980 года!/, были обсуждены разные возможности общих исследований как древнеболгарского языка или памятников болгарского языка в библиотеках в Венгрии, так и вопросы исторических контактов двух народов, начиная с самых древних времен до наших дней. В разговоре высказали свое мнение все члены конференции, интересующиеся вопросами болгаристики. В конце разговора болгарская делегация передала привезенные с собой болгарские книги для создания болгарского лектората и для более успешного преподавания древнеболгарского языка.

А в следующие дни болгарские гости познакомились с городом и окрестностями Сегеда.

Эден Хоргоши

СОДЕРЖАНИЕ

Фейер, А.	Русская культура на рубеже средних веков и нового времени 3
Хармат, М.	Мотив "света" в поэзии Ломоносова и Державина 19
Бароти, Т.	Мотивы "смерти" и сочетания "двух миров" в русской романтической лирике и в маленькой трагедии Пушкина "Пир во время чумы" 33
Секе, К.	Элементы "демонизма" в романе А. Белого "Серебряный голубь" 85
Куглер, К.	Речевые средства создания комического и их эстетическая функция в рассказе В. Шукшина "Раскас" 97
Лепяхин, В.	Рационализм и эмпиризм в духовных исканиях героев Толстого и Достоевского /Левин и Раскольников/ 111
Одинцов, Г.Ф.	Имена существительные в языке народной поэзии 121
Корчиц, М.А.	Синтаксическая позиция относительного местоимения <u>который</u> в определительном придаточном предложении 133
Пете, И.	Несовпадение языковой и логической категории количества в русском и венгерском языках 147
Крекич, Й.	Итеративы, производные от временно-предельных приставочных глаголов 165
Фабриц, К.	Частица <u>ли</u> в русских вопросительных предложениях и ее венгерский эквивалент, частица <u>-e</u> 181
Марча, Ш.	Соотношение поля пространственности и поля направленности при выражении пространственных отношений 215

Харалампиев, И.	Болгарский патриарх Евфимий Тырновский /1375-1393/ и его языковая реформа 231
Колесов, В. В.	Ударение производных имен с долготными суффиксами в древнерусском и праславянском языке 247
Караулова, Ф.В.	Палеографическое описание руко- писи Златоструя XII века 283
Кочиш, М.	О форме по мѣстамъ в Нов- городском евангелии 1270 г. 295
Х. Тот, И.	Слово о пользе чтения книг Иоанна Златоуста в списке XI в. 299

Рецензии

Пете, И.	Румяна Павлова. Причинные отно- шения в современном русском языке в сопоставлении с болгар- ским языком 331
	Б. Татар. Русская лексикография 336
	Kazimierz Bajor. Konstrukcje z przyimkiem <u>o</u> 337
	Russian Language Journal, 1979 339
Х. Тот, И.	Ангелина Минчева. Старо- български кирилски откъслечи 341
Крекич, Й.	Категория вида и ее функциональ- ные связи 349
Х. Тот, И.	Куйо М. Куйѐв. Съдбата на старобългарските ръкописи презъвековете 353
Сеги, О.	М. Георгиева, М. Попова. Русская фонетика и интонация 363

Хроника

Хоргоши, Э.	Конференции по русистике в Сегедском университете 367
-------------	--	-----------

Fk: Dr. H. Tóth Imre

Készült a JATE Sokszorosító Uzemében, Szeged

Engedélyszám: 465/81.

Méret: B/5.

Példányszám: 350

Fv: Lengyel Gábor